

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

III

2019

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2019

DOI: 10.31143/2542-212X-2019-3

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А.,
Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф.,
Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф.,
Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х.,
Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Мусукаева А.Х.,
Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А.,
Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т.,
Тхагапсоев Х.Г., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A.,
Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F.,
Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F.,
Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh.,
Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A.,
Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Musukaeva A.Kh.,
Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Uznarodov D.I.,
Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ****Общие проблемы****Боров А.Х.**Методологические проблемы региональной истории: предварительные заметки **12-37****Археология и древняя история****Осташинский С.М.**Материалы раскопок 2008 г. на поселении Мешоко **38-61****Саблин М.В.**Фауна поселения Мешоко (раскопки 2008 г.) **62-66****Гипотезы, дискуссионные проблемы****Бгажноков Б.Х.**Древние корни и семантическое поле этнонима kas/kaš **67-76****Средневековая и новая история****Абазов А.Х.**Взаимодействие учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг. **77-95****Муратова Е.Г., Хаширов А.В.**Георгий Арсеньевич Емануель и народы Центрального Кавказа (1826-1831) **96-114****Прасолов Д.Н.**Вопросы реорганизации судопроизводства в повестке дня съездов доверенных кабардинцев и балкарцев в последней трети XIX – начале XX в. **115-128****Новейшая история****Мамсиров Х.Б.**Новые документы о деятельности Н.А. Катханова в ВСНХ СССР **129-162**

Тетуев А.И.Восстановление народного хозяйства Кабардино-Балкарии в условиях военного времени: опыт и проблемы **163-179****Табаксоев И.А.**Становление балкарского национального движения (1985-1991) **180-206****Этнография, этнология, антропология****Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Коновалов А.А., Гугова М.Х.**Повседневное существование черкесов в условиях военного конфликта: этнография смерти **207-221*****ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА*****Узнародов Д.И.**Черкесский вопрос на Юге России: этнополитические итоги и перспективы **222-239*****ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА*****Гутов А.М.**Эволюция архетипической структуры в адыгском историко-героическом эпосе **240-249****Болатова (Атабиева) А.Д.**Семантика архаической образности в северокавказской литературе **250-262****Кажарова И.А.**Бетал Мачраилович Пшуноков. Материалы к творческой биографии **263-273**

Наши авторы**274-275**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY**General problems****Borov A.Kh.**Methodological Issues of Regional History: Preliminary Notes **12-37****Archaeology and ancient history****Ostashinsky S.M.**Excavation Materials of 2008 at the Settlement Meshoko **38-61****Sablin M.V.**Fauna of the Meshoko Settlement (2008 Excavations) **62-66*****Hypotheses, debatable issues*****Bgazhnokov B.Kh.**Ancients Roots and Semantics Field of Ethnonym Kas/Kaş **67-76****Medieval and modern history****Abazov A.H.**The Interaction of the Local Judicial and Administrative Control Institutions in the Central Caucasus in 1793-1822 **77-95****Muratova E.G., Khashirov A.V.**George Arsenievich Emanuel and the Peoples of the Central Caucasus (1826-1831) **96-114****Prasolov D.N.**Issues of Reorganization of Judicial Proceedings on the Agenda of Congresses of Entrusted Kabardians and Balkars in the Last Third of the XIX – Early XX Century **115-128****Contemporary history****Mamsirov H.B.**New Documents on the Activities of N.A. Kathanov in the Supreme Board of the National Economy of the USSR **129-162****Tetuev A.I.**Restoration of the Kabardino-Balkaria Economy Under the Conditions of **163-179**

War Time: Experience and Problems

Tabaksoev I.A.

The Making of the Balkar National Movement (1985-1991) **180-206**

Ethnography, Ethnology, Anthropology

Tekueva M.A., Nalchikova E.A., Konovalov A.A., Gugova M.Kh.

Daily Lives of Circassians in Conflict-Affected Situations: Ethnography of Death **207-221**

POLITICAL REGIONALISTICS AND ETHNOPOLITICS

Uznarodov D.I.

Circassian Issue in the South of Russia: Ethnopolitical Outcomes and Prospects **222-239**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Gutov A.M.

The Evolution of Archetypal Structure In Adyghe Historical-Heroic Epic **240-249**

Bolatova (Atabieva) A.D.

Semantics of Archaic Imagery in North Caucasian Literature **250-262**

Kazharova I.A.

Betal Machrailovich Pshunokov. Materials for Creative Biography **263-273**

Our authors

274-275

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ**

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-12-37

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается несколько вопросов, имеющих отношение к проблемам построения обобщающих трудов по истории Северного Кавказа. Первое. Возможно и необходимо решать концептуальные проблемы исторического кавказоведения исходя из конкретной познавательной задачи и вида работы, а не только из содержательных характеристик различных теоретико-методологических подходов и специфики предмета изучения. Второе. Центральной методологической проблемой обобщающих историй (региона в целом либо отдельных народов и республик) является проблема исторического синтеза. Третье. Исторический синтез, реализуемый в обобщающем национально-региональном нарративе, имеет специфическую природу и условно определяется в данной статье как «субъектный синтез». Четвертое. Одной из предпосылок достижения научной объективности обобщающих историй является рациональная саморефлексия социокультурных и политических субъектов регионального исторического процесса на его современном этапе, которая реализуется в теоретико-методологическом поиске научного сообщества. Научная значимость решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что оно необходимо для формирования синтезной концепции истории России, в которой ее развитие как государства, общества и цивилизации будет представлено в единстве и взаимной обусловленности; истории народов России будут представлены как дополнительные относительно друг друга и относительно национальной российской истории; будут предложены убедительные основания для исторической идентичности и диалога социокультурных субъектов «текущей российской истории», для их ориентации в современной мировой реальности, для осознанного выбора ими общего будущего.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; история; общие интерпретации; методология; синтез; нарратив; национальные истории.

METHODOLOGICAL ISSUES OF REGIONAL HISTORY: PRELIMINARY NOTES

A.Kh. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. The article discusses several issues related to the problems of constructing generalized works on the history of the North Caucasus. The first. It is possible and necessary to solve the conceptual problems of historical Caucasian studies based on a specific cognitive task and type of work, and not only on the substantial characteristics of various theoretical and methodological approaches and the specifics of the subject of study. The second. The central methodological problem of generalizing histories (of the region as a whole or of individual peoples and republics) is the problem of historical synthesis. The third. Historical synthesis, implemented in a generalizing national-regional narrative, has a specific nature and is conditionally defined in this article as “subjective synthesis”. Fourth. One of the prerequisites for achieving the scientific objectivity of generalizing stories is the rational self-reflection of the sociocultural and political actors of the regional historical process at its present stage, which is realized in the theoretical and methodological search of the scientific community. The scientific significance of the solution of this problem is due to the fact that it is necessary for the formation of a synthetic concept of the history of Russia, in which its development as a state, society and civilization will be presented in unity and mutual conditionality; the histories of the peoples of Russia will be presented as complementary in respect to each other and in respect to national Russian history; and convincing grounds will be offered for historical identity and dialogue of the socio-cultural subjects of “current Russian history”, for their orientation in modern world realities, for their conscious choice of a common future.

Keywords: Russia; North Caucasus; history; general interpretations; methodology; synthesis; narrative; national histories.

Релевантность методологического анализа

В ходе дискуссий конца XIX в. вокруг «Германской истории» К. Лампрехта, который признавал частные недостатки своей работы, но настаивал на научной обоснованности предложенного им метода, немецкий консервативный историк Г. Белов язвительно заметил: «О методе пишет тот, кто ничего не понимает в предмете» [Патрушев 1992: 91]. И действительно, методологические штудии могут вызывать вполне оправданный скептицизм у профессиональных историков, занятых источником-ориентированными исследованиями конкретных исторических сюжетов. Но есть по меньшей мере два случая, когда знание методологическое и знание предметное совмещаются, образуя неразрывное единство. Первый случай имеет место, когда предметом анализа становится само историческое познание: метод оказывается частью предмета, а «рассуждение о методе» – формой осмысления предмета. Так что, обзорное либо специальное и отчасти самодовлеющее рассмотрение теоретико-

методологических проблем вполне оправдано с точки зрения общих задач развития исторической науки и профессионального самосовершенствования историка. Однако есть второй случай, когда анализ условий эффективного участия «знания методологического» в формировании «знания предметного» становится необходимым. Он связан со спецификацией методологического инструментария применительно не только к объекту и предмету познания, но и к характеру и особенностям – к «жанру» – той или иной исторической работы. В частности, специального методологического анализа требуют проблемы построения обобщающих трудов по истории тех или иных культурно-исторических общностей – народов, государств, социальных групп и т.д., рассматриваемых в качестве отдельных единиц или субъектов исторического процесса. Здесь действительно необходимо предварительное определение концептуальных рамок и принципов интерпретации, организации и представления обширного исторического материала.

Сама идея общей интерпретации в качестве своей предпосылки имеет концепт определенного «исторического индивидуума», говоря языком классического немецкого историзма. Такой концепт не может быть обоснован непосредственно фактическим материалом и не должен сводиться к чьей-либо субъективной «интуиции целого». Без теоретической и методологической обработки эмпирических и мировоззренческих составляющих предмета общей интерпретации его целостное и одновременно структурированное представление было бы невозможно.

Общая интерпретация опирается на согласованный свод научных результатов, полученных многими специалистами, и сама, как правило, носит коллективный характер. Иными словами, она может рассматриваться как воплощение парадигмы, по поводу которой в данном научном сообществе уже сложился или еще должен быть достигнут определенный консенсус. Следовательно, без анализа «оснований» здесь не обойтись.

Применительно к общим историческим интерпретациям особым образом стоит проблема объективности при отборе, представлении и оценке значения исторических фактов, явлений и процессов. Сугубо профессиональные критерии объективности, будучи абсолютно необходимыми, в этом случае могут оказаться недостаточными, хотя бы потому, что некоторые элементы общеисторических интерпретаций несводимы к источниковым данным.

Применительно к общим историческим интерпретациям под вопросом оказываются классические принципы историзма – учет дистанции между настоящим и прошлым и рассмотрение каждого явления в контексте его собственного времени. Поскольку изложение доводится «наших дней» дистанция между прошлым и настоящим оказывается стертой внутри единого повествования. Разумеется, каждый отдельный эпизод, событие, явление должны быть помещены в контекст их собственного времени. Но что может быть контекстом для «всей истории» данного исторического субъекта (народа, страны, региона)? Только более широкая или даже «глобальная» историческая концепция, которой руководствуются авторы обобщающего труда. Она, в свою очередь, может быть помещена только в контекст мировидения, интересов,

господствующей научной парадигмы их собственной эпохи. На (ре)конструируемой траектории развития данного исторического субъекта возникает особая точка притяжения, некий супер-аттрактор, задающий направленность историческому процессу. Таким супер-аттрактором выступает эпоха, к которой принадлежат авторы. И это обстоятельство должно учитываться при обсуждении методологических проблем общих исторических интерпретаций.

«Методология обсуждения методологии»

Весьма полезные процедурные рамки или алгоритм обсуждения соответствующих вопросов представляют идеи выдающегося современного методолога Йорна Рюзена, в частности, предложенная им «дисциплинарная матрица» исторической науки и анализ механизмов порождения исторического смысла в интерпретации и нарративе.

В отличие от дисциплинарной матрицы естественных наук, познавательная структура истории включает и некоторые некогнитивные элементы и функции. Исходный пункт движения к исторической интерпретации находится в сфере жизненной практики. Его составляют познавательные интересы, порождаемые потребностями выбора ориентации в меняющихся условиях современного мира. Цели и стремления людей, социальных и национальных групп и целых обществ выходят за рамки текущей ситуации, а их последствия не совпадают с первоначальными намерениями. Имея сложившиеся представления о своем месте в культурно-историческом процессе (историческую идентичность) они сталкиваются с кризисом – с непредвиденными изменениями условий и, соответственно, потребностей своей жизнедеятельности. Из этого вырастает познавательный интерес к поиску новой ориентации во временном изменении современного мира.

Но одновременно история функционирует как академическая дисциплина со своей собственной «логикой», которая характеризуется, главным образом, методической рациональностью в трактовке эмпирических свидетельств прошлого. Таким образом, между потребностями жизненной практики и научным исследованием имеется не только очевидная связь, но и достаточно жесткая грань. Оно не просто удовлетворяет потребность социальных субъектов в самоидентификации и ориентации, но производит и некий «теоретический излишек», который выходит за пределы частного практического интереса и составляет определенное рациональное достижение, приобретающее непреходящее значение. Форма представления полученного исторического знания должна обеспечивать возможность его критической проверки со стороны профессионального сообщества. Но главное заключается в том, что оформленный результат исследования как бы возвращается в сферу жизненной практики и выполняет функцию культурной ориентации и поддержания исторической идентичности данного социального субъекта [Рюзен 2001]. История – это ответ на кризис, который должен быть преодолен интерпретацией [Рюзен 2005: 40].

Кризис, который должен быть преодолен интерпретацией

Кратко представленный выше круг идей Й. Рюзена позволяет поставить вопросы, ответы на которые создают основу для более детального методологического анализа: О каком непредвиденном изменении, требующем перестройки исторического сознания может идти речь применительно к современной истории Северного Кавказа?

Современный Северный Кавказ представляет собой сложное этническое, социальное, политическое сообщество. «Непредвиденное изменение» условий собственного существования, с которым оно столкнулось на исходе XX века – это все то, что связано с концом биполярного мира, распадом СССР, трудным процессом становления современного Российского государства, процессами демократизации и глобализации.

Общественные трансформации разворачивались в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Вышеизложенное объясняет, почему ситуацию конца XX на Северном Кавказе иногда характеризуют как «системный кризис». Но с точки зрения его пространственной локализации этот кризис и по своему генезису и по качествам системности не ограничен территорией Северного Кавказа. Он находится в плоскости отношений государства (центра) и «северокавказского общества» (периферии). Фундаментальное значение с точки зрения предмета настоящей статьи имели два аспекта в кризисе этих отношений.

Структурный кризис – нарушение социально-политического континуума по линии «федеральный центр – регионы Северного Кавказа». В период доминирования идеологии «безумного либерализма» федеральный центр воспринимал Северный Кавказ как внешнюю помеху для реализации западного проекта либеральной модернизации и как провинцию, которую необходимо «усмирить» и умиротворить. С другой стороны, в структурах идентичности местного населения произошло резкое повышение значимости этно-конфессиональных измерений, при ослаблении российской гражданской идентичности и утрате элементов подданнической психологии.

Ценностный кризис – кризис легитимации власти в обществе. Легитимация имперского государства в общественном сознании народов Северного Кавказа была достигнута на базе обеспечения им устойчивого административного и правового порядка в регионе без коренной ломки традиционных этнокультурных систем. Легитимация советского государства строилась на основе социально-экономического динамизма и расширения культурных горизонтов для местных обществ. Оба эти основания были

серьезно подорваны в процессе рождения современной российской государственности. Кризис легитимации Российского государства вызвал здесь не только настроения пассивного отчуждения от него, но возродил альтернативные формы самоидентификации – этнический национализм и исламский фундаментализм.

Если рассматривать многообразные явления современного состояния Северного Кавказа в широком контексте исторического времени, как этап его собственного развития, то можно с уверенностью констатировать, что конец XX – начало XXI в. образует кризисный период в процессе его модернизации. Региональный кризис конца XX в. есть кризис модернизации, но он вызван не культурным протестом традиционалистских социальных слоев и групп против осуществляемых государством модернизационных преобразований, а реакцией переходного общества незавершенной социально-культурной модернизации на условия резкого срыва процесса и крушения уже «освоенных» этим обществом политико-экономических форм модернизации.

И это ставит вопрос об обратимости и необратимости в результатах регионального социально-исторического развития. Он приобрел для народов Северного Кавказа особое значение в связи с интенсивными процессами культурно-языковой ассимиляции во второй половине XX в. и эрозией ценностного ядра традиционной культуры, отнесение к которой составляет основу их национальной идентичности. Возрождение и сохранение этнической культуры стало восприниматься как насущная задача, как непереносимое условие выживания самого народа.

Необходимость ориентации в этих новых условиях воплощается в современных национальных и общественных запросах и потребностях, определяющих историческую перспективу для народов Северного Кавказа. Фундаментальными по своему значению можно признать следующие из них:

а) потребность в ясном и определенном сознании своей исторической идентичности, т.е. в получении убедительного ответа на вопросы «Кто мы?» «Откуда мы?» «Куда мы идем?»;

б) потребность осознавать себя в качестве субъекта исторического действия, определяющего свою судьбу, а не в качестве «этнографического материала» или объекта исторического творчества каких-либо внешних сил;

в) потребность в сохранении живой связи с национальной культурной традицией, в обеспечении устойчивого воспроизводства этнокультурных основ своего национального существования;

г) потребность в активном освоении экономических, научно-технических, культурных и политических форм жизнедеятельности современного (модернизированного) общества, в открытости и взаимодействии с окружающим миром.

Может ли академическая историография давать прямые и непосредственные ответы на подобного рода общественные запросы?

Ответ академической историографии

Если историк и научная дисциплина, которой он занимается, сохраняют свой профессиональный академический статус, то их ответ на любые общественные потребности и запросы должен быть опосредован *исследованием* соответствующих проблем. Это значит, что ответ, который академическая дисциплина (в нашем случае – кавказоведение) дает на порожденную кризисом потребность найти ориентацию в меняющихся условиях современности должен определяться не только и не столько национальной и гражданской самоидентификацией членов научного сообщества, сколько профессиональными стандартами научного исторического исследования.

Стандарты эмпирического исследования предполагают экспликацию приемов и методов работы историка с источниками, позволяющую судить о качестве источниковедческого анализа и корректности интерпретации автором сообщений источника. Здесь попутно можно заметить, что в подавляющем большинстве современных исторических публикаций работа по исследованию источников, проделанная автором, совершенно не видна. Обзорные характеристики «источниковой базы» дают не больше, чем указание на архивохранилища и фонды, к которым обращался автор, а в лучшем случае – классификацию источников по их видам. Но это только предварительный этап выявления документов («эвристика», как сказали бы Ланглуа и Сеньобос) и «перескакивать» от него сразу к «окончательному построению», бегло цитируя безымянные документы с отсылками к безымянным архивным фондам и делам, представляется некорректным.

Но для целей настоящей статьи важнее концептуальный аспект профессиональных стандартов научной историографии. Результат любого более или менее масштабного исследования неизбежно опосредован перспективой, теориями, категориями, которыми руководствуются профессиональные историки в своем общем понимании прошлого. Методологическая рефлексия, экспликация концептуальных установок и теоретических рамок интерпретации смысла и значения изучаемого явления, аспекта или процесса – признак академического характера исторического труда.

Й. Рюзен подчеркивает, что общие интерпретации истории строятся вокруг тех или иных концептов значимости (обозначения) и перспективы временного изменения, в рамках которых прошлое приобретает свой особый облик как «история» [Рюзен 2001: 13]. Их функция состоит в экспликации представлений о базовых характеристиках изучаемого предмета: об общей направленности исторического процесса и о единстве (самотождественности) его субъекта. Научная историография не удовлетворяется интуитивными и произвольными идеями на этот счет, а опирается на социологические категории, социально-исторические теории, в явном виде демонстрирующие свои эмпирические и логические основания, поддающиеся рациональному обсуждению и проверке посредством рациональных процедур.

То, что обыденное сознание и политический интерес воспринимают как непосредственную данность, наука превращает в предмет рефлексии, обоснованного выбора и концептуализации. Иными словами, научный подход проблематизирует все аспекты отношения к исторической реальности – и сам источник познавательного интереса (актуальную общественную потребность в ориентации во временном изменении современного мира), и основную единицу исторического анализа, и собственно интерпретацию исторической траектории рассматриваемого объекта или субъекта.

Синтез как центральная проблема общих исторических интерпретаций

Решение последней из указанных проблем опосредовано всей исследовательской работой, формирующей социальный запас достоверных знаний о прошлом данной общности, но непосредственно оно реализуется в обобщающем историческом нарративе. Риторически заостряя вопрос о жанровой специфике обобщающего исторического нарратива можно было бы ввести различие между двумя типами познавательного интереса к прошлому – «историческим познанием», с одной стороны, и «познанием истории», с другой. В первом случае подразумевается стремление к обретению первичного или нового знания о любом конкретном фрагменте прошлой социальной реальности, что возможно только на основе обращения к первоисточникам. Условия, принципы, методы реализации исследовательского процесса, нацеленного на обретение нового и максимально достоверного знания, и являются предметом методологии истории в узком и конкретном смысле [Мининков 2004: 93]. Во втором случае, речь идет о потребности в систематизации, упорядочении и интерпретации совокупности уже накопленных исторических знаний о том или ином объекте познавательного интереса, в пределе – о совокупном прошлом всего человечества. Здесь в силу вступают категории методологии в широком смысле этого слова, обнимающей «аналитические концепции исторического процесса, способы познания причинных и структурных связей, теоретический анализ прошлых обществ и процессов перехода от одного типа общества к другому, модели, объясняющие динамику и статику истории» [Савельева, Полетаев 1997: 61].

Но и в пределах методологии в указанном ее понимании требуется дальнейшая конкретизация аспектов и задач теоретического анализа. Представляется, что в нашем случае он должен быть направлен преимущественно на поиск путей и форм воплощения исторического синтеза. Приведенное выше описание познавательных процедур в определении методологии в широком смысле слова показывает, что их логическая функция является скорее синтетической, а не аналитической. Дополнительная аргументация здесь вряд ли нужна.

Разумеется, проблема исторического синтеза принадлежит к числу давних, а может быть и «вечных» проблем научного познания. Классическим, идущим из XIX в. от Л. Ранке принципом обобщающего исторического построения, является повествовательный синтез генеральных тенденций,

структур и отдельных событий. В знаменитом руководстве по методике и методологии исторического исследования Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса оно рисовалось как состоящее из двух видов познавательных процессов – аналитических и синтетических. Именно синтетический процесс, сопровождая все этапы исследования, «приводит к окончательным выводам и венчает историческое построение с научной точки зрения» [Ланглуа, Сеньобос 2004: 210-211].

По Ланглуа и Сеньобосу его цель сводится к максимально полной реконструкции определенного фрагмента прошлой реальности и не предполагает решения каких либо теоретических задач. Но к этому времени делались уже попытки исторического синтеза иного рода, построенные на приложении к историческому материалу теоретических схем, направленных на его глобальное объяснение. Здесь достаточно указать на марксистскую теорию исторического процесса или на идею «культурно-исторического синтеза» К. Лампрехта. Обе эти теории были предметом оживленных и острых дискуссий в обществоведческой и исторической мысли рубежа XIX-XX вв.

В XX в. ориентация на исторический синтез оказалась связана с попытками представить исторический процесс в его непосредственной целостности. На историософском уровне они выразились в постулировании того, что человеческая история структурирована определенными культурно-историческими «монадами» – цивилизациями. В построениях О. Шпенглера и А. Тойнби цивилизации предстают в качестве сложных и эволюционирующих, но, тем не менее, целостных, локализованных в пространстве и времени единиц всемирно-исторического процесса.

В рамках академической историографии основной вектор в поисках исторического синтеза был задан идеей «тотальной истории», высказанной основоположниками школы «Анналов». Внутренним богатством этой идеи обусловлено то обстоятельство, что в дальнейшем она реализовалась в различных исследовательских программах, предложивших либо социологическую (социоисторическую), либо социокультурную, либо антропологическую ее интерпретацию. Поиски исторического синтеза реализовались, соответственно: в первом случае – через вычленение социальных целостностей, задающих объективные структурные условия человеческой деятельности; во втором – через идентификацию и «прочтение» символических систем, культур, обеспечивающих ориентацию и придающих смысл социальным действиям; в третьем – через проникновение в субъективный опыт человека, «переживающего» исторические сдвиги своего времени.

С 1960-х годов ведущая роль в разработке различных вариантов исторического синтеза принадлежала «новой социальной истории». Однако с 1970-е гг. развиваются два процесса, существенно повлиявшие на подходы к решению проблем исторического синтеза. Во-первых, – бурное расширение предметно-тематических интересов, внутренняя специализация и тенденция к фрагментации предметного поля социальной истории. Во-вторых, – начавшаяся

ломка общекультурной парадигмы модернизма и переход к постмодернистской культуре.

С одной стороны, виднейшие представители современной исторической науки продолжили поиск путей к историческому синтезу и предложили ряд плодотворных концепций. В середине 1980-х гг. один из лидеров новой социальной истории П. Стирнз подвел итоги и наметил перспективы развития этой субдисциплины. Указывая на то, что расширение тематического охвата исследований не может быть безграничным, он призвал повернуться к более зрелому рассмотрению уже сложившейся проблематики. Помимо прочего, это подразумевало стремление к обогащенному синтезу. В качестве возможных путей к этому он указывал на исследование многообразных процессов применительно к ограниченным в пространстве и времени единицам в духе тотальной истории; на необходимость осуществления сравнительных исследований; а также отслеживание трансформации определенного феномена, либо небольшого числа тесно связанных феноменов на протяжении длительных временных отрезков [Stearns 1985: 323, 326, 330, 332]. Проблемы исторического синтеза на фоне дуализма микро- и макроистории рассматривали Ч. Тилли, К. Райтсон, Ч. Фитьян-Адамс [Репина 1998: 45, 66-72]. Вместе с тем, по глубокому наблюдению Л.П. Репиной, в разнообразных программах исторического синтеза 1970-80-х гг. предполагалось, что целостная, тотальная история должна присутствовать не в самих конкретных исследованиях, а как бы «на горизонте» как сверхзадача, как их совокупная генеральная программа [Репина 1994: 15].

С другой стороны, под воздействием структурализма и постмодернизма в рамках академической историографии складывается оппозиция исторической культуре модернизма, которая выражалась, в частности, в утверждении множественности истолкования культурного текста, его постижения средствами индивидуального субъективного восприятия, в реабилитации интуитивизма и идиографизма, в обращении к детали, в переходе от системных теорий к признанию множественности языков описания [Зверева 1994: 40]. Последствия этих процессов для профессиональной самоидентификации современных российских историков и для судеб идеи исторического синтеза нашли выражение в опубликованном сравнительно недавно ярком манифесте с призывом к методологической переориентации исторической науки [Володихин 2002].

Автор этого манифеста Д.М. Володихин считает все более беспредметными взгляды историков, ратующих за синтез разнообразных подходов, за постепенное движение в сторону «тотальной истории», объединяющей нарратив и аналитические практики, сводящей вместе отдельные факты и структурные изменения в обществе. Им следовало бы задуматься, зачем и для кого нужны такие труды? Кто и с какой целью станет их читать? Стержневую причину общего кризиса исторической науки в XX в. он видит в том, что модернизация европейских социумов в новое время разрушила Традицию и заменили веру в волю Божию как основной двигатель исторических процессов на веру в некие универсальные законы общественного

развития, которые так и остались непознанными. Но он все-таки допускает возможность нового обретения синтеза, связывая ее с отказом от иллюзий Нового времени и возвращением к духовным сверхценностям, которые доминировали над социумом в традиционном обществе. При этом природа самой сверхценности может определяться как непознаваемая (во всяком случае, научными методами) [Володихин 2002].

Здесь проявляется существенный изъян в построениях Д.М. Володихина. Они предполагают выведение из сферы рационального анализа, критики и обсуждения основополагающих и ориентирующих элементов исторического исследования – «сверхценностей». Второй существенный изъян связан с принятым им допущением, что на смену процессам глобальной модернизации приходит «глобальная архаизация», а возврат к традиции может быть реализован через индивидуальный выбор того или иного историка. В глобальном историческом процессе вряд ли можно усмотреть подобную цикличность. Для многих частей современного мира, включая и Северный Кавказ, речь идет не об исчерпанности модерна, а о его фрагментарности и незавершенности. В этих условиях предписывать историку ориентацию только на ценности традиции означало бы такое сужение интеллектуальных горизонтов, которое не может быть преодолено соблюдением методических и технических стандартов анализа источников.

Исторический нарратив и «субъектный синтез»

Что касается поставленного Д.М. Володихиным вопроса кому и зачем нужен исторический синтез, то ответ мог бы звучать таким образом, что любые социальные и культурные (национальные) общности, нуждающиеся в установлении или поддержании идентичности, являются потенциальной аудиторией «синтезных», обобщающих историй, связывающих воедино их прошлое и настоящее. Действительно важный для историка вопрос заключается в том, есть ли возможность рационально обосновать выбор той или иной позиции в этой системе координат, не сводя его к акту сознательного воления, отнесенного только к некоей иррациональной сверхценности?

Очевидно, что это сложная многоаспектная проблема. Скажем, применительно к Северному Кавказу речь идет о необходимости дать единую интерпретацию тенденций развития, выражающих социокультурную целостность, самобытность субъектов регионального исторического процесса и их открытость воздействию многообразных все более интенсивных внешних влияний; проследить масштабность и разнообразие форм социально-культурной динамики в широчайших временных рамках и соотнести их с единым преемственным субъектом исторических трансформаций; отразить взаимосвязь и содержательную общность явлений и процессов, конституирующих Северный Кавказ в качестве определенной историко-культурной области и их внутреннее многообразие, применительно к субрегиональным социально-историческим организациям. Причем в данном случае целостная история должна присутствовать не «на горизонте», как

сверхзадача, а непосредственно в структуре и тексте обобщающего труда. О трудностях решения подобной задачи писал ведущий представитель школы «новой локальной истории» Ч. Фитьян-Адамс: тот, кто пытается согласовать результаты изучения историй множества локальных обществ с национальной английской историей и результатов исследования отдельных периодов с целостным представлением развития «с доисторических времен до наших дней», сталкивается с проблемой синтеза в пугающих масштабах. Решение ее предполагает высокий уровень обобщений [Phythian-Adams 1994: 22].

Вместе с тем, приведенный выше обзор поисков пути к историческому синтезу позволяет типологизировать их в соответствии с основной познавательной установкой. Первый тип, направленный на общую интерпретацию форм и модальностей социальных изменений, как правило, опирается на ту или иную макросоциологическую теорию, раскрывающую механизмы социальной эволюции. Его можно обозначить как «объяснительный» синтез. Второй тип направлен на идентификацию устойчивых систем, на схватывание непосредственной целостности социально-культурных и социально-территориальных образований, рассматриваемых в качестве основных единиц исторического процесса. Это – своего рода «объектный» синтез. Наконец, синтез, реализуемый в нарративе, прослеживающем историческую жизнь, путь, становление определенного исторического субъекта, чаще всего – нации или государства, можно обозначить как «субъектный» синтез.

На материале северокавказской истории могут быть предприняты попытки реализации каждого из вариантов синтеза, но с точки зрения современного состояния массового, прежде всего, «интеллигентского» сознания на Северном Кавказе наиболее настоятельный запрос предъявляется на работы, подтверждающие историческую идентичность отдельных национальных групп, рисующие образ «своего» народа и «собственной», автономной от имперской, истории [Гатагова 2003: 256].

Первые результаты продвижения региональной историографии в этом направлении получили в литературе негативную оценку. Характеризуя общие тенденции развития историографии на постсоветском пространстве, К. Аймермахер и Г. Бордюгов, констатировали: «Для нынешнего «переписывания» историй характерны даже среди историков тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей» [Аймермахер, Бордюгов 2003: 14]. Практически все эти тенденции фиксируются наблюдателями и на материале северокавказской историографии, для которой новым испытанием стала «ловушка» этноцентризма [Шнирельман 2000; Гатагова 2003: 269].

Почти через десять лет после первой публикации процитированной выше работы В.В. Дегоев вновь поставил вопрос о соответствии российского кавказоведения требованиям времени с точки зрения и теоретической, и практической. Отвечая на него, он указывал, что прошлое народов Кавказа

превращено в мозаику воюющих между собой национальных историй, наполненных мифами о великом культурном и территориальном наследии, на которое якобы посягают соседи. При этом стремительно сокращается разница между профессионалами и любителями – и те и другие работают на конъюнктурный спрос, целенаправленно выполняя политические заказы и преднамеренно эксплуатируя опасные социальные настроения [Дегоев 2007: 18-23].

Значит ли это, что проблематика «национальных историй» на Северном Кавказе целиком лежит в социально-политической плоскости и лишена научного содержания? Представляется, что дело обстоит сложнее.

Национальная история: предмет или подход?

Сложность вопроса о «частных» национальных историях народов современной России можно проиллюстрировать материалами небольшой дискуссии 2012 года на страницах журнала «Научная мысль Кавказа».

В статье Б.В. Виноградова, О.В. Клочкова и В.Е. Федорина само введение в региональный научно-исторический дискурс понятий «национальная историография» и «национальные историки» расценивалось как негативное явление и с точки зрения практики историописания, и с точки зрения социально-политических последствий. Принадлежность к «действительно российской» исторической науке, настаивали они, предполагает исследование отечественной истории «без явных или маскируемых этнических пристрастий». «Национальное» же историописание склонно видеть «свои» народы однозначно «максимально древними», сугубо героическими, всегда и во всем правыми. «Национальные» историки рассматривают прошлое «своих» народов в качестве некой этнической собственности, призванной удовлетворять современные национально-политические амбиции, способствовать националистическому по сути самолюбанию [Виноградов и др. 2012: 73-74]. Невозможно отрицать, что указываемые авторами изъяны присутствуют в тех или иных работах историков Северного Кавказа. Но складывается впечатление, что для авторов статьи в принципе не существует национальной истории народов региона как предмета и проблемы науки. Существует только «национально-зацикленная наука», практикуемая этнически ангажированными историками.

Развернутый ответ на эти суждения дала Э.А. Шеуджен, ведущий методолог современной северокавказской историографии. Она обратила внимание, что становление национальных исторических школ рассматривается в истории исторической науки как позитивное явление и что в настоящее время используют понятия «национальная историография», «национальные историки», имея ввиду не столько этническое происхождение, сколько круг научных интересов. Иными словами, национальные истории народов Северного Кавказа существуют потому, что существует их предмет. Он входит в круг интересов исторического познания с античных времен, а в XIX в. трудами российских ученых формируется научное кавказоведение. И

сообщество современных северокавказских историков связывает не только национальная принадлежность, а прежде всего, профессиональные устремления к познанию истории вообще, российской истории и истории «своих народов» [Шеуджен 2012: 91]. В этой части возражения Э.А. Шеуджен вполне справедливы и убедительны. Но со своей стороны, она как бы не усматривает проблемы в сочетании этнической ангажированности и академического статуса историографии. Акцент делается на объективной обусловленности оформления этно-национальных исторических школ: «современные этносы хотят быть наконец-то услышанными», «к историку предъявляются профессиональные требования, но это не исключает понимание того, сколь значимо для историка ощущать себя частью народа, а не быть “Иваном не помнящим родства”». При этом, без каких-либо оговорок цитируются суждения М. Хальбвакса и Дж. Де-Воса о таких характеристиках социальной памяти и «этнических» историй, как склонность ретушировать, подчищать и дополнять события прошлого, «приписывая им обаяние, каким не обладала реальность»; интерпретировать историю, «восполняя недостаток фактов собственной защищающей их мифологией» [Шеуджен 2012: 93,95].

Разумеется, это не значит, что Э.А. Шеуджен считает допустимым для профессиональных историков ретушировать, подчищать и дополнять события прошлого или восполнять недостаток фактов мифологией. Основным занятием историков – указывает она – является исследование того, что в действительности произошло через трудоемкие изыскания по выявлению и прочтению источников. Воспроизведение же широкой и образной картины прошлого в нарративе, обобщает факты, установленные в результате исследований [Шеуджен 2012: 97]. С этой точки зрения было бы логичней согласиться с оппонентами в том, что касается этнических определений к существительному «историк». В свое время видный английский историк П. Берк заявил: «Я хотел бы сказать, что хотя я считаю себя социалистом и историком, я не социалистический историк, то есть я не верю в социалистическую историю» [Burke 1981: 8]. Здесь выражено кредо профессионального историка, которое не допускает подчинения исследовательских процедур личным мотивам, а также понимание того, что историческая реальность сложнее, чем это видится с любой идеологической точки зрения.

Актуальная идентичность и исторический нарратив: национально-региональные и общие проблемы

Весьма ценной представляется постановка в статье Э.А. Шеуджен вопроса о познавательном статусе историописания (исторического повествования) [Шеуджен 2012: 97]. Она позволяет перейти к обсуждению методологической проблематики построения национальных исторических нарративов народов Северного Кавказа. Ядро этой проблематики составляет взаимосвязь существенных характеристик представления прошлого и

настоящего данного исторического субъекта и типологических характеристик нарратива, связывающего их воедино.

В самом деле, если в своем актуальном положении группа (народ) описывается в терминах культурно-языковой общности – как этнос, то описание его истории, выходящее за рамки этнографии, скорее всего приобретет форму *исторического нарратива традиционного типа*. По Й. Рюзену он характеризуется тем, что утверждает значимость прошлых образцов поведения, воспринимаемых в настоящем и являющихся основой для будущей деятельности [Rüsen 1987: 91]. В центре внимания исторического интереса в этом случае оказывается возможность или невозможность устойчивого воспроизводства этнокультурных основ коллективного существования. Их изменение приобретает негативные коннотации и связывается, как правило, с внешними деструктивными воздействиями – травмами (утрата независимости в результате завоевания, насильственная ломка этносоциальной традиции, культурно-языковая ассимиляция, акты произвола со стороны государства). В связи с этим возникает вопрос, может ли нарратив традиционного типа стать полноценным воплощением национальной истории. Даже те подходы к изучению наций, которые акцентируют значение их этнических корней, уходящих в до-современную эпоху, рассматривают их в качестве феномена эпохи модерна и в качестве гражданского, а не этнического сообщества [Smith 1996]. Нарратив традиционного типа, нацеленный на историческое подтверждение этнической идентичности, не может вместить все аспекты и результаты исторического процесса становления нации.

И вряд ли достаточно просто поименовать народы современного Северного Кавказа нациями, а их историю – национальной историей. Они, несомненно, представляют собой нечто большее, чем народы-этноты, но позитивное определение их актуального социально-исторического статуса требует специального анализа и нового взгляда на их историю. Дело, в частности, в том, что процесс становления большинства современных наций включает в себя моменты революции. Нации утверждаются не только через освобождение от внешнего имперского или колониального господства, но и через отрицание собственной социально-политической и социально-культурной традиции – «старого режима» в широком смысле слова, то есть не только абсолютистских поползновений монархической власти и отношений феодальной зависимости, но и политической раздробленности, унаследованной от того же феодализма и этно-регионального партикуляризма. Историкографическим воплощением этого опыта является *исторический нарратив критического типа*, отрицающий значимость прошлого опыта для современности. По Й. Рюзену, именно данный тип нарратива служит средством перехода от одного типа исторического сознания к другому, ибо критика создает возможность для развития исторического познания [Rüsen 1987: 91]. Применительно к истории народов Северного Кавказа нарратив критического типа был представлен в двух версиях: просвещенной имперско-европейской и советской социально-прогрессивной. Обе они воплощали не «самокритику» северокавказских обществ, а критику извне, фиксирующую архаичность

традиционного этносоциального уклада народов региона. Существенным достоинством советской версии было то, что она признавала их способность стать субъектами прогрессивного исторического действия в качестве союзников передовых социальных сил в прошлом, и идти в авангарде мирового развития как и все советские народы в настоящем. Поэтому она оказалась вполне приемлемой для национально-региональной историографии советского периода. В современных условиях «критика исторического опыта» народов Северного Кавказа ведется преимущественно с «неоимперских» позиций, ответственность за травмы прошлого возлагается на сами эти народы, а «национальный» подход к их интерпретации рассматривается как угроза российскому обществу и государству. С другой стороны, в контексте этноисторического дискурса критика этносоциальной традиции равносильна разрушению собственной идентичности и практически невозможна.

Формой «снятия» ограничений, накладываемых на историческое сознание нарративами традиционного и критического типа является *исторический нарратив генетического типа*. Он представляет сущность истории как изменение и прослеживает как прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия [Rüsen 1987: 91]. Но здесь возникает еще одна проблема, требующая отдельного обсуждения, проблема презентизма.

Справедливо указывая, что историческое исследование всегда представляет собой некий синтез прошлого и настоящего, причем и представления о будущем оказывают важное влияние на репрезентации прошлого, И.М. Савельева и А.В. Полетаев усматривают в этом опасность презентизма, который понимает историю не как познание объективной реальности прошлого, а как его мысленную картину, создаваемую в настоящем и становящуюся частью этого настоящего. Презентистские настроения они считают неизбежным злом. Но на их взгляд в еще большей степени методологический анахронизм порождается стремлением придать истории научный характер путем использования общественно-научных моделей, разработанных применительно к современности. Учитывая, что, с позиций современной социологии знания, прошлая социальная реальность всегда конструируется в настоящем, преодоление негативных следствий презентизма возможно при разграничении прошлого и настоящего через введение понятия Другого. Именно эта категория, полагают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, игнорируется в презентистской теории, и именно взгляд на прошлое как на Другое составляет специфику научного исторического знания и накладывает на профессионального историка целый ряд самоограничений, обеспечивающих ему определенную свободу от влияния ситуации настоящего [Савельева, Полетаев 2005: 87-88].

Здесь следует напомнить, что методические правила прочтения источников, принятые в академической дисциплине уже кладут предел презентизму в его простой и грубой форме, а концепт Другого имплицитно присутствует в классическом принципе историзма – судить о явлениях

прошлого в соответствии с условиями и представлениями той эпохи, к которой они принадлежат, а не той к которой принадлежит сам историк.

Это давняя проблема, но она сохраняет свою актуальность и требует осознанного решения. Весьма глубоки и убедительны в этом плане аргументы, которые высказал один из крупнейших современных историков Ю. Кокка в ходе дискуссии между сторонниками «социально-научной» структурной истории и представителями историко-антропологического направления «истории повседневности» в ФРГ [Кокка 1993; Соска 1994].

Во-первых, требование изучать явления прошлого только «изнутри, на их собственной почве» он считает, в конечном счете, нереализуемой неоисторицистской иллюзией. Историк не имеет прямого и непосредственного доступа к прошлой реальности, а источники начинают «говорить» только в ответ на вопросы, которые он ставит перед ними. Мы должны (или вынуждены) использовать наши вопросы, наши точки зрения, наши понятия и теории. Разумеется, их следует модифицировать применительно к различным историческим субъектам, которых мы изучаем, но мы можем реконструировать прошлое только на основе анализа, соотнесенного с определенной точкой зрения, и эта точка зрения наша, а не исторического субъекта, изучаемого нами. Ю. Кокка замечает, что «история не исчерпывается тем, что люди воспринимают и узнают», исключительно герменевтическая реконструкция смысла прошлого восприятия и опыта «не способна дать понимание истории как целого» [Кокка 1993: 180]. Речь здесь идет не об отказе от требований историзма, а о необходимости соединять «понимание» с «объяснением» опыта прошлого. Кроме того, необходимо различать условия и процедуры добывания конкретных «исторических знаний» и условия и способы упорядочения «знания истории» как целого.

Во-вторых, есть проблема изучения данного явления в его взаимосвязях, в историческом контексте (второй классический принцип научного историзма). Важно понимать его во всей полноте – применительно к синхронным (структуры) и диахронным (процессы) связям и зависимостям. Только тогда изучаемое явление предстанет действительно «укорененным» в истории. И дело не только в том, что невозможно понять часть, не имея никакого представления о целом. Если не забывать, что одной из задач историка является способствовать осознанной ориентации во времени, исторической идентичности, а значит самостоятельности своих современников, то формирование у них ясных представлений об историческом контексте (синхронном и диахронном), в который они помещены, становится императивом профессиональной деятельности историка [Соска 1994: 50-52].

Эти суждения ближе стоят к специальным вопросам методологии построения обобщающих трудов – нарративов, охватывающих «всю историю» какого либо субъекта «с древнейших времен до наших дней», в том числе национальных нарративов генетического типа. Нарратив этого типа, мобилизует опыт прошлого с тем, чтобы настоящий опыт стал понятным, а ожидание будущего – возможным, организует внутреннее единство трех модальностей времени (прошлое – настоящее – будущее) идеей непрерывности

и целостности [Рюзен 2005: 49]. Объектом обобщающего нарратива является не прошлое как таковое, а целостный процесс генезиса сущего. Такой объект исторического познания выходит за рамки опыта любого отдельно взятого поколения людей, любой отдельно взятой исторической эпохи. Не случайно, французский историк Б. Лепти в свое время подчеркивал: «Написание синтетической работы всегда означает, по отношению к существующим частным исследованиям, изменение объекта, а следовательно и методологии» [Lepetit 1994: 69]. С другой стороны, именно осознание изменчивости форм жизни и моральных ценностей в генетическом нарративе ведет к пониманию других, а значит и более глубокому пониманию себя.

Проблема объективности общих интерпретаций

Таким образом, решение проблем синтеза при построении обобщающих исторических трудов выходит за рамки академического теоретизирования и предполагает выработку позиции контексте актуальной социально-исторической ситуации. Но в связи с этим неизбежно возникает вопрос о возможности сохранить научную объективность при отборе, интерпретации и оценке значения исторических фактов, явлений и процессов. Очевидный ответ на этот вопрос заключается в том, что гарантией объективности является соблюдение профессиональных стандартов научно-познавательной деятельности. Именно они маркируют четкую границу между жизненной практикой, в которую историки вовлечены как личности и граждане, и академической дисциплиной, которой они занимаются как профессионалы. Видный британский историк Дж. Тош замечает, что теперь, когда битва за торжество научных критериев исторического исследования в среде профессионалов давно выиграна, практические задачи можно выполнять без ущерба для научного уровня (в том числе и потому, что профессиональные историки с чрезвычайным рвением выискивают искажения в работах коллег) [Тош 2000: 52].

Однако применительно к случаю обобщающих исследований, охватывающих всю траекторию становления каких-либо исторических субъектов (скажем современных народов Северного Кавказа) вплоть «до наших дней» сугубо профессиональные критерии объективности, будучи абсолютно необходимыми, могут оказаться недостаточными, хотя бы потому, что некоторые элементы общеисторических интерпретаций несводимы к источниковым данным. Поэтому здесь необходимо обратиться к подходам, предполагающим поиск решения проблемы объективности исторического познания в сфере самой жизненной практики. Наиболее очевидный хрестоматийный пример – марксистско-ленинская теория о том, что мера объективности социальных теорий и исторических концепций определяется их связью с интересами «восходящих» или «нисходящих» классов и общественных систем. При всей ее идеологической нагруженности, она вовсе не лишена гносеологического смысла, но его экспликация потребовала бы громоздкого анализа. Гораздо ближе к академическим интересам находится тот

подход к решению проблемы объективности, который предложил в свое время выдающийся британский историк Э.Х. Карр [Carr 1967].

На первый взгляд неожиданно, Э.Х. Карр ставит проблему объективности исторического познания в связи с обсуждением вопроса о прогрессе в истории. Но дело в том, что наука по определению представляет собой прогрессирующее накопление знаний о своем объекте. Кроме того, историческая объективность не сводится к объективности факта. Факт включается в систему исторического знания лишь постольку, поскольку историки придают ему определенное значение. Дело историка заключается не просто в установлении фактов, но и в различении реально значимых, существенных для его целей и менее существенных, «случайных» в данном исследовательском контексте, фактов. Следовательно, проблема объективности лежит в плоскости отношения между фактом и его интерпретацией, а ее мера определяется тем, какие критерии значимости применяются к установленным фактам. Правда, именно по этой причине объективность не может рассматриваться как абсолютная характеристика научного знания. Но не вытекает из этого и релятивистский вывод о том, что все интерпретации равноправны, поскольку критерии значимости, прилагаемые к ним любым из историков, субъективны. Прежде всего, очевидно – накопление новых данных позволяет уточнять и усиливать объяснительную силу исторических концепций. Не менее важно учитывать глубинную временную структуру исторического познания как артикулированного взаимоотношения прошлого (источник), настоящего (историк в данной социально-исторической ситуации) и будущего (видение историком общей направленности исторического процесса). Историки «воображают прошлое и помнят будущее», приводит Э.Х. Карр высказывание другого крупнейшего историка XX столетия Л.Б. Нэмира. Только это «чувство направления» в истории позволяет упорядочивать и интерпретировать события прошлого (в этом задача историка), высвобождать и организовывать энергию современников с прицелом на будущее (задача государственных деятелей, экономистов, социальных реформаторов). В таком контексте мера объективности историка определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, его способностью в полной мере и ясно представлять ту социальную и историческую ситуацию, в которую он включен. С одной стороны, это позволяет осознать пределы доступной для него объективности. С другой, для него становится возможным критически осмыслить и как бы «подняться над» ограниченностью собственной позиции, приближаясь к большей объективности. Во-вторых, тем насколько глубоко проникает в будущее его видение современных проблем и путей их решения. От этого зависит глубина и жизнеспособность истолкования прошлого в предлагаемых им концепциях. «Более объективными» являются те концепции, которые основаны на «более долговременном видении прошлого и будущего» [Carr 1967: 119-123].

Со своей стороны, Й. Рюзен ставит проблему объективности в ее конкретном отношении к историческому нарративу [Rüsen 1996]. Здесь возможно двойное понимание объективности. Во-первых, это отношение нарратива к историческому опыту как к объективно данной реальности, которая

постигается путем применения строгих исследовательских процедур. Объективность здесь – вопрос отношения интерпретации к фактам. Во-вторых, это интересубъективная значимость исторической интерпретации. Он выражает отношение исторической интерпретации к культурному и социальному контексту, внутри которого интерпретация строится, к которому всякий нарратив адресован, и в котором исторический нарратив служит ориентации практической жизни.

Объективность исторического нарратива как его интересубъективная значимость имеет теоретическое и практическое воплощение. В теоретическом плане она обеспечивается использованием четко сформулированных концептуальных средств, а не метафор. Это придает интерпретации ясность и прозрачность, позволяющую выстраивать, подтверждать либо опровергать аргументацию. Й. Рюзен формулирует методическое правило исторической интерпретации: она должна осуществляться в эксплицитно выраженных концептуальных рамках. В практическом плане интересубъективная значимость (объективность) исторического нарратива обеспечивается его согласованностью с культурными факторами, позволяющими людям урегулировать конфликты мирным путем. Такое регулирование различий и напряженности в процессе формирования идентичностей имеет универсальное основание в категории равенства. По своей функции она равнозначна теоретическим средствам, придающим историческому нарративу аргументативную прозрачность [Rüsen 1996]. «В рамках разнообразия исторических перспектив единство истории может быть достигнуто лишь универсальностью ценностей в методическом процессе исторической интерпретации», – считает Й. Рюзен [Рюзен 2001: 25]. Поскольку всякая идентичность имеет частный характер, взаимное признание и признательность различий в культуре выступает как регулятивная идея интересубъективности и методическое правило построения подтверждающего ее нарратива [Rüsen 1996].

В заключение – об актуальности проблемы

Историческое обобщение опыта социальных трансформаций актуально в научном плане в целях обогащения эмпирического базиса и теоретического оснащения смежных отраслей знания (экономической науки, социологии, политологии и т.д.) и в практическом плане – в целях совершенствования методов государственной политики, повышения качества управления и эффективности осуществляемых реформ. Но наряду с этим оно имеет еще специфическую дополнительную характеристику, поскольку всегда отнесено к определенному историческому субъекту, носителю этого опыта.

Кажется очевидным, что таким историческим субъектом выступает современная Россия. Но это «ставший» субъект. Само содержание российской истории имеет в качестве своей существенной стороны сложный процесс интеграции прежде самостоятельных исторических субъектов (народов, обществ, государств) в состав Российского государства и становление на этой

основе единого исторического субъекта – многонационального российского общества и государства. Что касается исторической субъектности народов современной России, то она ныне «снята» в их единой политической (гражданской) идентичности, в их социальной и культурной общности. Однако она сохраняет свое присутствие в структурах их личной и групповой идентичности, в их историческом самосознании. При всяком обращении к прошлому актуализируются представления группы о собственной самостоятельной роли в истории, а категории историко-политического дискурса включаются в интерпретации современных общественных проблем.

При этом историческая «память», «сознание», «идентичность» синтетичны, они всегда «обобщают», придают опыту прошлого определенность, интегрируют его в некий законченный рассказ – групповой нарратив. Важно, чтобы научно-историческое обобщение опыта социальных трансформаций осуществлялось таким образом, чтобы оно могло стать органичной частью не только общероссийского национального исторического нарратива, но и «частных» национально-региональных исторических нарративов. Об актуальности такого подхода свидетельствуют итоги работы над историко-культурным стандартом, который, как известно, включает в себя перечень так называемых «трудных вопросов истории». Очевидно, что «трудность» определенной части этих вопросов связана с необходимостью достижения их интерпретации, согласующейся с ситуацией множественности исторических идентичностей.

Процесс «согласования» интерпретаций, выработка научной конвенции и утверждение общественного консенсуса предполагают не просто выдвижение максимально широких генерализаций, под которые подпадают все частные случаи. Он развивается на встречах курсах – от общего к частному и от частного к общему. В идеале научные трактовки тех или иных сюжетов в рамках «российского» и «национально-региональных» нарративов будут дополнять друг друга. Но значимость интеграции одних и тех же исторических явлений в структуру этих нарративов неодинакова. То что для российской национальной истории является только одним из ее аспектов или частных сюжетов, может выступать в качестве «глобального» поворота, судьбоносного события в истории отдельного народа. С другой стороны, когда в качестве предмета исследования предлагается широкие исторические процессы (например, формирование многонационального российского государства или модернизации), обнаруживается, что в национальных историях отдельных народов эти широкие процессы предстают как «части часть», как отрезок на пути или «сторона» их собственного исторического развития.

Актуальность обозначенного круга вопросов для современного Российского Кавказа не требует развернутого обоснования. Достаточно указать на его культурно-историческую самобытность, внутреннюю «полисубъектность» исторического процесса, выраженность конфликтных измерений в его прошлом и современном развитии. Интенсивное идеологическое воздействие на историческую память населения, апелляция к ней как к фактору делегитимации государственной и общественной системы

советского социализма в 1990-е годы также имели особое влияние в регионе. История превратилась в поле поисков идентичности и фундамент ориентации в современных общественных реалиях. В текущей ситуации конца 2010-х годов, при отсутствии нормативно определенных институциональных опор для публичных дискуссий и решения этнополитических проблем, их интерпретация интеллектуалами и массовым сознанием по-прежнему осуществляется в сфере историко-политического дискурса. Попытки придать актуальную политико-правовую «нормативность» тем или иным ключевым событиям, отношениям и символам прошлого представляет собой характерную черту региональной этнополитики.

Можно было бы спросить, сколько «прошлых» имеет такое «настоящее» и сколько разных, но в одинаковой мере «объективных историй» региона может быть написано сегодня? Если ограничивать свой взгляд горизонтом текущей ситуации, то действительно можно оказаться в тисках познавательного скептицизма или субъективного произвола в интерпретации прошлого. Но если ориентироваться на будущее, в котором сохраняется возможность неконфликтного взаимодействия альтернативных программ, диалога социокультурных и политических субъектов «текущей истории», поддержания сложных, «многомерных» структур личной и групповой идентичности, то появится возможность различать «более» и «менее» объективные истории. Внутреннее богатство и «подвижность» такого будущего препятствуют редуцированию прошлого в простое обоснование какого-либо фундаментализма – державного, этнического, религиозного или идеологического. Предмет исторического анализа проблематизируется, поскольку проблемой, требующей решения, является искомое будущее. Познавательный интерес, направленный не на доказательство готовой истины, а на обобщение опыта прошлого в интересах настоящего, требует тщательного выявления и учета всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации исторического процесса.

Таким образом, научная значимость решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что оно необходимо для формирования синтезной концепции истории России, в которой: во-первых, ее развитие как государства, общества и цивилизации будет представлено в единстве и взаимной обусловленности; во-вторых, истории народов России будут представлены как дополнительные относительно друг друга и относительно национальной российской истории; в-третьих, будут предложены убедительные основания для исторической идентичности и диалога социокультурных субъектов «текущей российской истории», для их ориентации в современной мировой реальности, для осознанного выбора ими общего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Аймермахер, Бордюгов 2003 – *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа, Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – 432 с.

Виноградов и др. 2012 – *Виноградов Б.В., Клочков О.В., Федорин В.Е.* Основные тенденции и направления развития «национальной историографии» в контексте исследования проблем российско-горского взаимодействия и анализа современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 1. – С. 73-78.

Володихин 2002 – *Володихин Д.М.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 9. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 51-66.

Гатагова 2003 – *Гатагова Л.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа, Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – 432 с.

Дегоев 2007 – *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. – М.: «Русская панорама», 2007. – С. 17-34.

Зверева 1994 – *Зверева Г.И.* Морфология социальной истории // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 35-45.

Кокка 1993 – *Кокка Ю.* Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. – Весна 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 174-189.

Ланглуа, Сеньобос 2004 – *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. – 305 с.

Мининков 2004 – *Мининков Н.А.* Методология истории. – Ростов-на –Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – 252 с.

Патрушев 1992 – *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. – М.: Издательство Московского университета, 1992. – 218 с.

Репина 1994 – *Репина Л.П.* Социальная история на пороге XXI века: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 10-21.

Репина 1998 – *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.

Рюзен 2001 – *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.

Рюзен 2005 – *Рюзен Й.* Кризис, травма, идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38-62.

Савельева, Полетаев 2005 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 63-88.

Савельева, Полетаев 1997 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М. Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

Тош 2000 – *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: Весь мир, 2000. – 296 с.

Шеуджен 2012 – *Шеуджен Э.А.* О «национальной историографии», «национальных историках», «своей» истории и «историописаниях» // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 90-98.

Шнирельман 2000 – Шнирельман В.А. В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники // Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. Материалы международной конференции. М., 15-17 сентября 1998. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 150-166.

Burke 1981 – Burke P. People's History or Total History // People's History and Socialist Theory / Edited by Raphael Samuel. – L.: Routledge and Keagan Paul, 1981. – P. 4-8.

Carr 1967 – Carr E.H. What Is History? – L.: Penguin Books, 1967. – 159 p.

Соска 1994 – Соска J. A Controversy Within Social History and The Need for Context // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 46-54.

Lepetit 1994 – Lepetit B. Macro-analysis, Micro-analysis and the Problem of Generalization in Social History // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 63-72.

Phythian-Adams 1994 – Phythian-Adams Ch. Time, Society and Nation: Conceptualizing English Social History // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 22-34.

Rüsen 1987 – Rüsen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87-97.

Rüsen 1996 – Rüsen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies [Online resource] // History and the Limits of Interpretation. A Symposium. Humanities Research Center. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 06.09.2015).

Smith 1996 – Smith A. The Origins of Nations // Becoming National. A Reader. / Edited by G. Eley and R.G. Suny. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 106-130.

Stearns 1985 – Stearns P.N. Social History and History: a Progress Report // Journal of Social History. – 1985. – Vol. 19. – No 1. – P. 320-334.

REFERENCES

AIMERMAKHER K., BORDYUGOV G. «Svoe» i «chuzhoe» proshloe. Vvedenie [“One's own” and “Another's” Past. Introduction]. IN: *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / Pod redaktsiei K. Aimermakhera, G. Bordyugova. Predislovie F. Bomsdorfa, Izd. 2-e, ispr. i dopoln.* [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States / K. Aimermakher, G. Bordyugov eds. Foreword by F. Bomsdorf. Second edition, amended and complemented]. – М.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – 432 p. (In Russian)

BURKE P. People's History or Total History. IN: *People's History and Socialist Theory / Edited by Raphael Samuel.* – L.: Routledge and Keagan Paul, 1981. – P. 4-8. (In English)

CARR E.H. What Is History? – L.: Penguin Books, 1967. – 159 p. (In English)

СОСКА J. A Controversy Within Social History and The Need for Context. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – М.: ИВИ РАН, 1994. – P. 46-54. (In English)

СОСКА J. *Sotsial'naya istoriya mezhdu strukturnoi i empiricheskoi istoriei* [Social History Between Structural and Empirical Histories]. IN: *THESIS.* – Spring 1993. – Vol. 1. – Issue 2. – P. 174-189. (In Russian)

DEGOEV V.V. *Sotsial'no-politicheskie vyzovy XXI veka i puti razvitiya rossiiskogo kavkazovedeniya* [Socio-Political Challenges of the 21 Century and the Paths Development of the Russian Caucasus Studies]. IN: *Kavkaz v rossiiskoi politike: istoriya i sovremennost'* [Caucasus in the Russian Politics: History and Modernity]. – М.: «Russkaya panorama», 2007. – P. 17-34. (In Russian)

GATAGOVA L. *Severnyi Kavkaz: metamorfozy istoricheskogo soznaniya* [North Caucasus: Metamorphoses of Historical Consciousness]. IN: *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / Pod redaktsiei K. Aimermakhera, G. Bordyugova. Predislovie F. Bomsdorfa, Izd. 2-e, ispr. i dopoln.* [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States / K. Aimermakher, G.

- Bordyugov eds. Foreword by F. Bomsdorf. Second edition, amended and complemented]. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – 432 p. (In Russian)
- LANGLOIS Ch.-V., SEIGNOBOS Ch. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History]. – M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2004. – 305 p. (In Russian)
- LEPETIT B. Macro-analysis, Micro-analysis and the Problem of Generalization in Social History. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVI RAN, 1994. – P. 63-72. (In English)
- MININKOV N.A. *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2004. – 252 p. (In Russian)
- PATRUSHEV A.I. *Raskoldovannyi mir Maksa Vebera* [Un-spelled World of Max Weber]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1992. – 218 p. (In Russian)
- PHYTHIAN-ADAMS Ch. Time, Society and Nation: Conceptualizing English Social History. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVI RAN, 1994. – P. 22-34. (In English)
- REPINA L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. – M.: IVI RAN, 1998. – 278 p. (In Russian)
- REPINA L.P. *Sotsial'naya istoriya na poroge XXI veka: ot mezhdistsiplinarnogo analiza k novomu istoricheskomu sintezu* [Social History on the Eve of 21 Century: From Interdisciplinary Analysis to New Historical Synthesis]. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVI RAN, 1994. – P. 10-21.
- RÜSEN J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason. IN: *History and Theory*. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87-97. (In English)
- RÜSEN J. *Krizis, travma, identichnost'* [Crisis, Trauma, Identity]. IN: «Tsep' vremen»: *problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L.P. Repina* [“The Chain of Times”: Problems of Historical Consciousness. L.P. Repina ed.]. – M.: IVI RAN, 2005. – P. 38-62. (In Russian)
- RÜSEN J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies [Online resource]. IN: *History and the Limits of Interpretation. A Symposium. Humanities Research Center*. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 06.09.2015). (In English)
- RÜSEN J. *Utrachivaya posledovatel'nost' istorii* [Loosing the Order of History]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. Vyp. 7* [Dialogue with Time. Intellectual History Review. 7]. – M.: Editorial URSS, 2001. – P. 8-26. (In Russian)
- SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and Time. In Search of What Has Been Lost]. – M. Yazyki russkoi kul'tury, 1997. – 800 p. (In Russian)
- SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *O pol'ze i vrede prezentizma v istoriografii* [On the Use and Misuse of Presentism in Historiography]. IN: «Tsep' vremen»: *problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L.P. Repina* [“The Chain of Times”: Problems of Historical Consciousness / L.P. Repina ed.]. – M.: IVI RAN, 2005. – P. 63-88. (In Russian)
- SHEUDZHEN E.A. *O «natsional'noi istoriografii», «natsional'nykh istorikakh», «svoei» istorii i «istoriopisaniyakh»* [On “National Historiography”, “National Historians”, “One’s Own” History and “Historical Writing”]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2012. – No 2. – P. 90-98. (In Russian)
- SHNIREL'MAN V.A. *V poiskakh prestizhnykh predkov: etnonatsionalizm i shkol'nye uchebniki* [In Search of Prestigious Ancestors: Ethno-Nationalism and School Textbooks]. IN: *Otvetstvennost' istorika: prepodavanie istorii v globaliziruyushchemsya obshchestve. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M., 15-17 sentyabrya 1998* [Responsibility of the Historian. Teaching History in Globalizing Society. International Conference, Moscow, September 15-17, 1998]. – M.: IVI RAN, 2000. – P. 150-166. (In Russian)
- SMITH A. The Origins of Nations. IN: *Becoming National. A Reader*. Edited by G. Eley and R.G. Suny. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 106-130. (In English)

STEARNS P.N. Social History and History: a Progress Report. IN: Journal of Social History. – 1985. – Vol. 19. – No 1. – P. 320-334. (In English)

TOSH Dzh. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History. Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History]. – M.: Ves' mir, 2000. – 296 p. (In Russian)

VINOGRADOV B.V., KLOCHKOV O.V., FEDORIN V.E. *Osnovnye tendentsii i napravleniya razvitiya «natsional'noi istoriografii» v kontekste issledovaniya problem rossiiskogorskogo vzaimodeistviya i analiza sovremennoi etnopoliticheskoi situatsii na Severnom Kavkaze* [The main tendencies and development directions of “national historiography” within the context of research of Russian-Caucasian interaction problems and analysis of modern ethno-political situation in the North Caucasus]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2012. – No 1. – P. 73-78. (In Russian)

VOLODIKHIN D.M. *«Prizrak tret'ei knigi»: metodologicheskii monizm i «global'naya arkhazatsiya»* [“The Ghost of the Third Book”: Methodological Monism and “Global Archaization”]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. Vyp. 9* [Dialogue with Time. Intellectual History Review. 9]. – M.: Editorial URSS, 2002. – P. 51-66. (In Russian)

ZVEREVA G.I. *Morfologiya sotsial'noi istorii* [Morphology of Social History] IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVIRAN, 1994. – P. 35-45. (In Russian)

Археология и древняя история

УДК 902

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-38-61

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2008 г. НА ПОСЕЛЕНИИ МЕШОКО**С.М. ОСТАШИНСКИЙ**

*Государственный Эрмитаж
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34
E-mail: osm@mail.ru*

Аннотация. В статье публикуются материалы раскопок Закубанской экспедиции Государственного Эрмитажа на поселении Мешоко в 2008 г. Поселение расположено на окраине пос. Каменноостровский, в Майкопском районе Республики Адыгея. Раскоп VI площадью 25 м² содержал отложения, относящиеся к позднему периоду существования памятника. Культурный слой связан с горизонтом темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного щебенкой. Анализ находок показывает существование заметных отличий между материалами, залегающими на поверхности слоя щебенки, и материалами, происходящими из нижней части этого слоя. Последние обнаруживают определенное сходство с находками, относящимися к раннему периоду существования памятника. Эти наблюдения говорят о том, что переход от культуры, представленной материалами нижнего слоя поселения Мешоко, к культуре его верхнего слоя не был абсолютно резким и содержал элементы эволюции.

Ключевые слова: Северный Кавказ; энеолит; поселение Мешоко; закубанская (мешоковская) культура.

EXCAVATIONS ON MESHOKO IN 2008**S.M. OSTASHINSKY**

*State Hermitage museum
190000, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 34
E-mail: osm@mail.ru*

Abstract. The article presents materials of excavations of the Zakubansky expedition of the State Hermitage museum in the site Meshoko in 2008. The site is located next to the village Kamennomostsky, in the Maikop district of the Republic of Adygea. An area of 25 m² contained finds related to the late period of the site existence. The cultural layer is connected with the horizon of a dark gray humus loam containing crushed rock. The analysis of the finds shows the existence of noticeable differences between the materials lying on the surface of the gravel bed and the materials originating from the lower part of this layer. The latter show a certain similarity with the findings related to the early period of the site's existence. These observations indicate that the transition from the lower layer of the Meshoko to the its upper layer was not absolutely abrupt and contained elements of evolution.

Keywords: Northern Caucasus; Copper age; Meshoko; Chalcolithic.

В 2008 г. Закубанской экспедицией Государственного Эрмитажа в юго-западной части поселения Мешоко был заложен раскоп VI площадью 25 м² (рис. 1-3). Его стратиграфия состоит из трех основных слоев (рис. 4-5). Первый слой представляет собой плотный комковатый темно-серый гумусированный суглинок мощностью 0,30-0,45 м. Второй – нижележащий слой содержит гумусированный суглинок темно-серого цвета, насыщенный щебенкой. Именно этот слой является верхним культурным слоем поселения. Его мощность в среднем составляет 0,15-0,30 м. На других участках памятника ранее было прослежено, что под ним располагается гумусированный суглинок светло-серого цвета (нижний культурный слой). Однако в данном раскопе он не выделяется. Ниже второго слоя находится слой погребенной почвы, сложенный черным плотным гумусированным суглинком, мощностью 0,10-0,25 м. На границе этих слоев в профиле западной стенки на кв. И-10/11 фиксируется скопление щебенки, которая, возможно, представляет остатки особой прослойки (рис. 4, б, 5, б). В основании отложений расположены окатанные камни и плиты известняка, являющиеся верхней частью известняковой скалы.

Отложения были разобраны пятью условными горизонтами. Первому слою соответствуют 1 и 2 горизонты расчистки, мощностью по 0,15-0,20 м (рис. 3). Находки начали встречаться сразу у поверхности. Они имеют мелкие размеры и горизонтов залегания не образуют, что свидетельствует об их переотложенном состоянии. Ближе к основанию слоя количество и размеры находок начинают возрастать. В количественном отношении именно в первом слое сконцентрирована большая часть археологических материалов (табл. 1-5). Так, например, кремневые находки зафиксированы в количестве 5435 экз., что составляет 75% от их общего числа, а фрагменты керамики насчитывают 11699 экз., что составляет 58% (если учитывать фрагменты, превышающие размерами 3 см, доля керамики сократится до 44%). Подобную статистику демонстрируют, однако, не все категории материала. Шлифованные орудия и их заготовки составляют лишь 27% от их общего числа, а фаунистические остатки – 17%. Существенной характеристикой первого слоя является также полное отсутствие в нем объектов.

Фрагменты стенок сосудов, происходящие из первого слоя, имеют пористую поверхность, если изготовлены с примесью известняка, или грубую поверхность от обильной примеси кальцита (определение примесей по: [Козинцев 2017]). Фрагменты венчиков сосудов по преимуществу имеют плавно отогнутый профиль (рис. 6, 1-5), один из них принадлежит сосуду с узким горлом (рис. 6, 1). В первом слое найдено максимальное количество фрагментов стенок сосудов с жемчужным орнаментом – 241 экз. Шесть фрагментов, принадлежащих, вероятно, к эпохе поздней бронзы украшены прочерченным орнаментом (рис. 6, 11, 14, 17). К более поздним, чем энеолит эпохам относятся два фрагмента плоских донцев (рис. 6, 12) и фрагменты двух ручек (рис. 6, 15-16). Найдены также два фрагмента с орнаментом в виде

налепного валика (рис. 6, 10) и один с орнаментом в виде неглубоких округлых вдавлений (рис. 6, 13). Обращает на себя внимание фрагмент крупного изделия полукруглой формы, найденный во 2 горизонте. Возможно, это фрагмент глиняного конуса (рис. 6, 22). Этот тип изделий характерен для памятников позднего этапа закубанской (мешоковской) культуры и представлен на поселении Скала, в Хаджохских навесах и в навесе Мешоко. На самом же поселении находки подобных предметов единичны [Резепкин 2005]. Типична для энеолитических отложений и находка в виде глиняного шарика – они встречаются как в нижнем, так и в верхнем слоях поселения Мешоко (рис. 6, 6).

Среди кремневых находок большую часть (87%) составляют кремневые чешуйки, мелкие осколки и отщепы (табл. 2-4). Значительную часть (37%) в составе сырья занимает качественный цветной кремнь, остальное приходится на серый кремнь более низкого качества. Среди 320 орудий доля изделий из цветного кремня выше и составляет 55%. Состав сырья, набор орудий, технологии расщепления и обработки, фиксируемые материалами первого слоя, типичны для индустрии позднего этапа существования памятника. Геометрические микролиты представлены находкой высокой трапеции, изготовленной на пластине с помощью притупляющей ретуши (рис. 7, 1). Тщательностью обработки и разнообразием отличаются наконечники с двусторонней обработкой (рис. 7, 2-6), среди которых наиболее специфичны миниатюрные наконечники и крупные наконечники стрел с параллельными сторонами (рис. 7, 2, 4) [Осташинский 2004]. Скребки многочисленны и принадлежат разным типам (рис. 7, 7-14). Они изготовлены как на пластинчатых отщепах и сколах, так и на обычных отщепах. Углы лезвия часто скруглены (рис. 7, 8-9). Иногда встречаются также изделия с подтеской брющка (рис. 7, 7). Большим количеством и разнообразием форм представлены так называемые «перфораторы» (острия, проколки и сверла), изготавливаемые на пластинах и отщепах (рис. 7, 15-18, 26). Типичен для индустрии верхнего слоя и массивный стержневидный ретушер (рис. 7, 30).

Пластины, составляют около 4% от всех кремневых находок. Среди них выделяются 12 правильных пластин, вероятно, полученных с помощью посредника. Они имеют ровный профиль, параллельные стороны и четкую, как правило, трапециевидную огранку (рис. 7, 20-22, 24, 28-29). Большая их часть имеет вторичную обработку или следы утилизации. Среди орудий на пластинах наиболее примечателен фрагмент вкладыша (рис. 7, 22) и микропластинка с крутой ретушью по краю (рис. 7, 23). Одна пластина изготовлена из красновато-коричневого обсидиана (рис. 7, 19).

Для первого слоя характерно присутствие значительного количества изделий с чешуйчатой подтеской – 82 экз. (рис. 7, 25, 27). Эти изделия могли служить орудиями или нуклеусами, говорящими о применении широко распространенной биполярной техники расщепления [de la Peña 2015].

Костяные изделия представлены двумя каплевидными подвесками (рис. 6, 8-9) и пронизкой из трубчатой кости птицы (рис. 6, 7). Законченными целыми изделиями из камня являются только два орудия – миниатюрное шлифованное тесло (рис. 6, 20) и небольшое долотце (рис. 6, 18). Выразительны также

фрагмент шлифованного долота (рис. 6, 19) и две целые оббитые заготовки тесел или топоров (рис. 6, 23). Кроме того, в этом слое обнаружен фрагмент браслета подтреугольного сечения (рис. 6, 21) и фрагмент его заготовки – изделия типичные для раннего этапа существования памятника.

Поверхность второго слоя (темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного щебенкой) находится на глубине 0,30-0,45 м от современной поверхности (рис. 8). Этот слой имеет наибольшую мощность в западной части раскопа. В южной части фиксируется выход крупных материковых камней, верхушки которых показались еще в первом слое (рис. 3). Второй слой также разобран двумя горизонтами расчистки, которые получили номера 3 и 4. Горизонт 3 соответствует верхней части второго слоя, его мощность составляет в среднем 0,10 м (рис. 8). Все данные убедительно свидетельствуют о том, что непо потревоженный культурный слой начинается именно здесь. На уровне поверхности слоя щебенки впервые фиксируется связное, горизонтальное залегание находок. Сохранность фрагментов возрастает. Появляется большое количество крупных орудий из камня и кости, почти отсутствовавших в вышележащем слое. Резко возрастает количество фаунистических остатков (табл. 5), фактически исчезает примесь поздних находок.

На этом уровне обнаружены остатки площадки из обожженной глины (рис. 8-9). Площадка имеет плохую сохранность и представляет собой пятно неправильной формы, состоящее из отдельных фрагментов глиняной обмазки. По длинной оси она ориентирована с юго-запада на северо-восток, то есть параллельно направлению оборонительной стены, окружающей поселение. Ее максимальные размеры 1,69x0,60x0,04 м. Площадка расположена в непосредственной близости от материковых камней, местами примыкая к ним. Наибольшая концентрация фрагментов керамики и кремня наблюдается на квадратах, примыкающих к объекту с севера и запада. Аналогичные площадки из обожженной глины были зафиксированы и при раскопках А.Д. Столяра в 1962-63 гг. [Столяр 2009: 73]. Условно они были названы глиняными «полами», но подлинное их назначение до сих пор остается неясным. Небольшие размеры этих пятен не позволили интерпретировать их как остатки полов жилищ. Современные раскопки навеса Мешоко показывают, что обожженные глиняные площадки могли входить в состав жилых сооружений.

Среди венчиков 3 горизонта, как и прежде, преобладают плавно отогнутые формы (рис. 10, 2, 4-7). Зафиксированы и венчики высокогорлых сосудов, отогнутые в верхней части (рис. 10, 1, 3) [Резепкин 2005: 74]. Количество фрагментов стенок сосудов с жемчужным орнаментом по-прежнему велико (117 экз.). Значительная их часть имеет пористую поверхность. На двух таких черепках фиксируется рельефный криволинейный орнамент (рис. 10, 18-19), более типичный для нижнего слоя поселения. Один мелкий фрагмент, орнаментированный прочерченными линиями, относится к периоду поздней бронзы. Среди керамических находок следует отметить миниатюрный сосудик (рис. 10, 12), фрагмент глиняного кружка, крупный фрагмент боковой части сосуда (рис. 10, 13) и изделие из глины с отверстием в тыльной части и ногтевидными вдавлениями с обеих сторон (рис. 10, 10).

Количество кремневых находок (1366 экз.) сокращается в 2,5 раза по сравнению со 2 горизонтом (табл. 2-4). Доля цветного кремня в составе сырья остается столь же высокой. Среди орудий наиболее выразительны два сегмента (рис. 11, 1-2), обработанные притупляющей ретушью – показательный элемент индустрии верхних горизонтов памятника [Осташинский 2008]. Типичными для верхнего слоя Мешоко являются вкладыши с двусторонней обработкой (рис. 11, 6-7), вкладыш на пластине (рис. 11, 21) [Осташинский 2013] и стержневидный ретушер (рис. 11, 28). Наконечники представлены лишь мелким фрагментом одного изделия. Скребки насчитывают 6 экз. (рис. 11, 3, 4-5), сверла, проколки и остря – 9 экз. (рис. 11, 8-16).

Сравнительно большое количество изделий связано с первичным расщеплением. В 3 горизонте впервые появляются шаровидные отбойники из кремня. Два целых экземпляра этих орудий найдены на кв. К-12, рядом с пятном обожженной глины. Еще два предмета представляют собой фрагменты подобных изделий. Нуклеусы и их фрагменты обнаружены в количестве 20 экз. Все они находятся в финальной стадии расщепления, имеют маленькие размеры (лишь два из них превышают размерами 5 см) и несут на себе негативы отщеповых снятий. В подавляющем большинстве нуклеусы имеют аморфные очертания. Один из них имеет коническую форму, один – призматическую, один относится к типу торцовых, восемь нуклеусов являются одноплощадочными, шесть – двуплощадочными. Пластины составляют 3% от всех находок, из них четыре фрагмента (рис. 11, 17, 21, 23) относятся к типу правильных пластин, характерных для индустрии позднего этапа существования памятника. По сравнению с предыдущим горизонтом значительно сокращается количество изделий с подтеской (табл. 3).

Костяные изделия, обнаруженные в 3 горизонте, демонстрируют максимальное разнообразие типов. Украшения представлены тремя каплевидными подвесками (рис. 10, 15-17), а также подвеской со слегка выделенной верхней частью (рис. 10, 14). Орудия представляют собой проколки (рис. 11, 27), фрагмент лощила (рис. 11, 20), шильце (рис. 11, 19), фрагмент шлифованного изделия с шестигранным сечением – возможно, наконечника (рис. 10, 20). Еще четыре изделия (рис. 11, 18, 24-26), предположительно, связаны с кремнеобработкой и, вероятно, являются посредниками и ретушерами, впервые выделенными на материалах поселения Мешоко Г.Н. Поплевко [Поплевко 2002]. Два из них обнаружены на кв. Л-11, прилегающем с севера к пятну обожженной глины.

Наибольшая концентрация шлифованных изделий из камня также приходится на третий горизонт расчистки (табл. 5). Шлифованные орудия представлены крупными топорами и теслами (рис. 12, 8, 13), небольшими теслецами (рис. 12, 1) и долотами (рис. 12, 6). Кроме того найдено и два каменных ножа, представляющих собой орудия на плоских сколах, обработанных двусторонней приостряющей оббивкой (рис. 12, 7). Этот тип изделий типичен для нижнего слоя памятника [Осташинский 2012: 60]. Также типичны для нижнего слоя найденные в 3 горизонте украшения в виде сланцевых и каменных браслетов. Всего обнаружено девять фрагментов

сланцевых браслетов (рис. 12, 10-12), три фрагмента пластинчатых браслетов (рис. 12, 2-3), фрагмент браслета с подтреугольным сечением (рис. 12, 4) и фрагмент незаконченного изделия этого типа. Эти данные, как и присутствие обломков стенок сосудов с рельефным криволинейным орнаментом, свидетельствуют о сохранении традиций нижнего слоя.

В заключение необходимо упомянуть более редкие находки – фрагмент зернотерки (рис. 12, 9), фрагмент каменного оселка (рис. 12, 5) и медное украшение в виде колечка с несомкнутыми концами (рис. 10, 11), типичное для верхних горизонтов памятника. Близкие формы украшений присутствуют в памятниках степного энеолита (рис. 1, 4) [Будников, Рассемакин 1993: 123]. Состав металла определен сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С.В. Хавриным: Cu – осн., As – 1-2%, Ni <0,5%, Ag <0,4%, Fe <0,2%, Pb – следы.

Горизонт расчистки 4 соответствует нижней части второго слоя. Культурный слой здесь присутствует только в западной части раскопа. В его восточной части прослеживаются материковые отложения без культурных остатков (рис. 13). Количество находок керамики и кремня сократилось почти в четыре раза по сравнению с предыдущим горизонтом (табл. 1-2). Количество фаунистических остатков продолжает оставаться высоким, хотя и сокращается более чем в два раза (табл. 5). Сравнительно большое количество костных остатков в нижней части слоя щебенки было отмечено и в ходе раскопок 2007 г. (табл. 1) [Осташинский 2012: 60]. Фрагментами венчиков являются 48 экз. Их формы остаются прежними (рис. 14, 10-13), при этом три фрагмента имеют узкое и высокое цилиндрическое горло (рис. 14, 10-12). Подобные сосуды присутствуют и в нижнем слое поселения Мешоко [Столяр 2009: 185], а также на других поселениях закубанской (мешоковской) культуры – Свободное (рис. 8, б) [Нехаев 1992: 93], Ясеновая поляна, Замок [Кореневский, 1998: 123] (рис. 5, 8), навес Мешоко. Количество фрагментов, имеющих пористую поверхность, заметно уменьшается, появляются фрагменты с хорошо заглаженной поверхностью, но в целом, по цвету и характеру примесей стенки сосудов 3 и 4 горизонтов сохраняют близость. Керамики с хорошим или зеркальным лощением, типичной для нижнего слоя, здесь еще нет. Отличает четвертый горизонт резкое (более чем в 10 раз) сокращение числа стенок сосудов с жемчужным орнаментом. Их всего 10 экз. (рис. 14, 2) На двух фрагментах стенок сосудов отмечен наклепной криволинейный орнамент (рис. 14, 1).

Кремневые находки зафиксированы в количестве 386 экз. Их состав довольно значительно отличается от состава находок вышележащего горизонта. Среди сырья сокращается доля цветного кремня. Более чем в два раза увеличивается процент пластин. Растет количество пластинчатых отщепов (табл. 2, 4). При этом состав орудийного комплекса существенно сокращается: микролиты отсутствуют, двусторонне обработанные формы представлены лишь одним фрагментом изделия (рис. 15, 3). К типологически выраженным орудиям относятся четыре скребка (рис. 15, 4-7), три из которых близки орудиям 2 и 3 горизонта, и сверло. Большая часть орудий представляет собой отщепы с ретушью (рис. 15, 12). Почти исчезают и изделия с подтеской (табл.

3). Нуклеусы найдены в количестве 9 экз. Семь из них являются одноплощадочными, два двуплощадочными. Все из серого кремня. В основном изделия сильно сработаны. Высота шести из них не превышает 3 см, но при этом здесь меньше аморфных нуклеусов, чем в третьем горизонте. Преобладают подпризматические формы. Один нуклеус имеет коническую форму (рис. 15, 13), два относятся к типу торцовых. Пластинки получены ударной техникой и имеют в основном небольшие размеры и нечеткую огранку (рис. 15, 8-11). Правильные пластины отсутствуют. По сравнению с вышележащим горизонтом в 2,5 раза (с 47% до 19%) сокращается доля пластин, изготовленных из цветного кремня. Все эти признаки: более высокий уровень пластинчатости, незначительная роль биполярной техники, меньшая доля цветного кремня, сокращение орудийного набора, сближают кремневую коллекцию нижней части второго слоя с индустрией нижнего слоя памятника, известной по раскопкам на других его участках.

Костяные изделия 4 горизонта найдены в количестве 5 экз. Среди них – два роговых посредника/ретушера (рис. 15, 21, 22), обнаруженных на кв. Л-10 и М-11, рядом с аналогичными орудиями третьего горизонта, фрагмент проколки (рис. 15, 20), фрагмент наконечника (?) (рис. 15, 19) и фрагмент пластины из клыка кабана с отверстием (рис. 14, 6).

В отличие от других категорий находок, количество сланцевых браслетов в четвертом горизонте не сокращается, а увеличивается в два раза (табл. 5). Всего их найдено 19 экз. (рис. 14, 7-9). Кроме того, найдены один фрагмент пластинчатого браслета со следами ремонта (рис. 14, 3), фрагмент браслета подтреугольного сечения (рис. 14, 4) и фрагмент изделия в виде браслета (рис. 15, 23), но с диаметром отверстия всего 3,5 см. Возможно, подвеска. Шлифованные орудия представлены тремя целыми теслами (рис. 15, 17) и двумя их фрагментами. В одном экземпляре найден каменный нож, аналогичный двум орудиям из вышележащего горизонта (рис. 15, 16). Также здесь, как и в предыдущем горизонте, был найден фрагмент оселка (рис. 15, 18).

Горизонт 5 соответствует нижней части второго слоя и слою погребенной почвы (третьему слою). Находок он содержит немного. Скорее всего, они попали сюда из вышележащего горизонта. Некоторые из них могут относиться к раннему периоду существования памятника. Среди изделий из керамики следует выделить два фрагмента стенок с жемчужным орнаментом и один с орнаментом в виде наклепной выпуклины (рис. 17, 6). Индивидуальные находки из кремня представлены скребком (рис. 17, 5) и двумя нуклеусами, один из которых относится к типу дисковидных (рис. 17, 7-8). Наиболее примечательной находкой является бисерина из камня диаметром 0,3 см (рис. 17, 4). Аналогичное изделие было обнаружено А.Д. Столяром в верхнем горизонте раскопа II на поселении Мешоко в 1963 г. Сейчас большое количество подобных украшений найдено в навесе Мешоко [Осташинский, Черленок 2016: 49-50]. В материке были открыты две ямы (рис. 16; 17, 1-2), расположенные на кв. К-13 (яма 1) и К/Л-11 (яма 2). Редкие находки встречались преимущественно в верхней части их заполнения, к индивидуальным относится кремневый скребок, происходящий из ямы 1 (рис.

17, 3). В юго-восточном углу раскопа были выявлены следы выборки камня (рис. 16). Это соответствует наблюдениям А.Д. Столяра об использовании внутренней части поселения в качестве каменоломни при строительстве оборонительной стены [Столяр 2009: 70].

Полученные в ходе работ 2008 г. данные подтверждают и наши наблюдения 2007 г. о возможности выделения в верхнем культурном слое двух уровней, различающихся по составу находок [Осташинский 2012]. Верхний культурный слой соответствует слою темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного щебенкой. Его верхний уровень связан с поверхностью слоя щебенки и теми находками, которые залегают непосредственно на нем. Этой части отложений отвечают материалы 1-3 горизонтов расчистки, характеризующие культуру позднего этапа существования памятника. Количество находок здесь максимально. Для керамики типична пористая поверхность и большое количество жемчужного орнамента, плавно отогнутые или отогнутые в верхней части венчики. Кремневая индустрия переживает расцвет. Она обладает устойчивым и разнообразным набором типов изделий. Достигает совершенства техника двусторонней обработки. Также наличествует и техника получения правильных пластин. Разнообразны и многочисленны изделия из кости и камня. Редко встречаются медные украшения. Присутствие незначительного количества сланцевых и каменных браслетов, а также стенок сосудов с рельефным орнаментом, говорит о переживании традиций нижнего слоя.

Нижний уровень верхнего слоя соответствует нижней части слоя щебенки (4 и частично 5 горизонт расчистки) и имеет ряд существенных отличий. Количество находок здесь резко сокращается. Формы венчиков остаются прежними, но почти исчезают фрагменты с пористой поверхностью, жемчужный орнамент встречается гораздо реже. В кремневой индустрии присутствуют особенности, сближающие ее с индустрией нижнего слоя. Растет количество браслетов. Эти данные говорят о том, что материальный комплекс этой части отложений во многом продолжает традиции нижнего слоя поселения. Сочетание в нем признаков, типичных для нижнего слоя и для отложений, характеризующих поздний этап существования памятника, носит, как нам представляется, не механический характер и не может быть объяснено смешанностью комплексов. В противном случае здесь наблюдалось бы присутствие как качественной лощеной керамики из нижнего слоя, так и грубой пористой, типичной для верхних горизонтов. Но подобные случаи редки. Вероятно, материалы из нижней части слоя щебенки, имеют переходный характер и говорят о том, что культурный комплекс верхних горизонтов появляется здесь не внезапно и не в «готовом» виде. То есть речь идет не о смене культур при переходе от нижнего слоя поселения Мешоко к верхнему слою, а о культурной трансформации, что согласуется с результатами других исследований [Резепкин 2005; Козинцев 2017].

Вопрос о причинах этой трансформации еще далек от своего разрешения. Вероятно, она проходила под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. На переменах в технологии расщепления, вполне могло сказаться

появление нового, более качественного сырья. Но едва ли этот фактор может объяснить появление новых типов изделий в больших количествах в верхних горизонтах памятника. С другой стороны, до сих пор не обнаружено и той культурной традиции, которая могла бы повлиять на обитателей поселения Мешоко. Часть наконечников треугольной формы имеет аналогии в материалах хвалынского-среднестоговской общности степного энеолита. Этому соответствуют находки медных изделий и крестовидных булав. Но отсутствие полных аналогий мешоковскому набору наконечников стрел заставляет думать, что он сложился в окончательном виде именно в данном микрорегионе [Осташинский 2004]. Надо полагать, что культурно-исторические процессы в разных регионах закубанской (мешоковской) культуры протекали по-разному, что обусловило существование заметных локальных отличий между ними.

Хронология поселения Мешоко также нуждается в дальнейшей разработке. Его радиоуглеродные даты имеют большой разброс и указывают на диапазон от второй половины 5 тыс. до н.э. до первой половины 4 тыс. до н.э. [Зайцева и др. 2009; Осташинский 2014]. Новая дата (Le-11766, 5070±70 BP) относится к середине этого диапазона. Она получена по материалам раскопок 2007 г. [Осташинский 2012]. Образец (уголь) происходит из нижней части слоя щебенки – с кв. Б-4 горизонт 9. Калиброванное значение при вероятности 95,2% составляет 3991-3702 лет до н.э. Ранняя половина этого промежутка (3990-3850 лет до н.э.) представляется более вероятной, поскольку даты, укладывающиеся в диапазон 3800-3600 лет до н.э., относятся к более позднему памятнику – навесу Мешоко [Осташинский, Черленок 2013].

Таблицы 1-5.

горизонт	всего керамики	Керамика >3 см	Венчики (>3 см)	жемчужный орнамент	прочерченный орнамент	рельефный орнамент
1	1556	97 (6%)	14 (1)	22	1	1
2	10143	1314 (13%)	186 (63)	219	5	1
3	6552	1262 (19%)	144 (63)	117	1	2
4	1630	446 (27%)	48 (23)	10		2
5	253	101 (40%)	6(4)	2		1
итого	20134	3220	398 (154)	370	7	7

Табл. 1. Распределение керамических находок по горизонтам расчистки

Гор.	Всего	Цветной кремьень	Всего с ретушью	микролиты	Наконечники и фрагменты	Вкладыши	Фрагменты и заготовки бифасов	Скрепки
1	2033	727 (36%)	119(6%)	1	1	-	3	5
2	3402	1335 (39%)	201(6%)	-	7	-	11	15
3	1366	502 (37%)	87(6%)	2	1	4	7	6
4	386	95 (25%)	28(7%)	-	-	-	1	4
5	61	10 (16%)	8(13%)	-	-	-	2	2
итого	7248	2669	443	3	9	4	24	32

Табл. 2. Распределение кремневых находок и орудий по горизонтам расчистки

Гор.	Перфораторы	Ретушеры	Изделия с подтеской	Пластины с ретушью	Отщепы с ретушью	Пласт. отщепы с ретушью	Обломки орудий
1	10	1	27 (1%)	22	48	6	16
2	22	2	55 (2%)	33	69	7	28
3	9	2	12 (0,1%)	12	32	2	9
4	1	-	2	3	13	-	5
5	-	-	-	-	4	-	-
итого	42	5	96	70	166	15	58

Табл. 3. Распределение кремневых орудий по горизонтам расчистки.

Гор.	Пластины	Правильные пластины	Пластинчатые отщепы	Нуклеусы (и их фрагменты)	Нуклевидные обломки	Отбойники	Отщепы, осколки, обломки
1	76 (4%)	7	17	10	1	-	1793 (88%)
2	115 (3%)	5	30	25	3	-	2946(87%)
3	45 (3%)	4	10	20	10	5	1143(84%)
4	27 (7%)	-	22	9	-	1	230(60%)
5	2	-	2	3	-	1	39(64%)
итого	265	16	81	67	14	7	6151

Табл. 4. Распределение кремневых находок по горизонтам расчистки.

Гор.	Шлифованные орудия	Фрагменты шлифованных орудий	Заготовки и их фрагменты	Сланцевые браслеты	Каменные браслеты	Каплевидные подвески	Фауна, кг
1	-	1	1	-	-	+	0,370
2	2	8	5	-	2	+	4,042
3	7	12	16	9	5	+	14,19
4	3	2	5	19	3	-	6,218
5	-	-	-	2	2	-	1,03
итого	12	23	27	30	12		25,85

Табл. 5. Распределение изделий из камня и кости и фаунистических остатков по горизонтам расчистки.

Рисунки 1-17.

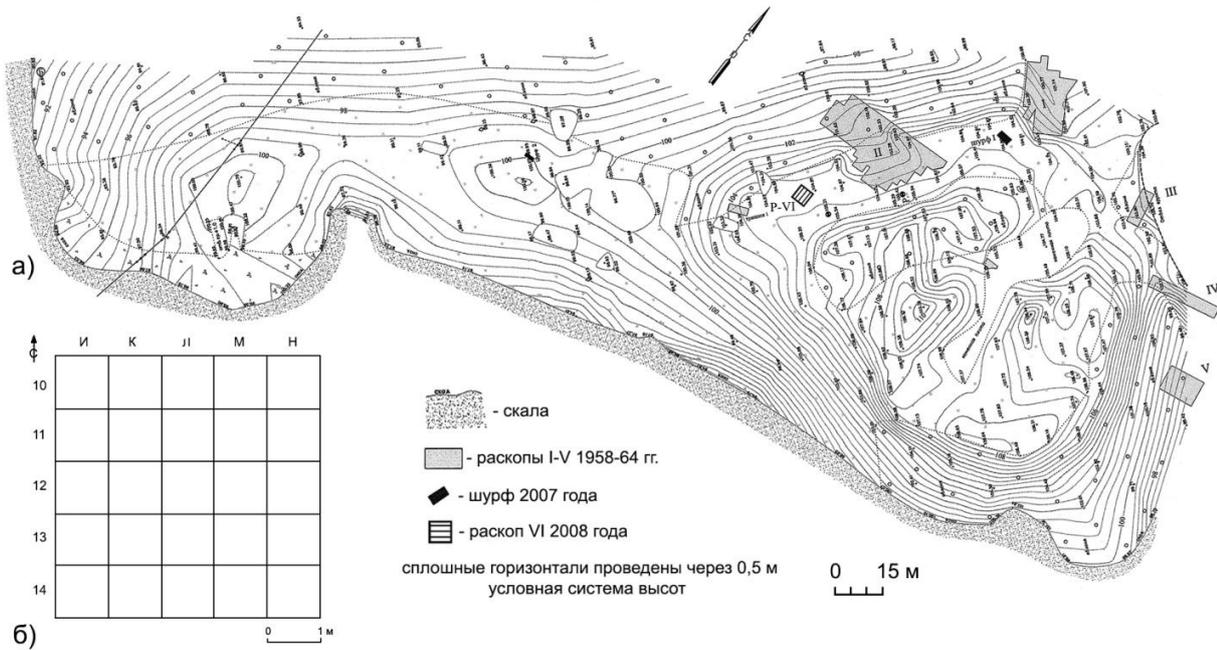

Рис. 1: а) – план поселения Мешоко (съемка Г.В. Порошина); б) – план раскопа VI 2008 г.

Рис. 2. Поселение Мешоко 2008 г. Раскоп VI до начала работ. Вид с востока.

Рис. 3. Раскоп VI после снятия 1 горизонта. Вид с юга.

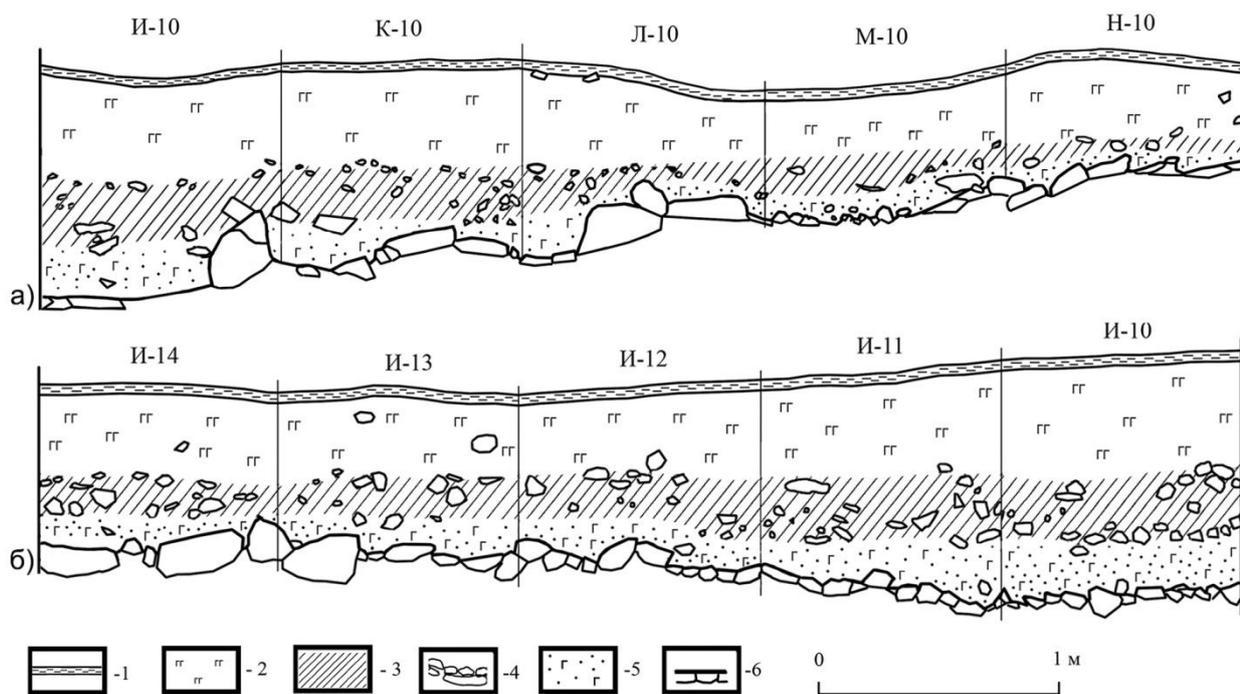

Рис. 4. Раскоп VI: а) – профиль северной стенки; б) – профиль западной стенки. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – слой темно-серого гумусированного суглинка (слой 1); 3 – слой темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного щебенкой (слой 2); 4 – щебенка и крупные камни; 5 – слой черного гумусированного суглинка (слой 3); 6 – материк.

Рис. 5. Раскоп VI: а) – северная стенка; б) – западная стенка.

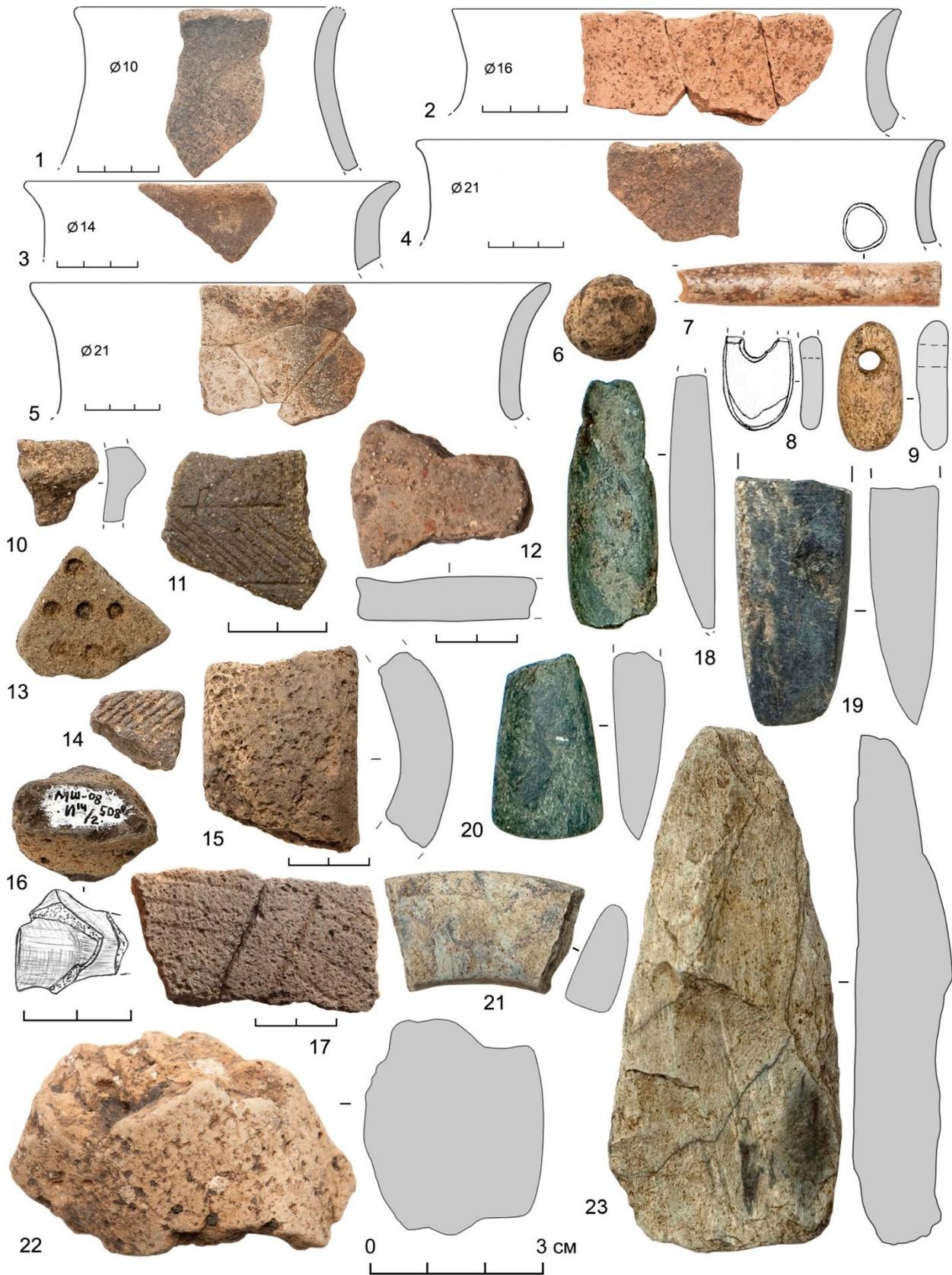

Рис. 6. Раскоп VI. Слой 1. Горизонты расчистки 1-2. Керамические находки, изделия из камня и кости.

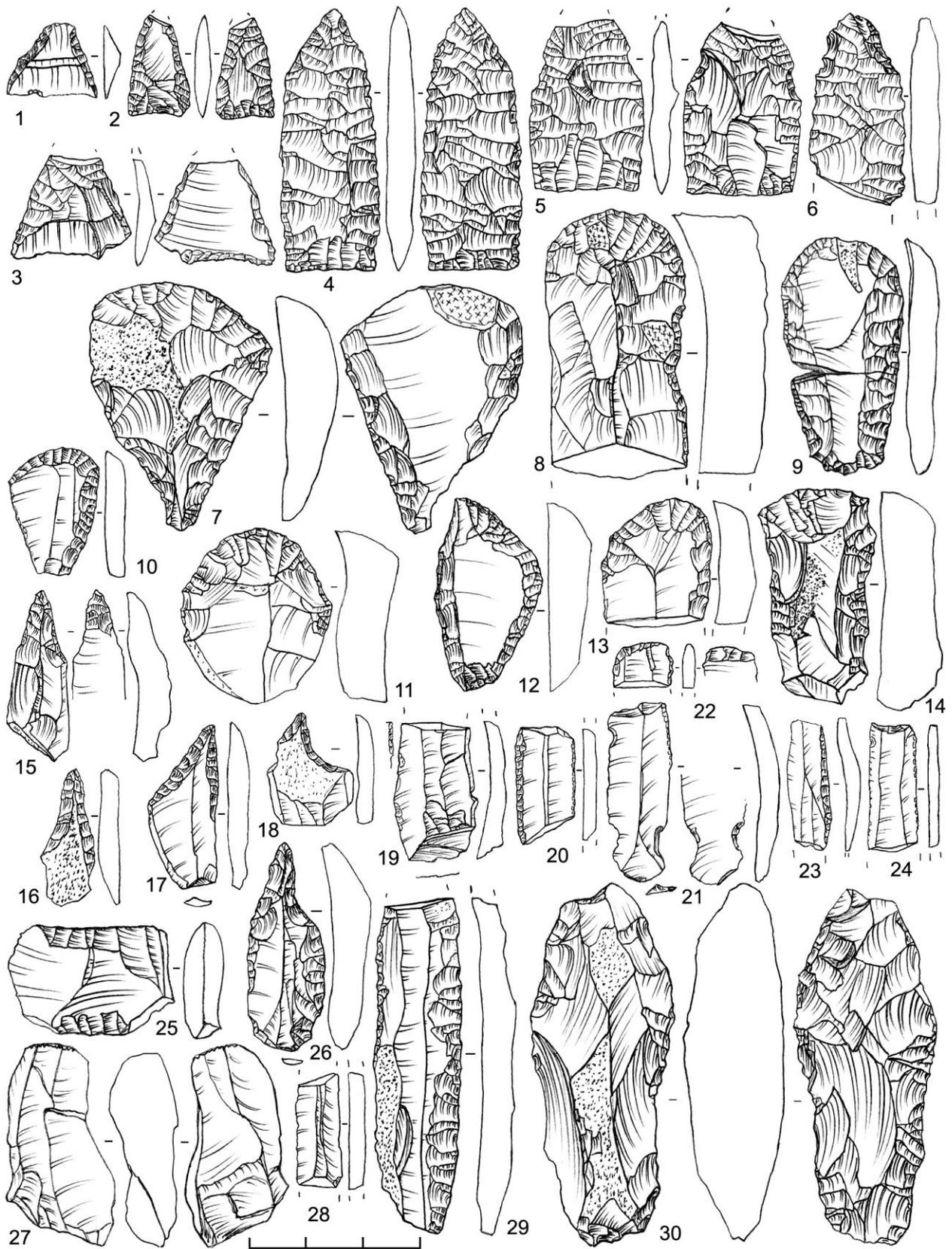

Рис. 7. Раскоп VI. Слой 1. Горизонты расчистки 1-2. Кремневые изделия.

Рис. 8. Раскоп VI. Поверхность слоя 2. Горизонт расчистки 3. Вид с юга.

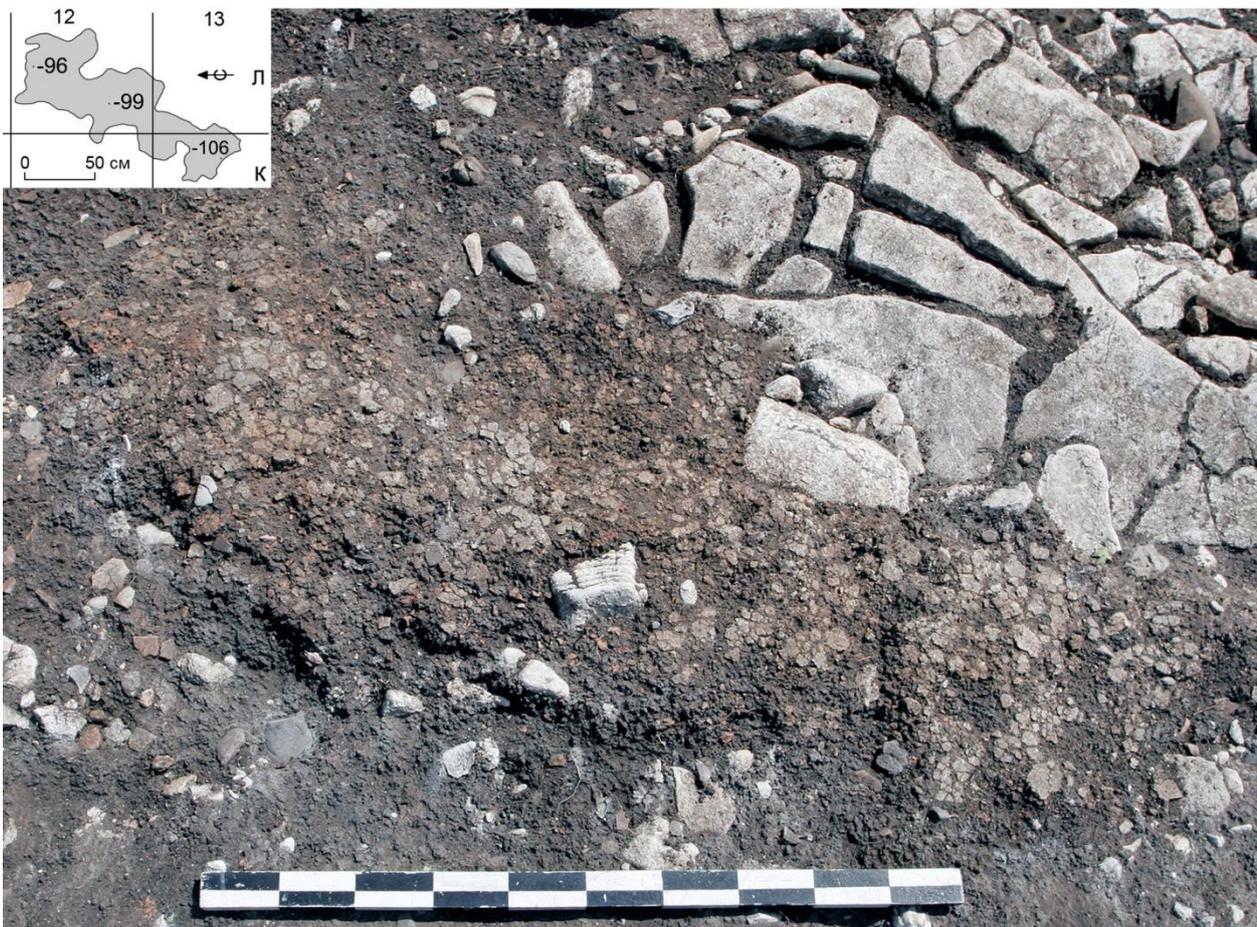

Рис. 9. Раскоп VI. Поверхность слоя 2. Горизонт расчистки 3. Пятно обожженной глиняной обмазки. Чертеж и фото. Вид с запада.

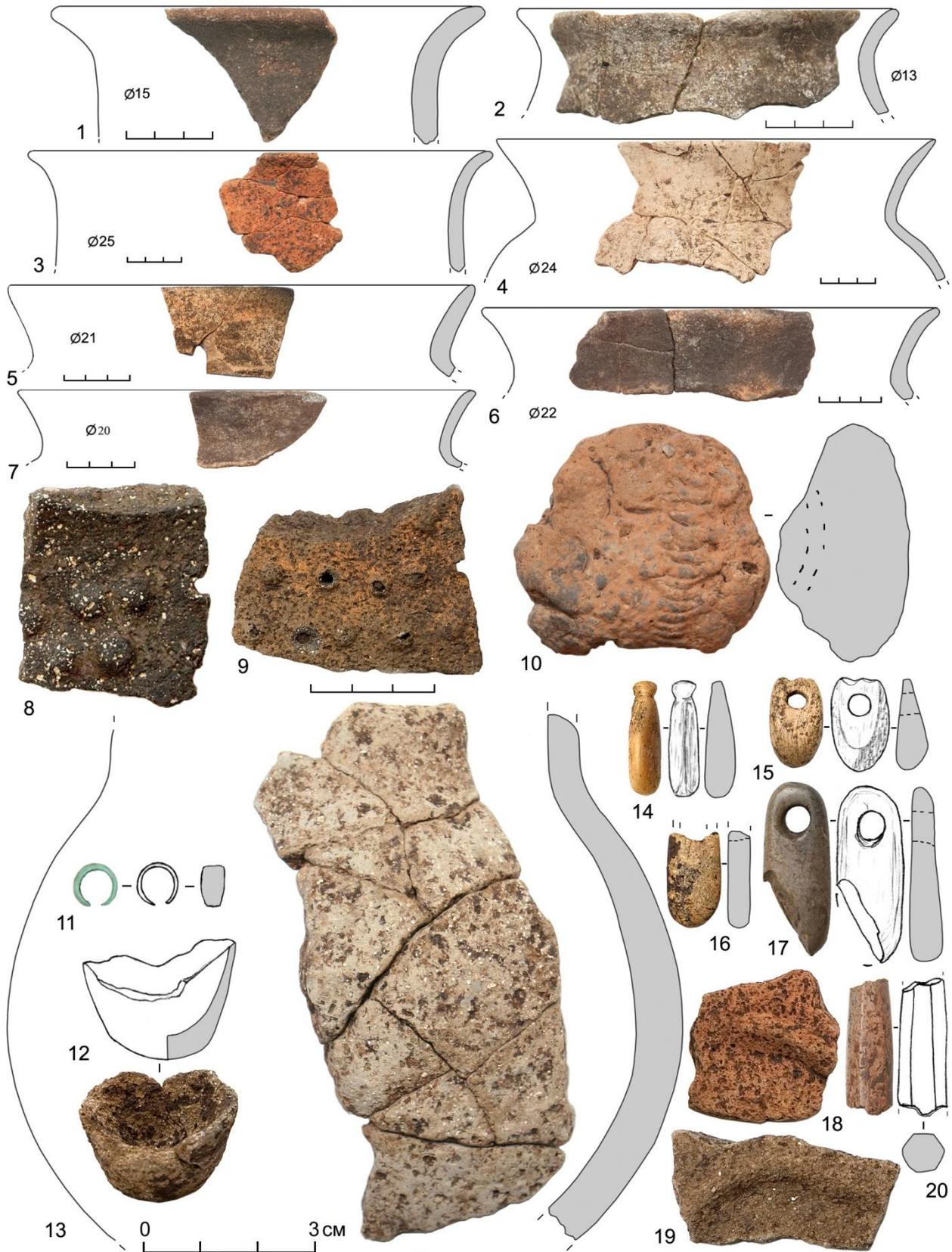

Рис. 10. Раскоп VI. Слой 2. Горизонт расчистки 3. Керамические находки, изделия из кости и металла.

Рис. 11. Раскоп VI. Слой 2. Горизонт расчистки 3. Изделия из кремня и кости.

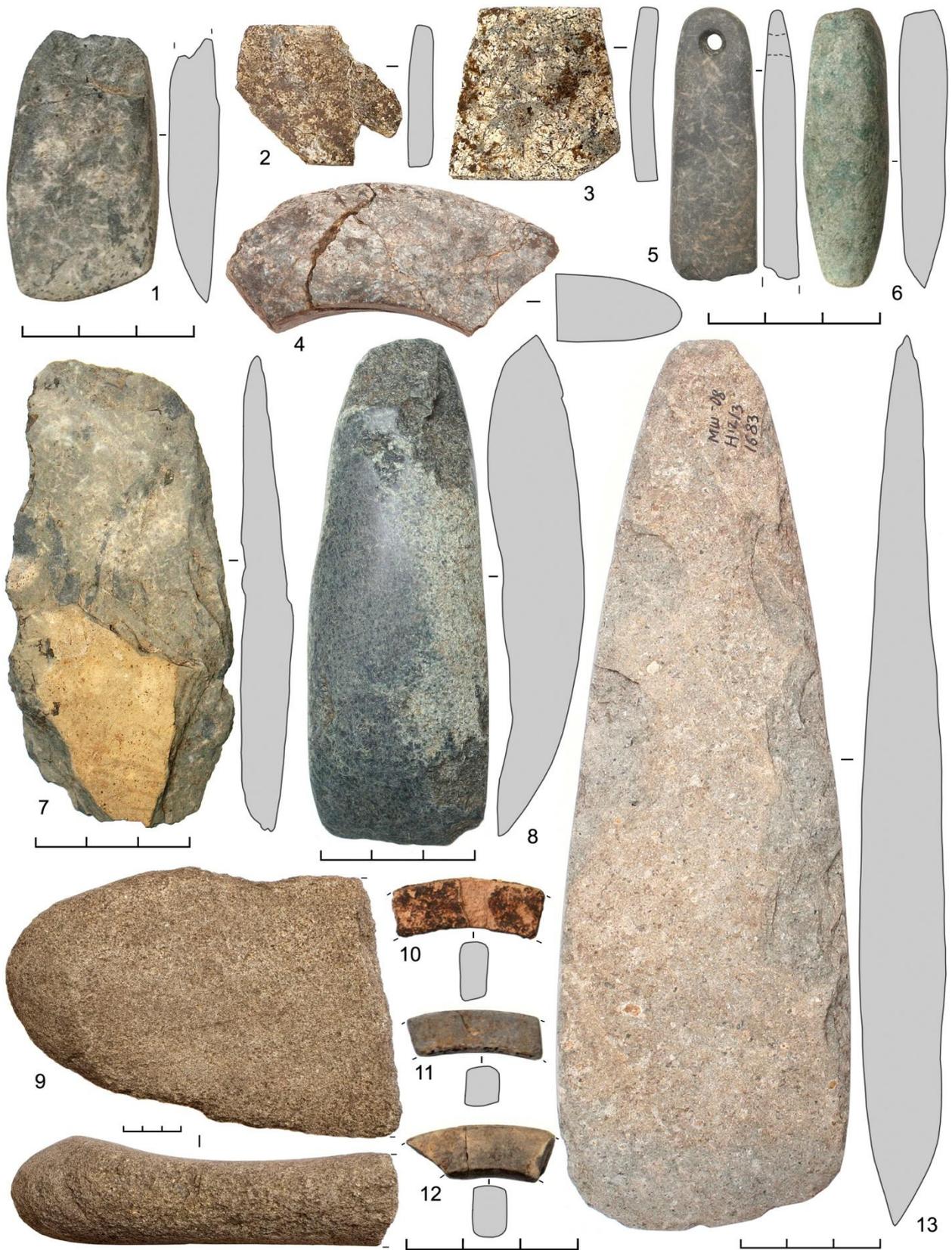

Рис. 12. Раскоп VI. Слой 2. Горизонт расчистки 3. Изделия из камня.

Рис. 13. Раскоп VI. Слой 2. Горизонт расчистки 4. Вид с юга.

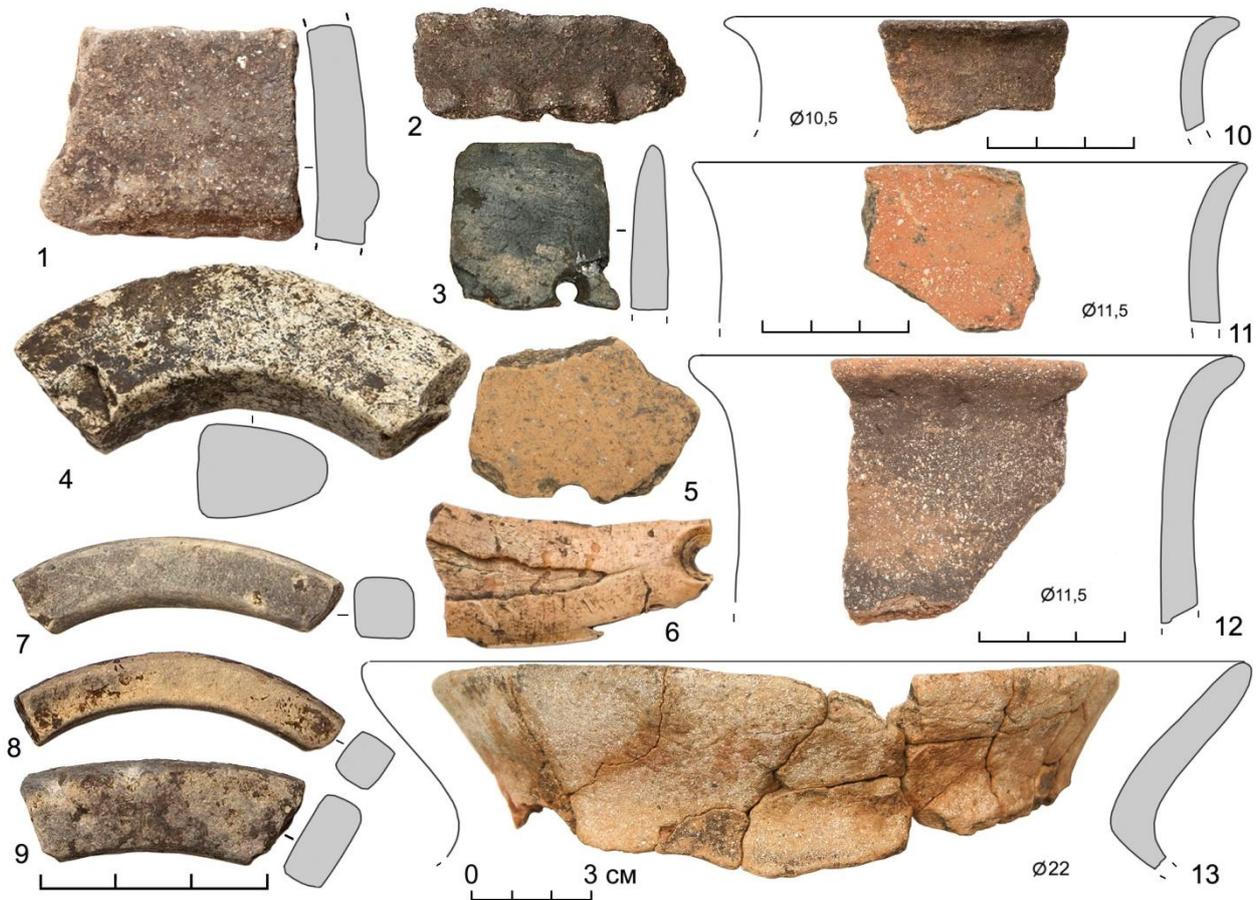

Рис. 14. Раскоп VI. Слой 2. Горизонт расчистки 4. Керамические находки, изделия из кости и камня.

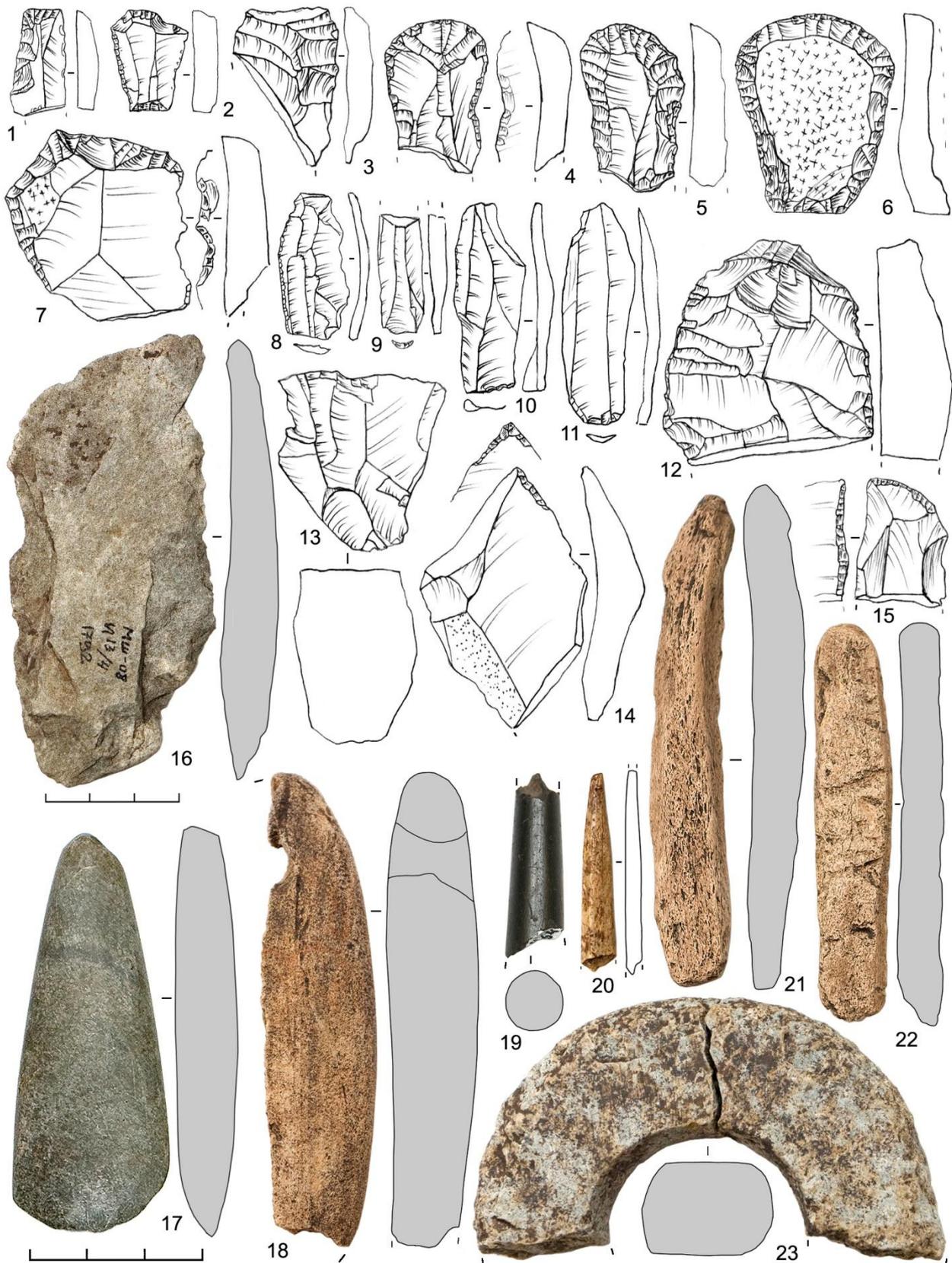

Рис. 15. Раскоп VI. Слой 2. Горизонт расчистки 4. Изделия из кремня, кости и камня.

Рис. 16. Раскоп VI. Материк. Вид с юга.

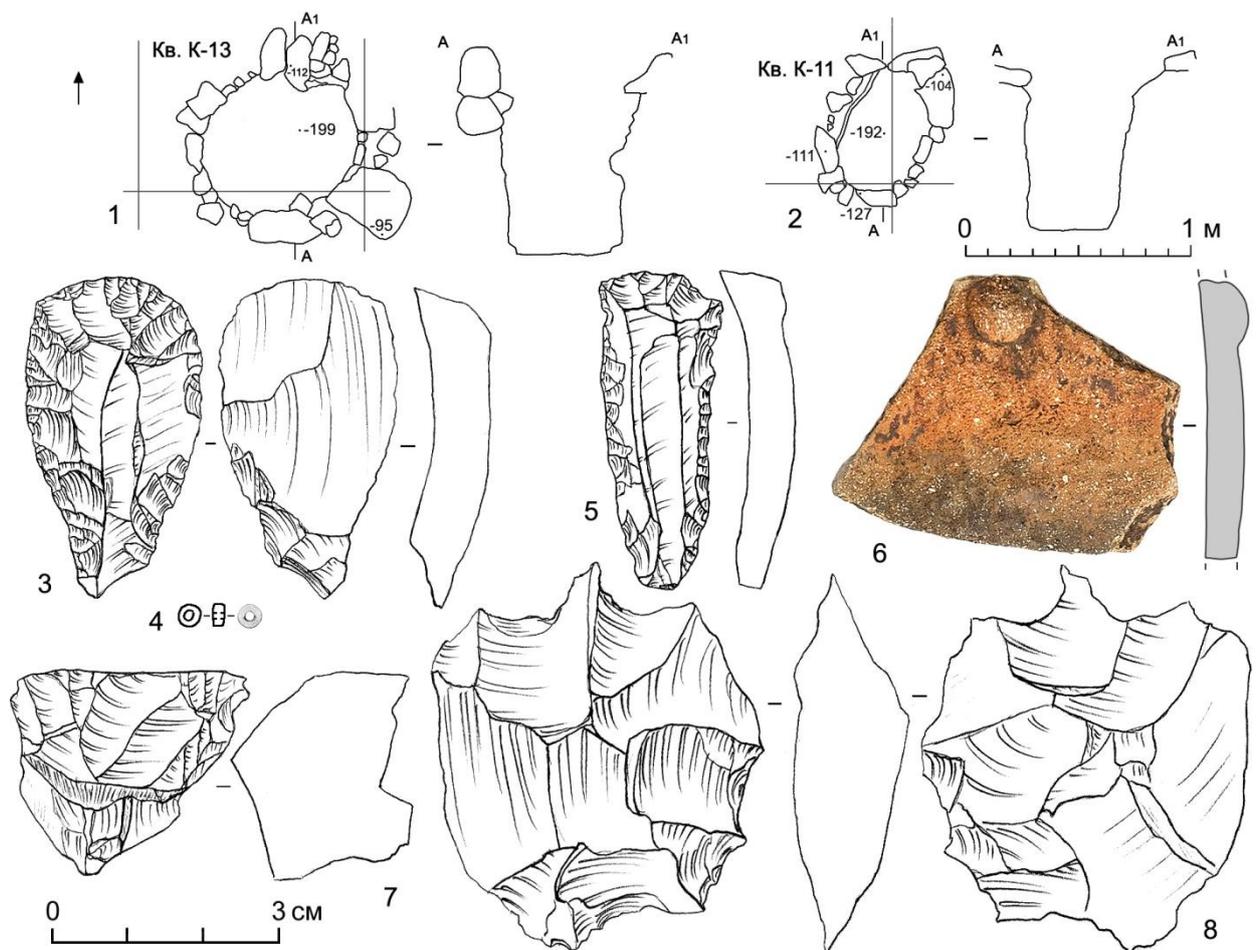

Рис. 17. Раскоп VI. Ямы 1-2. Горизонт расчистки 5. Изделия из кремня, камня и керамики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Будников, Рассамакин 1993 – *Будников А.Б., Рассамакин Ю.Я.* Энеолитический могильник Кривой рог и его место в системе степных древностей // *The fourth millennium B. C. / Ed. by Petya Georgieva.* – Sofia: New Bulgarian university, 1993 – С. 116-125.

Зайцева и др. 2009 – *Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенов А.А.* Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. / Ред.-сост. А.Д. Столяр, А.А. Формозов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. – С. 208-214.

Козинцев 2017 – *Козинцев А.Г.* Опыт обобщенной оценки культурной динамики на многослойных памятниках (по материалам энеолитических крепостей Закубанья) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2017. – Том 45. – № 1. – С. 58-71.

Кореневский 1998 – *Кореневский С.Н.* Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Вып. 1. – Ставрополь: ГУП "Наследие", 1998. – С. 96-147.

Нехаев 1992 – *Нехаев А.А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // *Археологические вести.* – 1992. – № 1. – С. 76-96.

Осташинский 2004 – *Осташинский С.М.* Наконечники стрел и дротиков поселения Мешоко (вопросы классификации и стратиграфии) // *Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова.* – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 334-355.

Осташинский 2008 – *Осташинский С.М.* Геометрические микролиты поселения Мешоко // *Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сборник к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева / Ред.-сост. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский.* – М.: Таус, 2008. – С. 53-70.

Осташинский 2012 – *Осташинский С.М.* Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко // *Археологические вести.* – 2012. – № 18. – С. 43-66.

Осташинский 2013 – *Осташинский С.М.* Вкладышевые орудия поселения Мешоко // *Древности Западного Кавказа.* – Краснодар: Гранат, 2013. – С. 4-28.

Осташинский 2014 – *Осташинский С.М.* Закубанская экспедиция // *Экспедиции. Археология в Эрмитаже.* – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 222-235.

Осташинский, Черленок 2013 – *Осташинский С.М., Черленок Е.А.* Новые данные о соотношении позднеэнеолитической и майкопской культуры в предгорьях Северо-Западного Кавказа // *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция.* – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 321-324.

Поплевко 2002 – *Поплевко Г.Н.* К методике определения посредников и ретушеров из рога и кости // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.).* – Тирасполь: Научно-исследовательская лаборатория "Археология", 2002. – С. 45-48.

Резепкин 2005 – *Резепкин А.Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* – Краснодар: [б.и.], 2005. Вып. 5. – С. 73-93.

Столяр, Формозов, 2009 – *Столяр А.Д., Формозов А.А.* (ред.) Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958-1965 гг. / Ред.-сост. А.Д. Столяр, А.А. Формозов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. – 249 с.

de la Peña 2015 – *Paloma de la Peña.* A qualitative guide to recognize bipolar knapping for flint and quartz // *Lithic Technology.* – 2015. – Vol. 40. – No. 4. – P. 1-16.

REFERENCES

BUDNIKOV A.B., RASSAMAKIN Yu.Ya. *Eneoliticheskiy mogil'nik Krivoi rog i ego mesto v sisteme stepnykh drevnostei* [Eneolithic burial ground Krivoy Rog and its place in the system of steppe antiquities]. IN: The fourth millennium B. C. Ed. by Petya Georgieva. – Sofia: New Bulgarian university, 1993 – P. 116-125. (In Russian)

KORENEVSKII S.N. *Poselenie «Zamok» u goroda Kislovodsk (nizhnii sloi)* [The settlement "Zamok" near the city of Kislovodsk (lower layer)]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. I* [Materials on the study of historical and cultural heritage of the North Caucasus. Iss. 1]. – Stavropol: GUP "Nasledie", 1998. – P. 96-147. (In Russian)

KOZINTSEV A.G. *Opyt obobshchennoi otsenki kul'turnoi dinamiki na mnogoslainnykh pamyatnikakh (po materialam eneoliticheskikh krepostei Zakuban'ya)* [The experience of a generalized assessment of cultural dynamics on multilayer monuments (based on materials of the Eneolithic fortresses of the Trans-Kuban region)]. IN: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. – 2017. – Vol. 45. – No 1. – P. 58-71. (In Russian)

NEKHAEV A.A. *Domaikopskaya kul'tura Severnogo Kavkaza* [Pre-Maikop culture of the North Caucasus]. IN: *Arkheologicheskie vesti*. – 1992. – No 1. – P. 76-96. (In Russian)

OSTASHINSKII S.M. *Geometricheskie mikrolity poseleniya Meshoko* [Geometric microliths of the Meshoko settlement]. IN: *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: Sbornik k 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora R.M. Munchaeva / Red.-sost. N.Ya. Merpert, S.N. Korenevskii* [Merpert, N.Ya., and S.N. Korenevsky, eds. Archaeology of the Caucasus and the Near East: Collection of papers to the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor R.M. Munchaev]. – M.: Taus, 2008. – P. 53-70. (In Russian)

OSTASHINSKII S.M. *Materialy raskopok 2007 g. na poselenii Meshoko* [Excavation materials of 2007 at the settlement of Meshoko]. IN: *Arkheologicheskie vesti*. – 2012. – No 18. – P. 43-66. (In Russian)

OSTASHINSKII S.M. *Nakonechniki strel i drotikov poseleniya Meshoko (voprosy klassifikatsii i stratigrafii)* [Arrowheads and darts of Meshoko settlement (classification and stratigraphy issues)]. IN: *Nevskii arkhologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu A.A. Formozova* [Nevsky archaeological and historiographical collection: the 75th anniversary of A.A. Formozov]. – SPb.: SPbGU, 2004. – P. 334-355. (In Russian)

OSTASHINSKII S.M. *Vkladyshevye orudiya poseleniya Meshoko* [Insert Tools of the settlement of Meshoko]. IN: *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus]. – Krasnodar: Granat, 2013. – P. 4-28. (In Russian)

OSTASHINSKII S.M. *Zakubanskaya ekspeditsiya* [Trans-Kuban expedition]. IN: *Ekspeditsii. Arkheologiya v Ermitazhe* [Expeditions. Archeology in the Hermitage]. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2014. – P. 222-235. (In Russian)

OSTASHINSKII S.M., CHERLENOK E.A. *Novye dannye o sootnoshenii pozdneeneoliticheskoi i maikopskoi kul'tury v predgor'yakh Severo-Zapadnogo Kavkaza* [New data on the correlation of Late Eneolithic and Maikop culture in the foothills of the Northwest Caucasus]. IN: *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkhologicheskaya konferentsiya* [Sixth International Kuban Archaeological Conference]. – Krasnodar: Ekoinvest, 2013. – P. 321-324. (In Russian)

PALOMA DE LA PEÑA. A qualitative guide to recognize bipolar knapping for flint and quartz. IN: *Lithic Technology*. – 2015. – Vol. 40. – No 4. – P. 1-16. (In English)

POPLEVKO G.N. *K metodike opredeleniya posrednikov i retusherov iz roga i kosti* [To the methodology for determining mediators and retouchers from horn and bone]. IN: *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n.e. – V v. n.e.)* [The most ancient communities of farmers and pastoralists of the Northern Black Sea region (5th millennium BC – 5th century AD)]. – Tiraspol': Nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya "Arkheologiya", 2002. – P. 45-48. (In Russian)

REZEPKIN A.D. *Eneoliticheskoe poselenie Meshoko* [Eneolithic settlement of Meshoko]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and research on archeology of the Kuban]. – Krasnodar: [w.p.], 2005. Iss. 5. – P. 73-93. (In Russian)

STOLYAR A.D., FORMOZOV A.A. (eds.) *Meshoko – drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya. Otchety Severokavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1958-1965 gg.* [Meshoko – the most ancient fortress of Ciscaucasia. Reports of the North Caucasus Archaeological Expedition 1958-1965]. Ed. by A.D. Stolyar, A.A. Formozov. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009. – 249 p. (In Russian)

ZAITSEVA G.I., BUROVA N.D., SEMENTSOV A.A. *Pervye radiouglerodnye daty poseleniya Meshoko* [The first radiocarbon dates of Meshoko settlement]. IN: *Meshoko – drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya. Otchety Severokavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1958-1965 gg.* [Meshoko – the most ancient fortress of Ciscaucasia. Reports of the North Caucasus Archaeological Expedition 1958-1965]. Ed. by A.D. Stolyar, A.A. Formozov. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009. – P. 208-214. (In Russian)

Археология и древняя история

УДК 902

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-62-66

ФАУНА ПОСЕЛЕНИЯ МЕШОКО (РАСКОПКИ 2008 г.)¹

М.В. САБЛИН

*Зоологический институт РАН
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб.. Д. 1
E-mail: msablin@yandex.ru*

Аннотация. В статье приведены определения фаунистических остатков из раскопок Закубанской экспедиции Государственного Эрмитажа на поселении Мешоко в 2008 г. Всего до вида удалось определить 606 костей. Наибольшее количество остатков принадлежит свинье, на втором месте находится корова, заметно меньшую долю занимает мелкий рогатый скот, дикие виды не превышают 3,5 процента, отсутствуют такие домашние животные как собака и лошадь. На основании соотношения основных групп млекопитающих выделяются три группы энеолитических поселений. В первой группе (поселения Мешоко, Ясенева поляна, хутор Веселый) ведущая роль принадлежит корове и свинье. Во второй группе (Каменноостская пещера, Хаджох, Гуамский грот) наиболее значительное место занимает овца и коза, высока доля костей диких животных. Ей близка третья группа, особенностью которой является присутствие костей лошади (поселения Мысхако I, Замок).

Ключевые слова: Северный Кавказ; энеолит; поселение Мешоко; фауна; археозоология.

FAUNA OF THE MESHOKO SETTLEMENT
(2008 EXCAVATIONS)

M.V. SABLIN

*Zoological institute RAS
199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 1
E-mail: msablin@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes of faunal remains from the excavations of the Zakubanskaya expedition of the State Hermitage museum in the site of Meshoko in 2008. A total of 606 bones were determined to the species. The largest number of bones belongs to the pig, the second place is the cow, a smaller proportion is occupied by small cattle, wild species do not exceed 3.5 percent, there are no dog and a horse. Based on the ratio of the main groups of mammals, three groups of Eneolithic settlements are distinguished. In the first group (the site Meshoko, Yasenovaya Polyana, Khutor Veseliy) the leading role belongs to the cow and pig. In the second group (Kamennomostskaya cave, Hajokh, Guam grotto) the sheep and goat occupy the most significant place, the share of bones of wild animals is high. She is close to the third group, the feature of which is the presence of the horse's bones (the site Myskhako I, Zamok).

¹ Исследование было проведено при участии ЗИН РАН (гос. тема № АААА-А17-117022810195-3).

Keywords: Northern Caucasus; Copper age; Meshoko; fauna; archaeozoology.

Поселение Мешоко является одним из наиболее значимых памятников энеолитического времени на Северном Кавказе. Оттуда происходит много остеологического материала. Так, В.И. Цалкину удалось определить с памятника Мешоко почти 16 тысяч костей [Цалкин 1970]. Значительно позже, уже в начале 21 века, А.К. Каспаровым и М.В. Саблиным было определено более 6 тысяч костей из раскопок А.Д. Столяра 1963 и 1964 годов [Каспаров, Саблин 2004; Каспаров, Саблин 2009]. В настоящей работе рассматривается остеологический материал из раскопок Закубанской экспедиции Государственного Эрмитажа на поселении Мешоко в 2008 г. Всего до вида удалось определить 606 костей. В настоящее время в мировой археозоологической практике считается, что количество остеологического материала с памятника должно, по крайней мере, превышать 300-400 единиц, чтобы минимально достоверно представлять ситуацию [Антипина 1999]. Фауна по условным горизонтам расчистки представлена в таблице 1.

Виды	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	Горизонт 5	Всего		Всего
	Кости	Кости	Кости	Кости	Кости	Кости	%	Особи
Бобр			1			1	0,2	1
Заяц				1		1	0,2	1
Лисица		2	2	2		6	1	1
Благородный олень		6	2	1	1	10	1,6	1
Косуля			3			3	0,5	1
Корова домашняя	6	29	108	54	6	203	33,5	3
Свинья домашняя	3	54	125	98	12	292	48,2	7
Овца и Коза	3	26	42	13	6	90	14,8	4
Всего млекопитающих	12	117	283	169	25	606	100	18
Птицы		1	1			2		
Неопределимые обломки костей крупных животных	40	358	466	284	44	1192		
Неопределимые обломки костей мелких животных	63	488	863	312	35	1761		
Всего неопределимых костей	103	846	1329	596	79	2953		

Таблица 1. Фауна поселения Мешоко, по результатам раскопок 2008 года

Наибольшее количество остатков практически во всех слоях принадлежит свинье, на втором месте находится корова, заметно меньшую долю занимает мелкий рогатый скот, дикие виды не превышают 3,5 процента, а такие домашние животные как собака и лошадь отсутствуют вообще. Фаунистический состав остеологической коллекции Мешоко сезона 2008 года практически повторяет данные А.К. Каспарова и М.В. Саблина [Каспаров, Саблин 2004; Каспаров, Саблин 2009] по самому нижнему слою этого же памятника (Таблица 2). Материал, обработанный в свое время В.И. Цалкиным [Цалкин 1970], дает близкие значения.

По соотношению основных групп млекопитающих энеолитические поселения в этом регионе, с нашей точки зрения, делятся на три подгруппы. В первой (Мешоко, Ясенева поляна, хутор Веселый) ведущая роль среди домашних животных принадлежит корове и свинье, где их остатки составляют суммарно в среднем более 82 % от общего количества определяемых костей млекопитающих. Доля овцы и козы здесь составляет 13%, диких животных 4,6%, а собаки менее 1,5%. Во второй (Каменноостская пещера, Хаджох, Гуамский грот) количество коровы и свиньи в стаде вдвое меньше, суммарно в среднем 40%. А вот доля овцы и козы почти в три раза больше – 44%. Необходимо отметить, что во второй подгруппе относительно много костей диких животных, в среднем до 12,8 %, как и остатков собак – 2,9 % (Таблица 2). Недавно было высказано предположение, что это были именно пастушеские собаки [Гей, Добровольская 2009]. Третья подгруппа поселений (Мысхако I, Замок) по соотношению между числом костей коровы/свиньи (28,9 %) и овцы/козы (36 %) в целом напоминает вторую, но ее особенность состоит в том, что здесь присутствует в значительных количествах (6,3%) лошадь (Гей, Добровольская, 2009). Диких животных в этой подгруппе заметно больше – их остатки составляют в среднем 23,1 % от общего числа определяемых костей млекопитающих. Доля собаки (5,8 %) – также весьма велика (Таблица 2). Судя по данным Е.П. Секерской [Секерская 1993], к третьей подгруппе, скорее всего, относится и поселение Свободное. К сожалению, информация об остеологическом материале была опубликована автором тезисов не достаточно полно.

Подгруппа	I					II			III		
	Мешоко					Ясенева поляна	хутор Веселый	Каменноостская пещера	Хаджох	Замок, нижний слой	Мысхако I, нижний слой
Поселения	2008	по Каспарову, Саблину, 2004, 2009		по Цалкину, 1970	по Цалкину, 1970			по Цалкину, 1970		по Корневскому, 1998	по Гей, Добровольской, 2009
Виды		сло й 1	сло й 2	сло й 3							
Корова	33,5	29,9	31,3	36,2	42,8	63,6	52,7	15,1	13,6	18,8	12,5
Овцы и козы	14,8	16,3	12,6	13,6	14,5	12	7,3	47,8	40,5	35,5	36,5
Свинья	48,2	45,9	45,6	46,5	38,4	21,5	39,4	20,2	31,4	6,6	19,8
Лошадь	0	0	0	0	0	0	0	0	0	10,2	2,3
Собака	0	0,3	0,3	0,3	0	0,1	0	5	0,8	2,0	9,6
Дикие млекопитающие	3,5	7,6	10,2	3,4	4,3	2,8	0,6	11,9	13,7	26,9	19,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 2. Процентное соотношение между основными группами млекопитающих из поселения Мешоко и других энеолитических памятников Северо-Западного Кавказа.

В свое время С.Н. Кореневский [Кореневский 1998] предположил, что предмайкопское энеолитическое население было неоднородно по материальной культуре и, вероятно, истокам формирования. Не исключено, что именно с этим связано различие в хозяйственной деятельности людей на данной территории. Более активная охота на диких животных, увеличение числа пастушеских собак, рост доли мелкого рогатого скота в стаде свидетельствует об относительной мобильности части населения в регионе. Такая мобильность вполне могла быть обусловлена усилением засушливости климата в эту эпоху.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Антипина 1999 – *Антипина Е.Е.* Проблемы интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. «Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э.». – М.: Институт археологии РАН, 1999. – С. 14-17.

Гей, Добровольская 2009 – *Гей А.Н., Добровольская Е.В.* Остеологические материалы поселения Мысхако I из раскопок 1990, 1991 и 2001 гг. // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. – СПб.: ТЕЗА, 2009. – С. 72-83.

Каспаров, Саблин 2004 – *Каспаров А.К., Саблин М.В.* Исследование фаунистических остатков поселения Мешоко на Северном Кавказе // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 356-364.

Каспаров, Саблин 2009 – *Каспаров А.К., Саблин М.В.* Фаунистические остатки поселения Мешоко на Северном Кавказе // Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958-1965 гг. / Ред.-сост. А.Д. Столяр, А.А. Формозов. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. – С. 215-223.

Кореневский 1998 – *Кореневский С.Н.* Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. – Ставрополь: ГУП "Наследие", 1998. – С. 96-147.

Секерская 1993 – *Секерская Е.П.* Новые данные о реконструкции палеоэкономики неолитического населения Прикубанья // Вторая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1993. – С. 87-89.

Цалкин 1970 – *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Наука, 1970. – 278 с.

REFERENCES

ANTIPINA E.E. *Problemy interpretatsii arkheozoologicheskikh materialov iz pamyatnikov skifskogo vremeni na territorii Severnogo Prichernomor'ya* [Problems of interpretation archaeozoological materials from the Scythian time monuments on the territory of the Northern Black Sea Coast]. IN: *Tezisy докладov mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.N. Grakova. «Skify Severnogo Prichernomor'ya v VII-IV vv. do n.e.»* [Abstracts of the international conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of B.N. Grakov. "Scythians of the Northern Black Sea Coast in the 7th – 4th centuries. BC"]. – М.: Institut arkheologii RAN, 1999. – P. 14-17. (In Russian)

GEI A.N., DOBROVOL'SKAYA E.V. *Osteologicheskie materialy poseleniya Myskhako I iz raskopok 1990, 1991 i 2001 gg.* [Osteological materials of the settlement of Myskhako I from the excavations of 1990, 1991 and 2001]. IN: *Adaptatsiya kul'tur paleolita – eneolita k izmeneniyam prirodnoi sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze* [Adaptation of Paleolithic - Eneolithic cultures to environmental changes in the Northwest Caucasus]. – СПб.: TEZA, 2009. – P. 72-83. (In Russian)

KASPAROV A.K., SABLIN M.V. *Faunisticheskie ostatki poseleniya Meshoko na Severnom Kavkaze* [Faunistic Remains of the Meshoko Settlement in the North Caucasus]. IN: *Meshoko – drevneishaya krepost' Predkavkaz'ya* [Meshoko – the most ancient fortress of Ciscaucasia. Reports of the North Caucasus Archaeological Expedition 1958-1965 / Comp. A.D. Stolyar, A.A. Formozov]. – SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009. – P. 215-223. (In Russian)

KASPAROV A.K., SABLIN M.V. *Issledovanie faunisticheskikh ostatkov poseleniya Meshoko na Severnom Kavkaze* [A study of the faunal remains of the Meshoko settlement in the North Caucasus]. IN: *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiyu A.A. Formozova* [Nevsky archaeological and historiographical collection: the 75th anniversary of A.A. Formozov]. – SPb.: SPbGU, 2004. – P. 356-364. (In Russian)

KORENEVSKII S.N. *Poselenie «Zamok» u goroda Kislovodsk (nizhnii sloi)* [The settlement "Zamok" near the city of Kislovodsk (lower layer)]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Materials on the study of historical and cultural heritage of the North Caucasus. Iss. 1]. – Stavropol: GUP "Nasledie", 1998. – P. 96-147. (In Russian)

SEKERSKAYA E.P. *Novye dannye o rekonstruktsii paleoekonomiki neoliticheskogo naseleniya Prikuban'ya* [New data on the reconstruction of the paleo-economy of the Neolithic population of the Kuban region]. IN: *Vtoraya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The Second Kuban Archaeological Conference]. – Krasnodar: Izd-vo KubGU, 1993. – P. 87-89. (In Russian)

TSALKIN V.I. *Drevneishie domashnie zivotnye Vostochnoi Evropy* [The oldest pets in Eastern Europe]. – M.: Nauka, 1970. – 278 p. (In Russian)

Гипотезы, дискуссионные проблемы

УДК 94 (479)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-67-76

ДРЕВНИЕ КОРНИ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭТНОНИМА KAS/KAŠ**Б.Х. БГАЖНОКОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: bbarasbi@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается использование корневой морфемы *кас* для названия древних и средневековых народов Евразии: касков, касситов, каспиев, черкесов. Устанавливается связь данного этнонима с богом луны в хаттском, каскейском, касситском пантеоне – *Каску/Кашшу*. Выясняется, каким образом все это может быть соотнесено с культом луны и солнца на Кавказе, с формулой самоидентификации черкесских князей, с геральдическими символами древних народов Ближнего Востока и Египта, а также с самоназванием касситов – *галцу*. Представлены этимологии эндоэтнонима *галцу* и этнонима *кас*, сведения о вторичном использовании этнонима *кас* для названия стран, рек, гор (Кавказ), моря (Каспий), городов и т.д. Подчеркивается, что географически и семантически этноним *кас* связан с древней историей черкесского народа.

Ключевые слова: Кавказ; Ближний Восток; этническая история; культ луны и солнца; черкесы; Черкесия; Ахурамазда; хатты; хетты; касситы.

ANCIENTS ROOTS AND SEMANTICS FIELD OF ETHNONIM KAS/KAŠ**B.Kh. BGAZHNOKOV**

*The Institute for the Humanities Researches – affiliate of The Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin Street, 18
E-mail: bbarasbi@yandex.ru*

Abstract. The use of the root morpheme *kas* for the name of the ancient and medieval peoples of Eurasia is considered: helmets, Kassites, Caspians, Circassians. A connection is established between this ethnonym and the god of the moon in the Hutt, Cascian, Cassite pantheon – *Kasku / Kashshu*. It turns out how all this can be correlated with the cult of the moon and the sun in the Caucasus, with the formula of self-identification of the Circassian princes, with the heraldic symbols of the ancient peoples of the Middle East and Egypt, as well as with the self-name of the Kassites – *galets*. The etymology of the endoethnonym *Galtz* and the ethnonym *Kas* is presented, information about the secondary use of the ethnonym *Cas* for the names of countries, rivers,

mountains (Caucasus), the sea (Caspian), cities, etc. It is emphasized that geographically and semantically, the ethnonym Cas is associated with the ancient history of the Circassian people.

Keywords: Caucasus; Middle East; ethnic history; cult of the moon and the sun; Circassians; Circassia; Ahuramazda; Hittites; Kassites.

В 1922 г. Н.Я. Марр в статье «Кападокийцы и их двойники» сопоставил племенное название *kas/kas-p* с «отложившими его в себе» эническими топонимами, гидронимами, оронимами на Кавказе и в Малой Азии. Среди них наименования стран, населенных пунктов, гор, морей: Кападокия в Малой Азии, Кабарда на Северном Кавказе и г. Каспи в Грузии, ороним Кавказ (*Kavkas*), гидроним Каспий (*Kasp*-ское море) и др. Несмотря на определенные сомнения, которые возникают по отдельным положениям данной статьи, общий вывод представляется нам бесспорным. Н.Я. Марр считает, что имена, содержащие этноним *кас/касп*, объединяют Каспийский бассейн с Понтийским и в целом это может свидетельствовать о соответственно широком некогда расселении в этом пространстве племен под таким названием [Марр 1922: 336].

Речь идет, одним словом, о черкесах и в таких оценках этнической истории этого народа нет ничего удивительного. Согласно достоверным данным в XVI-XVII вв. территория Черкесии простиралась от Черного до Каспийского морей. В античный период и в период раннего Средневековья на юго-востоке Крымского полуострова и на Северном Кавказе сформировался массив меото-адыгского населения, объединенный похожими или однотипными названиями: *кисы, кизы, каси, аккисы, кизики, кавкаси, касаци, кашаки, касконы*. В основе своей это потомки носителей майкопской дольменной, кобанской культур. Не зря И.И. Мещанинов, поддерживая и продолжая начатые Н.Я. Марром исследования в данной области, назвал касов племенем, «давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий)» [Мещанинов 1925: 401].

В первой половине X века к западу от Алании располагалась Страна Каса, о чем сообщает хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он пишет, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан» [Коковцев 1932: 101]. Сегодня мы точно знаем, что речь идет в данном случае о касских или касожских, черкесских общностях. Соответственно страны и народы, которым эти общности дали свое имя – это, помимо страны *Каса* царя Иосифа, *Caucasi* Певтингеровой карты, *Каскуны* и *Кашаки* грузинских летописей, *Касахия* византийского императора Константина Багрянородного, *Касоги* древнерусских летописей и др.

Термин *кас/кассы*, таким образом, относится к числу древнейших названий адыгов. После вытеснения из обращения этнонима *хатты*, он стал активно использоваться для обозначения майкопско-анатолийских племен в горах и предгорьях Кавказа и лег в основу большого числа известных топонимов: Кавказ, Каспий, река Касс (Койсу), города Касак, Каспи и др. Позднее, в период средневековья, на смену этническому имени *кас/касаци/касоги/кашаки* приходит постепенно и получает всеобщее

распространение новое иранское название адыгов *caharkas* [Justi 1895: 495], буквально: «четыре (племени) каса». Появляется вследствие этого и новое название страны, населенной жаркасами – *Джаркасия/Черкесия*. Начиная с XIV века, это название активно применяется к стране адыгов почти всеми историками и бытописателями Кавказа. Что же касается этнического имени *каса*, то к числу последних его упоминаний можно отнести относящееся к началу XV века сообщение Ибн Тагриберди о происхождении мамлюкского султана Баркука ал-Черкаси, правившего Египтом с 1382 по 1399 гг.: «Он – выходец из страны Черкесов и его род называется Каса» [Буниятов 1985: 79].

Но корни этнонимов с лексемой *кас* лежат еще глубже и выходят далеко за пределы Кавказа. Мы знаем, что слово *кас/каш* легло в основу известного по аккадским источникам названия касситов *кашшу*, *кашшу* и одноименного названия бога (*Каššu*, *Кашшу*), которого они почитали как своего главного покровителя и первопродка. По всей вероятности, имя этого бога восходит к хаттскому названию бога луны *Kasku/Kašku* и прямо связано с названием хаттского племени *каска* на северо-востоке Хеттской державы [Singer 1981; Singer 2007]. Известно, вместе с тем, что термин *каска* был заимствован хеттами со значением «луна», «бог луны». Предполагается с учетом сказанного, что используемое в хеттских источниках этническое имя *каска* означает «почитающий луну народ» [Гиоргадзе 1961: 199].

Большой интерес представляет в данной связи самоназвание касситов – *галцу*, *galču*. Похоже, что перед нами композит *gal-ču*, в основе которого лежит черкесское *гьэл-цлу*, первый компонент которого *гьэл* является усеченной формой слова *гьэлын* – «жечь/сжечь», «опалить /спалить», а второй компонент *цлу* означает «блеск», «блестящий». Получаем в итоге слово с внутренней формой «очищенный (обожженный пламенем), блестящий (народ)». Это означает, что термины *galču* и *каššu* семантически идентичны, даже тождественны, что предполагает наличие здесь семантического заимствования (возможно, калькирования).

Об этом писал К. Яритц [Jaritz 1957: 871], вопреки мнению К. Балкана, который считал, что имя *galču* фиксирует лишь обозначение одного из известных касситских царей *Kurigalču*. Справедливо полагая, что в эндоэтнониме касситов – *galču* содержится значение, близкое, идентичное тому, что заключено в экзоэтнониме – *каššu*, К. Яритц склоняется к тому, что не только название, но и самоназвание касситов семантически связано с главным божеством и первопродком касситских царей – *Каššu*, *Кашшу*.

Однако в основе почти полной синонимичности названия и самоназвания касситов лежат, как сказано выше, другие более веские причины. Дело в том, что этноним/эпоним *Кашшу*, *Каššu* восходит к индийскому *кас* – «сверкать, сиять», *касих* – «солнце, свет, сияние» [König 1930: 62]. И фактически повторяет значение этнонима *galču*. Кроме того, эти термины перекликаются с этнонимом *хатты*, в котором первый элемент *хьэ* восходит к значению «жизнь», «живое», а второй *-т-* соотносим с распространенным в индоевропейских языках значением «давать». Одним словом этноним *хатты* закрепляет в языковом сознании протоабхазо-адыгских племен термин с

внутренней формой «дарящий жизнь», «животворящий», «жизнеутверждающий» [Бгажноков 2016: 18], что семантически соотносимо с эпитетами, которые сопровождают во всех языках такие слова как «солнце» и «луна».

Сверх того, мотив внутренней связи этнонима *kas/kaš* с культом солнца и луны причудливым образом повторяется в культурной истории черкесов. Отметим с самого начала, что элемент *кас* содержится в имени одного из родоначальников черкесской правящей династии. Различные варианты данного имени Кес, Кису, Кисрай, Серакес приводятся в сочинениях Эвлия Челеби (1766), Дж. Элиаса (1788), Яна Потоцкого (1829), Шоры Ногмова (1861) и других историков и путешественников. В генеалогических картах черкесских правителей Кеса представляют обычно как прадеда знаменитого князя Инала, правившего Черкесией в конце XIV – начале XV века и положившего начало княжескому дому Иналовичей. Вместе с тем в адыгском обществе сложилась весьма любопытная традиция, согласно которой черкесские князья (Иналиды) для обоснования своего знатного происхождения и права на управление адыгским народом пользовались устойчивым выражением «Мы солнечно-лунного происхождения, из рода Курайш» – *Дэ дыгъэ-мазэм дыкъыхэклаш, дыкъурейшы лъэпкъы*.

Из всего этого следует, что знаменитую формулу самоидентификации или самообозначения черкесских князей (потомков Кеса и его правнука Инала) нельзя представлять лишь как плод их фантазии или фантазии адыгских священнослужителей. Не стоит воспринимать это и как проявление излишнего самомнения Иналидов, их желания приобщиться к истокам мусульманской религии – версия, которая неоднократно предлагалась, начиная с XIX века [Сталь, 1900; Гарданов, 1956]. На самом деле перед нами восходящее к хаттохеттской традиции словесное отображение титула Иналидов. В самом деле, такое же – «солнечно-лунное» обоснование находит титул и статус хеттских царей на широко известных рельефах Центральной Анатолии, где солнечный диск помещен в центре широко расправленных крыльев могучей птицы, скорее всего, орла с изображением луны и солнца вместо головы (рис. 1).

Рисунок 1. Хеттский рельеф с царским гербом.

Логическим продолжением этой традиции стали, используемые в аналогичных целях титулы ассирийского царя (бога) Ашшура с луком и персидского бога солнца Ахурамазды с венком (рис. 2, 3).

Рисунок 2. Фрагмент ассирийского барельефа с изображением бога-воителя Ашшура

Рисунок 3. Фаравахар – главный символ зороастризма

Мы видим здесь, что Ассур и Ахурамазда буквально вырастают, выходят из летящего солнечного диска. Тем самым они оказываются в самом центре сложной композиции, олицетворяя, заменяя собой, своими собственными глазами и руками сокрушительную силу Бога, его всевидящее око. И все это, как мы убеждаемся, находит словесное отображение в упомянутой выше формуле самоидентификации черкесских князей. Первая ее часть фиксирует солнечно-лунное божественное происхождение или «вырастание» Иналидов, а вторая (через ссылку на курейшитов) указывает на связь самой традиции такого

рода самопрезентации с Древним Востоком. Причем исходным для второго компонента формулы было, по-видимому, имя *Къураш* (местное, индоиранско-черкесское название персидского царя Кира), а не *къурайш*.

Отсюда и главный (базовый) фамильный знак (герб) черкесских князей (буквально повторяющий внутренний стержень, основу древневосточных гербов) с солнечным диском вверху и двумя змеями внизу (рис. 4), с важным «орлиным» дополнением в виде фамилии хегакских князей, которым принадлежала эта тамга: *Бгъэжъынэ* – «Глаз могучего орла». На основе элементов этого знака, а именно за счет различных комбинаций солнечного диска и змей построено при ближайшем рассмотрении подавляющее большинство черкесских фамильных знаков.

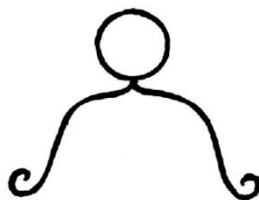

Рисунок 4. Фамильный знак (тамга) черкесской княжеской фамилии Бгъэжъынэ

Это означает, что и сама идея солнечно-лунного происхождения древних вождей и царей сформировалась в тесном взаимодействии индоевропейцев (прежде всего хеттов) с хатто-каскайцами и, возможно, еще в период их контактов в Юго-Восточной Европе и Предкавказье. Формула самоидентификации черкесских князей отсылает нас, с одной стороны, к культуре солнца и луны, который четко прослеживается у черкесов, абхазов и других народов Кавказа. А с другой стороны – к древнейшей истории абхазо-адыгов, к их индоарийскому (протоиндийскому) названию *kasgan/kaškon/kasaq/kašak* и др.

Не исключено, что аналогичные имена применялись индоариями и к касситам. Об этом, как полагают, свидетельствует название одной из рек на севере Луристана – *Kasgan-Rud*. В. Ейлерс считает возможным интерпретировать дословное значение этого гидронима как «Касситская река» – *Kassiten fluss* [Eilers 1982: 37] и рассматривать, таким образом, в качестве этнонимического гидронима. Соответственно топоним *Kasgan/Kašgan*, распространенный в Иране и Индии, он воспринимает и рассматривает как этнотопоним, использовавшийся в значении «Страна касситов» [Eilers 1957-1958: 135].

Если принять эту точку зрения, можно предположить, что этноним *kasgan/kaškon/kasaq/kašak*, известный на Кавказе как индоиранское (праиндийское) наименование проточеркесских племен, применялся также и по отношению к касситам Ближнего Востока. И это свидетельствует, в свою очередь, о том, что первая волна индоиранцев, хлынувших в Переднюю Азию и Индию в конце III тысячелетия до н.э. [Cameron 1936: 136] воспринимала

касситов как народ, близкий протоабхазо-адыгским племенам, с которыми они тесно и длительное время взаимодействовали в Юго-Восточной Европе и Предкавказье. Но дело не только в этом. По всей вероятности, это была и встреча касситов с проточеркесами, находившимися в составе мигрировавших на Восток индоариев. И она, судя по всему, оказала заметное воздействие на историю, культуру и язык касситов. Отсюда, вне всякого сомнения, наличие в антропонимах, топонимах, теонимах и в других касситских терминах, множества элементов черкесского языка.

Кавказ и Каспийский регион в целом был, насколько мы понимаем, зоной активного культурно-языкового взаимодействия индоариев и хатто-каскайцев, центром, откуда распространялись народы, в наименовании которых содержится элемент *kas/kaš/kus/kuš*, *kis*. По мнению Б. Грозного, отсюда в различные концы Евразии (от Малой Азии, Месопотамии и Гиндикуша) распространялось касское население, создавая во взаимодействии с другими народами новые общности и страны [Hrozny 1953: 49].

С этим трудно спорить. Однако, исходным местом обитания древних народов с названиями, содержащими различные модификации корня *kas*, был не только Юго-Восточный, но также и весь Северный Кавказ, а также, видимо, Северное Причерноморье, западные области Средней Азии.

Географически и семантически корень *kas* во всех этих случаях отсылает нас, конечно, к Кавказу. Но тем самым и к проточеркесам, а также ко всем другим, так или иначе приобщенным к ним этническим группам и народам. В том числе, славянским (казаки), тюркским (кашкайцы в Туркменистане), иранским (черкесы в современном Иране) и, если верить Б.Грозному, даже к нубийцам, страну которых в долине Нила египтяне называли Каш или Куш.

К сожалению, эти материалы, а также связанные с ними первые выводы и оценки не привлекли серьезного внимания кавказоведов и востоковедов не получили дальнейшего развития. После Н.Я. Марра И.И. Мещанинова, Б.Грозного, И. Алиева проблема внутренней связи и взаимного соответствия различных имен и названий с элементом *kas* практически не ставилась. В исследованиях по истории, исторической этнонимике и топонимике Передней Азии, Индии, Кавказа ее либо старательно обходили, либо предлагали весьма туманные и уклончивые разъяснения. К примеру, высказывались в том духе, что происхождение этнонимов с корневой морфемой *kas* невозможно установить, а их связь с черкесами является вторичной, случайной или сомнительной [Абаев 1958; Волкова 1973 и др.].

Выясняется между тем, что слово *kas* имеет свое вполне определенное происхождение, значение и применение, что под воздействием племенного названия *kas/kaš* в Передней Азии, Индии и особенно на Кавказе сложилось большое число этнонимов, оронимов, гидронимов, множество других имен. Выявление и анализ этого материала, объяснение причин, условий, хронологии, становления, функционирования имен с элементом *kas* необходимо для лучшего понимания не только истории кавказских черкесов и абхазов, но и для всей восточной ветви хатто-каскайцев, включая касков, касситов и множество других местных «азианических» (яфетических) народов, языков и культур.

Открывается поле для новых исследований, гипотез, открытий. Интригует сам по себе тот факт, что многие названия, в которых представлен или скрыт этноним *кас*, возникали, сохранялись и сохраняются в Евразии через сотни, тысячи лет после появления на исторической арене касков и господства касситов в Вавилоне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А-К'. – М.; Ленинград: Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1958 – 659 с.

Бгажноков 2016 – *Бгажноков Б.Х.* Культ собаки и семантика хэ в языковом сознании черкесов // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ). – 2016. – № 1 (28). – С. 7-22.

Буниятов 1985 – *Буниятов З.М.* К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. – 1985. – Том ХLI. – № 12. – С. 79-81.

Волкова 1973 – *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века). – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 424 с.

Гиоргадзе 1961 – Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. Вопросы хеттологии и хуритологии. – М.: Наука, 1961. – С. 161-210.

Коковцев 1932 – *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: Издательство АН СССР, 1932. – 98 с.

Март 1922 – *Март Н.Я.* Каппадокийцы и их двойники // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – Петербург: Российская Государственная Академическая типография, 1922. – Т. II. – С. 332-336.

Мещанинов 1925 – *Мещанинов И.* Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее. – Л.: РАН, ГЛАВНАУКА, ГОСИЗДАТ, 1925. – Т. I. – С. 401-409.

Сталь 1900 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – Т. 21. – Отд. 2. – Тифлис, 1900. – С. 53-173.

Cameron 1936 – *Cameron G.* History of Early Iran. – Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1936. – XVI+ 260 p.

Eilers 1957-1958 – *Eilers. W.* Rezension auf: Kassitenstudien. 1. Die Sprache der Kassiten. (American Oriental Series, Vol. 37) by Kemal Balkan, R. Kraus // Archiv für Orientforschung. – 1957-1958. – 18. – S. 135-138.

Eilers 1982 – *Eilers. W.G.* Geographische Namengebung in und um Iran. – München: Beck, 1982. – 67 s.

Hrozny 1953 – Hrozny B. Ancient history of Western Asia, India and Crete. – New York: Philosophical Library, 1953. – 260 p.

Jaritz 1957 – Jaritz K. Die Kassitischen Sprachreste // Anthropos. – 1957. – Bd. 52. – S. 850-898.

Justi 1895 – *Justi F.* Iranisches Namenbuch. – Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895. – 526 s.

König 1930 – König Fr.W. Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareiosl. – Leipzig: J.C. Hinrich'sche Buchhandlung, 1930. – 76 s.

Singer 1981 – *Singer I.* Hittites and Hattians in Anatolia at the Beginning of the Second Millennium B.C. // Journal of Indo-European Studies. – 1981. – 9. – P.119-134.

Singer 2007 – *Singer I. Who Were the Kaška? // Phasis. Greek and Roman studies. – 2007. – 10 (1). – P. 166-181.*

REFERENCES

- ABAEV V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka*. Vol. I. A-K' [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. – M.; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. Leningr. otdelenie, 1958 – 659 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Kul't sobaki i semantema kh'e v yazykovom soznanii cherkesov* [The cult of the dog and the semantema he in the linguistic consciousness of the Circassians]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (KBIGI)*. – 2016. – No 1 (28). – P. 7-22. (In Russian)
- BUNIYATOV Z.M. *K voprosu o proiskhozhdenii egipetskogo mamlyukskogo sultana Barkuka* [On the Origin of the Egyptian Mamluk Sultan Barkuk]. IN: *Doklady Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR*. – 1985. – Vol. XLI. – No 12. – P. 79-81. (In Russian)
- CAMERON G. *History of Early Iran*. – Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1936. – XVI+ 260 p. (In English)
- EILERS. W. Rezension auf: *Kassitenstudien. 1. Die Sprache der Kassiten*. (American Oriental Series, Vol. 37) by Kemal Balkan, R. Kraus [Review on: K. Balkan. Kassite studies]. IN: *Archiv für Orientforschung*. – 1957-1958. – 18. – S. 135-138. (In German)
- EILERS. W.G. *Geographische Namengebung in und um Iran* [Geographical list of names in and around Iran]. – München: Beck, 1982. – 67 s. (In German)
- GARDANOV V.K. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev (pervaya polovina XIX veka)* [Materials of the Kabardians' customary law (first half of the 19th century)]. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 424 p. (In Russian)
- GIORGADZE G.G. *K voprosu o lokalizatsii i yazykovoi strukture kaskskikh etnicheskikh i geograficheskikh nazvanii* [On the issue of localization and linguistic structure of Kask ethnic and geographical names]. IN: *Peredneaziatskii sbornik. Iss. 1. Voprosy khettologii i khuritologii*. – Moscow: Nauka, 1961. – P. 161-210. (In Russian)
- HROZNY B. *Ancient history of Western Asia, India and Crete*. – New York: Philosophical Library, 1953. – 260 p. (In English)
- JARITZ K. *Die Kassitischen Sprachreste* [Kassits Word traces]. IN: *Anthropos*. – 1957. – Bd. 52. – S. 850-898. (In German)
- JUSTI F. *Iranisches Namenbuch* [Iranian name book]. – Marburg: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895. – 526 s. (In German)
- KOKOVTSSEV P.K. *Evreisko-khazarskaya perepiska v X v. [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century]*. – Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1932. – 98 p. (In Russian)
- KÖNIG FR.W. *Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I* [The castle construction to Susa. According to the construction reports of King Dareios I]. – Leipzig: J.C. Hinrich'sche Buchhandlung, 1930. – 76 s. (In German)
- MARR N.Ya. *Kappadokiitsy i ikh dvoyniki* [Cappadocians and their doubles]. IN: *Izvestiya Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury*. – Petersburg: Rossiiskaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya tipografiya, 1922. – Vol. II. – P. 332-336. (In Russian)
- MESHCHANINOV I. *Kamennye statui ryb – vishapy na Kavkaze i v Severnoi Mongolii* [Stone fish statues – vishaps in the Caucasus and Northern Mongolia]. IN: *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee*. – Leningrad: RAN, GLAVNAUKA, GOSIZDAT, 1925. – Vol. I. – P. 401-409. (In Russian)
- SINGER I. *Hittites and Hattians in Anatolia at the Beginning of the Second Millennium B.C.* IN: *Journal of Indo-European Studies*. – 1981. – 9. – P. 119-134. (In English)
- SINGER I. *Who Were the Kaška?* IN: *Phasis. Greek and Roman studies*. – 2007. – 10 (1). – P. 166-181. (In English)

STAL" K.F. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic sketch of the Circassian people]. IN: *Kavkazskii sbornik*. – Vol. 21. – Part 2. – Tiflis, 1900. – P. 53-173. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal denominations of the North Caucasus]. – M.: Nauka, 1973. – 208 s. (In Russian)

Средневековая и новая история

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-77-95

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ЛОКАЛЬНОГО СУДЕБНО-
АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
В 1793–1822 гг.****А.Х. АБАЗОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alex_abazov@list.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности взаимодействия учреждений локального судебного-административного контроля в Большой и Малой Кабарде в 1793-1822 гг. Для этого охарактеризованы роль и место Моздокского верхнего пограничного суда в системе органов власти и управления в регионе, определена подсудность и подведомственность пограничного суда и родовых судов и расправ, проанализированы формы их коммуникации, определена специфика и подходы властей к решению кадрового вопроса и закреплению статуса избираемых на должности судей и расправных заседателей представителей местных этноэлит. Определена роль в этом процессе приставов (начальников) Кабарды и специально прикомандированных к родовым судам российских военных. Обозначены подходы российских властей к комплектованию кадрами родовых судов и расправ, описаны механизмы назначения и утверждения в должностях судей и расправных заседателей, рассмотрены связанные с этим сложности. Охарактеризованы последствия введения в Большой и Малой Кабарде учреждений локального судебного-административного контроля и реакция местного населения на эти новшества. Приведены сведения о реорганизации системы правосудия в этом регионе в 1806-1807 гг. Обращается внимание на то, что введение первоначальных форм судебного-административного контроля на Центральном Кавказе имели неоднозначные последствия (с одной стороны, получение жалований и воинских званий служащих эти судов, с другой – их бойкотирование и уклонение от исполнения возложенных новой системой обязанностей).

Ключевые слова: Моздокский верхний пограничный суд; родовые суды; родовые расправы; духовные суды; Центральный Кавказ; Кабарда; кабардинцы.

**THE INTERACTION OF THE LOCAL JUDICIAL AND ADMINISTRATIVE
CONTROL INSTITUTIONS IN THE CENTRAL CAUCASUS IN 1793-1822****A.H. ABAZOV**

*The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: alex_abazov@list.ru*

Abstract. The article considers some peculiarities of interaction of institutions of local judicial and administrative control in the Big and Small Kabarda in 1793-1822. The jurisdiction of the Mozdok Upper Border Court and the ancestral courts and the executions have been determined, The forms of their communication have been analyzed, the specifics and approaches of the authorities to the resolution of the personnel issue and the consolidation of the status of local ethnoelite representatives elected to the posts of judges and elected jurors have been determined. The role of the officers (chiefs) of Kabarda and the Russian military specially assigned to the ancestral courts has been defined in this process. The approaches of the Russian authorities to the staffing of ancestral courts and executions have been identified, mechanisms for the appointment and approval of judges and judges have been described, and the related difficulties have been considered. The consequences of the introduction of local judicial and administrative control institutions in Big and Small Kabarda and the response of the local population to these innovations are described. Information is given on the reorganization of the justice system in this region in 1806-1807. It is noted that the introduction of initial forms of judicial and administrative control in the Central Caucasus had mixed consequences (on the one hand, obtaining salaries and military ranks of employees of these courts, on the other - their boycott and evasion of the duties assigned by the new system).

Keywords: Mozdok Upper Border Court; patrimonial courts; patrimonial raspravs; religious courts; Central Caucasus; Kabarda; the Kabardinians.

Введение

Одной из форм инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России в конце XVIII – начале XIX в. было создание органов локального судебно-административного контроля (Моздокского верхнего пограничного суда, приставских управлений, родовых судов и расправ, духовных судов «мехкеме»). Ее исследование дает возможность подробнее проанализировать становление российской государственности в регионе, выявить истоки формирования многоуровневой иерархии государственного управления, охарактеризовать механизмы закрепления социального статуса региональных этноэлит в новых условиях.

Изучая ключевые вопросы социально-политической истории Центрального Кавказа конца XVIII – начала XIX в., вряд ли возможно обойти вниманием проблемы становления и развития системы российского государственного управления и определения в ней роли и места Моздокского верхнего пограничного суда. Некоторые сведения по истории взаимодействия этого учреждения с родовыми судами и расправами в Большой и Малой Кабарде содержатся в материалах П.Г. Буткова [Бутков 2001: 266], трудах Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1870: 1-72], В.Н. Кудашева [Исторические сведения... 1913: 80], С.К. Бушуева [Бушуев 1956], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1963: 90-102], М.М. Блиева [Блиев 1964; Блиев 1970], З.М. Блиевой [Блиева 1992; Блиева 2015], В.Х. Кажарова [Кажаров 2006: 417], Ж.А. Калмыкова

[Калмыков 1995; Калмыков 2007: 52-59], А.Д. Дзидзоева [Дзидзоев 2011: 9], Х.М. Думанова и Ю.М. Кетова [Думанов, Кетов, 2000: 41-50], А.Н. Кубатко [Кубатко 2002; Кубатко 2003], А.Н. Маремкулова [Маремкулов 1999: 25–31; Маремкулов 2003], С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 2007], Э.Ю. Хубиева [Хубиев 2007], А.Х. Абазова [Абазов 2016] и др., а также – в целом ряде обобщающих работ по истории северокавказских республик [История... 1957: 64-65; История... 1967 Т. 1: 222-224; Адыгская... 2006; Северный... 2007; История... 2007; Века... 2017; Россия... 2018]. В них в основном описывались обстоятельства и условия создания Россией на Центральном Кавказе административных и судебных органов, характеризовались их составы и структуры, подсудность и подведомственность. Тогда как в настоящее время материалы Моздокского верхнего пограничного суда позволяют детально рассмотреть формы взаимодействия учреждений, находящихся на разных уровнях системы государственного управления, определить векторы их развития в переходные исторические периоды, связанные с войной и этнодемографическими изменениями, выявить механизмы закрепления социального статуса представителей местного нобилитета в новых политико-правовых реалиях и т.п.

Особенности коммуникации учреждений первоначального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 г. выявляются на основе анализа делопроизводственной документации Моздокского верхнего пограничного суда (докладные и настольные регистры, почтовые книги и книги «на записку прихода и расхода экстраординарной Моздокского верхнего пограничного суда суммы», списки членов суда, ведомости об оплате их труда, протокола (в том числе, расходные), рапорта членов родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды, сообщения, предложения, уведомления должностных лиц и учреждений, многочисленные экстракты, приказы (приказания) и указы и т.п.). Для исследования поставленной проблемы наиболее информативную подгруппу делопроизводственных источников представляют рапорта родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды. Они отложились в материалах Моздокского верхнего пограничного суда как в оригиналах, так и в форме переводов «с татарского диалекта» и записей в докладных регистрах (настольных журналах входящей корреспонденции). Оригиналы исходящих из родовых судов и расправ документов подготавливались с использованием арабграфической языковой основы. Тексты переводов направлялись на рассмотрение судей в форме рапортов с указанием адресата и адресанта, изложением сущности вопроса и указания на то, кто их составил, подписал или приложил отпечаток перстня/печати или пальца.

Исследование подготовлено с опорой на комплекс методов, связанных с извлечением информации из исторических источников (методы анализа исторических источников), интерпретацией полученных данных (историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, ретроспективный и историко-типологический методы) и их репрезентацией

(методы системного анализа, институциональный и междисциплинарный подходы).

Результаты исследования

Общие сведения

Моздокский верхний пограничный суд и родовые суды и родовые расправы в Большой и Малой Кабарды были учреждены в 1793 г. В Большой Кабарде один родовой суд и одна расправа создавались для Мисостовой и Атажукиной княжеских фамилий, другие – для Кайтукиной и Бекмурзиной. В Малой Кабарде к подведомственности родового суда и расправы относились Таусултановы и Гелестановы. Родовые суды были учреждены для разбирательства споров и конфликтов между князьями с их подвластными, родовые расправы – для остальных категорий кабардинского общества. Надзор за их деятельностью осуществлял пограничный суд [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 138. Л. 15-16], поэтому им вменялось в обязанность каждые две недели отчитываться перед ним по установленной форме [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Ед. хр. 141; ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4 об.].

Моздокский суд на основании российского права разбирал дела, касающиеся «измены, явного ослушания начальства, разбоя, грабежа, воровства, учиненных насильственно вооруженною рукой, и убийства» [Бутков 1869: 264]. В его компетенцию также входила «апелляция на решения родовых судов и расправ по гражданским искам, дозволенная тяжущимся в случае неудобства на решения тех судов и расправ» [Бутков 1869: 264]. Дела о тяжких преступлениях направлялись «для дальнейшего поступления по законам или военному начальнику, на Линии поставленному, или ген.-губернатору Кавказского наместничества» [Из документальной... 2000: 50]. Помимо судейских полномочий пограничный суд выполнял досудебные процессуальные (проведение следственных мероприятий для обеспечения как правосудия в пределах своей компетенции, так и по запросам других судебных учреждений), делопроизводственные (перевод документов с языков местного населения на русский) и некоторые административные функции. Также в его компетенцию входило засвидетельствование сделок (в основном, купля-продажа холопов), совершавшихся представителями проживавших на подведомственной ему территории народов, установление или признание социального статуса местных жителей и т.п.

В родовых судах и расправах рассматривались дела между кабардинцами, проживавшими на территории Большой и Малой Кабарды. В компетенции этих учреждений находился разбор имущественных споров [Мальбахов 1998: 125] и семейных и «холопских» вопросов, а также раскрытие, «отыскание» и доставление в Моздокский верхний пограничный суд преступников [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4]. В отношении же других проживавших на Центральном Кавказе народов эти функции возлагались на приставов.

Однако эти нововведения повлекли за собой протесты кабардинцев против новой системы судоустройства. Они выражались в их отказе разбирать споры и конфликты в родовых судах и расправах, самовольном оставлении

судьями и расправными заседателями присутственных мест и уклонении от исполнения возложенных на них обязанностей. Например, в 1796 г. кабардинцы пытались игнорировать проведение выборов в суды и расправы на очередное трехлетие [АКАК 1869: 1129]. Но они состоялись в сентябре–октябре 1796 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1, ед хр. 234. Л. 2-3] после ввода в Кабарду российских вооруженных отрядов. Такая история повторилась в конце 1799 г. по истечении второго трехлетнего цикла функционирования судов [Бутков 1869: 560-562]. Сложности с проведением выборов в родовые суды и расправы повторялись в 1803 [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 6164. Л. 1] и 1805 [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 376. Л. 1] гг. Причем, в течение всего этого периода кабардинцы неоднократно выступали с просьбами ликвидировать родовые суды и расправы и учредить для них один духовный суд [Из документальной... 2000: 59].

С начала XIX в. российские власти стали предпринимать попытки по реорганизации родовых судов и расправ Большой и Малой Кабарды. Так, 1 апреля 1806 г. обновленный суд должен был начать работу в Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях (на р. Черек в Докшукиных кабаках), 1 мая – у Гелетановых (в Ахловых кабаках), 1 июня – в Мисостовой и Атажукиной фамилиях (в Кучмазуковых кабаках на р. Баксан у горы Кызбурун) [Из документальной... 2000: 187-188]. Спустя месяц было объявлено о возобновлении работы суда и расправы в Малой Кабарде [Афаунова 2008: 50].

В 1807 г. вместо родовых судов и расправ уже функционировали духовные суды «мехкеме». Это событие получило в историографии неоднозначные оценки. Так, Н.Ф. Грабовский их, как суды, созданные российской властью в ответ на просьбы кабардинцев. Точную дату из учреждения он не установил, однако отметил, что они точно существовали уже в 1807 г. [Грабовский 1870: 1-72]. В.К. Гарданов считал, что «мехкеме» были восстановленные «с большим трудом» родовые суды и расправы [Гарданов 1967: 11]. В.Х. Кажаров представлял их как органы, учрежденные самими кабардинцами [Кажаров 1994: 292]. С.Н. Бейтуганов полагал, что суды «мехкеме» были учреждены в Кабарде российскими властями в ответ на просьбы кабардинцев [Бейтуганов 1993: 32-35]. А.Х. Касумов и Х.А. Касумов писали об учреждении духовного суда также взамен родовых судов и расправ [Касумов, Касумов 1991: 45]. Мы же полагаем, что духовные суды были реорганизованы российскими властями из родовых судов и расправ не позднее 1807 г. путем усиления роли шариата при решении споров и конфликтов. При этом, вплоть до начала 20-х гг. XIX в. продолжали действовать принятые в начале 90-х гг. XVIII в. нормативные акты и сохранялась установленная ими территориальная организация системы локального судебно-административного контроля в Большой и Малой Кабарде. Вопрос же о ее эффективности в условиях сложившейся здесь военно-политической обстановки и этнодемографической ситуации в первые десятилетия XIX в. остается открытым и требует детального исследования.

Моздокский верхний пограничный суд был упразднён в 1822 г. В этом же году вместо прежних учреждений локального судебно-административного контроля в Кабарде был образован Кабардинский временный суд.

Формы коммуникации Моздокского верхнего пограничного суда и родовых судов и расправ

Контроль за выполнением родовыми судами и расправами предписаний Моздокского верхнего пограничного суда выполняли российские военнослужащие. Они специально прикомандировывались к судебным присутствиям в Большой и Малой Кабарде [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7]. Основной формой их коммуникации с пограничным судом были рапорта по разным вопросам деятельности родовых судов и расправ. Например, в ноябре 1793 г. прапорщик Астраханского драгунского полка Иван М. рапортовал И.В. Гудовичу о том, что с «главной командой был оставлен в Малой Кабарде с пятнадцатью казаками в учрежденной родовой расправе для узденей с их бегоульями и подвластным черным народом» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1]. В начале 1794 г. в родовой суд Мисостовой и Атажукиной фамилий был делегирован прапорщик нижегородского драгунского полка Алябьев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1]. При этом российские власти постоянно пытались модернизировать эту форму контроля за деятельностью родовых судов и расправ, в том числе и путем вовлечения в эту сферу представителей местного населения. В частности, в декабре 1793 г. предлагалось набрать «из горских народов казачью команду», в обязанности которой входило бы доставление исходящей из суда документации по Большой и Малой Кабарде [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1]. Однако сведений о том, удалось ли реализовать эти планы, нами не обнаружено.

Помимо этого, председатели родовых судов и расправ были уполномочены правом самостоятельно обращаться в Моздокский верхний пограничный суд по вопросам, относящимся к их компетенции [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1]. Во входящих регистрах Моздокского верхнего пограничного суда фиксировалась информация о получаемых из Большой и Малой Кабарды рапортах. На основании анализа этих регистров можно установить, что во второй половине 90-х гг. XIX в. помимо вопросов, касавшихся непосредственно функций правосудия, пограничный суд вступал в переписку с родовыми судами и расправами и по вопросам предоставления отчетности об их деятельности и финансировании, сбору сведений об обычаях кабардинцев, выдачи билетов на право въезда и выезда с территории Большой и Малой Кабарды и т.п.

В самом начале XIX в. сведения о деятельности российских военнослужащих при родовых судах и расправах не встречаются. С этого времени документы направлялись в Моздокский верхний пограничный суд через приставов (начальников) Кабарды. Через них, помимо текущих вопросов, кабардинцы доставляли в Моздокский верхний пограничный суд сведения о своих обычаях и традициях, а также выдвигали требования о введении у них духовных судов и предлагали свои варианты реорганизации сложившейся

системы правосудия. Например, 6 апреля 1806 г. в пограничный суд поступили рапорт и сопроводительное письмо от «главного начальника кабардинских областей» генерала-майора И.П. Дельпоццо с предложением перевести на русский язык прилагаемую «на татарском диалекте» бумагу [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 1]. Оригинал документа в материалах суда не отложился, но сохранился его перевод на русский язык. Перевод представляет определенную научную ценность для исследования истории суда и судебных учреждений на Центральном Кавказе на рубеже XVIII-XIX вв., поэтому считаем возможным поместить его в рамках настоящей работы в полном виде. Так, в нем отмечено:

«Перевод с татарского. По магометанскому исчислению 1220 года ... (неразб. – А.А.) 25-го дня Большой Кабарды фамилии Джембулатовой, Атажукиной и Бекмурзиной, с узденями и с афендиями при собрании условие, [которое] значится ниже сего, что прошлого года с генералом Иваном Петровичем приговорено было нами на реке Кенже с тем, что[бы] дела разбираемы были *духовным судом*, и наши почетнейшие и достойные владельцы согласились, что если с российской стороны случится какое дело решению, то будем исполнять по-прежнему дела к решению. И вы на то согласны были и хотели, чтобы об оном доложить его сиятельству князю Цицианову, и мы прошение отдали вам. На которое прошение получили предписание сего года весной, с тем чтобы быть по нашему условию, как вышесказано, что, хотя с российской и с нашей стороны противные составляющей случится, на что мы на речке Череке учредили как из владельцев и узденей и Абдулу афендием, с тем чтобы показывал справедливость в рассудке, кто окажется в воровских или подобие, таковых, не щадя, *судить по законам*, как владельцы равно и уздени избранны, в том мы при Абдулле Афендии дали условие (А.А. – курсив наш)» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 2]. В этом документе отмечено, что подлинник был заверен именными печатями и чернильными отпечатками пальцев кабардинцев, принимавших участие в его составлении. В тексте перевода фамилии подписавшихся были приведены в русскоязычной транскрипции [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 6]. Получается, что в данном документе обсуждалось важное условие учреждения духовных судов «мехкеме» – разграничение сферы применения конфессиональных норм и российского права. Судя по тексту документа, подписавшиеся соглашались в том, что тяжкие уголовные дела (по тексту документа «дела воровские») должны были решаться по нормам российского права вне духовных судов.

Другое аналогичное письмо генерала-майора И.П. Дельпоццо в Моздокский верхний пограничный суд поступило 1 сентября 1806 г. В нем содержалась просьба перевести на русский язык бумагу «на татарском диалекте» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 8]. В нем предлагались некоторые принципы функционирования обновляемых судебных учреждений, поэтому его также приведем в настоящей работе без сокращений:

«Перевод с письма татарского на российский диалект, татарского летоисчисления 1221 года, месяца июня 12.

Большой Кабарды фамилии Джембулатовой и Мисостовой владельцы, узденья, кади Абдул Кадыров, афендии Абдула, Ахмет и Адрис.

При учреждении в Кабарде духовного суда, а именно:

1-е, положено, что ежели владелец дарит узденю деньгами, а потом или вещами, то по отходу от владельца такового узденя следует подаренные вещи возвратить... (неразб. – А.А.), положили отбирать обратно подаренные вещи.

2-е, ежели между владельцем и узденем сделается спор из-за подаренных вещей, то без возвращения владельцу вещей таковой уздень свободным быть не может. Ежели обещанные вещи недоданы будут владельцем узденю, то должно такового принуждать судьям. Ежели при том будут иметь непослушание, то уздень по духовному разбирательству от своего владельца [делается] свободным;

3-е, ежели кто иметь будет на кого претензию к имению свыше 15 лет, то по закону нашему в оном разбирательстве отказывать;

4-е, в учрежденном определении без позволения первенствующего председателя владельца Атажукина по силе в Алкуране сказано, почитать бога, пророка... (неразб. – А.А.). А ежели кто из нашего народа будет чинить хищничество с российской стороны или с мирных кабардинских народов, то по духовному разбирательству нашему положено кому бы то не было отрубать руки. А ежели кто в преступлении своем покаются, что они впредь чинить не будут хищничества, то с такового взыскать штрафу и разделить по частям судьям. Будучи кто судьей, [и] у него сделается покража и обранужится, с такового взыскать штрафу. Ежели кто на кого будет иметь претензию и для принятия просьбы от него явится к Атажукину, и от него будет дана ему именная печать для призыву в суд, и тот не будет чинить ослушание, с того взыскать штрафу пару волов. Ежели удовлетворение не будет получено вовремя и вторично будет просить в суд, то с такового взыскать 100 рублей серебром. А ежели кто силой у кого отнимет лошадь, барана или меду, то с того взыскать штрафу серебром 100 рублей. *И никому без повеления суда баранту не захватывать. Ежели кто оную захватит, с того взыскать штрафу пару волов.* Ежели тому из суда будет дана именная печать для признания виновного, и тот сделает ослушание, с того проситель имеет право при свидетелях взять баранту и по взятии оной хозяин за ним вслед возвратит баранту, с таковых взыскать штрафу пару волов, также владелец или уздень без суда никого обидеть не может, а ежели фамилии Жембулатовой или Мисостовой подосланных будут иметь в других местах на кого претензию и дано будет потому из суда именная печать ... (неразб. – А.А.) оную к тамошнему владельцу, то *право имеет тот владелец приказать афендиям дело их решить по духовному разбирательству или суду* (А.А. – курсив наш)» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 9]. Примечательно, что текст перевода был подвергнут существенной правке со стороны служащих Моздокского верхнего пограничного суда. Возможно, именно в такой форме собирались сведения у кабардинцев для составления сводов правил регулирования их общественных отношений. Кроме того, именно к этому периоду относится и

составление «Народного условия, сделанного 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы в отмену прежних обычаев».

В 1807 г., после замены родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде духовными судами «мехкеме», власти по-прежнему продолжали вести списки и учет деятельности судебных учреждений, как это было установлено в 1793 г. Например, 24 апреля 1808 г. из Кавказской казенной палаты поступил запрос в Моздокский верхний пограничный суд, в котором ему предписывалось предоставить сведения о штате учрежденных в 1793 г. в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправ для определения объема их финансирования на очередной трехлетний цикл [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 1]. Ответ на это письмо был отправлен в Кавказскую казенную палату 30 апреля 1808 г. В сопроводительном письме отмечалось, что все необходимые сведения о персональном составе поданы в установленный срок [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 2]. Далее в документе шла речь о составлении точных копий с имеющихся при пограничном суде штатов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 392. Л. 2]. Это говорит о том, что несмотря на сложную общественно-политическую ситуацию в Кабарде в то время, пограничный суд по-прежнему апеллировал к спискам членов родовых судов и расправ, документировал учет кадров и подавал отчеты в вышестоящие инстанции по формам, утвержденным до 1807 г. Однако, указанные списки до настоящего времени обнаружить не удалось.

После этого и до упразднения Моздокского пограничного суда в 1822 г. проследить его коммуникацию с духовными судами «мехкеме» представляется достаточно сложным. Но отправление Моздокским верхним пограничным судом в отношении жителей Большой и Малой Кабарды основных функций после 1807 г. в это время не прерывалось.

Так, после 1807 г. продолжалось следствие по делу об убийстве титулярного советника пристава майора Дзюбина, фигурантами которого были жители Большой Кабарды. В 1809 г. в Моздокский верхний пограничный суд поступило заявление (прошение) вдовы Дзюбина с приложением регистра «деньгам и вещам убийцами мужа ее [пристава] ограбленным», в котором она просила привлечь убийц в ответственности по российским законам и компенсировать ей нанесенный преступлением материальный ущерб [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 411. Л. 50 об.].

9 января 1809 г. в Моздокский пограничный суд рассматривал предложение И.В. Гудовича, в котором он распоряжался принять решение по делу над кабардинским узденем М-вым, «произведенному на речке Золике на хищничестве следах» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 422. Л. 4-4 об.]. 24 января 1809 г. в пограничном суде было рассмотрено сообщение Моздокской городской полиции об отпущенном «на волю Большой Кабарды узденя Ш-ва и новокрещенного из черкес И-ва» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 422. Л. 25-25 об.]. 25 января 1809 г. в Пограничный суд поступило сообщение из моздокской полиции, в котором отмечалось о невозможности обеспечить присутствие в судебном разбирательстве отпущенного на волю узденя из Большой Кабарды Ш-кова [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр.

411. Л. 28 об.]. 24 февраля 1809 г. в пограничном суде разбирали заявление жителя Большой Кабарды О-ва, который просил «о спросе моздокского жителя новокрещенного черкесина Х-ва, по какому праву он его... [просителя] продал в Большую Кабарду узденю Джанхоту Докшукову, а от сего перепродан в Кумыкию и о[б] удовлетворении его за выкуп братьями его тремя стами рублями серебром деньгами» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 422. Л. 66–66 об.].

В 1810 г. в Моздокском верхнем пограничном суде рассматривалось дело по иску полковника князя Исмаила Атажукова¹ в отношении отставного хорунжего Степана Безорукина «за передержательство им у себя собственной его Атажукова женщины из черкесов П. с ея детьми» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 2 об.]. В этом же году по прошению узденя Большой Кабарды Х-ва рассматривалось дело о засвидетельствовании факта продажи им холопа моздокскому жителю Б-ву и возврате долга в размере 250 р. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 4]. Также в этом году было возбуждено производство на основании прошения жителя Большой Кабарды узденя Ш-ва о «засвидетельствовании закладного письма, сделанного на имя здешнего дворянина Б-ва на заложение ему 320 р. собственного человека из черкесов К...» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 5 об.]. Аналогичное дело рассматривалось в том же году по прошению узденя Большой Кабарды Е-ва, в котором проситель настаивал на засвидетельствовании представленного ему «устного письма, данного моздокскому жителю армянину Б-ву на уступление собственного его холопа из черкес Л. с женою его и двумя детьми ценою 500 р.» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 6 об.]. Такое же дело было возбуждено «по прошению Большой Кабарды узденя К-ва». Прощение сопровождалось «бумагой на татарском диалекте с переводом на российский» и «устное письмо Большой Кабарды узденя Д-на на уступленных ему собственных его холопей из черкес П. и Т. на сумму 500 р. и о выдаче ему К-ну» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 7]. Кроме того, в 1810 г. на основании сообщения генерала от инфантерии С.А. Булгакова «о предании законному суждению кабардинского владельца А-ва и двух чеченцев К-ва и Б-ва за чинимое ими около селения Солдатской хищничество» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 7 об.].

В дальнейшей работе Моздокского верхнего пограничного суда встречаются материалы его переписки с представителями знатных кабардинских фамилий по вопросам, связанным с проведением определенных процессуальных действий пограничным судом в Кабарде и предоставлением разъяснений по некоторым разбираемым делам [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 498. Л. 15 об.]. В это время была выработана наиболее приемлемая для обеих сторон схема взаимодействия, которая была представлена в рапорте председателя Моздокского верхнего пограничного суда от 23 ноября 1811 г. на имя генерал-лейтенанта Н.Ф. Ртищева. В нем отмечалось: что «от кабардинцев дела и самые преступления поступают от военных начальников, ибо когда

¹ А.А.: так в оригинале

оние переезду на здешнюю сторону на шалости их в том поймают, *то тогда отсылают в сей суд для поступления с ними по законам*. Кабардинцы никогда сами своих владельцев не выдают, *с коими и переписки никакой сей суд не имеет*. [Они] *относя[т]ся к находящемуся при них приставу, чрез которого и доставляются суду требуемые сведения* (курсив наш. – А.А.)» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 6 об. – 7].

В 1816 г. в Моздокском верхнем пограничном суде рассматривалось уведомление Моздокского нижнего земского суда о проведенном расследовании по «объявлению отставного поручика К-ва о похищении живущими на хуторе князя С-ва кабардинцем Н-вым, проживающего на управляемой им К-вым, принадлежащей прапорщику Б-ну земле кабардинцах Б-ва лошади для законного рассмотрения и решения в сей суд» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 25 об.].

В 1818 г. из Пограничного суда было отправлено сообщение приставу Большой Кабарды капитану Аносову «о вызове с Большой Кабарды князя Таусултанова и присылкою в сей суд за присмотром же для вопроса и учинении об нем же повального обыска и вместе доставить в сей же суд» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 2]. В тоже году по вопросу удостоверения социального статуса жителя Большой Кабарды в Моздокский верхний пограничный суд поступило коллективное письмо представителей кабардинской знати (князей Арслабека Биарсланова, подполковника Кучука Джанхотова, Алхажди Джамбуха Докшукова, Биарслана Куденетова, узденя Абдул Кандурова) [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 33–34 об.].

Все это говорит о том, что основной формой коммуникации между Моздокским верхним пограничным судом и учреждений локального судебно-административного контроля в Большой и Малой Кабарде, которая поначалу осуществлялась прикомандированными к ним российскими военными, а в последующем – приставами Кабарды. После 1807 г. функции пограничного суда по отношению к проживавшим на подведомственной ему территории кабардинцев не изменились, однако факты их прямого взаимодействия с духовными судами «мехкеме» в документах не прослеживаются.

Кадровый вопрос

Моздокский верхний пограничный суд был инстанцией, отвечавшей за подбор и утверждение в должностях судей родовых судов и заседателей расправ в Большой и Малой Кабарде. Анализ документов показывает, что обеспечение кадрами родовых судов и расправ было затруднительным по ряду причин. Во-первых, значительная часть кабардинцев демонстрировала нежелание проводить очередные выборы в родовые суды и расправы по истечению очередного трехлетнего цикла их функционирования. Во-вторых, довольно частыми были случаи уклонения судей и расправных заседателей от исполнения возложенных на них обязанностей. В-третьих, причиной частой ротации судейского состава являлась повышенная смертность в регионе.

В любом случае материалы Моздокского пограничного суда позволяют установить механизм назначения на должности и увольнения судей родовых

судов и расправных заседателей и охарактеризовать некоторые формы закрепления их статусов в новых политико-правовых реалиях. Например, 13 февраля 1794 г. в Моздокский пограничный суд из родового суда Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий поступил рапорт, в котором сообщалось, что избранный в 1793 г. в расправные заседатели Алий К. умер [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1]. В ответ на это 14 февраля 1794 г. судьи пограничного суда приказали «в родовую расправу послать указ, и на место умершего в оной заседателя Алия К. из роду и поведения достойного из кандидатов прежде назначенных выбрать» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 9] для направления на утверждение генерал-аншефу И.В. Гудовичу. В марте 1794 г. в рапорте Бекмурзиной и Кайтукиной родовой расправы для утверждения была предложена новая кандидатура на должность расправного заседателя [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 9]. В представлении от 3 июня 1794 г. пограничный суд направил эту кандидатуру на утверждение И.В. Гудовича [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 12]. Кандидатура была утверждена его указом 8 июня 1794 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 13], и пограничному суду было предложено допустить кандидата к исполнению обязанностей после принятия клятвы [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 14]. После прохождения процедуры согласования кандидатур вновь избранных судей и расправных заседателей контроль за проведением присяги и допуском к исполнению обязанностей возлагался на служащих Моздокского верхнего пограничного суда [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 28].

Наиболее подробно процедуру утверждения в должности членов родовых судов и расправ можно рассмотреть на материалах допуска к работе на образовавшуюся после смерти в 1794 г. Гиляхстана Исламова вакансию председателя малокабардинской родовой расправы. Основанием для начала процедуры стал поступивший 10 сентября 1794 г. в Моздокский верхний пограничный суд рапорт из родовой расправы Малой Кабарды о том, что ее председатель Гиляхстан Исламов скончался [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1]. 12 сентября 1794 г. Пограничный суд принял решение «на место умершего в родовой расправе председателя Гелестана Исламова в оную расправу прислать указ, чтобы она выбрала другого собственного из узденей, и кто именно избран будет для преставления его Высокопревосходительству [И.В. Гудовичу – А.А.] на утверждение в сей суд рапортовать» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 3]. После чего на имя И.В. Гудовича было направлено представление, в котором отмечалось, что «на место умершего родовой расправы, учрежденной в Малой Кабарде родов Гелестанова и Таусултанова, председателя узденя Гилястана Исламова просит [на основании] высочайшего о губерниях учреждения 76 статьи узденя Мусу Гелястанова избрать и на утверждение Вашему превосходительству представить» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 15]. 12 октября 1794 г. И.В. Гудович отправил в пограничный суд предложение, где указывал, что нужно вновь избранного судью допустить к присяге [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 17]. Примечательно, что в материалах дела текст присяги

(клятвенного общения) приведен на русском языке [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 18-19].

Сложности по приобщению избранных в родовые суды и расправы судей и расправных заседателей проявились уже в 1794 г. и в Малой Кабарде. Так, например, находившиеся при родовом суде и расправе Таусултановской и Гелестановской фамилий подпоручик Владимирского мушкетерского полка Ковалев и прапорщик Астраханского драгунского полка Микелядзев докладывали вышестоящему начальству, что судьи не присутствуют на своих местах и не исполняют свои обязанности [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 36].

Анализ источников показывает, что Моздокский верхний пограничный суд по вопросам неисполнения кабардинцами обязанностей судей в родовых судах и расправах Большой и Малой Кабарды незамедлительно реагировал и оповещал вышестоящее начальство. Например, в 1794 г. в пограничный суд был направлен рапорт заседателя родового суда Мисостовой и Атажукиной фамилий Адильгирея Темрюкова о неисполнении председателем родовой расправы Камбулатом Куденетовым своих обязанностей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5]. Как правило, в таких случаях от вышестоящего начальства исходили предписания в адрес Пограничного суда обязать («принудить») явиться в соответствующий суд для работы. Другой пример – 14 марта 1794 г. в Моздокский суд поступил рапорт от находившегося в Малой Кабарде при родовом суде подпоручика Клыкова из Воронежского мушкетерского полка, в котором он сообщает, что судьи родового суда князь Мусса Тоусултанов¹, уздень М. Боташев и эфендий Темрюко Кызов разъехались по домам и не выполняют свои обязанности. В документах отмечается, что за ними был отправлен секунд-майор Дол Мударов, и сообщается о том, что уклонявшиеся ответили, что не хотят работать в назначенном месте [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1-3]. Эту информацию довели до сведения главнокомандующего войсками в регионе. Он, в свою очередь, распорядился обязать судей прибыть в присутствие и исполнять свои обязанности.

На этом фоне избранные от кабардинцев члены Моздокского верхнего пограничного суда продолжали выполнять возложенные на них обязанности, как и прежде, и при этом не теряли связей с родственниками в местах проживания. Однако после 1807 г. неоднократно стали обнажаться сложности с делегированием представителей от кабардинцев в пограничный суд. Это было в определенной мере связано с осложнением социально-политической ситуации в регионе (карательными экспедициями, эпидемией чумы, и т.п.). Все это привело к тому, что в начале в 10-е гг. XIX в. Моздокский верхний пограничный суд функционировал в усеченном виде. В кадровых и финансовых документах суда отделаось, что некоторые места, отведенные делегатам от Большой и Малой Кабарды, имелись вакансии [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 3 об – 6]. В частности, 25 ноября 1811 г. в составе суда числились

¹ А.А.: Так в оригинале.

«от владельцев Большой Кабарды Мисостовой и Атажукиной фамилий» майор Алексей Мисостов, «от владельцев Малой Кабарды Гилястановой и Таусултановой фамилий» Биарслан Кайтукин [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 3 об – 6]. Князя Бекмурзиной и Куйтукиной фамилий в этот период в пограничном суде представлены не были. Также не было представлено ни одного судьи от узденей Большой Кабарды. От узденей Малой Кабарды в пограничном суде в том время работал Кургоко Перхичев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 448. Л. 3 об – 6]. Эти же судьи встречаются и в материалах Пограничного суда в 1817 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 11 об. – 12]. Выборы в пограничный суд после 1807 г. не проводились, а отработавшие полный трехлетний цикл судьи не увольнялись и продолжали исполнять свои обязанности в течение неопределенного времени.

Заключение

Моздокский верхний пограничный суд занимал важное место в структуре российских органов власти на Центральном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. Являясь частью механизма государства, пограничный суд сочетал в своей деятельности как принципы имперской административно-судебной системы, так и традиционные формы решения споров и конфликтов местного населения. В его подведомственности находились представители горских народов, проживавших в то время за пределами Кавказской линии. Суд был вышестоящей инстанцией по отношению к функционировавшим в Большой и Малой Кабарде родовым судам и расправам, поэтому их учреждение может считаться отправной точкой формирования в регионе многоуровневой системы управления.

Основным механизмом коммуникации Моздокского верхнего пограничного суда с родовыми судами и расправами в Большой и Малой Кабарде была переписка в форме рапортов. Однако если в начале своей деятельности такая коммуникация происходила при посредничестве специально прикомандированных к родовым судам и расправам российским военным, то в последующем – через приставов (начальников) Кабарды. В 1807–1822 гг. под влиянием военно-политических факторов и этнодемографических трансформаций в самой Кабаре интенсивность такой коммуникации существенно снизились. Власти перестали получать сведения о деятельности духовных судов, выборы судей не проводились. Несмотря на это, основные направления деятельности Моздокского верхнего пограничного суда в отношении «залинейных горцев» изменений не претерпели.

В целом, введение первоначальных форм судебно-административного контроля на Центральном Кавказе имело неоднозначные последствия. В то время как одна часть представителей местного нобилитета активно включалась в их деятельность, получала воинские звания и жалование от российской казны, другая открыто демонтировала нежелание мириться с новым режимом (неисполнение возложенных российской властью обязанностей, саботирование выборов судей, миграция на территорию Северо-Западного и Восточного Кавказа и т.п.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Адыгская... – *Адыгская* (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонда имени Б.Х. Акбашева при участии Международной Черкесской ассоциации, 2006. – 1248 с.

АКАК 1868 – *Акты* Кавказкой археографической комиссии: в 12 т. – Т. 2. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1868. – 1238 с.

Афаунова 2008 – *Афаунова М.И.* Попытки установления родовых судов и расправ в Кабарде (1793-1807) // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2008. – Вып. 15. – С. 37-54.

Бейтуганов 1993 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с.

Блиев 1964 – *Блиев М.М.* Осетия в первой трети XIX в. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. – 174 с.

Блиев 1970 – *Блиев М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). – Орджоникидзе: Издательство ИР, 1970. – 380 с.

Блиева 1992 – *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ: СОГУ, 1992. – 108 с.;

Блиева 2015 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. 2-е изд., перераб. – Владикавказ: Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, 2015. – 397 с.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1869. – Ч. 3. – 621 с.

Бушуев 1956 – *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 192 с.

Века... 2017 – *Века* совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX века. – Москва: Наука, 1967. – 331 с.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцев. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1870. – Вып. IV. – С. 1-72.

Дзидзоев 2011 – *Дзидзоев А.Д.* Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – 23 с.

Думанов, Кетов 2000 – *Думанов Х.М., Кетов М.Ю.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2000. – 140 с.

Из документальной... 2000 – *Из документальной* истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / Сост. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 480 с.

Исторические сведения... 1913 – *Исторические сведения* о кабардинском народе: К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева. – Киев: Типо-литография «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

История... 1957 – *История* Кабарды с древнейших времен до наших дней. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 396 с.

История... 1967 – *История* Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Наука 1967. – 484 с.

История... 2007 – *История* многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

Кажаров 1994 – Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половины XIX в. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 438 с.

Кажаров 2006 – Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. – Нальчик: КБИГИ, 2006. – Вып. III. – С. 398-425.

Калмыков 1995 – Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 125 с.

Калмыков 2007 – Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Касумов, Касумов 1991 – Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (Материалы 1 Кошехабльского форума «История – достояние народа»). – Майкоп: Меоты, 1991. – С. 41-64.

Кубатко 2002 – Кубатко А.Н. История становления российской судебной системы на Северном Кавказе: Конец XVIII – начало XX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2002. – 204 с.

Кубатко 2003 – Кубатко А.Н. История становления российской судебной системы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX в.). – Пятигорск: изд-во «Технологический университет», 2003. – 197 с.

Кумыков 1963 – Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII – XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – С. 90-102.

Мальбахов 1998 – Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722 – 1825 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 352 с.

Маремкулов 1999 – Маремкулов А.Н. Трансформация судебной системы в Кабарде в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: историко-правовой аспект // Проблемы совершенствования правовой системы Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции. – М.: Кабардино-Балкарский государственный университет, 1999. – С. 25–31.

Маремкулов 2003 – Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX в.: политико-правовой аспект. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 152 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Россия... 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография / Дзамихов К.Ф., Боров А.Х. [и др.]. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

Северный... 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.

Хубиев 2007 – Хубиев Э.Ю. К вопросу о динамике шариатского движения в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. // Исторический вестник КБИГИ. – 2007. – Вып. VI. – С. 112-131.

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th and early 20th centuries] – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russian)

Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (Circassian) encyclopedia]. – M.: Fonda imeni B.Kh. Akbasheva pri uchastii Mezhdunarodnoi Cherkesskoi assotsiatsii, 2006. – 1248 p. (In Russian)

AFAUNOVA M.I. *Popytki ustanovleniya rodovykh sudov i rasprav v Kabarde (1793–1807)* [Attempts to establish ancestral vessels and massacres in Cabard (1793-1807)]. IN: Vestnik instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN. – Nalchik, 2008. – Iss. 15. – P. 37–54. (In Russian)

Akty Kavkazkoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archeographic commission]. – T. 2. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1868. – 1238 p. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda v familiyakh* [Kabarda in surnames]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 304 p. (In Russian)

BLIEV M.M. *Osetiya v pervoi treti XIX v* [Ossetia in the first third of the 19th century]. – Ordzhonikidze: Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1964. – 174 p. (In Russian)

BLIEV M.M. *Russko-osevinskie otnosheniya (40-e gg. XVIII – 30-e gg. XIX v.)* [Russian-Ossetian relations (40th XVIII – 30th XIX century)]. – Ordzhonikidze: Izdatel'stvo IR, 1970. – 380 p. (In Russian)

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80 gody XIX veka* [Russian bureaucracy and peoples of the Central Caucasus in the late 18th and 80 years of the 19th century]. 2-e izd., pererab. – Vladikavkaz: Institut istorii i arkheologii Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya, 2015. – 397 p. (In Russian)

BLIEVA Z.M. *Sistema upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoi treti XIX v.* [Management system in the North Caucasus at the end of XVIII – the first third of XIX century]. – Vladikavkaz: SOGU, 1992. – 108 p. (In Russian)

BUSHUEV S.K. *Iz istorii russko-kabardinskikh otnoshenii* [From the history of Russian-Kabardin relations]. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 192 p. (In Russian)

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. – SPb.: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, 1869. – Part 3. – 621 p. (In Russian)

DUMANOV Kh.M., KETOV M.Yu. *Adyge khabze i sud v Kabarde vo vtoroi polovine XVIII–XIX v.* [Adyge habze and court in Kabard in the second half of the XVIII-XIX century] – Nalchik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2000. – 140 p. (In Russian)

DZIDZOEVA A.D. *Sudebnaya politika na Severnom Kavkaze v XIX – pervoi treti XX v. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial policy in the North Caucasus in the 19th – the first third of the 20th century. Abstract of the thesis for a Candidate of legal sciences degree]. – SPb., 2011. – 23 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Social structure of Adyga peoples in the 18th – the first half of the 19th century]. – Moscow: Nauka, 1967. – 331 p. (In Russian)

GRABOVSKII N.F. *Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v kabardinskom okruge* [Essay of court and criminal offences in Kabardin district]. IN: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsev. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1870. – Iss. IV. – P. 1–72. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kabardino-Balkan ASSR from ancient times to the present day]. Vol. 1: *Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [The history of the Kabardino-Balkan ASSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution]. – M.: Nauka 1967. – 484 p. (In Russian)

Istoriya Kabardy s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kabarda from ancient times to the present day]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – 396 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii [History of the centuries-old commonwealth: To the 450th anniversary of the union

and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 720 p. (In Russian)

Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [From the documentary history of kabardino-Russian relations (the second half of XVIII – the first half of XIX centuries)]. Compiler Kh.M. Dumanov. – Nalchik: El'brus, 2000. – 480 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (second half of XVIII – early XX century)]. – Nalchik: El'-Fa, 2007. – 232 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachale XX v.)* [On the time and circumstances of the establishment of "spiritual courts" in Cabard]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 125 p. (In Russian)

KASUMOV A.Kh., KASUMOV Kh.A. *Osvoboditel'naya bor'ba adygskich narodov v XIX veke* [Liberation struggle of Adyga peoples in the 19th century]. IN: *Cherkesiya v XIX veke (Materialy 1 Koshekhabl'skogo foruma «Istoriya – dostoyanie naroda»)* [Circassia in the 19th century (Materials from the 1 Forum "History – Heritage of the People")]. – Maikop: Meoty, 1991. – P. 41-64. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *O vremeni i obstoyatel'stvakh uchrezhdeniya «dukhovnykh sudov» v Kabarde* [On the time and circumstances of the establishment of "spiritual courts" in Cabard]. IN *Istoricheskii vestnik*. – Nalchik: KBIGI, 2006. – Iss. III. – P. 398–425. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi poloviny XIX v.* [Traditional social institutions of Kabardinians and their crisis in the late 18th – the first half of the 19th century]. – Nalchik: El'-Fa, 1994. – 438 p. (In Russian)

KHUBIEV E.Yu. *K voprosu o dinamike shariatskogo dvizheniya v Kabarde v kontse XVIII – pervoi poloviny XIX v.* [To the question of the dynamics of the Sharia movement in Kabard in the late 18th – the first half of the 19th century]. IN: *Istoricheskii vestnik KBIGI*. – 2007. – Iss. VI. – P. 112-131. (In Russian)

KUBATKO A.N. *Istoriya stanovleniya rossiiskoi sudebnoi sistemy na Severnom Kavkaze: Konets XVIII – nachalo XX v. Dis. ... kand. ist. nauk.* [History of the Russian judicial system in the North Caucasus: Late XVIII – early XX century. The dissertation for the Candidate of historical sciences degree]. – Pyatigorsk, 2002. – 204 p. (In Russian)

KUBATKO A.N. *Istoriya stanovleniya rossiiskoi sudebnoi sistemy na Severnom Kavkaza (konets XVIII – nachalo XX v.)* [History of the Russian judicial system in the North Caucasus (late 18th – early 20th century)]. – Pyatigorsk: izd-vo «Tekhnologicheskii universitet», 2003. – 197 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode: K 300-letiyu doma Romanovykh* [Historical information about the Kabardin people: To the 300th anniversary of the House of Romanovs]. – Kiev: Tipo-litografiya «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Iz istorii sudebnykh uchrezhdenii v Kabardino-Balkarii (konets XVIII – XIX vv.)* [From the history of judicial institutions in Kabardino-Balkaria (late 18th – 19th centuries)]. IN: *Uchenye zapiski KBNII*. Iss. XIX. – Nalchik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1963. – P. 90-102. (In Russian)

MAL'BAKHOV B.K. *Kabarda v period ot Petra I do Ermolova (1722-1825 gg.)* [Cabarda from Peter I to Yermolov (1722-1825)]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 352 p. (In Russian)

MAREMKULOV A.N. *Osnovy geopolitiki Rossiiskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze v XVIII – nachale XIX v.: politiko-pravovoi aspekt* [The Foundations of Russian State Geopolitical in the North Caucasus in the 18th and early 19th Centuries: Political and Legal Aspect]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 152 p. (In Russian)

MAREMKULOV A.N. *Transformatsiya sudebnoi sistemy v Kabarde v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX vv.: istoriko-pravovoi aspekt* [Transformation of the judicial system in Cabard in the late 18th – first quarter of the 19th centuries: historical and legal aspect]. IN: *Problemy*

sovershenstvovaniya pravovoi sistemy Rossiiskoi Federatsii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Problems of improving the legal system of the Russian Federation. Proceedings of the Scientific and Practical Conference]. – М.: Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet, 1999. – P. 25-31. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military History Archive].

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu: monografiya [Russia and the peoples of the North Caucasus in the 16th and mid – 19th century: sociocultural distance and movement towards state-political unity] / Dzamikhov K.F., Borov A.Kh. [and other authors]. – Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russian)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [North Caucasus as part of the Russian Empire]. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 460 p. (In Russian)

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan].

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania].

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russian)

Средневековая и новая история

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-96-114

**ГЕОРГИЙ АРСЕНЬЕВИЧ ЕМАНУЭЛЬ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАВКАЗА (1826-1831)****Е.Г. МУРАТОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

А.В. ХАШИРОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: ask_ofi@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность командующего на Кавказской линии генерала Г.А. Емануеля на Центральном Кавказе во второй половине 20-х гг. XIX в. С опорой на архивные источники показана его роль в организации первой военно-научной экспедиции к Эльбрусу в 1829 г., ставшей одной из форм военно-разведывательного изучения региона периода Кавказской войны. Дана характеристика взаимодействия Емануеля с горскими народами Центрального Кавказа и освещены отдельные аспекты административной практики в этом регионе. Проанализирован его вклад в урегулирование этнополитической ситуации на Центральном Кавказе и стремление наряду с военным давлением использовать «меры мирных сношений с горцами». Показано, что с именем Г.А. Емануеля в должности командующего войсками на Кавказской линии связаны весьма значимые события в истории народов Центрального Кавказа: принесение присяги на верность российскому престолу и первые шаги в их политико-административной интеграции в состав Российского государства.

Ключевые слова: Г.А. Емануель; Эльбрусская экспедиция 1829 г.; Северный Кавказ; Кабарда; Балкария; кавказоведение; горские общества; административная практика; первая треть XIX века.

**GEORGE ARSENEVICH EMANUEL AND THE PEOPLES OF THE
CENTRAL CAUCASUS (1826-1831)****E.G. MURATOVA**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

A.V. KHASHIROV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: ask_ofi@mail.ru*

Abstract. The article deals with the activities of the commander-in-chief of the Caucasian line, general G.A. Emanuel in the Central Caucasus in 1826-1831. His role in organizing the first military-scientific expedition to Elbrus in 1829 is shown based on archival sources. It's become one of the forms of a military-intelligence study of the region during the Caucasian War. The characteristic of the interaction of Emanuel with the mountain peoples of the Central Caucasus is given and some aspects of administrative practice in this region are highlighted. His contribution to resolving the ethno-political situation in the Central Caucasus and the desire to use "measures of peaceful relations with the highlanders" along with military pressure are analyzed. It is shown that with the name of G.A. Emanuel in the post of commander of troops on the Caucasian line linked very significant events in the history of the peoples of the Central Caucasus: the oath of allegiance to the Russian throne and the first steps in their political and administrative integration into the Russian state.

Keywords: G.A. Emanuel; Elbrus expedition 1829; North Caucasus; Kabarda; Balkaria; Caucasian studies; mountain society; administrative practice; the first third of the 19th century.

В 2019 году отмечается «круглая дата» – 190-летие экспедиции Российской императорской Академии наук в окрестности Эльбруса и покорения этой высочайшей вершины Европы. Предыдущие два года также были ознаменованы чередой юбилеев, связанных с вхождением отдельных народов Центрального Кавказа в состав Российского государства, что повлекло за собой не только важные общественно-политические и научные мероприятия, но и очередную переоценку этих процессов в отечественной историографии.

В истории народов Северного Кавказа указанные выше знаменательные события так или иначе связаны с именем генерал-лейтенанта Георгия Арсеньевича Емануеля. С 1826 по 1831 гг. он являлся командующим войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальником Кавказской области. Незаурядная личность Г.А. Емануеля, его активная деятельность как военачальника и талантливого администратора на вверенной территории в сложных условиях Кавказской войны давно привлекали внимание исследователей.

Началом историографической разработки темы послужили работы адъютанта Емануеля – князя Н.Б. Голицына [Жизнеописание ... 1851], военных историков С. Филонова [Филонов 1894], В.И. Томкеева [Томкеев 1898-1899] и В.А. Потто [Потто 1994]. Также военно-организационные аспекты деятельности Г.А. Емануеля на Кавказе в период подготовки войн с Персией и Турцией получили освещение в работе историка Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербины [Щербина 1913], а положение на Восточном Кавказе в связи с мюридизмом нашло свое отражение в работах Н.А. Волконского [Волконский 1869] и Н.А. Смирнова [Смирнов 1963].

В современной историографии продолжают активно изучаться военно-политические аспекты деятельности Г.А. Емануеля на Северном Кавказе

[Алоев 2015; Кипкеева 2015; Скрипник 2015; Бегеулов 2017], вместе с тем постепенно интерес смещается в сторону рассмотрения вопросов весьма результативной административной политики генерала, подчеркивается роль Г.А. Емануеля в развитии курортной зоны Кавказских Минеральных Вод [Пархоменко 2014; Красноутская, Красноутский 2015]. Не осталась в стороне от исследовательского внимания и Эльбрусская военно-научная экспедиция 1829 г., осуществленная под его руководством [Колосовская 2016]. Также нельзя не отметить большую биографическую статью Г.Г. Лисицыной и В.М. Файбисовича, предваряющую переиздание «Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля» [Голицын 2004: 10-67]. Можно согласиться с заключением этих авторов о том, что научная биография Г.А. Емануеля пока не написана и, безусловно, предисловие и комментарии Г.Г. Лисицыной и В.М. Файбисовича к современному изданию «Жизнеописания...», составленного кн. Н.Б. Голицыным, являются отправным пунктом для дальнейших исследований [Голицын 2004: 137].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе малоизвестных архивных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, рассмотреть деятельность Г.А. Емануеля на Центральном Кавказе во второй половине 20-х гг. XIX в., оценить характер его взаимодействия с горскими народами региона, а также показать роль Г.А. Емануеля в организации первой военно-научной экспедиции к Эльбрусу в 1829 г.

Основным источником послужили документы, извлеченные из фондов и коллекций Военно-ученого архива (ВУА. Ф. 846) и фонда 13454 (Штаб войск Кавказской Линии и в Черномории расположенных) Российского государственного военно-исторического архива; отчеты и материалы из личного фонда 32 (Адольф Яковлевич Купфер) Санкт-Петербургского филиала архива РАН, а также делопроизводственная документация фонда 16 (Управление Центра Кавказской линии) Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

Эти источники перепроверены документальными материалами, опубликованными в VII томе «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» [АКАК 1878: 862-881] и в юбилейном издании «Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.)» [Века совместной истории... 2017: 512-522].

Другим важным источником по теме являются воспоминания венгерского путешественника Жана-Шарля де Бессе (Беше), написанные по впечатлениям от поездки на Кавказ в 1829 г. и представленные в переводах И.А. Гориславского и И.В. Кравченко с французского языка [Гориславский и др. 2007: 29-52].

Георгий Арсеньевич Емануель вступил в должность Командующего войсками на Кавказской линии 22 сентября 1826 года. Его деятельность на этом посту в 1826-1831 гг. была весьма разнообразной. Одним из важных событий, связанных с пребыванием Г.А. Емануеля в новой должности, явилось принятие российского подданства отдельными горскими обществами Центрального Кавказа в 1827 г.

По свидетельству главного биографа Георгия Арсеньевича, его адъютанта кн. Н.Б. Голицына, «чрезвычайное протяжение линии при недостаточном тогда числе войск для её охранения приводило генерала Эммануеля в крайнее затруднение: надобно было удержать границу и воспрепятствовать вторжению горцев» [Голицын 2004: 228]. Вместе с тем принятые им меры «мирных сношений с горами способствовали ещё и к тому, что многие из них начали приходить в подданство России и без употребления над ними силы оружия» [Голицын 2004: 229].

Так, 11 января 1827 года представители урусбиевских, чегемских, хуламских и балкарских таубиев, к которым присоединились также представители от дигорских бадилят, прибыли в Ставрополь к командующему русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Емануелю и подали прошение о принятии их в российское подданство. Они выразили готовность принести присягу и поступить на военную службу, обязались выдать аманатов. В частности, в обращении уполномоченных старшин в переводе с турецкого языка говорилось: «...быв отправлены к вашему превосходительству для испрошения покровительства и защиты всероссийского великого государя императора Николая Павловича яко поставленного от него наместника с тем ежели наше прошение принято буде, то мы равно и весь народ за отдачею уже аманатов детей наших принес и на верность подданства присягу всероссийскому великому государю Императору Николаю Павловичу и наследнику его государю великому князю Александру Николаевичу и затем буде готовы и на службу его величества, если в том мы востребованы будем...» [Века совместной истории...2017: 517]. Тогда же была составлена «Ведомость о числе дворов дигорских и прочих народов, новопокорившихся русскому правительству», в которой были зафиксированы имена депутатов от различных балкарских обществ. Среди них значились от Балкарского общества (400 дворов) Арслан аджи Жанхотов; от Чегемского (200 дворов) – Кельмамбет Баймурзов; от Хуламского и Безенгиевского (100 дворов) – Магомет Шакманов и от Урусбиевского (100 дворов) – Мурзакал Урусбиев [Века совместной истории...2017: 518]. Вероятно, что приведенные выше сведения о количестве дворов в горских обществах даны приближенно. Несколько искажены и собственные имена уполномоченных старшин.

При подаче прошения представители балкарского народа ходатайствовали о сохранении всех их древних прав и обычаев, шариатского суда, свободного исповедания ислама и «получения издавна установленной владельцам с подданных дани» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 38]. Генерал Емануель привел балкарских и дигорских старшин к присяге и, отпустив депутатов по домам, поручил им привести к присяге свои народы. В его обращении к уполномоченным старшинам, в частности, говорилось: «...по возвращении к своим народам тотчас привести оные на верноподданство к присяге доставив оные ко мне сколь возможно поспешнее чрез господина полковника Швецова и объяснив в оных согласно желанию народа готовность к службе его величества по первому востребованию Российского правительства если бы в том предстояла надобность аманатов от всех народов –

разделяющихся на разные фамилии как-то: дигорцев от пяти – одного, балкарцев от двух одного, чегемцов от трех одного и холамцов и бизингов одного, взять с тем, чтобы переменять ежегодно, я не могу согласиться, но доставить от каждой фамилии порознь по одному. О прочих же просьбах ваших по рассмотрению в след за сим последует особенное решение» [Века совместной истории...2017: 519]. Уже 16 марта 1827 года Емануэль доносил, «что старшины горских народов Балкарского, Урусбиевского и Чегемского присягнули на верноподданство» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 77. Л. 38]. После доклада об этом знаменательном событии командующему армией генерал-адъютанту Паскевичу и императору Николаю I, генерал-лейтенант Емануэль получил «высочайшее благоволение за приведение балкарцев к подданству» [Кудашев 1913: 242].

Вхождение Балкарии в состав России может быть типологизировано как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи. Это было обусловлено далеко зашедшей социальной стратификацией, устойчивым статусом этнической элиты и наличием достаточно зрелых форм политической самоорганизации общественных единиц. Не следует преуменьшать и значение самого акта верноподданнической присяги, принесённой представителями всех балкарских обществ ген. Емануэлю в 1827 г. С точки зрения царской военной администрации это могло рассматриваться как простая формальность, но для балкарской феодальной элиты и всей массы населения балкарских обществ это было формой внутреннего признания новой политической реальности и необходимым условием легитимации Российской государственной власти в общественном сознании» [Муратова 2017: 9].

В новейшей историографии утвердилось положение, что в первой четверти XIX в. «в связи с политикой России на Центральном Кавказе разрушилось этнополитическое равновесие, сложившееся в предшествующую эпоху и характеризовавшееся гегемонией Кабарды в регионе. В этих условиях определилось несколько моделей реакции местных обществ на российское военно-политическое присутствие. С одной стороны, кабардинская знать начала борьбу за сохранение своих земель и владельческих прав над подданными. С другой стороны, в условиях российской протекционистской политики продолжался процесс перехода отдельных локальных этнополитических образований Центрального Кавказа в российское подданство» [Века совместной истории... 2017: 253].

Один из авторов XIX в. – П.А. Гаврилов, считал, что с обнародованием в 1822 г. прокламаций генерала Ермолова начались споры балкарских обществ с кабардинцами за право первых пользоваться осенними и весенними пастбищами на плоскости, споры, затянувшиеся потом не на одно десятилетие. Со времени создания Кабардинской передовой кордонной линии «горцы без стеснений от кабардинцев могли занимать необходимые им пастбища; но все-таки и в это время, как и прежде, горские овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли влиятельных кабардинцев, принадлежавших обыкновенно к высшим кабардинским сословиям. Отсюда

также явилась претензия кабардинцев на право взимания с горцев ясака за пастьбу стад на плоскости» [Гаврилов 1869: 11].

Уклонение балкарцев от уплаты привычной подати вызвало недовольство кабардинских князей и узденей. Они, воспользовавшись проездом через Кабарду в 1827 г. начальника Главного штаба генерал-адъютанта Дибича, подали ему жалобу на действия А.П. Ермолова с требованием сохранения их прав и обычаев старины. В прошении содержался пункт о сохранении дани с тех народов, с которых они брали ее раньше. Кабардинские владельцы мотивировали это тем, что «все народы, в горах живущие, равно и земли ими населенные, издревле принадлежали кабардинцам» [АКАК 1878: 866]. В объяснении представленных прошений со слов кабардинских владельцев Кучука Джанхотова, Мисоста Атажукина и других были зафиксированы прежние правоотношения с балкарскими обществами. В частности, относительно жителей Черекского ущелья было записано, что с них кабардинские владельцы «никакой дани не получают... и наказываются за все наравне по правилам кабардинским» [АКАК 1878: 866]. Что касается чегемцев и урусбиевцев, то согласно еще одному документу, они «с давнего времени принадлежат Атажукиной фамилии, и никто в них не вмешивается», а князь Атажукиной фамилии требует с чегемских старшин в случае раздела 9 душ крестьян, а «черный народ с каждого двора должен давать князю по одной рогатой скотине и сверх того каждое лето по одной корове для молока». Кроме того, обычай регламентировал целую серию натуральных подношений и мелких услуг, а также предусматривал значительные штрафы в пользу князя в случае уголовных правонарушений, таких как воровство или ранение. Что касается хуламцев и безенгиевцев, то в выписке говорилось, что они «по очереди в год дают князьям по барану с дома» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49. Л. 46-47 об.].

В связи с этим обращением генералу Емануелю, совсем недавно вступившему в должность Командующего на Кавказской линии и Черномории, пришлось досконально вникать во все тонкости социально-политической ситуации на Центральном Кавказе. Его выводы вполне соответствовали объяснениям кабардинских князей. «Податью с осетин и других народов, позволенную Высочайшей грамотою в 15 день июля 1771 года, кабардинцы пользовались по 1822 год. Начальство русское, дабы народы сии не принимали и не пропускали через свои земли закубанцев и беглых кабардинцев для хищничества в Российские границы, требовало от них аманатов, кои в залог верности от них выданы, чрез то и подать платить кабардинцам отказались». В связи с этим князья добивались у Дибича «позволения брать с них по прежним обрядам подать» и ручались удерживать горцев «на будущее время от всех неблагонамеренных для России поступков» [АКАК 1878: 866].

Предыдущий опыт покорения Кабарды подсказывал правительству, что российская политика на Центральном Кавказе может быть успешной, если, во-первых, будет поддержано стремление балкарцев освободиться от этих платежей, и, во-вторых, им будет обеспечен свободный выход на плоскость. В замечаниях кн. Бековича-Черкасского касательно просьбы кабардинского

народа, представленных в рапорте гр. Паскевичу, по этому поводу говорилось: «Карачаевцы, Чеченцы (следует читать «чегемцы» - авторы), Балкары, Хуламцы, живущие на самых дальних горах, не составляющие большого целого, всегда были угнетаемы кабардинцами, как народом сильным, которому они даже платили дань... По поводу сего необходимо воспретить кабардинцам селиться в вершинах рек, ибо в противном случае вышесказанные народы снова подпадут игу, будучи ближними соседями, долженствующими иметь проезды через их земли» [АКАК 1878: 872].

Прошение кабардинских князей, апеллировавшее к традиционному праву, после длительных обсуждений и консультаций было оставлено российскими властями без каких-либо последствий.

Этот отдельный пример, а также ряд документов, опубликованных в VII томе Актов Кавказской археографической комиссии [АКАК 1878: 864-881], указывают на большое внимание Емануеля к урегулированию этнополитической ситуации на Центральном Кавказе и стремление наряду с военным давлением использовать «меры мирных сношений с горцами». Вслед за дигорским и балкарскими обществами, по данным Н.Б. Голицына, на верность российскому престолу также присягнула: «некоторая часть из чеченцев и гумбетовцев (с 5 февраля 1827 по 17 ноября 1829 первыми присягнули: аулов – 76, семейств – 2030, душ обоюга пола – 6895; вторыми: аулов – 15, семейств – 3007, душ обоюга пола – 9021)» [Голицын 2004: 229]. Таким образом, генерал Емануель укрепил и левый фланг Кавказской линии. В награду за эти труды, «в особенности при успешном установлении и сохранении мирных отношений с горскими народами, генералу Эммануэлю всемилостивейше пожалован в 1827 году орден Св. Александра Невского» [Голицын 2004: 234].

Летом 1828 г. обстановка на Кавказе вновь обострилась, Россия готовилась к войне с Оттоманской Портой. Российское командование было обеспокоено активностью турецкой агентуры и попыткой создания единого антироссийского фронта в Северо-Кавказском регионе. В этих условиях, по донесению Емануеля, спокойствие сохранила Кабарда и «также *дигорские народы, недавно присягнувшие* государю императору на верноподданство, вполне сохранили оное...» [Шамиль – ставленник... 1953: 4]. Обращает на себя внимание тот факт, что близкородственные балкарцам карачаевцы продемонстрировали совершенно иную модель взаимоотношений с Россией. Карачай, находившийся во внешнеполитической орбите Турции, оказал серьезное сопротивление царским войскам и был покорен в 1828 г. в результате военной экспедиции Емануеля. Ее итогом стало то, что 22 октября старшины карачаевского народа во главе с вали Исламом Крымшамхаловым также принесли присягу и подали прошение о принятии их в подданство России. «Причем все изъявили готовность исполнить следующие условия: 1) никогда не злоумышлять против России и виновных людей как кабардинцев, так и простых хищников отнюдь к себе не принимать и с ними ни в чем не участвовать; 2) все похищенное ими прежде сего, как-то; людей, скот и прочее имущество, без изъятия под присягой возвратить; 3) в верности исполнения представить

аманатов из указываемых генералом Эммануэлем четырех знатнейших семейств; 4) если из других земель пройдет чрез их владение черкесское войско для вторжения в Россию, и они не в силах будут удержать его, то, не отвечая за это, должны немедленно дать знать о сем ближайшему начальству; 5) если кто из подданных российских, подобных им мусульман, имеет на них какую-либо претензию или они на них, то предоставить им разбор, по своему обычаю, Шериатом; 6) для мены и торговли учредить им на реке Кум меновой двор у крепости Ахандуковской, чтобы они могли там получать соль, железо, товар и хлеб и были пропускаемы в пределы России по их надобностям» [Голицын 2004: 241-245]. Однако формальное объявление подданства не устранило имевшихся противоречий: во второй четверти XIX в. наблюдалось отпадение Карачая и «возобновление присяги» на верность России. В 1840-е гг. наибы Шамиля находили в Карачае всяческую поддержку, а в 1855 г. около 3 тысяч карачаевцев, состоявших в ополчении Муххамад-Амина, участвовало в антироссийском восстании. Поэтому 1855 г. некоторые исследователи считают годом окончательного присоединения Карачая к России [Тебуев, Хатуев 2002: 110].

Вместе с тем, возвращаясь к событиям 1828-1829 гг., следует отметить, что обстановка на Центральном Кавказе оставалась напряженной. В условиях продолжавшейся войны с Турцией, чтобы войти в сопредельные с Кавказской линией земли, не взбудоражив горцев, провести разведку дорог и полезных ископаемых, Г.А. Емануэль предложил организовать первую научную экспедицию на Эльбрус. В своем письме графу Дибичу от 29 декабря 1828 г. Емануэль по этому поводу писал: «Предположив будущим летом обозреть самые ближайшие окрестности Эльбруса, как и Кинжал Гору на Малке, содержащую в сих большое количество свинца, и из которых горские народы извлекают оной большими кусками для военных потребностей; а как полагать можно, что в окрестности сего феномена – должны скрываться и другие сокровища, то я считаю небесполезным, если бы для открытия сих источников были к тому времени, как удобнейшему вовсе присланы чиновники по сей части сведущие, как то минерологи и тому подобные. Очень доведя до сведения вашего сиятельства, буду иметь честь ожидать разрешения» [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 6].

В военном ведомстве посчитали желательным воспользоваться этим проектом «для лучшего и подробнейшего узнания Кавказа», определив два главные предмета изысканий: топографию и естественную историю этого края. Первый – был поручен офицерам Генерального штаба и корпуса топографов; а для второго – Академия наук предложила послать несколько ученых [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 16].

После согласований с министерством финансов, императорской Академией наук и другими ведомствами 24 марта 1829 г. Главный Штаб за подписью его управляющего генерала графа Чернышева отправил предписание № 69 командующему Кавказской линией генералу Емануэлю, в котором сообщалось, что император одобрил и утвердил решение об экспедиции к Эльбрусу [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 22].

В ответ на это предписание уже 13 мая 1829 г. Емануель докладывал Чернышеву: «... отряд для экспедиции к Эльбрусу составлен из 650 человек пехоты, 350 линейных казаков и 2-х орудий 3-х фунтового калибра для удобнейшего провоза их через горы. Войска сии взяты с левого фланга, ибо со стороны чеченцев не ожидаю беспокойств, кои по сие время не делают набегов в границы наши; а для удержания непокорных России народов, живущих за рекою Кубанью, предприняты все возможные меры осторожности, а по сему предмету расположены в главнейших пунктах отряды, как для поддержания покорных нам народов, а так и для наблюдения за движением и сборищами непокорных; в особенности с покорением карачаевцев, кои прежде сего могли сему воспрепятствовать, но со временем покорения их и от смежных с ними народов, не токмо не может встретиться никаких препятствий, но даже сами старшины карачаевского народа могут оказать ныне полезные услуги в открытиях. Войскам же назначенным в отряд к Эльбрусу, предписано быть на сборном месте в укреплении Каменного моста на Малке к 23 числу будущего июня месяца, и как сие время года есть самое лучшее в горах, то экспедиция может продолжаться месяц, в продолжении коего гг. академики могут окончить свои исследования, относительно же перевозки их в горы и находящихся при них инструментов, мною сделано должное распоряжение» [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 32 и об.].

По указанию Николая I возглавил научную экспедицию Адольф Яковлевич Купфер – физик, академик Российской Академии наук по кафедре минералогии; также в экспедицию были определены: адъютант Академии Эмилий Ленц – специалист по физике; адъютант Дерптского университета Карл Мейер – специалист по ботанике; хранитель зоологического кабинета Академии Эдуард Менетрие – специалист по зоологии. Для геологической разведки по распоряжению Горного департамента был командирован чиновник 8 класса, инженер Луганского литейного завода Глеб Григорьевич Вансович. Общее руководство Эльбрусской экспедицией было возложено на генерала Емануеля.

Очевидно, что Г.А. Емануель, организуя экспедицию в окрестности Эльбруса, преследовал несколько целей. Кроме очевидного научного интереса, имел место и геополитический аспект: покорение высочайшей горы Европы должно было продемонстрировать мировым державам, соперничавшим в Кавказском регионе, первенство и мощь России, а также убедить местные народы в том, что для русских войск не существует неприступных природных преград, а имперская власть окончательно утверждается в крае.

Непосредственные участники событий оставили не мало сведений о целях экспедиции, ее подготовке и достигнутых результатах. Но одним из основных источников по этой теме до сих пор остаются отчеты и материалы научного руководителя этой экспедиции, академика Адольфа Яковлевича Купфера, частично изданные, частично отложившиеся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук [Kupffer 1830; СПб. ФА РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63, 65, 66, 68].

В частности, в своем отчете Купфер писал: «Целью этой экспедиции был сбор точных сведений о строении края, о высоте гор его пересекающих, о направлении и глубине долин, об изобилии древесины, пастбищ, руд и иных продуктов и нахождение надлежащих позиций для военной линии, что обезопасит навсегда жителей равнины от набегов горцев; в то же время генерал желал продемонстрировать этим народам, любящим войну, что их скалы, и их узкие ущелья, их горные реки и их снега отнюдь не являются непреодолимыми препятствиями для таких солдат, привычных, как и они, ко всякого рода тяготам. Видно, что экспедиция генерала Эммануэля была вызвана мудрой осмотрительностью; эмиссары Оттоманской Порты возбуждали бодрость врагов России и собирались втянуть в свое предприятие черкесские народы, уже принесшие России присягу на верность... С этой точки зрения экспедиция заслуживала уже достаточно, дабы привлечь внимание правительства; но генерал хотел еще привлечь внимание Европы, обратившись к Академии, дабы пригласить ее употребить с пользой для наук оказию, впервые предоставляющуюся и более в скором будущем невозможную» [Гориславский и др. 2007: 3-5].

В ходе этой экспедиции ученые кроме естественнонаучных изысканий в области геологии и биологии Приэльбрусья собрали этнографические и исторические материалы. Так, в архиве А.Я. Купфера сохранилось «Описание Кабарды». Автором этого документа является командир Кабардинского пехотного полка Иван Васильевич Швецов [Описание Кабарды 1827]. Чтобы проиллюстрировать значение материалов по истории и этнографии Северного Кавказа, собранных Купфером, достаточно указать на сведения, содержащиеся в «Описании Кабарды», по истории балкарских обществ, весьма скудно представленной в ранних исторических источниках. Так, характеризуя положение на Кавказской линии в 1827 г., составитель документа пишет: «Болкарские, Холамские и Безенгиевские татары, ведут себя в отношении и к русским и к кабардинцам покойно... Чегемские татары, половина была покорена прежде русскими и имела аманатчиков, другая же столь же сильная находилась не под зависимостью нашею, приставшая к одному старшине Кучуку Коншаовову, который имел тесную связь с карачаевцами заграничными жителями, часто допускал закубанцев проходить через свои земли и доставлял способ им делать набеги в Кабарде осенью прошлого года, от него силою взят сын его малолетний в аманаты, а сам с народом на верность подданства приведен к присяге с приличным для правительства российскому условиям. Урусбиевские татары, до 70 домов, народ мирный и подчиненный России. Старшина оных по происхождению из княжеских фамилий – Мирза Кул, один из преданнейших Правительству нашему» [СПб. ФА РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 2-8 об.]. Кстати сказать, имя последнего часто встречается в описании путешествия еще одного участника экспедиции – венгерского журналиста Ж.-Ш. де Бессе (Беше).

После необходимых подготовительных мероприятий 26 июня 1829 г. Емануэль с учеными выдвинулся из Горячеводска в сопровождении 350 казаков, 650 пехотинцев и 2-х орудий к Эльбрусу [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16.

Д. 1014. Л. 42]. Через день, во время стоянки у форта «Каменный мост», к Емануелю прибыли три депутации: от кабардинцев, урусбиевцев и карачаевцев. Емануель успокоил их, сказав, что прибыл с научными целями. Представители всех трех народов сопровождали Емануеля до конца экспедиции: от карачаевцев – Магомед Дудов, от урусбиевцев – старшина Мырза-Кул, от кабардинцев – валий Большой Кабарды Кучук Жанхот с людьми. 2 июля к экспедиции присоединился Жан-Шарль де Бесс (Беше) – сотрудник журнала «Хроника иностранной литературы», приехавший в Кавказ в поисках следов пребывания предков венгров.

Из описаний участников экспедиции известно, что погода в эти дни была ненастной: частые дожди и туманы затрудняли продвижение экспедиции. О трудностях перехода Бессе пишет: «Мы медленно, шаг за шагом, продвигались вперед. Мырза-Кул шел во главе колонны, за ним – командующий Емануель и я. Через каждые 10 шагов надо было останавливаться, чтобы набрать воздух в легкие. Мырза-Кул, этот любезный старик, порой выкрикивал ободряющие слова» [Гориславский и др. 2007: 91]. Тем не менее, работа по сбору сведений и разведке полезных ископаемых не прекращалась. С 5 по 7 июля был обнаружен уголь, взяты образцы минералов. В это же время к генералу Емануелю приезжал ногайский владетель закубанских аулов Атакай Мансуров с людьми, который, узнав цель экспедиции, вскоре покинул лагерь. Оставив кухню с лошадьми, верблюдов и пушки, экспедиция продвинулась к истоку Малки. Генерал Емануель объявил, что тот, кто первый взойдет на вершину Эльбруса, получит 100 рублей серебром, второй – 50, а третий – 35. На следующее утро, 10 июля, начался штурм горы. То, как прошел этот день, зафиксировали несколько участников экспедиции, в том числе генерал Емануель, академик Купфер, адъютант Ленц, поручик Щербачев, ученый и путешественник Ж.-Ш. де Бесс.

Точностью и высокой достоверностью отличаются рапорты одного из участников экспедиции – поручика Генерального штаба Щербачева, которые он направлял управляющему канцелярией генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майору Шуберту. В рапорте № 31 от 19 августа 1829 г. Щербачев практически по дням и часам расписал всю экспедицию и ее кульминацию – восхождение на Эльбрус: «8-го. Оставив Вагенбург при речке Унгешли г. генерал от кавалерии Емануель, выступив в два часа пополудни с 300 человек егерей и 150 казаками и одним 3-х фунтовым орудием к подошве Эльбруса, прибыл к оной часу в 9 пополудни и расположился лагерем при реке Малке, переходу были всего 14 верст; на первых 8 верстах, на высоте Тузлук-баши было оставлено взятое из лагеря орудие с прикрытием 50 человек пехоты и 30 казаков, ибо по причине крутизны гор и узкой тропинке, шедшей по косогорам, далее оное следовать не могло. Дорога была вообще гористая чрезвычайно и местами болотистая; при спуске только к реке Малке открылась небольшая равнина.

9-го дневка. Сего же числа в 10 часу утра отправились гг. академики к вершине Эльбруса и дошедши до снегу расположились близ одного ночлегом.

10-го дневка. Господа же академики выступили в 3 часа утра далее, поднявшись гораздо более половины горы (на высоту 12 500) нашлись вынужденными по позднему уже времени, большой усталости и рыхлости снега, обрушавшегося под ногами, возвратиться обратно в лагерь; один только человек из числа вольных кабардинцев взошел на самую вершину Эльбруса в 11 часов утра, употребив всего для ходьбы 8 часов времени (за таковой подвиг получил сей кабардинец по имени Киляр Хаширов, положенный приз 100 рублей серебром)» [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 44 и об.].

Кстати сказать, именно поручик А.П. Щербачев, участвовавший в этой экспедиции к верховьям Баксана и Кубани и хорошо изучивший горские народы, в начале 30-х гг. XIX в. по поручению командования составил «Собрание сведений о кавказских племенах, которых надлежит почитать мирными и приятными, и предположения для приведения в покорность кавказских племен» [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Д. 6244].

21 июля 1829 г. первая Эльбрусская экспедиция вернулась в Горячеводск. Г.А. Емануель в своем рапорте № 174 Управляющему Главным Штабом генералу Чернышеву от 22 июля 1829 г. кратко доложил ее результаты: «Вашему сиятельству имею честь представить, что экспедиция к обозрению ближайших окрестностей Эльбруса и прочих открытий, выступив со мною из Горячеводска прошлого июня 26 числа, возвратилась благополучно обратно в Горячеводск сего июля 21 числа.

По изготовлении карты о следовании экспедиции, с означением на оной, где что было открыто чиновником Горного корпуса и академиками, я буду иметь честь в то время представить. Впрочем о таковых открытиях, как то: 1-е свинец, 2-е каменной уголь, 3-е точильный сланец, 4-е алебастр, 5-е мел и 6-е сосновый лес, весьма полезный для минеральных вод, чиновник Горного корпуса и академики сделают при представлении своем подробное описание. А между тем я приемлю честь довести до сведения Вашего Сиятельства, что экспедиция по удачному приближению за 15 верст к Эльборусу (оставя тут все тяжести в Вагенбурге, и последнее орудие за 8 верст, по совершенной уже невозможности далее следовать) 8-го числа июля вечером, пехота и конница, преодолев все затруднения, достигли до самой подошвы Эльборуса и расположились лагерем у самой реки Малки.

9-го числа июля, все академики и другие изъявившие желание охотники взойти на Эльборус, отправились к самому снежному хребту сей горы.

10-го числа в третьем часу по полуночи, пользуясь благоприятною погодою, выступили все к исполнению предположенной цели; но после самых величайших усилий, достигнув выше половины Эльборуса, обратились назад; один только кабардинец по прозванию Хиляр, успел достигнуть около 11-ти часов самую вершину сей горы, на которой водрузил палку с ним имевшуюся и обложив ее камнем, спустился обратно, показав первый возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся по ныне вовсе неприступной. Принесенные же сим Хиляром два камушка с самой вершины Эльборуса вашему сиятельству при сем честь имею представить» [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 37-40].

Во время экспедиции научные изыскания сопровождалась топографической разведкой. Военные географы составляли карту местности и делали многочисленные зарисовки. Картограф экспедиции прапорщик 21-й артиллерийской бригады Горшков сделал рисунок «Вид горы Эльбруса с севера» с указанием точек, которых достигли участники восхождения на гору Эльбрус [РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21174. Л. 1].

Факт покорения Эльбруса был торжественно отмечен. В труде венгерского ученого и путешественника Жан-Шарля де Бесса, есть специальная глава, описывающая банкет, «данный туземным князьям», по случаю этого знаменательного события: «23-го числа, чтобы отметить удачную экспедицию, генерал дал обед старшинам Кабарды, Карачая, Орусбия и Черкесии. Выпили за здоровье императора Николая под троекратный залп из всех орудий. ... По окончании обеда вызвали удальцов, которые сопровождали эту экспедицию, достаточно опасную, чтобы присудить торжественно должное вознаграждение смельчаку Килару, уже восстановившему свои силы после замечательного восхождения. ... Генерал воспользовался случаем, чтобы уравнивать биев и узденей, которые нас сопровождали. Кучук Жанхот – предводитель Большой Кабарды – получил золотые часы, а уздени по куску сукна для черкесок» [Гориславский и др. 2007: 43-44].

Празднества по поводу восхождения на Эльбрус продолжились и 3 августа, когда генерал Емануэль дал большой обед, чтобы отпраздновать один из дворцовых праздников и одновременно чтобы отметить именины своей супруги. Помимо генералов на службе в Константиногорске и участников экспедиции на Эльбрус на этом банкете присутствовали в том числе черкесские и балкарские князья и уздени. Жан-Шарль де Бесс описал это событие следующим образом: «Это было редкое зрелище такого разнообразного смешения костюмов русских офицеров с французскими фраками. Здешние князья, упомянутые мною, не казались в этом многочисленном собрании не к месту. Я восхищался их хорошими манерами и проворством, с коим они управлялись вилкой и ножом, повторяя движения сидящего рядом европейца, отчего можно было догадаться, что они уже не первый раз присутствуют на подобном празднестве... Вечером была иллюминация, фейерверк и танцы» [Гориславский и др. 2007: 52]. Для увековечивания памяти о покорении высочайшей вершины Европы на скале была выбита надпись, а на Луганском заводе отлиты чугунные памятные плиты, которые сохранились до наших дней.

Кроме того определенный интерес вызывают те административные меры, которые были предприняты Г.А. Емануелем на Центральном Кавказе для организации покоренного пространства и приведения в известность всех народов, живущих в самых удаленных ущельях. Так, после принесения верноподданнической присяги в 1827 г. от Балкарского общества выдано 2 аманата, от Урусбиевского – 1, от Чегемского – 3; от Хуламского – 1, и от Безенгиевского – 1 аманат [РГВИА. ВУА. Д. 6244. Л. 23]. Заложниками обычно становились мальчики из княжеских семей, они содержались в казенном доме в крепости Нальчик. Это был турлучный дом, состоявший из четырех комнат, с деревянным полом и потолком, крытый сеном. От времени он пришел в

ветхость, поэтому Емануель приказал пол и потолок перебрать, заменить гнилые доски и оконные рамы, дом изнутри и снаружи обмазать глиной и побелить, вокруг сделать новый забор [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13 об.]. Известно, что кавказская администрация пыталась повлиять на горские народы через детей-аманатов, используя их как проводников российской культуры и общественного устройства. 1 февраля 1829 г. по указанию Емануеля в крепости Нальчик была открыта аманатская школа. Предписывалось, «чтобы находящиеся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением, как на турецком, равно и на русском языках» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 234 об.]. Обучением горских детей занялся адыгский просветитель Шора Ногмов, ему в помощники был назначен «российский чистописатель». Интересные воспоминания об этой аманатской школе оставил венгерский путешественник и ученый Жан-Шарль де Бесс, участвовавший в академической экспедиции 1829 г. на Эльбрус, а затем, посетивший Нальчик. К его приезду в крепость вызвали балкарского старшину Хату Мисакова. Кроме того, из повествования самого Бесса известно, что он общался с князем Мирза-Кулом Урусбиевым. Повышенный интерес ученого к карачаевцам и балкарцам объясняется тем, что он считал эти народы родственными венграм, поэтому тщательно фиксировал их этнографические подробности и древние предания. Относительно аманатской школы у Жана-Шарль де Бесса сложились следующие впечатления: «Комендант любезно привел ко мне семнадцать детей в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, выходцев из старшин карачаевцев, кабардинцев, дугуров и прочих... Детей обучают читать, писать, говорить по-русски... Правительство, устраивая эту школу, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам... На протяжении всего периода времени, что они находятся в Нальчикской школе, детей вполне прилично содержат, кормят и одевают по образу жизни в их стране» [Адыги... 1974: 337-338]. Е.С. Тютюнина, специально изучившая именной список аманатов, находившихся в Нальчике в 1830 г., пришла к заключению, что «одновременно в крепости на положении аманатов проживало около 10-11 мальчиков, представлявших знатные балкарские и осетинские фамилии Урусбиевых, Суншевых, Балкаруковых, Келеметовых, Абаевых, Айдеболовых, Шакмановых и др. ... учитывая их сменяемость, можно полагать, что за время существования школы «курс» обучения всего прошло около 20 аманатов в возрасте 9-13 лет» [Тютюнина 2003: 15]. В 1831 г. на содержание аманатов и их прислуги было выделено 139 рублей 75 копеек [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 24]. В сутки для обеспечения одного мальчика отпускалось по 7,2 копейки [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Т. 2. Л. 249]. Видимо, вскоре после отъезда весной 1830 г. Ш. Ногмова в Петербург эта школа прекратила свою работу.

Установление российской системы управления в горах Балкарии начинается только с 30-х гг. XIX в. В предписании командующего на

Кавказской линии генерала от кавалерии Емануеля командующему 3-й дистанции Центра Кавказской линии генерал-майору Горихвостову от 27 мая 1831 г. в частности говорилось: «Для приведения в известность народов, живущих по ущельям рек Уруха, Череха, Чегема и Баксана, для снятия местоположения и других поручений командирован мною состоящий при мне подпоручик Горшков. Посему предлагаю Вашему Превосходительству вызвать в крепость Нальчик старшин: из дигорцев, болгарцев, чегемцев, орусбиевцев и хуламцев, более известных Вам своею преданностью к Российскому правительству, кои бы приняли его как своего кунака, или приятеля, и служили бы ему его проводниками в означенных местах и равным образом [отвечали] и за безопасность его» [Административно-территориальные... 2000: 13-14]. Приказ Горихвостова удалось исполнить только в июле 1831 г. До этого времени подпоручик Горшков находился на горячих минеральных водах, всячески торопил местные власти и просил обеспечить его отправление в горы [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 83 и об.]. Наконец в крепость Нальчик вызвали таубиев из Балкарского общества, которым долго внушали «пользу народную быть послушными правительству и начальству». После чего они дали поручительство о безопасном проезде посланника кавказской администрации через их земли и отправились с ним в Черекское общество. «...из Балкарии г. Горшков проехал к хуламцам, оттоль чрез Чегемскую Осетию до урусбиевцев. Возвратившись благополучно в Нальчик, исполнил все сделанные ему от начальства поручение». В Урусбиевское общество Горшков не поехал, не получив гарантий от старшин за свою безопасность, несмотря на то, что князь Мисост Атажукин дал ему в проводники через земли урусбиевцев своего брата [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 243 и об.].

Ко времени управления Г.А. Емануелем Кавказской линией также относится формирование в 1828 году лейб-гвардии Кавказско-горского взвода (затем полуэскадрона), который позже стали называть Собственным Его Императорского Величества конвоем. Помимо эффектных представительских функций российская власть возлагала на полуэскадрон большие политические надежды. Кроме знатного происхождения и приятной наружности к горцам, зачисляемым на службу в конвой, предъявляли следующие требования: они «должны быть преимущественно из тех, кои пользуются у единоплеменников особенным уважением, доказали преданность свою к русскому правительству и следовательно по возвращению из Петербурга могли бы действовать на умы единоплеменников своих в видах русского правительства» [ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Т. 1. Л. 87]. Представители многих знатных фамилий Кавказа, в том числе кабардинцы и балкарцы, прошли службу в Собственном Его Императорского Величества конвое.

Таким образом, несмотря на недолгий срок пребывания Г.А. Емануеля в должности командующего войсками на Кавказской линии, с его именем связаны весьма значимые события в истории народов Центрального Кавказа. Прежде всего речь идет об их административно-политической интеграции в состав Российского государства. При этом командующим был использован весь арсенал средств от прямого вооруженного натиска до тонкой и хорошо

продуманной административной практики. Приведенные в статье документы позволяют дополнить историю взаимоотношений имперских властей и местных сообществ в этот период интересными деталями.

Наряду с этим проведенная по инициативе Г.А. Емануеля Эльбрусская военно-научная экспедиция 1829 г. продолжила лучшие традиции предшествующих академических исследовательских программ. Коллекции, поступившие в музеи и архивы после завершения экспедиции, существенно обогатили их, стали базой для развития новых научных направлений и во многом способствовали решению прикладных задач познания природных особенностей и ресурсов Кавказа. Ее результатом стали не только фундаментальные естественнонаучные исследования, но и архивные собрания, содержащие сведения по истории и этнографии народов Северного Кавказа. Безусловно, были достигнуты разведывательные и военно-стратегические цели этой экспедиции. А имя первовосходителя на высочайшую вершину Европы – Килара Хаширова – навсегда вошло в анналы истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыги... 1974 – *Адыги*, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Административно-территориальные... 2000 – *Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сб. док.* / Гл. ред. А.Х. Каров. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 730 с.

АКАК 1878 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. VII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. – 1011 с.

Алоев 2015 – *Алоев Т.Х.* Формирование хаджретской Кабарды и ее участие в Кавказской войне в первой трети XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. – 2015. – № 2. – С. 46-62.

Бегеулов 2017 – *Бегеулов Р.М.* Российский опыт интеграции регионов в состав империи: Карачай в 1821–1834 гг. // Былые годы. – 2019. – Т. 52. – Вып. 2. – С. 624-633.

Века совместной истории... 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.).* – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Волконский 1869 – *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Т. X. – Тифлис, 1887. – С. 78-81.

Гаврилов 1869 – *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 2. – Тифлис, 1869. – Ч. 8.

Голицын 2004 – *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля / соч. кн. Н. Б. Голицыным; [вступ. ст. и коммент. Г. Г. Лисицыной и В. М. Файбисовича]. – М.: Собрание, 2004. – 459 с.

Гориславский и др. 2007 – *Гориславский Н.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В.* Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 170 с.

Жизнеописание... 1851 – Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля / Соч. кн. Н.Б. Голицыным. – СПб.: тип. Н. Греча, 1851. – 196 с.

Кипкеева 2015 – *Кипкеева З.Б.* Военно-политические аспекты присоединения Карачая к Российской империи в 1828 году // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – №12. – С.167-175.

Колосовская 2016 – *Колосовская Т.А.* Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г.А. Емануеля 1829 г.)

// Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – №1. – С. 47-52.

Красноутская, Красноутский 2015 – *Красноутская Л.И., Красноутский В.С.* Роль генерала Г.А. Емануеля в формировании первого города-курорта на Северном Кавказе (1826-1831) // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 12. – С.167-175.

Кудашев 1913 – *Кудашев Н.В.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типо-литография «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

Муратова 2017 – *Муратова Е.Г.* От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII-XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2017. – № 3 (34). – С. 7-11.

Описание Кабарды... 1827 – Описание Кабарды 1827 / СПФ АРАН; сост. *А.Ч. Абазов.* – Нальчик, 2010. – 90 с. [Электронный ресурс] URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/365/ (дата обращения: 29.08.2019).

Пархоменко 2014 – *Пархоменко В.В.* Г.А. Емануель у истоков развития региона Кавказских Минеральных Вод // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 2 (41). – С. 125-129.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т. – Т. 5: Время Паскевича или бунт Чечни. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 400 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Скрипник 2015 – *Скрипник А.В.* Из истории военных экспедиций генерала Г.А. Емануеля на Кавказе // Россия, Северный Кавказ, Европа: проблемы истории общества и государства. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С.323-328.

Смирнов 1963 – *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 243 с.

СПб. ФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Тебуев, Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2002. – 224 с.

Томкеев 1898-1899 – *Томкеев В. И.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – Т. 19. – Тифлис, 1898. – С. 120-220; Т. 20. – Тифлис, 1899. – С. 142-249.

Тютюнина 2003 – *Тютюнина Е.С.* Аманатская школа в Нальчике // Горянка. – 2003. – № 20. – С. 15.

Филонов 1894 – *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – Т.15. – Тифлис, 1894. – С. 327-450.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

Шамиль – ставленник... 1953 – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сб. документов и материалов. – Тбилиси: Госиздат ГССР, 1953. – 560 с.

Щербина 1913 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы. – Екатеринодар, 1913. – 848 с.

Kupffer 1830 – *Kupffer A.* Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par l'ordre de Sa Majeste l'Empereur en 1829: Rapport fait a l'Academie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. – St.-Ptb.: imp. Acad. Sci. St.-Ptb., 1830. – II. – 126 p.

REFERENCES

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istorija i sovremennost'. Sb. dok. / Gl. red. A.H. Karov [Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity: Collection of documents. Ch. ed. A. Kh. Karov]. – Nalchik: El'-Fa, 2000. – 730 p.

Adygi, balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh yevropeyskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sost. V.K. Gardanov. [Adyge, Balkars and Karachays in the news of European authors of the 13th-19th centuries. Compiled by V.C. Gardanov]. – Nalchik: Elbrus, 1974. – 635 p. (In Russian)

АКАК – *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: v 12 t. T. 7* [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. VII]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 p. (In Russian)

ALOYEV T.Kh. *Formirovaniye khadzhretskoy Kabardy i yeye uchastiye v Kavkazskoy voyne v pervoy treti XIX v.* [The formation of the Hajret Kabarda and its participation in the Caucasian War in the first third of the XIX century] IN: *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNTS RAN* [Bulletin of the Institute for Humanitarian Research, KBSC RAS]. – 2015. – No 2. – P. 46-62. (In Russian)

BEGEULOV R.M. *Rossiiskij opyt integracii regionov v sostav imperii: Karachaj v 1821–1834 gg.* [The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834] IN: *Bylye Gody*. – 2019. – Vol. 52. – Iss. 2. – P. 624-633. DOI: 10.13187/bg.2019.2.624 (In Russian)

GAVRILOV P.A. *Ustroistvo pozemel'nogo byta gorskikh plemen Severnogo Kavkaza* [The system of the land life of mountain tribes of the North Caucasus] IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. – Is. 2. – Tiflis, 1869. – Part 8. (In Russian)

GOLITSYN N.B. *Zhizneopisaniye generala ot kavalerii Emmanuelya / soch. kn. N.B. Golitsynym / vstup. st. i komment. G.G. Lisitsynoy i V.M. Faybisovicha* [Biography of the general from the cavalry of Emmanuel. Com. by Prince N.B. Golitsyn; entry art. and comment. G.G. Lisitsyna and V. M. Faibisovich]. – M.: Sobraniye, 2004. – 459 p. (In Russian)

GORISLAVSKIY N.A., ZYUZIN S.A., KHASHIROV A.V. *Pervovoskhozhdeniya na El'brus: Leto 1829 goda, zima 1934 goda* [First ascents to Elbrus: Summer of 1829, winter of 1934]. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 170 p. (In Russian)

KIPKEYEVA Z.B. *Voенно-politicheskie aspekty prisoedineniya Karachaya k Rossiiskoi imperii v 1828 godu* [Military-political aspects of the accession of Karachai to the Russian Empire in 1828] IN: *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanitarian and socio-economic sciences]. – 2015. – No 5(84). – P. 167-175. (In Russian)

KOLOSOVSKAYA T.A. *Iz istorii voенно-razvedyvatel'nogo izucheniya Severnogo Kavkaza (po materialam El'brusskoi ekspeditsii generala G.A. Emanuelya 1829 g.)* [A case for the North Caucasus military survey studying (based on the Elbrus expedition of the general G.A. Emanuel) IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. – 2016. – No 1. – P. 47-52. (In Russian)

KRASNOUTSKAYA L.I., KRASNOUTSKII V.S. *Rol' generala G.A. Emanuelya v formirovanii pervogo goroda-kurorta na Severnom Kavkaze (1826-1831)* [The role of general G.A. Emanuel in the formation of the first town- resort in the North Caucasus (1826-1831)] IN: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. – 2015. – No 12. – P. 167-175. (In Russian)

KUDASHEV N.V. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Kiev: type «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 p. (In Russian)

KUPFFER A. *Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le Caucase, entrepris par l'ordre de Sa Majeste l'Empereur en 1829: Rapport fait a l'Academie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg*. – St.-Ptb.: imp. Acad. Sci. St.-Ptb., 1830. – II. – 126 p. (in French)

MURATOVA E.G. *Ot sblizheniya k integratsii: Balkariya i Rossiiskoe gosudarstvo v XVII-XIX vv.* [From political rapprochement to interaction: Balkaria and Russian State in the XVII–XIX centuries] IN: *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNTS RAN* [Bulletin of the Institute for Humanitarian Research, KBSC RAS]. – 2017. – No. 3 (34). – P. 7-11. (In Russian)

Opisanie Kabardy 1827 / SPF ARAN; sost. A.Ch. Abazov [Description of Kabarda 1827 / SPF ARAN; comp. A.Ch. Abazov]. – Nalchik, 2010. – 90 p. [Electronic resource] URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/365/ (accessed: 29.08.2019).

PARKHOMENKO V.V. *G.A. Emanuel' u istokov razvitiya regiona Kavkazskikh Mineral'nykh Vod* [G. A. Emanuel at the beginnings of the development of the resort region Caucasian mineral waters] IN: *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. – 2014. – № 2 (41). – P. 125-129. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina. Vremya Paskevicha ili bunt Chechni* [Caucasian war. Paskevich's time or Chechen rebellion]. – Vol. 5. – Stavropol': Kavkazskii krai, 1994. – 400 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [the Russian State Military Historical Archive].

Shamil' – stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov. Sb. dokumentov i materialov [Shamil is a protege of the Sultan of Turkey and the English colonialists. Collection of documents and materials]. – Tbilisi: Gosizdat GSSR, 1953. – 560 p. (In Russian)

SHCHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska. V 2 t. T. 2: Istoriya voiny kazakov s zakubanskimi gortsami: s voenno-istoricheskoi kartoi Kubanskoi oblasti za vremya s 1800 po 1860 gody* [History of the Kuban Cossack army. In 2 vols. Vol. 2: The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders: with a military-historical map of the Kuban region during the period from 1800 to 1860.]. – Ekaterinodar, 1913. – 848 p. (In Russian)

SKRIPNIK A.V. *Iz istorii voennykh ekspeditsii generala G.A. Emanuelya na Kavkaze* [From the history of military expeditions of General G.A. Emanuel in the Caucasus] IN: *Rossiya, Severnyi Kavkaz, Evropa: problemy istorii obshchestva i gosudarstva* [Russia, North Caucasus, Europe: problems of the history of society and the state]. – Pyatigorsk: PGLU, 2015. – P.323-328. (In Russian)

SMIRNOV N.A. *Myuridizm na Kavkaze* [Muridism in the Caucasus]. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. – 243 p. (In Russian)

SPbFA RAN – *Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj akademii nauk* [St. Petersburg branch of the archive of Russian Academy of Sciences]

TEBUEV R.S., KHATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkartsev* [Essays on the history of Karachay-Balkars]. – M.: Ileksa; Stavropol': Servisshkola, 2002. – 224 p. (In Russian)

TOMKEEV V. I. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya* [The Caucasian line under the control of General Emanuel] IN: *Kavkazskii sbornik*. – T. 19. – Tiflis, 1898. – P. 120-220; T. 20. – Tiflis, 1899. – P. 142-249. (In Russian)

TsGA KBR – *Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [The Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic.]

Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557-1917 gg.) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russian)

VOLKONSKIY N.A. *Voyna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom* [The war in the East Caucasus from 1824 to 1834 in the context of Muridism] IN: *Kavkazskiy sbornik*. – Vol. X. – Tiflis, 1887. – P. 78-81. (In Russian)

Zhizneopisaniye generala ot kavalerii Yemanuyelya / Soch. kn. N.B. Golitsynym [Biography of the general from the cavalry of Emanuel. Com. by Prince N.B. Golitsyn]. – SPb.: type. N. Grech, 1851. – 196 p. (In Russian)

Средневековая и новая история

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-115-128

**ВОПРОСЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПОВЕСТКЕ
ДНЯ СЪЕЗДОВ ДОВЕРЕННЫХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.****Д.Н. ПРАСОЛОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com*

Аннотация. Съезды доверенных – самобытный институт не земского окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев, регулярно функционировавший под контролем коронной администрации. На основе архивных источников и материалов пореформенной периодической печати рассмотрены сюжеты, связанные с инициативами общественных представителей по изменению административно-судебного порядка в Нальчикском округе. Предметом ходатайств были расширение компетенции сельских судов, перераспределение полномочий между окружными и низовыми судебными органами, а также реорганизация деятельности Нальчикского горского словесного суда для его наилучшего соответствия соционормативным традициям кабардинцев и балкарцев. Несмотря на неуспешность большинства ходатайств, многочисленные вертикальные коммуникации по проблемам улучшения и развития местной системы судопроизводства, инициированные съездом доверенных, а также факт учреждения и регулярного функционирования Временного отделения Нальчикского горского словесного суда свидетельствовали о гибкости административных практик областного и, прежде всего, окружного руководства, находившихся в поиске оптимальных форм властного взаимодействия с местным населением.

Ключевые слова: кабардинцы; балкарцы; съезд доверенных; местное самоуправление; Нальчикский округ; Терская область; Российская империя; горский словесный суд; юрисконсульство.

**ISSUES OF REORGANIZATION OF JUDICIAL PROCEEDINGS ON THE
AGENDA OF CONGRESSES OF ENTRUSTED KABARDIANS AND
BALKARS IN THE LAST THIRD OF THE XIX - EARLY XX CENTURY****D.N. PRASOLOV**

*Institute of humanitarian researches – branch of FSBSE «Federal Scientific Center «Kabardino-
Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com*

Abstract. Congress of entrusted – an original institution of district self-government of Kabardinians and Balkars, regularly functioning under the control of the Russian administration. On the basis of archival sources and materials of the post-reform periodical press, plots related to the initiatives of public representatives to change the administrative-judicial order in the Nalchik district are considered. The subject of the petitions was the expansion of the competence of rural courts, the redistribution of powers between district and lower-level judicial bodies, as well as the reorganization of the activities of the Nalchik Mountain Verbal Court in order to best match the socio-normative traditions of Kabardians and Balkars. Despite the failure of most of the petitions, the numerous vertical communications on the problems of improving and developing the local judicial system initiated by the congress of entrusted, as well as the establishment and regular functioning of the Temporary Branch of the Nalchik Mountain Verbal Court testified to the flexibility of the administrative practices of the regional and, above all, district leadership, located in the search for optimal forms of power interaction with the local population.

Keywords: Kabardians; Balkars; congress of entrusted; local self-government; Nalchik district; Terek region; Russian Empire; Gorsky verbal court; legal consulate.

Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, наряду с решением широкого круга вопросов местного благоустройства осуществлял ряд функций, связанных с организацией административно-судебной деятельности у кабардинцев и балкарцев. Первым регулярным предназначением съездов доверенных стало избрание судей окружных судов в Кабардинском (с 1883 г. – Нальчикском) округе. Ж.А. Калмыков [Калмыков 1995: 53] и А.Х. Абазов [Абазов 2014: 42], наиболее подробно рассматривавшие организационные особенности окружного самоуправления с Нальчикским горским словесным судом (НГСС), пишут о том, что съезды доверенных избирали его состав на три года. Оба автора ссылаются на инструкцию «О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов к ним для присутствования в заседаниях Горских словесных судов Терской и Кубанской областей». Однако этот документ был утвержден кавказским наместником И.И. Воронцовым-Дашковым только 23 ноября 1908 г. [Материалы... 1912: 59-60]. Причем, в последнем источнике содержатся сведения, что «до издания в 1908 году упомянутой инструкции депутаты и кадий избирались на один год и выборы происходили по установленному обычаю порядку, сходному с правилами, указанными в инструкции» [Материалы... 1912: 140].

В обзоре местных судов в Российской империи, изданном в 1907 г. отмечалось, что порядок деятельности Горских словесных судов определялся не законодательно, а инструкциями, и для стороннего взгляда создавалось впечатление неопределенности их регламента. Поэтому, как признавал И. Аничков, «относительно состава судей, способа их избрания, применения обычаев, так называемых адатов кавказских горцев, мы, к сожалению, не могли нигде найти указаний» [Аничков 1907: 12, 19]. К началу XX в. такая ситуация оставалась неизменной более 40 лет. Первоначальные правила формирования окружных судов были предписаны инструкцией для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии. В регламенте, утвержденном наместником на Кавказе кн. Барятинским 23 марта 1860 г., предусматривалось право окружных

начальников «вводить порядок баллотировки в тех местах, где окажется возможным» [АКАК 1904: 1195]. Таким образом, в дальнейшем, при всех изменениях судебного порядка, до 1908 г. депутаты и кадий окружного суда ежегодно выбирались представителями сельских обществ, иногда в неизменном составе на протяжении нескольких лет.

В документах, опубликованных Е.Г. Битовой, содержатся отзывы начальника Терской области о деятельности избираемых населением окружных судебных учреждений. Характеризуя качественные аспекты состава Горского словесного суда, он писал в 1881 г.: «Участвуя непосредственно в избрании из своей среды судей-депутатов в означенные суды, туземное население, как показывает опыт, всегда было чуждо лицеприятных и пристрастных выборов... почти всегда достигало того, что личный состав горских судей отличался и продолжает отличаться строгостью и непреклонной правдивостью в отправлении правосудия. Это обстоятельство, а затем отвечающие духу, образу жизни и потребностям горца формы, обычного судопроизводства и неразлучная с ними быстрота в решениях дел все более и более распространяет влияние горских судов» [Битова 1997: 165]. В 1886 г. подтверждая, что население «продолжает относиться с полным доверием к своим специальным судам, а также строго относится к выбору из своей среды достойных и чуждых пристрастия лиц», начальник области выражал уверенность, что «Горские суды надолго еще останутся полезными туземному населению как учреждения... не стесняющие формами и обрядами судопроизводства и прочими формальностями, присущими общим судам, так чуждым горцам по их пылкому и впечатлительному характеру» [Битова 1997: 166].

Однако на протяжении последней трети XIX – начала XX в. позитивный настрой официальной отчетности все больше противоречил нарастающему недовольству местного населения действующей судебной системой в Терской области [Абазов 2016: 222-228]. Многие из претензий были признаны обоснованными в начале XX в. по результатам изучения местного судопроизводства сенатской комиссией Н.М. Рейнке [Материалы... 1912: 119-120]. Действующие регулярные практики окружного самоуправления давали возможность кабардинцам и балкарцам представить свою общественную позицию через съезд доверенных, в решениях которого неоднократно выражались просьбы об изменении регламента функционирования судебной системы округа.

Одна из первых судопроизводственных инициатив съезда доверенных обозначила ставшую впоследствии традиционной тематику ходатайств общественных представителей. 18 декабря 1877 г. был составлен приговор следующего содержания: «Имея ввиду, что в Нальчикском словесном суде накапливается много дел по искам гражданским и вследствие не окончания таковых истцы терпят убытки, то в облегчение Нальчикского горского словесного суда и в предоставление возможности успешнее оканчивать гражданские жалобы постановили: просить через начальника округа начальника Терской области о дозволении решать иски гражданские между жителями в аульных судах до ста руб. [УЦГА АС КБР. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 3].

В ответе Терского областного правления разъяснялось, что начальник области «ввиду того, что ни от кого из прочих округов не получено заявление о расширении пределов власти сельских судов и, при этом, принимая во внимание, что подобное ходатайство может быть разрешено не иначе, как в законодательном порядке, приказать изволил: ходатайство кабардинцев отложить до более благоприятных обстоятельств» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1265. Л. 7об.]. Инициатива доверенных и последовавшая на нее охранительная реакция соответствовали определенной бюрократической традиции, инерция которой сказывалась и в дальнейших обсуждениях запросов кабардинских и балкарских доверенных на расширение компетенций сельского судопроизводства.

Интересно, что в ходатайстве начальника Нальчикского округа об учреждении Временного отделения НГСС в августе 1884 г. также «испрашивалось разрешение... на увеличение власти сельских судов», предоставлением им «права столичных судов» решать споры и тяжбы в сумме до 100 руб. [Антология... 2014: 398]. Однако при удовлетворении основного вопроса запрос на изменение финансовой компетенции сельских судов вновь остался без удовлетворения.

Учреждение Временного отделения НГСС было инициировано на съезде доверенных. В Терской области это был уникальный случай, объясняемый, как «двухсубъектным» этническим составом населения, так и развивающейся традицией местного самоуправления. В мае 1884 г. начальник Нальчикского округа Юрковский ознакомил доверенных с показателями текущего судопроизводства, убедительно свидетельствующими, что даже при почти ежедневной работе НГСС не справляется с объемом поступающих исков и в нем накопилось более 1300 нерешенных дел. «При объявлении по поводу такой подавляющей цифры нерешенных дел с представителями населения Кабарды, последние заявили г. Исполняющему обязанности должность начальника области о необходимости учреждения... второго горского словесного суда, с тем, чтобы все расходы на содержание оно́го будут отнесены на счет населения» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1063. Л. 1]. Интересно, что первоначальная инициатива начальника округа Юрковского состояла в учреждении двух отделений: помимо Нальчикского – Горское (для балкарских обществ), а также в пос. Баксанском [Антология 2014: 396-397]. Однако, как отмечает А.Х. Абазов, на итоговое рассмотрение съезда доверенных был вынесен проект об учреждении только Временного (горского) отделения и ассигнования средств на его содержание [Абазов 2014: 49].

10 октября 1885 г. доверенные от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа в числе 93 человек, «обсудив вопрос о крайней необходимости открытия временного отделения НГСС ввиду той видимой пользы, какая проявилась уже при существовании названного отделения в конце прошлого и начале текущего годов, единогласно постановили: просить начальника округа открыть теперь же названное отделение с тем, чтобы весь расход по содержанию этого отделения, а именно: жалование председательствующему, если он будет лицо, хотя и занимающее

какую-либо штатную должность государственной службы, но не получающее от казны содержания – 900 руб.; жалование одному депутату от населения – 600 руб. с тем, что второй депутат будет командирован начальником округа из горского суда, жалование помощнику народного кадия, избранного нами для заседания во временном отделении суда – 600 руб.; жалование переводчику – 300 руб.; жалование писцам – 360 руб.; жалование сторожу 120 р.; на наем помещения 250 руб. и на канцелярские расходы – 300 руб.; всего в количестве трех тысяч четырёмсот тридцати рублей, мы принимаем на себя и просим начальника округа, как уполномоченные на это населением Кабарды и Горских обществ, вносить вышеупомянутый расход в ежегодную подымную нашу раскладку» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1279. Л. 1-2].

Приговор 3 июля 1886 г. внес уточнения в разграничение территориальной компетенции двух составов НГСС. Доверенные ходатайствовали о том, «чтобы преступления в кражах разбирались на общем основании в судах по месту совершения преступления: т.е. кража, совершенная в пределах горских обществ разбиралась бы в во временном отделении Горского Словесного суда и кражи, совершенные горцами в пределах Большой и Малой Кабарды разбирались бы в Нальчикском Горском суде в кабардинском отделении» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 62-62 об.].

Наконец, 27 июля 1887 г. доверенные Большой и Малой Кабарды, руководствуясь соображениями экономии общественных капиталов, выступили за финансовое обособление Временного отделения: «мы, кабардинцы, весьма резко расходясь по характеру, языку, образу жизни и обычным правам, просим ходатайства ... отделить от нашего суда их горское отделение, содержание коего отделения отнести на счет одних горцев, в противном случае оставить один суд с участием одного депутата из горцев [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 520. Л. 15]

В январе 1888 г. начальником Терской области был утвержден особый приговор, составленный доверенными балкарских обществ 21 декабря 1887 г.: «Имея в виду, что по случаю накопления дел в Нальчикском Горском словесном суде, горские дела разбираются слишком медленно, постановили: ходатайствовать ... об открытии отделения Горского суда на счет горских обществ: Балкарского, Хуламского, Безенгиевского, Урусбиевского, Чегемского и Гунделенского, на содержание которого обязуемся ежегодно с 1888 года вносить по раскладке две тысячи пятьсот рублей...». Там же был избран и первый состав Временного отделения [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 89. Л. 123-124]

Однако вопрос экономии средств на содержание окружного суда по-прежнему оставался актуальным для общественных представителей. 18 декабря 1890 г. при выборах очередного состава НГСС съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, «ввиду того, что в Нальчикском округе существует горский суд с тремя судьями и Временное отделение с двумя судьями», было «признано справедливым уменьшить расходы горских обществ на содержание суда» [УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2175. Л. 105-105 об.]. По-видимому, это постановление не сделало содержание Временного отделения

более приемлемым, и поиск оптимальных форм организации окружного судопроизводства продолжился.

В декабре 1893 г. по предложению начальника округа «для сокращения расхода на содержание временного отделения суда» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 15] был составлен приговор о присоединении временного Отделения к основному составу НГСС [ЦГА РСО-Алания. Ф.12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 2] и начальник Нальчикского округа заключил, что «препятствий к присоединению ... не имеется, так как председательствует в Суде одно и то же лицо [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 5-5 об.]. В рапорте начальника округа сообщалось: «Доверенные, обсудив предложенный мною вопрос и приняв во внимание, что у них горцев по делам гражданским сложилось много разнообразных обычаев, которых у кабардинцев нет и что кабардинцы с этими обычаями не знакомы, решили отделение присоединить, но оставить от горцев двух депутатов с содержанием от народа вдобавок получаемого от казны 700 руб. Независимо сего решили оставить кадия с платой ему 450 руб. в год в видах того, что кадию более чем кому либо известны с точностью сложившиеся обычаи и переводчика с содержанием в 300 руб.; последнего оставили потому, что не имеется кабардинцев, которые бы правильно переводили с горского языка на русский, а так как от присоединения отделения суда дела не уменьшатся, то решили оставить писца с содержанием в 300 руб. и на канцелярские расходы 100 руб., а всего положено на содержание присоединяемого отделения суда производить сбора в год по 1850 руб.» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 15 об.].

Учреждение Временного отделения стало одним из главных достижений съездов доверенных в реорганизации судебного управления округом. Это структурное преобразование было обеспечено многочисленными ходатайствами, а затем поддерживалось регулярными избраниями состава основного и временного отделения. Ее результаты соответствовали принципам рациональной организации местного судебного порядка, учитывавшим этнические особенности Нальчикского округа и окружного не земского самоуправления.

Интересно, что другое структурное преобразование, инициированное в 1896 г., не было поддержано коронными властями. Отставной генерал-лейтенант Т. Шипшев, апеллируя к архаичному принципу административно-судебной организации, соблюдавшемуся до окончательного включения региона в состав Российской империи, попытался организовать ходатайство съезда доверенных о «восстановлении» обычая «выбирать по одному депутату для каждой двух фамилий (Атажукинской с Мисостовской и Бекмурзинской с Кайтукинской)». Однако начальник Терской области возразил, что этого «обычая не существовало и не существует, во временных правилах для горских словесных судов нет указаний на деление четырех Больше-Кабардинских фамилий для выбора депутатов, да притом выбор по одному депутату от селений с населением 3307 дымов (Бекмурзинская и Кайтукинская фамилии), и от селений, имеющих 5066 дымов (Атажукинская и Мисостовская фамилии), были бы несправедливы» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1318. Л. 35].

Поэтому предложение отставного генерал-лейтенанта было отвергнуто как неосновательное.

В начале XX в. с появлением среди местного населения первых профессиональных юристов съезды доверенных стали чаще обращаться к обсуждению и постановке перед коронной администрацией проблем организации судопроизводства в Нальчикском округе. В декабре 1902 г. приговором съезда доверенных, утвержденным начальником Терской области в январе 1903 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 49] было учреждено Юрисконсульство. Однако реально этот общественный институт, финансируемый из средств Кабардинской общественной суммы, начал деятельность только в 1910 г. с избранием Б. Шаханова «юрисконсултом кабардинского народа» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 16], или, согласно официальному бланку и печати, «юрисконсултом Большой и Малой Кабарды и пяти сопредельных горских обществ» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 7, 8, 78, 81, 83, 133]. В дальнейшем юрисконсулт действовал в тесном сотрудничестве со съездом доверенных, обеспечивая юридическую экспертизу и сопровождение самых разнообразных хозяйственно-экономических и гуманитарных практик окружного самоуправления.

15 октября 1907 г. помощник присяжного поверенного и первый кабардинец, получивший высшее юридическое образование, М.-Г. Шипшев обратился к начальнику Нальчикского округа с заявлением. В нем излагался обширный перечень вопросов, которые требовали, по его мнению, безотлагательного обсуждения на предстоящем в декабре съезде доверенных. Среди прочего он предлагал «серьезно обсудить и упорядочить положение Нальчикского Горского суда: а) решить, не лучше ли совсем упразднить его и заменить общими судебными учреждениями; б) если предпочтительнее оставить, то непременно нужно его упорядочить, и для подробного выяснения этого вопроса необходимо избрать особую комиссию», а также напомнил о необходимости «ходатайства об увеличении компетенции сельских судов согласно изменившимся условиям жизни». [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 48 об. – 49 об.].

29 ноября М.-Г. Шипшеву был представлен ответ начальника округа, в котором сообщались основания для оставления заявления без последствий: «на съезд доверенных, существующий в Кабарде для избрания депутатов в Горский словесный суд и решения некоторых чисто экономических вопросов... нельзя смотреть как на официальное сословное собрание или представительное учреждение, которое вырабатывало бы порядок ведения своих дел»; «Горские суды учреждены правительством на Кавказе впредь до введения в этих местностях общих судебных учреждений и вопрос о своевременности упразднения или реформе этих судов решит само правительство, учредившее эти суды», а «вопрос об увеличении компетенции сельских судов, возбужденный доверенными в прошлом году, уже внесен в программу съезда на сей год» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 52-53].

Немногим ранее, 5 января 1907 г. Съезд доверенных составил приговор с ходатайством, которое содержало ретроспективное осмысление местных

судебных практик и понимание средств повышения эффективности судопроизводства. Представители сельских обществ, «обсудив вопрос о современном положении сельских судов, компетенция коих установлена аульным положением 1871 г.» определили, что «условия жизни за этот промежуток времени за 36 лет сильно изменились, увеличилось благосостояние массы народа и увеличилось во много раз количество дел, разбирающихся в сельских судах и в Нальчикском горском словесном суде; при той малой компетенции, которая предоставлена сельским судам [гражданские дела подсудны им лишь до суммы 50 руб., а уголовные о кражах на сумму до 10 руб.]».

Доверенные признали «необходимым в интересах дела увеличить компетенцию сельских судов следующим образом: предоставить сельским судам право разбирать гражданские дела на сумму до 200 руб., а уголовные о кражах на сумму до 50 руб. и другие дела, влекущие за собою тюремное заключение до одного месяца, не считая дел со взломом... При выборе сельских судей должно придерживаться правила: в каждом селении избирать в судьи лучших лиц без различия квартала. Осужденные по приговорам сельских судов на время от двух недель до одного месяца должны содержаться, в случае отсутствия в селении подходящего или надлежащего арестного помещения в слободе Нальчик».

В итоге согласовано постановление: «просить ходатайства начальника Терской области перед Кавказским наместником об увеличении компетенции сельских судов в указанных выше пределах» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 10].

Таким образом, под предлогом возросшего благосостояния, накопленного опыта и экономии средств на поездки в Нальчик, представители сельских обществ предлагали перераспределить значительный объем дел из Горского словесного суда на уровень сельских судов. Однако Ж.А. Калмыков, ссылаясь на этот же документ, утверждает, что начальник округа вынужден был признать, что «необходимо раз и навсегда отказаться» от горских судов, «заменив их мировыми судами» [Калмыков 1995: 57], хотя таких сведений источник не содержит.

Ответ на ходатайство был получен в форме Указа Его Императорского Величества из Терского областного правления. На основе этого акта начальнику Нальчикского округа 14 апреля 1909 г. приказано уведомить просителей, что «ходатайство доверенных сельских туземных обществ Нальчикского округа, как преждевременное» было отклонено. В обоснование такого решения были приведены следующие положения: регламент деятельности сельских судов был введен 30 декабря 1870 г. для всего населения Терской области, а ходатайство поступило только от кабардинцев и балкарцев; «не видно, чтобы туземное население округа в данное время было достаточно подготовлено ко введению означенной меры, а усматривается только, что вопрос этот возбужден единственно потому, чтобы облегчить Нальчикский горский словесный суд, не могущий будто бы справиться с непосильной работой», а также «ввиду ожидаемого в ближайшее время пересмотра положения об управлении сельских

(аульных) обществ» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 725. Т. 1. Л. 179-180]. Упомянутые ожидания, вероятно, были связаны с проектом министерства юстиции, внесенным в Государственную думу. Им предусматривалось преобразование местного суда, «по которому все низшие суды, т. е. волостные, сельские и проч. подлежат замене в значительной степени преобразованными мировыми учреждениями» [Аничков 1907: 3]. Однако никаких результатов этих намерений для Северного Кавказа не последовало.

19 февраля 1911 г. Б. Шаханов направил начальнику округа С. Клишбиеву предложение дополнить повестку дня приближающегося съезда доверенных вопросом о выборе уполномоченного для возбуждения ходатайства о том, чтобы уголовные дела, касающиеся Нальчикского округа разбирались в выездных сессиях Владикавказского окружного суда в слободе Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 1. Л. 19-19 об.].

30 апреля 1911 г. в сопроводительном рапорте начальнику Терской области по уже принятому приговору С. Клишбиев поддержал инициативу юрисконсульта, подробно обосновав целесообразность проведения выездных заседаний в окружном центре. Его мнение с публицистической откровенностью вскрывало проблемы в административно-судебных коммуникациях жителей Нальчикского округа с областным центром и может рассматриваться как интереснейший пример отражения в интеллектуальной культуре кабардинцев проблем оптимизации административно-судебного порядка в округе. Учитывая разнообразие аспектов, затрагиваемых С. Клишбиевым, приведем более подробно основные положения рапорта.

Соглашаясь с приговором доверенных, начальник Нальчикского округа писал: «Совершенно правильно и другое указание представляемого приговора о том, что не знающие русского языка кабардинцы и горцы, будучи вызваны в Окружной суд в гор. Владикавказ, везут обыкновенно с собой одного из своих односельцев для того, чтобы он взял им на железной дороге билеты, посадил бы в соответствующий вагон, во Владикавказе устроил бы где-нибудь на постоялый двор на ночлег, помог далее найти здание Окружного суда, а по окончании дела – доставил бы их тем же порядком домой. Со своей стороны я должен по этому поводу отметить еще то, что подобными руководителями являются далеко не лучшие, а худшие элементы туземного населения вверенного мне округа, так как хороший хозяин только по исключительности и в случаях, когда в числе вызываемых в Суд имеются близкие ему люди, согласится бросить свои занятия и ехать на 3-7 и больше дней во Владикавказ. Таким образом кабардинцы и горцы в своих поездках по вызову Суда в гор. Владикавказ неизбежно подвергаются оббиранию со стороны сопровождающих их лиц, некоторые из которых сделали себе давно уже из подобных сопровождение хищническую профессию» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 18 об.].

Далее С. Клишбиев характеризует интегрирующую роль окружного центра в жизни многонационального населения: «Заслушивание кабардинских и горских дел в слоб. Нальчик избавило бы туземное население Нальчикского округа от необходимости подвергаться эксплуатации со стороны этих

хищников, без услуг которых, при существующей порядке, они обойтись не могут. Все туземцы Нальчикского округа бывали многократно по своим разнообразным делам в сл. Нальчик. Все они имеют своих знакомых среди нальчикских слобожан, у которых всегда останавливаются на ночлег и в сношениях с которыми обходятся без переводчиков. Со слободой Нальчик кабардинцы и горцы связаны столь много образными интересами, что поездка в слободу по вызову Округного суда не будет во многих случаях совершенно ложиться бременем на вызываемых, так как даст им возможность устроить вместе с тем то или другое дело, по которому и без вызова Округного суда им все равно предстояло бы побывать в Нальчике» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 18 об.].

Следующие положения документа можно вполне рассматривать как проект рационализации системы судопроизводства, стремящийся к оптимальному сочетанию государственных и гражданских интересов: «Есть еще одно неудобство заслушания уголовных дел во Владикавказе, а не в слоб. Нальчик – уже чисто административного характера. Почти по всем уголовным делам в заседание Округного суда вызываются чины администрации (начальники участков, сельские старшины и их помощники), производившие по делам этим полицейское дознание. Во всех этих случаях чины вверенного мне административного управления Нальчикского округа отрываются на весьма продолжительной срок от отправления своих прямых обязанностей, между тем как при заслушании дел Нальчикского округа в слоб. Нальчик сроки эти весьма сильно сократились бы, да и самые поездки должностных лиц в этих случаях в административный центр округа могли бы быть использованы зачастую в служебных целях.

Далее за слушания уголовных дел Нальчикского округа в слоб. Нальчик, а не в гор. Владикавказ требуют, как мне кажется, и интересы казны, так как не подлежит сомнению, что для казны было бы выгоднее нести расходы по командированию в сл. Нальчик состава Суда, с товарищем прокурора и канцелярией, чем уплачивать тысячам вызываемых свидетелей прогоны за лишние сотни верст...» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 19].

Для убедительности С. Клишбиев приводит сведения о договоренности съезда доверенных со слободским самоуправлением округного центра: «Имеется в слоб. Нальчик и подходящее для открытия судебных заседаний помещение. Из прилагаемого приговора выборных Нальчикского слободского общества от 15 марта 1911 г. Ваше Превосходительство усмотрите, что общество это, прося меня со своей стороны возбудить ходатайство об открытии сессий уголовного отделения владикавказского округного суда в слоб. Нальчик, обязывается предоставить на время сессий в распоряжение округного суда здание своего слободского правления. Здание это состоит из 4-х комнат, одна из коих по своим размерам подходит для отвода его под зал судебных заседаний, а 3 остальных – под свидетельскую комнату и комнаты для совещания судей и для канцелярии. Не встретится препятствий и к подысканию помещений, в которых могли бы останавливаться г. г. Члены округного суда при выездах их в Нальчик на сессию, старшиной слоб. Нальчик будет

подыскиваться потребное число чистых комнат с мебелью и прислугой, что при обилии имеющихся в Нальчике меблированных квартир (ввиду летнего приезда в Нальчик курсовых), затруднений тоже не вызовет» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 19-19 об.].

Очевидно, организованная и всецело поддержанная начальником округа, согласованность инициативы съезда доверенных со слободским правлением, свидетельствовала об интеграционных достижениях в развитии местного самоуправления Нальчикского округа. В рассмотренном частном случае его выражением стало деятельное осознание совместных потребностей и возможностей многонационального населения в наилучшей организации судебного порядка в округе.

30 июня 1911 г. по приговору съезда доверенных областным правлением было инициировано ходатайство перед главнокомандующим войсками Кавказского военного округа [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 59].

В отчете по юрисконсульству Б. Шаханова за период с ноября 1910 по ноябрь 1911 г. упоминалось, что «председатель Владикавказского окружного суда не нашёл возможным удовлетворить возбуждённое Начальником Терской области ходатайство об открытии выездной сессии Окружного суда в слоб. Нальчик вследствие малочисленности личного состава суда, после чего Его превосходительство Начальник Терской области вошел через штаб Кавказского военного округа с аналогичным ходатайством уже через Тифлисскую судебную палату, которая затребовала по этому поводу от председателя окружного суда подробных сведений». При этом юрисконсулт выразил уверенность, что «в недалеком будущем вопрос об открытии выездной сессии Окружного суда в слоб. Нальчике - должен разрешиться [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 136].

Председатель Окружного суда Афанасьев: «не имея в принципе решительно ничего против открытия указанных выездных сессий особенно при условии, если Нальчикском слободское общество примет на себя обязательство предоставить не только удобное помещение для заседания суда, но обеспечить также и помещение для г. г. членов суда и личного состава канцелярии, так как в слободе Нальчик гостиниц совершенно не имеется». Однако, ссылаясь на регламент и кадровые возможности Окружного суда, не признал возможным «удовлетворить означенное ходатайство». В отзыве председателю Тифлисской судебной палаты от 7 октября 1911 г. он сообщал: «судебные заседания во вверенном мне суде следуют непрерывно изо дня в день в течение всего года, причем увеличивать число заседаний прибавлением выездов еще и в слободу Нальчик не представляется решительно никакой возможности. Независимо сего, я полагаю, что открытие выездных сессий в слободе Нальчик будет даже не в интересах дела и в особенности не в интересах тех подсудимых, которые содержатся под стражей. В настоящее время все нальчикские дела слушаются в гор. Владикавказе, где судебные заседания бывают еженедельно, почему дела эти назначаются к слушанию немедленно по их получении; при открытии же выездных сессий в слободе Нальчик, которых может быть никак не более двух в течение года, арестантам придется сидеть в тюрьме месяцев по шести и даже

больше. Наконец, нельзя не согласиться, что Нальчикской округ сосредотачивается всего в одном следственном участке и дел, возникающих на этом участке, вовсе не так много, чтобы ради этого суд должен был бы излишне выезжать по меньшей мере два раза в год» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 3. Л. 34-34 об.]. Аргументы председателя Владикавказского окружного суда оказались более убедительными для административных и судебных властей Кавказского наместничества. Поэтому ходатайство о проведении в Нальчике выездных заседаний осталось без последствий.

В 1912 г. на съезде доверенных вновь был поднят вопрос о дальнейшей дифференциации кабардинского и балкарского судопроизводства в НГСС. Однако сложность рассмотрения этого этапа реформирования суда затрудняется тем, что сведения о нем нашли отражение в материалах периодической печати, но пока не были обнаружены в делопроизводстве съездов доверенных. 8 мая 1912 г. краткой публикацией «Терских ведомостей» сообщалось о планах разделить НГСС на два самостоятельных суда [О разделении... 1912]. В заметке о предстоящем 20 ноября 1912 г. съезде доверенных в перечне вопросов повестки дня значились планы рассмотреть и утвердить смету «на содержание временного отделения Нальчикского горского суда, предназначенного к отделению в самостоятельный суд» [Съезд... 1912]. Наконец, в сентябрьском номере 1913 г. уже говорилось, что временный Главнокомандующий войсками Кавказского округа утвердил приговоры съезда доверенных о разделении НГСС «на два самостоятельных суда, с отдельными председательствующими в каждом из них, с тем, чтобы обязанности второго председательствующего были возложены на одного из находящихся в распоряжении начальника области офицеров или чиновников, а вызываемые этой мерой расходы были бы полностью отнесены на средства местного населения» [Разделение... 1913]. Основываясь на данных областной газеты можно заметить, что дальнейшая этническая специализация в организации окружного судопроизводства в «двухсубъектном» округе была решена в форме, близкой к одному из проектов выделения словесного суда для балкарского населения, рассмотренных, но отвергнутых еще в 1884-1885 гг. [Антология... 2014: 398-399].

Между тем, делопроизводство съездов доверенных позволяет усомниться в практической реализации такого разделения. В октябре 1914 г. Терское областное правление предписало начальнику Нальчикского округа «приступить к выборам на следующее трехлетие 1915-1917 годов... должностных лиц для заседания в Нальчикском горском словесном суде и его временном отделении» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 17-17 об.]. На декабрьском съезде доверенными от Большой и Малой Кабарды путем баллотирования были избраны кадий, депутаты и кандидаты к ним для участия в заседаниях НГСС, а доверенные от горских обществ избрали такой же состав для Временного отделения [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 891. Л. 189-190]. Таким образом, есть достаточно оснований считать, что порядок избрания состава окружного суда и структура НГСС не претерпели изменений. Остается открытым вопрос, о реализации какого решения сельских представителей, утверждённого к тому же

областным начальником, последовательно сообщали «Терские ведомости» в 1912-1913 гг.? Выяснение действительных обстоятельств и подробностей этого преобразования остается задачей будущих исследований.

Рассмотренные сюжеты из практики съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ иллюстрируют особенности взаимодействия различных уровней коронной власти с многонациональным местным населением. Очевидно, что сложившийся в последней трети XIX в. административно-судебный порядок в Нальчикском округе Терской области последовательно оберегался от коренных изменений. Примеры конструктивного взаимодействия окружной администрации со съездами доверенных в вопросах реорганизации судопроизводства свидетельствовали о достаточно солидарном понимании на этом уровне актуальных общественных потребностей кабардинцев и балкарцев. Содержание обращений демонстрировало высокий потенциал образованных народных представителей в осмыслении задач социокультурного развития края. Несмотря на неуспешность большинства ходатайств, многочисленные вертикальные коммуникации по проблемам улучшения судебного порядка, иницируемые окружным самоуправлением, а также факт учреждения и регулярного функционирования Временного отделения НГСС позволяют говорить о гибкости административных практик областного и, прежде всего, окружного руководства, находившихся в поиске оптимальных форм властного взаимодействия с местным населением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2014 – *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 108 с.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

АКАК 1904 – *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Аничков 1907 – *Аничков И.* Мировой суд и преобразование низших судов. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1907. – 95 с.

Антология... 2014 – *Антология* памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе / Сост.: Д.Ю. Шапсугов, С.Ш. Салакая, У. Берзедж, М.В. Дышеков, А.Х. Абазов, К.М. Ажахов, А.К. Ажахов, М.Х. Эззекев. – Ростов н/Д: Редакционно-издательский центр Южно-Российского института управления – филиал РАНХ и ГС, 2014. – 624 с.

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 176 с.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 128 с.

Материалы... 1912 – *Материалы* по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением Н.М. Рейнке Н.М. Агишевым и В.Д. Бушеном. – СПб.: Сенатская типография, 1912. – 290 с.

О разделении... 1912 – *О разделении* Нальчикского горского суда на два самостоятельных суда // Терские ведомости. – 1912. – № 98. – С. 3.

Разделение... 1913 – *Разделение* горского суда // Терские ведомости. – 1913. – № 188. – С. 3.

Съезд... 1912 – *Съезд* кабардинцев // Терские ведомости. – 1912. – № 247. – С. 3

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

АБАЗОВ А.Кх. *Nal'chikskii okrug v sudebnoi sisteme Terskoi oblasti (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX)* [Nalchik district in the judicial system of the Terek region (the last third of the XIX – the beginning of the XX)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 108 p. (In Russian)

АБАЗОВ А.Кх. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nalchik: ООО «Pечатnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russian)

АКАК – *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: V 12 t. T. 12* [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

АНИЧКОВ И. *Mirovoi sud i preobrazovanie nizshikh sudov* [Magistrate's Court and the transformation of lower courts]. – SPb.: N.K. Martynov, 1907. – 95 p. (In Russian)

Antologiya pamyatnikov prava narodov Kavkaza. T. 16. Zavershenie Kavkazskoi voiny i formirovanie yuridicheskogo prostranstva Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze / Sost.: D.Yu. Shapsugov, S.Sh. Salakaya, U. Berzedzh, M.V. Dyshekov, A.Kh. Abazov, K.M. Azhakhov, A.K. Azhakhov, M.Kh. Ekzekov [Anthology of the law of the peoples of the Caucasus. Vol. 16. The end of the Caucasian war and the formation of the legal space of the Russian Empire in the North Caucasus. Comp.: D.Yu. Shapsugov, S.Sh. Salakaya, U. Berzedzh, M.V. Dyshekov, A.Kh. Abazov, K.M. Azhakhov, A.K. Azhakhov, M.Kh. Ekzekov]. – Rostov on/D: Redaktsionno-izdatel'skii tsentr Yuzhno-Rossiiskogo instituta upravleniya – filial RANKh i GS, 2014. – 624 p. (In Russian)

БИТОВА Е.Г. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX veka: (Sel'skaya obshchina)* [Social history of Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 176 p. (In Russian)

КАЛМЫКОВ Ж.А. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo KhKh v.)* [The establishment of the Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII – early XX century)]. – Nalchik: El'brus, 1995. – 128 p. (In Russian)

Materialy po obozreniyu gorskikh i narodnykh sudov Kavkazskogo kraya. Sobrany pod nablyudeniem N.M. Reinke N.M. Agishevym i V.D. Bushenom [Materials on the review of the mountain and people's courts of the Caucasus region. Eds: N.M. Reinke N.M. Agishev i V.D. Bushen]. – SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. – 290 p. (In Russian)

O razdelenii Nalchikskogo gorskogo suda na dva samostoyatel'nykh suda [About division of the Nalchik mountain court into two independent courts]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1912. – No 98. – P. 3. (In Russian)

Razdelenie gorskogo suda [Separation of the mountain court]. IN: *Terskie vedomosti*. 1913. – No 188. – P. 3. (In Russian)

S"ezd kabardintsev [Congress of kabardians]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1912. – No 247. – P. 3. (In Russian)

TsGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki [Office of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic].

Новейшая история

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-129-162

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.А. КАТХАНОВА
В ВСНХ СССР****Х.Б. МАМСИРОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru*

Аннотация. В кабардино-балкарской историографии личность Назира Катханова освещена в контексте временного союза большевиков с северо-кавказскими шариатистами в период гражданской войны, его активной роли в восстановлении советской власти в регионе, деятельности в качестве главы Представительства КБАО при ВЦИК. Разрозненные сведения о его работе на посту Уполномоченного Национального отдела Главного экономического управления ВСНХ СССР по Северному Кавказу дополнены новыми документами, выявленными автором в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. Они дают расширенное представление о Н.А. Катханове как государственном деятеле северокавказского и союзного уровня, позволяют судить о его профессиональной компетенции, организаторских и аналитических способностях. Таким образом, новые документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории характеризуют Н. Катханова не только как священнослужителя, но и как светского человека, не только как военного деятеля, но и как созидателя, строителя новой жизни. И уж конечно, он не был врагом народа, и позорный ярлык был приклеен к нему незаслуженно, клеветнически. Н. Катханов горячо любил свой край, все народы Северного Кавказа. Они хорошо знали его, верили ему и единодушно избрали его своим Уполномоченным. И это доверие Н. Катханов оправдал сполна.

Ключевые слова: Н. Катханов; Б. Калмыков; большевики; Советская власть; Северный Кавказ; северо-кавказские народы; гражданская война; шариат; уполномоченный.

**NEW DOCUMENTS ON THE ACTIVITIES OF N.A. KATHANOV IN THE
SUPREME BOARD OF THE NATIONAL ECONOMY OF THE USSR****H.B. MAMSIROV**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru*

Abstract. The personality of Nazir Kathanov is highlighted in the local historiography of Kabardino-Balkaria in the context of the temporary compromise between the Bolsheviks and the North Caucasian Shariah during the civil war, as well as his active role in the restoration of Soviet power in the region, and his activities as head of the Kabardino-Balkar Autonomous Oblast's Representation at the All-Russian Central Executive Committee. Scattered information about his work as Commissioner of the National Department of the Main Economic Directorate of the USSR Supreme Economic Council for the North Caucasus is supplemented by new documents identified by the paper's author in the collections of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History. It gives an expanded idea of N.A. Kathanov as a statesman of the North Caucasian and Union levels, and makes it possible to judge his professional competence, organizational and analytical abilities. New documents from the mentioned collections characterize N. Kathanov not only as a clergyman, but also as a secular person, not only as a military leader, but also as a creator, builder of a new life. And of course, he was not an enemy of the people, and the shameful label was glued to him undeservedly and slanderously. N. Kathanov passionately loved his land, all the peoples of the North Caucasus. He was well known, he was trusted and unanimously elected as the Commissioner. And this trust N. Kathanov fully justified.

Keywords: N. Kathanov; B. Kalmykov; Bolsheviks; Soviet power; North Caucasus; North Caucasian peoples; civil war; Sharia; Commissioner.

В новейшей истории народов Кабардино-Балкарии ярко высветилась личность Назира Адильгиреевича Катханова – представителя дореволюционной национальной интеллигенции, оставившего заметный след в период гражданской войны и первого десятилетия Советской власти. Большевики, как европоцентристы в вопросах мирового развития в целом, и России, и ислама в его рамках, в частности, считали северокавказские народы культурно отсталыми, отрицали наличие у них в начале XX века своей интеллигенции. Однако они не учитывали, что в силу своего геополитического положения, веками находясь под угрозой духовного и физического уничтожения, горские народы не имели возможности дать человечеству образцы культуры, подобные европейской, но создали свою горскую цивилизацию. Это спасло их от поглощения соседними державами, в отличие от многих других государств и народов. Кроме того, у северокавказских народов уже в процессе интеграции в имперское социокультурное пространство сформировался слой интеллигенции, часть из которой находилась под влиянием русской культуры, другая – арабской (восточной) культуры. Первая была представлена в основном элитными сословиями, вторая – всеми остальными, в том числе низшими. Умалчивание об этих очевидных дореволюционных культурных сдвигах позволяло большевикам преувеличивать свои успехи в национально-культурной политике.

Представителями интеллигенции арабской школы, активно сотрудничавшими с Советской властью на Северном Кавказе в ее начальный период, являлись адыгеец С. Сиюхов, карачаевцы Ум. Алиев, И. Хубиев, кабардинцы Т. Кашежев, Б. Пачев, Н. Катханов, балкарцы К. Мечиев, М. Эннев и многие др. До революции для каждого горца авторитет священнослужителей (эфенди и мулл) и людей, просто знающих арабскую грамоту, был непререкаем. Они, фактически сочетали в одном лице и духовного учителя, и судью, и блюстителя нравов и внесли заметный вклад в развитие национальной

культуры и письменности, которая развивалась в начальный период Советской власти на арабской графической основе. Показательно, что, вплоть до 1929 г. (т.е. до начала введения всеобщего) в горской школе Северного Кавказа доля учителей, бывших эфенди и мулл, достигала почти 99%.

Со временем правящая Коммунистическая партия поставила под полный контроль всю культурную сферу, и вчерашние союзники, представители интеллигенции арабской школы, доминировавшие в ней, попали в разряд классовых врагов. Большинство из них искусственно были оторваны от народа, и испытали трагическую участь. Наглядным примером тому является драматическая судьба Назира Адильгиреевича Катханова. Это был образованный человек своего времени. Его отец, Адиль-Гирей Катханов, простой крестьянин, как и многие горцы, отдал своего сына в начальную духовную школу (мектебе) для изучения арабского языка. Заметив способности Назира, он всеми силами обеспечил ему дальнейшее обучение в лучшем медресе Нальчикского округа – Баксанском духовном училище, где Назир существенно повысил уровень своего образования, изучая на арабском языке Коран, мусульманское законоведение (шариат), арабскую грамматику, историю ислама [Мамсиров 2005: 193-194].

Баксанское духовное училище в начале XX века представляло собой пример попытки местной национальной интеллигенции реализовать популярные в мусульманских регионах России идеи «реформы» мусульманской школы с преподаванием светских дисциплин, получившие название «новометодных» школ. Царское правительство преследовало их, считая проводниками идеологии пантюркизма и панисламизма, проникшими из Турции. Затем Н.А. Катханов окончил 4 класса Нальчикского реального училища. Хорошо владел кабардинским, русским и арабским языками, и некоторое время преподавал историю Востока в родном Баксанском духовном училище [ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 21. Д. 390. Л. 386]. Здесь он глубже погрузился в идеи джадидизма, которые культивировал в России И. Гаспринский, известный мусульманский просветитель Российской империи, издатель и политик.

Русская революция 1917 г. породила межнациональные распри, развал экономики и культуры на Кавказе. Новой Советской власти на Северном Кавказе пришлось интегрировать новые типы идентичностей в коммунистическом духе. Особенно сложно ей было достичь взаимопонимания в восточных регионах страны в связи с обострившимся исламским фактором. Избежать прямой конфронтации с мусульманским населением существенно помогли видные татарские революционеры – М. Вахитов и М. Султан-Галиев» [Ланда 1995: 206], соавторы «Декларации прав народов России» и Обращения СНК к трудящимся мусульманам России и Востока. Обещания о предоставлении права на самоопределение и устройство жизни по своему усмотрению и разумению сыграли решающую роль в привлечении колеблющихся, снижении недовольства тех, кто не разделял их идеи.

Назир Катханов в период тяжелых раздумий и внутреннего самоопределения, поверил в концепцию «мусульманского коммунизма» о взаимной совместимости «шариата и коммунизма» и возможности учета

исламских традиций в революционном преобразовании Востока. Поняв, что кабардинское и балкарское мусульманское духовенство является преимущественно крестьянским по своему социальному происхождению, большевики пошли на временный союз с ними. Поддержав политические и экономические мероприятия Советской власти, Н. Катханов вступил в ряды «красных», выдвинув лозунг «За советскую власть, за шариат!». Завоевав в мусульманских массах популярность и репутацию смелого и умелого военачальника, он, как и другие авторитетные шариатисты: Тарко-Ходжи в Дагестане, Али Митаев и Сугаип-Мулла в Чечне, стал одним из национальных северокавказских лидеров. Контролируемые ими национально-религиозные движения мусульман-горцев стали реальной альтернативой центробежным силам на Северном Кавказе в лице панисламизма, и в критический для большевиков момент обеспечили поддержку Советской власти.

Притягательные идеи большевиков о праве на самоопределение, о решении земельного вопроса дали импульс формированию уникального воинского соединения – I Ударной Шариатской колонны под командованием Н. А. Катханова, состоявшей наполовину из горцев-мусульман и русских красноармейцев. Уникальность личности «советского шариатиста» Н.А. Катханова заключалась в том, что он, не будучи большевиком, сыграл важную роль в установлении Советской власти на Тереке. Высоко оценив эти заслуги Н.А. Катханова, С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе и Н.Ф. Гикало агитировали его вступить в партию. Но он отказался от предложения, о котором некоторые только и мечтали, объяснив это тем, что большевики отрицают Аллаха, Ислам, Шариат, а «Я верующий человек. У вас есть свой бог – Ленин, а у меня свой – Аллах» [Катханов 1997: 56].

В критические моменты гражданской войны коммунисты относились к союзникам-шариатистам терпимо, как того требовала Вторая программа партии (1919 г.), призывавшая проявлять осторожность и внимание к национальным чувствам [Ленин 1969: 183]. Однако, отношение большевиков к шариату зависело от политической конъюнктуры. Так, С.М. Киров на Учредительном съезде советов Горской АССР в апреле 1921 г. объявил о праве населения пользоваться шариатскими судами. С. Киров и Г. Орджоникидзе, пытаясь адаптировать тактику русских коммунистов к местным условиям [Ленин 1970: 199], в 1920-1921 гг. поддержали «советских шариатистов» и шариатские суды для мусульман на Северном Кавказе [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 89. Л. 36-43]. Более того, нарком по делам национальностей И. Сталин на съезде народов Терской области выступил резко против «немедленной коммунизации», и призвал к постепенному вовлечению горских масс «на основании шариата» [Ланда 1995: 200, 211].

Но, в стратегическом плане будущего у такого союза не было. «Коммунизм целостен, – писал Н. Бердяев, – он охватывает всю жизнь, он не относится к какой-то социальной области. Поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно» [Бердяев 1990: 189].

После окончания гражданской войны, ликвидации угрозы реванша белых и нормализации общественно-политической обстановки в регионе сразу

проявились первые признаки кризиса отношений. Теперь коммунисты тяготятся союзом с советскими «шариатистами», требовавшими поделиться властью. В докладе инспектора ЦК партии В. Лукашин о состоянии дел на Северном Кавказе осенью 1920 г. прямо подчеркивалось, что религиозные деятели «оказываются настолько сильными, что часто подчиняют сильные, организованные группы "самостийников" горцев и горцев "большевиков"» [РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 118. Л. 5].

Впрочем, ситуация после окончания гражданской войны, усугубленная продолжающейся продразверсткой, служила источником недовольства советской политикой во всей стране. Ленин, очень обеспокоенный этой ситуацией, напряженно искал выход, и считал, что «мы теперь должны Россию убедить». Однако действительность мало походила на стремления «убедить». Горские эмигранты писали, что «более половины коммунистов-националов не могут без посторонней помощи читать печатные откровения Ленина даже на родном языке... Такая же картина наблюдается в Ингушетии, Кабарде, Чечне, Северо-Осетии...» [Р. К-лы 1933: 10].

Отличие в понимании способов решения проблемы заключалось в том, что оппоненты Ленина, учитывая неумение многонационального населения понимать, адекватно реагировать и осваивать суть предлагаемых реформ, полагали, что следует эволюционным, реформаторским путем «менять» население, повышая его образовательный и культурный уровень. Необходимо задать направление общественному развитию, помогающему индивидууму освобождаться от уз, заставлявших придерживаться в повседневной деятельности форм, предписанных обычаем, традицией, устаревшим законом. Большевики же видели проблему в необходимости сменить общественный строй в стране посредством смены в нем власти и реализации классовой интернационалистской доктрины.

В кабардино-балкарских реалиях суть этих противоречий наглядно отразилась во взаимоотношениях двух национальных лидеров, Бетала Калмыкова и Назира Катханова, каждый из которых не хотел уступать. Столкнулись два мировоззрения, два подхода в понимании путей мирного возрождения Кабардино-Балкарии. Б. Калмыков был сторонником авторитарного решения экономических, культурных, социальных и других вопросов, твердым проводником партийной линии. Это вызывало неприятие горцев, до конца не понимавших сути некоторых решений Облисполкома, и особенно вопросов, касающихся воспитания детей, создания колхозов, политики атеизма. Назыр Катханов настаивал на бережном отношении к традициям и обычаям горцев, к религиозным чувствам мусульман, считая, что их разрушение неминуемо приведет к падению духовной и нравственной жизни горцев [Катханов 1997: 76-77].

Б. Калмыков опирался на своих могущественных патронов в Центре: Г. Орджоникидзе и И. Сталина, и всю силу местного партийно-советского аппарата. Таких «шариатистов», как Н. Катханов, А. Шогенцуков, и др. было немного. Но у них была серьезная социальная база, в том числе, и среди тех, кто не участвовал в непосредственной борьбе за власть, но принял советскую власть как победившую, лояльно к ней относился, и продолжал исполнять свои

профессиональные обязанности. Речь идет о множестве аульских эфенди, обучавших детей в примечетных мектебе и медресе. Что касается национального учительства из аульских школ, то и оно к концу 1920-х годов оказалось по мнению советских чиновников от просвещения «под сильным влиянием контрреволюционных катхановщины и гемуевщины», т.е. местных представителей, пользующихся авторитетом у населения [Ямушкин 1934: 57].

Горский отдел ГПУ, установив слежку за Н. Катхановым, представлял в высшие парторганы дискредитирующую его информацию. По инициативе Б. Калмыкова находят благовидный предлог для направления Н. Катханова, занимавшего важные руководящие посты в области «на повышение» в Москву, где он возглавил Кабардино-Балкарское представительство при ВЦИК. Тем самым большевистское руководство КБАО решило для себя две важные задачи. По существу, было обезглавлено руководство неудобных для него местных советских «шариатистов». Удален из области их идейный лидер и минимизировано его влияние на политические процессы в области.

Плодотворная деятельность Н. Катханова в данный период положительно оценена в кабардино-балкарской историографии, что нельзя сказать о другом аспекте его работы в центре в качестве Уполномоченного Национального отдела Главного экономического управления Высшего Совета Народного хозяйства СССР (ВСНХ СССР) по Северному Кавказу. В кабардино-балкарской историографии Н.А. Катханов больше известен как лидер шариатского движения и военно-начальник периода гражданской войны, сыгравший важную роль в установлении Советской власти на Северном Кавказе. Его же деятельность в качестве руководителя Нальчикской окружной милиции и народного образования, заведующего областной Рабоче-крестьянской инспекцией (РКИ), и, наконец, уполномоченного Национального отдела Главного экономического управления Высшего Совета Народного хозяйства СССР (ВСНХ СССР) по Северному Кавказу, до сих пор не получила должного освещения.

Только в 80-е годы XX века в периодической печати появляются первые публикации старейшего архивиста республики Л.Б. Татароковой, которая на основе документальных источников поведала читателям о вкладе Н.А. Катханова, как постоянного представителя при Президиуме ВЦИК, в развитие культуры народов Кабардино-Балкарии. Нельзя не отметить серию научно-популярных статей о Катханове и профессора КБГУ М.А. Текуевой.

Объективное признание его заслуг перед Советским государством произошло, к сожалению, только в 1990 году, когда Указом Президента СССР М.С. Горбачева Назир Адильгиреевич Катханов был посмертно награжден орденом Красного Знамени. Но подлинное научное изучение и оценка государственной деятельности Н.А. Катханова – дело будущего.

В связи с этим, интерес представляют два документа, выявленные нами в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Они подписаны Уполномоченным Национального отдела Главного Экономического Управления при Высшем Совете Народного Хозяйства СССР Н.А. Катхановым. И другой документ из фондов Российского архива социально-политической

истории о характере работы Горского ОГПУ, установившего слежку за лидером шариатистов сразу же после окончания Гражданской войны. Они характеризуют его как государственного деятеля регионального и союзного масштаба.

В соответствии с приказом № 979 Председателя ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинского от 3 июля 1925 г. было утверждено Положение о Национальном отделе ГЭУ ВСНХ СССР, признанное выявлять и удовлетворять нужды промышленности национальных образований. До этого времени проблемы северокавказских народов в Москве в основном решали самостоятельные представительства, но зачастую непрофессионально и без учета интересов ближайших соседей. Эти недостатки должен был устранить новый институт Уполномоченного Национального отдела ГЭУ ВСНХ СССР по Северному Кавказу. При формировании данной службы в Президиум ВСНХ СССР национальные автономии Северного Кавказа единодушно делегировали единственного своего представителя – Н. Катханова, который и был утвержден на эту должность Президиумом ВСНХ СССР 13 сентября 1925 г. [Катханов 1997: 108].

В связи началом реализации курса на индустриализацию страны, актуализируется проблема разработки природных богатств Кавказа, координации деятельности ее республик и областей с другими регионами страны. Осенью 1925 г. под председательством Ф.Э. Дзержинского состоялось межведомственное совещание с представителями национальных образований Северо-Кавказа и Закавказья и с участием Орджоникидзе, Кирова, Микояна, Орахелашвили, Катханова, Калмыкова. Выступление Назира Катханова на совещании, его замечания и предложения получили всеобщее одобрение [Катханов 1997: 109].

Полученный вотум доверия от горских народов Северного Кавказа Н.А. Катханов оправдывал с большим усердием. Об этом убедительно свидетельствует первый документ «Доклад уполномоченного национального отдела ГЭУ ВСНХ СССР по Северному Кавказу», представленный 19 января 1926 г. председателю Северокавказского крайисполкома Богданову.

Н.А. Катханов докладывал, что он стал в соответствии с задачами Национального отдела ВСНХ СССР систематизировать и изучать материалы, характеризующие состояние промышленности национальных областей Северо-Кавказского края и перспективы ее развития. В центре его внимания находились финансирование промышленности национальных областей Северного Кавказа продвижении представленных заявок в различных инстанциях на стадиях рассмотрения в высших хозяйственных и плановых органах страны.

Уполномоченному по Северному Кавказу и своей работе приходилось сталкиваться с большими трудностями. Так, высшие центральные органы власти в 1926 г. последовательно сокращали ассигнования национальной промышленности Северного Кавказа с 2 639 тыс. рублей до 1 млн. рублей, затем до 597 тыс. рублей и далее до 393 тыс. рублей. Для восстановления первоначальных ассигнований Н.А. Катханов лично обращался во все

инстанции: Народный комиссариат финансов РСФСР, Госплан РСФСР и Экономический Совет РСФСР. В конце концов, ему удалось получить принципиальное согласие на дополнительное включение заявок в план финансирования национальной промышленности Северного Кавказа.

В целом конъюнктурный обзор, осуществленный Н. Катхановым, свидетельствует о компетентности докладчика, глубоком знании им специфики региона. Он обоснованно выделяет наиболее перспективные направления финансирования таких отраслей региона, как, например, кирпично-черепичная и винокуренная промышленности, требующие наименьших капиталовложений.

При распределении кредитов по национальным областям Н. Катханов не упускает из виду стратегическую перспективу – вопрос о разработке горных богатств, имеющих большое государственное значение при реализации курса на индустриализацию страны. При этом Уполномоченный по Северному Кавказу не забывает и об улучшении социально-экономического положения населения национальных автономий, добиваясь более полного финансирования электрификации региона и снабжения населения промышленными товарами.

В другом документе изложены предложения Уполномоченного по Северному Кавказу Катханова Н.А., представленные «В кустарный отдел ВСНХ РСФСР 4 ноября 1925 г.» Они содержат кропотливый анализ экономического состояния автономных областей Северного Кавказа после окончания гражданской войны. Для быстрейшего восстановления хозяйственного сектора горских народов и их экономической интеграции в состав Советской России, Н. Катханов предлагает развивать кустарную промышленность, используя базу и опыт традиционных народных промыслов. Его расчет был связан с финансированием создания на первоначальном этапе по всему Северному Кавказу целой сети образцово-показательных мастерских с элементарным техническим оборудованием. Впоследствии, по мнению автора записки, они должны были сыграть роль катализатора и стимулировать инициативу и предпринимательство в среде горского населения.

Таким образом, документы, выявленные в фондах Государственного архива Российской Федерации, дают нам представление о Н. Катханове не только как о священнослужителе, но и в светском человеке, не только как военном деятеле, но и созидателе, строителе новой жизни. И уж конечно, он не был врагом народа, и позорный ярлык был приклеен к нему незаслуженно, клеветнически. Назир Катханов горячо любил свой край, все народы Северного Кавказа. Они хорошо знали его, верили ему и совсем не случайно избрали его своим Уполномоченным. И это доверие Назир Катханов оправдал сполна.

Ответственная должность в центральных органах власти минимизировало его зависимость от руководства области, начался рост его авторитета среди определенного круга ответственных работников центра, в том числе у Председателя ВСНХ СССР Ф.Э. Держинского. В связи с этим показательна справка, направленная заместителем заведующего Восточным отделом ОГПУ Волленбергом еще в 1925 г. Ф. Держинскому, в которой отмечалось: «Мусульманское духовенство и по сей день является решающей силой в отсталых районах нашего Северного Кавказа. Лишение духовенства

общегражданских прав лишило его возможности приспособливаться к новым общественным отношениям, и мусульманское духовенство вынуждено вести с нами борьбу не на жизнь, а на смерть. Нет, и не может быть такого контрреволюционного процесса, который [оно] своей активностью не поддерживало и не сочувствовало бы. Для того чтобы уяснить себе силу мусульманского духовенства, нужно усвоить, что мусульманское духовенство веками руководило горцами в их борьбе за национальное освобождение и удельный вес такового этим, главным образом, и создавался. Мусульманское духовенство сейчас очень сильно во всех горных районах Северного Кавказа» [РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353. Л. 36].

Однако, Ф.Э. Держинского, видимо, не смутила эта информация, и он никоим образом не связывал эти процессы с личностью Н. Катханова. Напротив, мы видим рост его авторитета на посту Уполномоченного по Северному Кавказу. Однако скоропостижная смерть Ф.Э. Держинского в июне 1926 г. лишило Н. Катханова надежного иммунитета и ситуация для него резко ухудшилась. Он попадает в жернова политики воинствующего атеизма, начавшейся во второй половине 1920-х годов.

В специальной статье «Политика и религия», которую нарком просвещения А.В. Луначарский посвятил деятельности Союза воинствующих безбожников, отмечается, что «веротерпимость есть, конечно, элемент либерализма». Но он подчеркнул мысль о неизменной стратегии: о «ненависти к религии и ... стремлении уничтожить ее». Религия, уточняет нарком и суть проблемы, и формы борьбы: «как гвоздь». И «нужны клещи: нужно обхватить религию, зажать ее снизу, не бить, а устранять, выдергивать с корнем». Мы, подчеркивал нарком, не должны быть «тиранами, вырывающими из сердец верующих вросшие туда убеждения силою», но «борьба сейчас больше, чем когда бы то ни было, закипает всерьез», когда необходимо добиваться «резкого подъема энергии атеистов в их борьбе с религией» [Луначарский 1985: 451-454].

С принятием партией курса «наступления социализма по всему фронту» начинается рушиться процесс «сверки» «индивидуальной» и «общественной» культурной идентичности и усиливается деструкция первой, традиционной культурной системы. Последствия этого процесса очень оказались очень болезненными для представителей арабской школы. Наглядным подтверждением тому стали факты повсеместного отстранения представителей «арабской» горской интеллигенции от активной политической и практической культурной деятельности. Это напрямую вытекало из политики центра по борьбе с различными уклонами, объявленными на X и XII партийных съездах. На это указывает показательный процесс над М. Султан-Галиевым, устроенный на IV партийном совещании с ответственными работниками национальных республик и областей (лето 1924 г.). В Кабардино-Балкарии эта кампания стартовала с дела А. Гемуева. Стущаются тучи и над Н. Катхановым.

Отношение к ним к концу 20-х годов составляет так называемую политику «кадры для кадров» в рамках осуществления задач «великого перелома» и формулируется как «обеспечение высокого качества ... особенно

на идеологическом фронте» [Гасилов 1930: 25]. Их объявляют «антисоветски настроенными», «прикрывшимися званием советских работников». «Долой» их, «горбатого могила исправит» – открыто заявляют советские газеты и журналы.

Вину за вспыхнувшие антиколхозные и антисоветские восстания в Кабардино-Балкарии в 1928-1931 гг. областное партийное руководство также списывает на «реакционное духовенство». Органы ГПУ установили наблюдение за Н. Катхановым сразу же после окончания Гражданской войны, представляя информацию в высшие парторганы в искаженном виде: «Катханов пользуется авторитетом в Кабарде. Во времена гражданской войны он и остальные муллы руководили отрядом против Деникина и теперь считают себя "советскими". К этому, нужно заметить, их побуждало скорее бывшее царское иго, чем преданность к Соввласти, о которой они сейчас говорят. Муллы Кабарды, считая себя революционными муллами, настаивают на ввод их в исполком, и одновременно с этим крепко защищают ислам и свои адаты. Например, когда Кабардинский Съезд Советов стал обсуждать вопрос об упразднении калыма, то мулла Катханов немедленно покинул собрание» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537. Л. 4]. Так, в центре формировалось представление о Н. Катханове как об идейном вожде шариатистов и закоренелом антисоветском деятеле.

По неполным данным Г.К. Дзуева, скрупулезно изучившим все аспекты баксанских событий 1928 г. репрессиям подверглись 118 ее участников (аресты, ссылки), 20 человек было убито и 11 казнены [Дзуев 1997: 15; Мамбетов, Мамбетов 1999]. Тогда же «под шумок» арестовали и расстреляли в Ростове и Н. Катханова. В сознании участников восстания и Катханов, и Энеев объединены тем, что именно они были способны организовать отпор большевикам и защитить их, хотя «уже достоверно было известно, что ... ни Энеева, ни Катханова к этому времени в живых уже не было» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 182].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука. – 224 с.
- Гасилов 1930 – *Гасилов Г.* Проблема национальных педагогических кадров // Просвещение национальностей. – 1930. – № 3. – С. 25-32.
- Дзуев 1997 – *Дзуев Г.К.* Кровавое лето 1928-го: Очерки. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 103 с.
- Катханов 1997 – *Катханов К.Н.* Назыр: Документальная повесть. – М., 1997. – 187 с.
- Ланда 1995 – *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. – М.: Восточная литература, 1995. – 311 с.
- Ленин 1969 – *Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу о партийной программе // Полное собрание сочинений. Издание 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 38. – С. 173-187.
- Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении // Полное собрание сочинений. Издание 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 43. – С. 196-201.

Луначарский 1985 – *Луначарский А.В.* Религия и просвещение / Составление и примеч. В.Н. Кузнецова. – М.: Сов. Россия, 1985. – 542 с.

Мамбетов, Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20-30-е годы. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 1999 – 272 с.

Мамсиров 2005 – *Мамсиров Х.Б.* Большевистская модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века: на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Дисс. ... доктора исторических наук. – Нальчик, 2005. – 579 с.

Р. К-лы 1933 – *Р. К-лы.* Большевизм в исторической перспективе и в современных числах // Горцы Кавказа. – 1933. – № 42. Август. – С. 8-12.

Ямушкин 1934 – *Ямушкин В.* Народный учитель Кабардино-Балкарской АО и система повышения его квалификации // Просвещение национальностей. – 1934. – № 2. – С. 51-58.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

REFERENCES

BERDYAEV N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. – М.: Nauka. – 224 p. (In Russian)

DZUEV G.K. *Krovavoe leto 1928-go: Ocherki* [Bloody Summer of 1928: Essays]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 103 p. (In Russian)

GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation].

GASILOV G. *Problema natsional'nykh pedagogicheskikh kadrov* [The problem of national teaching staff]. IN: *Prosveshchenie natsional'nostei*. – 1930. – No 3. – P. 25-32. (In Russian)

KATKHANOV K.N. *Nazyr: Dokumental'naya povest'* [Nazyr: A Documentary Story]. – М., 1997. – 187 p. (In Russian)

LANDA R.G. *Islam v istorii Rossii* [Islam in the history of Russia]. – М.: Vostochnaya literatura, 1995. – 311 p. (In Russian)

LENIN V.I. *Tovarishcham kommunistam Azerbaidzhana, Gruzii, Armenii, Dagestana, Gorskoi Respubliki. Tovarishcham kommunistam Azerbaidzhana, Gruzii, Armenii* [To the comrade communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia, Dagestan, and the Mountain Republic. To the comrade Communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia]. IN: *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie 5-e* [Complete works. 5th Edition]. – М.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. Vol. 43. – P. 196-201. (In Russian)

LENIN V.I. *Zaklyuchitel'noe slovo po dokladu o partiinoi programme* [Closing remarks on the report on the party program]. IN: *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie 5-e* [Complete works. 5th Edition]. – М.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. Vol. 38. – P. 173-187. (In Russian)

LUNACHARSKII A.V. *Religiya i prosveshchenie / Sostavlenie i primech. V.N. Kuznetsova* [Religion and Enlightenment. Compilation and notes by V.N. Kuznetsov]. – М.: Sov. Rossiya, 1985. – 542 p. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh., MAMBETOV Z.G. *Sotsial'nye protivorechiya v Kabardino-Balkarskoi derevne v 20-30-e gody* [Social contradictions in the Kabardino-Balkarian village in the 20-30s]. – Nalchik: Izd-vo KBNTs RAN, 1999 – 272 p. (In Russian)

MAMSIROV Kh.B. *Bol'shevistskaya modernizatsiya kul'turnoi sfery narodov Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v 20-e gody XX veka: na materialakh Aдыгеи, Kabardino-Balkarii, Karachaеvo-Cherkesii. Diss. ... doktora istoricheskikh nauk* [Bolshevik modernization of the cultural sphere of the peoples of the Central and North-West Caucasus in the 20s of the XX century: on the materials of Aдыгеа, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia. The dissertation for the Doctor of historical sciences degree]. – Nalchik, 2005. – 579 p. (In Russian)

R. K-ly. *Bol'shevizm v istoricheskoi perspektive i v sovremennykh chislakh* [Bolshevism in a historical perspective and in the current numbers]. IN: Gortsy Kavkaza. – 1933. – No 42. August. – P. 8-12. (In Russian)

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History].

YAMUSHKIN V. *Narodnyi uchitel' Kabardino-Balkarskoi AO i sistema povysheniya ego kvalifikatsii* [People's teacher of Kabardino-Balkarian Autonomous Okrug and the system of improve their qualifications]. IN: Prosveshchenie natsional'nostei. – 1934. – No 2. – P. 51-58. (In Russian)

С. С. С. Р. 21 февраля 1926 года № 21032
 Высший Совет Народного Хозяйства При ответе обязательно сослаться на этот номер.
ГЛАВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ В.Ц.И.К.
 Отдел Национальный. тов. ШИГАЕВУ.
 На В/№ (Н/Вх. №)
 МОСКВА, Площадь Ногина, Деловой Двор. Тел. для телефонограмм 14-96. для справок 15-60.
ОТДЕЛ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ по вопросу: В.Ц.И.К. 7-ой 1926 г. Вх. №
 УПОЛН. НАЦ. ОТД. ГЭУ ВСНХ СССР ПО СЕВ. КАВКАЗУ: /Катханов/.
 СЕКРЕТАРЬ ОТДЕЛА: /Годисова/.
 Приложение на листах. Ответ ожидается к С. Г.
 Форма А 2. Тип. МВО. 725.

**В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ В.Ц.И.К.
Тов. ШИГАЕВУ**

Согласно личных переговоров, при сем препровождаю копию доклада, сделанного мною 29/1 – с.г. в Коллегии Постоянного Представительства Сев. Кавк. Крайисполкома в присутствии т.т. Богданова и Лугановского.-

УПОЛН. НАЦ. ОТД. ГЭУ ВСНХ СССР
ПО СЕВ. КАВКАЗУ:
СЕКРЕТАРЬ ОТДЕЛА

/Катханов /
/Годисова /

Приложение:

- 1) Выписка из Приказа по ВСНХ СССР № 979;
- 2) Циркулярное письмо тов. Долгова;
- 3) Примерный проспект содержания обзора
- 4) Копия заявки в Кустарный Отдел ВСНХ Р.С.Ф.С.Р.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 1.

**В КОЛЛЕГИЮ ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЙ-ИСПОЛКОМА
в Москве**

**ДОКЛАД
УПОЛНОМОЧЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛАЛА ГЭУ ВСНХ
СССР
по СЕВЕРНОМУ КАВКАЗУ.**

После одобрения моей кандидатуры Сев. Кавказ. Край-Исполкомом, и утверждения Президиумом ВСНХ СССР в должности уполномоченного по Сев. Кавказу, я вступил в исполнение своих обязанностей с 13/IX-25 г.

В соответствии с задачами, поставленными перед Национальным Отделом ВСНХ СССР, я приступил с самого начала своей работы к систематизации и изучению материалов, характеризующих состояние промышленности Национальных Областей Сев. Кавказского Края и перспективы ее развития на ближайшие годы. Это был, так сказать, организационный период моей работы, после чего, при содействии приглашенного на службу консультанта-инженера, я перешел к нормальной деловой работе, выражающейся во всестороннем выявлении нужд промышленности означенных автономных областей и в оказании, в качестве уполномоченного Национального Отдела ВСНХ СССР, возможно полного содействия в направлении максимального удовлетворения этих нужд.

Центром нашего внимания и работы было, естественно, **финансирование промышленности национальных областей Сев. Кавказа на текущий 1925-26 год** и еще в процессе своей организационной работы мы внимательно следим и за прохождением представленной заявки через разные инстанции и в разных стадиях рассмотрения ее высшими хозяйственными и плановыми органами Республики и Союза.

Первоначальная заявка на развитие и восстановление

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 2.

промышленности 6-ти автономных областей Края в сумме – Руб.4.423.000 / по плану на 3 года 1925/8/ была принято одобрено Президиумом ВСНХ РСФСР в мае прошлого года на ближайшие трехлетия в сумме Руб. 4.004.000., из каковой суммы Президиум ВСНХ РСФСР нашел возможным принять кредитование на первый 1925-26 год в размере 2.712.000 руб. по всем отраслям промышленности. В виду того, что эта последняя сумма подвергалась в дальнейшем существенным сокращениям, нами были приложены все усилия к тому, чтобы пределы этих сокращений не отразились на жизненности только что налаживающейся национальной промышленности.

Поддержка со стороны товарищей из Крайисполкома, неоднократная защита и обоснование нами нужд нашей промышленности в ряде заседаниях соответствующих комиссий высших хозяйственных органов, при ближайшем и деятельном участии и содействии со стороны представительство Нацобластей при ВЦИКе и, наконец, наше личные представления в НКФ, Госплане и

ЭКОСО, – все эти факторы привели к частичному восстановлению произведённых сокращений заявки, которая в окончательном виде утверждена на текущий бюджетный год в размере 977.000 руб. для всех отраслей промышленности 6-ти автономных областей Сев. Кавказа. При непосредственном участии замест. завед. Отд. Местной Промышленности Сев. Кавказского край СНХ тов. Бутовского, были составлены и приведены в стройную систему обоснования к отпуску средств на финансирование промышленности в рамках утвержденной заявки.

Из приведённых ниже сравнительных таблиц можно усмотреть, в какую степень и утверждено ЭКОСО кредиты покрывают размеры ассигнований, принятые ВСНХ РСФСР в заседании от 20/V-1925 г. на текущий бюджетный год:

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 3.

I. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КРЕДИТОВ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ОБЛАСТЯМ

Название области	Принято Презид.	Утверждено	%
	ВСНХ РСФСР на 25-26 г.	ЭКОСО РСФСР на 25-26 г.	
Ингушетия	598.000	177.000	29,6
Чечня	405.000	93.000	22,9
С. Осетия	435.000	145.000	33,3
Кабарда	633.000	275.000	43,4
Карачай	323.000	125.000	38,7
Адыгея	318.000	162.000	51,0
ИТОГО	2.712.000	977.000	36,0

II. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КРЕДИТОВ ПО ОТРАСЛЯМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Отрасли промышленности	Принято Презид.	Утверждено	%
	ВСНХ РСФСР на 25-26 г.	ЭКОСО РСФСР на 25-26 г.	
Лесн. деревообраб.	916.000	384.000	41,9
Мукомольная	377.000	-	-
Металлообработыв.	366.000	-	-

Текстильная	231.000	220.000	101,0
Кирпично-черепичная	186.000	-	-
Маслобойная	140.000	80.000	57,1
Кожевенная	147.000	82.000	55,8
Крахмало-паточная	150.00	77.000	51,3
Винокуренная	40.000	-	-
Консервн. и овощн.	25.000	22.000	88,0
Сыровар. маслод.	22.000	112.000	509,0
Химическая	66.000	-	-
Электрическая	36.000	-	-
Горная	29.000	-	-
ИТОГО	2.712.000	977.000	36,0

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 4.

В среднем, размер ассигнований, утвержденных к отпуску на нужды промышленности национальных областей Сев. Кавказа в текущем году, составляет 36% от размера финансирования, одобренного Президиумом ВСНХ РСФСР. Причина неполного удовлетворения наших заявок на промышленность весна – это, конечно, бюджетные соображения Государства.

Фактически отпуск средств на промышленность на текущий год начался лишь третьей декаде декабря 1925 г, причём на 1 квартал НКФ РСФСР было отпущено всего 120.000 руб. из займа хозяйственного восстановления, каковая сумма, после обмена облигаций в Госбанке, сократилась до 75% номинала, то есть до 90000 руб.

Распределение отпущенных кредитов на 1 квартал по областям и отраслям промышленности видно из следующей таблицы:

Название области	Отрасли промышленности	Кредиты на I квартал		% от годового ассигнования
		сумма	всего	
Ингушетия	Кожзавод/Владик/	15.000	30.000	17,0
	Крахм.зав.	15.000		
Чечня	Кожзавод/Грозный/	12.000	15.000	<u>16,1</u>
	Лесоп.з	3.000		

С. Осетия	Ослеспром	15.000	15.000	
Карачай	Карчерлес	15.000	15.000	
Адыгея	Маслоб.зав.	15.000	15.000	
Кабарда	-	-	-	=
ИТОГО: по всем областям на I квартал			90.000	<u>9,2</u>

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 5.

В среднем, размер отпущенных на I-й квартал кредитов составляет 9,2% от годового ассигнования на промышленность автономных областей

Отпуск кредитов на 2-й квартал начнется в ближайшие дни. Представленная нами заявка на 499.500 руб. несмотря на защиту интересов промышленности наших автономий, утверждена Госпланом и НКФ лишь в сумме – 340.000 руб., какова сумма и будет отпущена на 2-й квартал. Из этой суммы в первую очередь отпускается / в январе/ 150.000 руб.

Распределение отпускаемых на 2-й квартал ассигнаций по областям и отраслям промышленности видно из следующей таблице:

Название области	Наименование отпущенных кредитов	/в тысячах рублях/				
		Кредиты на 2-й кварт.		В том числе в I очер.		% от годового ассигнования
		сумма	всего	сумма	всего	
		а	о	а		
ЧЕЧНЯ	1/ Потр. шер. тк.ф.	40	-			
	2/Расшир. кож. зав.	15	10			
	3/ Расшир. крах. зав.	10	65	8	18	36,7
ИНГУШЕТИЯ	Расшир. лесоп. зав.	50	50	40	40	53,7
С.ОСЕТИЯ	1/Расшир. з. Ослеспр	30		8		
	2/Дооб. з. Оскрахмал	15		-		
	3/Устан. конс. зав.	10	55	10	18	38,0
КАБАРДА	1/Расш. клепоч. пр.	37,5		37,5		
	2/Постр. шер. тк. ф.	15				
	3/Постр. сыров. зав.	17,5	60	10	37,5	21,8

	1/Рем. и дооб. зав. Карчерлес	10	-			
КАРАЧАЙ	2/ Постр. шер. тк. ф.	15	-			
	3/Рем. и добор. Сыровар.заводов	15	10			
	4/Дообор. кожзаводов	10	50	8	18	40,0

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 6.

	1/Постр. шер. тк. ф.	15	-			
	2/Фабрика перераб. кенафа	15	7			
АДЫГЕЯ	3/Рем. и устан. Масло. з	20	6			
	4/Механик. Жес. Цеха на конс. з-де	10	60	5,5	18,5	37,7
ИТОГО: по всем областям на 2-й квартал			340		150	34,7

В среднем, размер отпускаемых на 2-й квартал ассигнований составляет 34,7% от размера кредитов, утвержденных отпуску на весь 25-26 год.

По полученным нами сведениям, кредиты на 2-й квартал отпускаются уже не из займа, хоз. в восстановлении, а по бюджету.

В связи с тем обстоятельством, что в первом квартале кредиты на промышленность были отпущены непосредственно Представительством Автономных Областей при ВЦИКе для дальнейшего их направления по назначению, о чём нами было своевременно сообщено в Край СНХ, последний считает необходимым все отпускаемые на указанную цель кредиты передавать через Краевой Совет Народного Хозяйства. Считаю нужным просить Край-Исполком принять на себя разрешение этого вопроса.

Если сокращенный размер кредитования промышленности национальных областей на 2-й квартал против сделанное нами заявки в 499.500 руб. вызван бюджетными соображениями, то всё же, на основании наших личных представлений в соответствующих органах, нам удалось добиться того, что вопрос будет рассмотрен. Таким образом, не исключена возможность дополнительного отпуска сверх отпускаемых 340. 000 руб.

По линии **кустарной промышленности** нами было первоначально подано в Кустарный отдел ВСНХ обоснованная заявка на организацию школ – мастерских по 3-х летнему плану в сумме 918000 руб. Количество школ предполагалось – 181. Эта заявка, получившая одобрение со стороны Школьного Совета

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 7.

Кустарного Отдела, была последним принято на 1-й год в сумме 231.060 руб. на оборудование 40 школ – мастерских и получила дальнейшее направление по

линии Накопроса. Утвержденная Главпрофобром, это заявка должна ещё пройти ряд дальнейших инстанций и подлежит утверждению Совнаркомом. В виду того, что, по наведенным справкам, едва ли можно рассчитывать на удовлетворение этой заявки в текущем году, нами было подано вторая заявка на кустарную промышленность по линии создания на местах показательно-производственных мастерских, с целью ознакомления кустарей с улучшенным техническим оборудованием и поднятия, таким образом, техники производства кустарных промыслов. Необходимые для этой цели кредиты обоснованы нами в размере – 623.750 руб. и предусматривают 3-х летний план организации 182 показательно-производственных мастерских. В ближайшее время предполагается распределение кредитов, утвержденных СТО на восстановление кустарной промышленности во всесоюзном масштабе, и мы надеемся, что интересы национальных областей Северного Кавказа будут учтены в известной степени.

Несмотря на то обстоятельство, что финансирование кирпично-черепичной промышленности национальных областей Северного Кавказа по линии ВСНХ в текущем году не увенчалась успехом, так как Госплан и ЭКОСО не утвердили соответствующих кредитов, одобренных Президиумом ВСНХ РСФСР еще в мая прошлого года, – нами, после предварительных переговоров с Главным Управлением Коммунального Хозяйства НКВД, подана в ГУКХ заявка, подкрепленная ориентировочными цифрами, с ходатайством о включении этой промышленности план финансирования на 1925-26 год по линии коммунального строительства. Наша заявка предусматривает два варианта. По первому, мы исходили из необходимости сооружения в

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 8.

каждой области по одному технически хорошо оборудованному заводу, для каковой цели испрашиваемые кредиты составляют рубл. 365.000.

На случай, если по бюджетным соображениям осуществление этого варианта окажется невозможным, мы приводим второй вариант, а именно, по линии создания в каждой области мелких кирпично-черепичных заводов; в этом случае сумма необходимых кредитов уменьшается до 186.000 руб. Мы имеем сведения, что в ближайшее время наша заявка будет рассматриваться Госпланом РСФСР, и рядом существенных и убедительных доводов будем отстаивать план финансирования кирпично-черепичной промышленности наших автономий к первому варианту, считая его программой – минимум.

Вопрос о **жилищном строительстве** был поставлен нами перед ВСНХ РСФСР, причём испрашивалась долгосрочная ссуда на строительство для промышленных рабочих национальных областей в сумме 234.000 руб. К сожалению, рассчитывать на финансирование жилищного строительства по линии ВСНХ в текущем году не приходится и, согласовав с Крайпредставительством, мы решили добиваться удовлетворения жилищных нужд населения и рабочих наших областей путем кредитования по ведомству Главного Управления Коммунального Хозяйства, а именно по линии коммунального строительства. После предварительных переговоров с ГУКХом

из Центральным Коммунальным банком, нами подана заявка на сумму 600.000 руб., из коих 300.000 руб. предусматриваются на капитальный ремонт и дооборудование существующих зданий для органов и служащих Исполкомов в административных центрах, и 300. 000руб на достройку и ремонт существующих жилищ для промышленных рабочих. Отметив чрезвычайно тяжелые жилищные условия рабочих

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 9.

а также острую нужду в более или менее благоустроенных помещениях для органов и служащих Исполкомов, мы ходатайством перед ГУКХом о включении нашей заявки в план финансирования на 25-26 бюджетный год. Как в ГУКХе, так и в Коммунальном банке СССР мы встретили благожелательное отношение к этому вопросу, и это дает основания рассчитывать, что и со стороны Госплана РСФСР, которому в ближайшее время придется дать свое заключение, мы получим нужную нам поддержку. -

Винокуренная промышленность, представленная тремя заводами в Ингушетии, Кабарде и Чечне, из коих их последний остаётся на консервации, не вошла в план финансирования, утверждённый ЭКОСО на текущий год. Представленная нами заявка с обоснованием сумм, потребных на восстановление этой промышленности в национальных областях в размере 186.380 руб., получила практическое направление лишь в отношении бездействующего Чеченского завода. Особое Совещание по воспроизводству основного капитала ВСНХ высказалась в пользу восстановления винокуренной промышленности в Чечне, используя для этой цели здания бывш. казенного винного склада в гор. Грозном с находящимися в нем частичным оборудованием и аппаратурой для винокурения, при условии, если означенное здание будет юридически закреплено за Чечней. В противном случае ОСВОК находит возможным постройку для Чечни нового завода. Вопрос о принадлежности здания будет выяснен в ближайшие дни, после чего на вторичное рассмотрение ОСВОКа будут представлены Чеченским Представительством подробные отчеты и калькуляции.

Кабардинскому и Ингушскому заводом предоставлены Центроспиртом необходимые на производство кредиты.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 10.

Ингушским представительством подано ходатайство в ВСНХ о передаче Ингушетии водочного завода в гор. Владикавказе с предоставлением права изготовления реализации сладких наливок и ликёров, основываясь на том, что ничтожные по сравнению с доходами Центроспирта, производственная прибыль винокуренного завода является одной из устранимых причин дефицитности областного бюджета. С нашей стороны приняты все меры к урегулированию этого вопроса, вытекающего из того обстоятельства, что Центро спиртом устанавливаются твердые калькуляционные цены на сырьё, не соответствующее действительным местным расценкам на кукурузу.

Утверждённые ЭКОСО РСФСР к отпуску кредиты на крахмала-паточную промышленность в текущем году составляют 77.000 руб, а именно, для "Оскархмида"- 40.000 руб и для ингушского завода в городе Владикавказе 37.000 руб. Представленная Кабардино-Балкарским Представительством в ВСНХ ходатайство об отпуске средства на дооборудование и пуск бездействующего завода бывшего Прашеля при ст. Муртазово рассматривалось ОСВОКом, который нашёл приложенные к заявке материалы недостаточно освещающими вопрос и предложил представить подробные промышленно-финансовые планы и калькуляции, подтверждающие экономическую целесообразность работы завода. К прибывшим в Москву представителям "Каббалктреста" тов. Логиным были представлены все сведения и данные, касающиеся как финансовой, так и производственно-технической стороны предприятия, после чего ОСВОК на вторичном заседании по этому вопросу постановил считать целесообразным восстановление Кабардинского крахмального завода по возможности в текущем году с тем, чтобы к началу будущего операционного года завод мог бы приступить к нормальной работе.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 11.

Совершенно обособленно стоит вопрос о восстановлении бывш. Гулиевского завода Северной Осетии, этого грандиозного предприятия по промышленной переработки кукурузы, начатого постройкой в 1914 году и заглохшего по объективным обстоятельствам. Экономическая жизнеспособность этого завода, расположенного в центре сырья, давно уже осознана и ВСНХ принял необходимым скорейшее восстановление. Совместно Северо-Осетинским Представительством, в заседаниях особого совещания по восстановлению основного капитала нами отстаивались необходимость принятия самых срочных и решительных мер по взысканию средств на дооборудование этого завода, тем более, что постановлением ЭКОСО от 8 октября прошлого года на нужды Гулиевского завода должно быть отпущено в текущем году из займа хоз. восстановления 500.000 руб.

Однако, ОСВОК нашел целесообразным, основываясь на постановлении ЭКОСО от 13 ноября прошлого года, ассигновать Гулиевскому заводу в текущем году лишь 100.000 руб. каковая сумма должна быть израсходована на составление проекта и планов дооборудования завода, на командировку в связи с этим, специалистов за границу и на улучшение условий консервации завода. Против такого решения ОСВОКа нами подан самый решительный протест и мы надеемся, что вопрос будет пересмотрен высшими плановыми органами.

Вопрос о горных богатствах национальных областей, имеющих крупные государственное значение и требующие для своего разрешения значительных денежных затрат, по соображениям бюджетного характера, естественно, отодвинулся на второй план. Конкретно, мы нашли возможным и целесообразным приводить этот вопрос по двум направлениям: в направлении возможно скорого восстановления рудника «Эльбрус» в Карачаево-Черкесской области и в отношении усиления горных разведок

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 12.

док в Ингушетии. Возможность обследования рудника «Эльбрус» в текущем году выяснится в ближайшее время, и мы ожидаем заключение Горного Директората ВСНХ СССР. Что касается горных разведок в Ингушетии, но мы совместно с Ингушским Представительством снеслись по этому вопросу с Главметаллом и с Горным Отделом ГЭУ ВСНХ СССР.

В виду того, что вопросы разработки горных богатств могут найти свое практическое осуществление лишь после предварительного заключения Геологического Комитета ВСНХ в Ленинграде, мы сочли необходимым, исходя из практических соображений, возбудить вопрос о создании Геологического Комитета при Сев. Кавк. Край СНХ, и ждем заключения по этому вопросу как со стороны Горного Отдела ГЭУ ВСНХ СССР, так и со стороны Ленинградского Комитета.

Финансирование по линии ВСНХ в текущем году **электрофикации** в национальных областях Сев. Кавказа оказалась невозможным, и мы после предварительных переговоров с ГУКХом, попытаемся изыскать необходимые кредиты по линии коммунального строительства. Мы в спешном порядке собираем нужный материал, подкрепленный ориентировочными цифрами, и в ближайшее время обратимся в Главное Коммунальное Управление с ходатайством о включении в план финансирования на текущий год сооружения ряда небольших электростанций, главным образом, в тех местах, где имеется даровая двигательная энергия в виде «белого угля».

В отношении снабжения населения автономных областей необходимыми **промтоварами и в первую очередь мануфактурой** мы стараемся оказать Представительством всякое возможное содействие. Мы усиленно ходатайства перед Правлением Всеросс. Текстильного Синдиката о возможно увеличение завоза мануфактуры для снабжения населения наших областей до размеров действительной потребности и надеемся, что наши хлопоты в этом направлении не окажутся напрасными.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 13.

Считая нашей первоочередной задачей заботу о возможно полном финансировании национальной промышленности Сев. Кавказского Края в текущем бюджетном году и принимая во внимание, что в утвержденные ЭКОСО на эту цель кредита не удалось включить целый ряд самых насущных и не терпящих отлагательств, нужд национальной промышленности, мы считаем нужным обсуждение этого вопроса в Коллегии на предмет возбуждения ходатайства перед высшими хозяйственными органами об отпуске дополнительных кредитов на удовлетворении указанных нужд, сверх утвержденных на текущий год ассигнований.

Наша работа в центре, сводящиеся к всестороннему выявлению нужд промышленности национальных областей, невыполнима без активного участия и содействия с одной стороны, Представительств означенных областей при ВЦИКе, с другой стороны органов, которые призваны непосредственно управлять и регулировать промышленность этих отраслей.

В связи с полученным от Край СНХ сообщением о том, что к перспективному плану развития и восстановления промышленности национальных областей на будущий операционный год будет приступлено в апреле текущего года, мы считаем желательным участием всех Представительств в деле заблаговременной подготовки необходимых для означенной цели.

Мы твердо уверены, что Северо-Кавказский краевой СНХ, является руководящим органом хозяйственной жизни всего Края, а следовательно, и входящих в его состав национальных автономных областей, окажет нам всемерную поддержку в нашей работе, направленной к улучшению в работе промышленности и содействующие, таким образом, общему экономическому подъёму Края.-

КАТХАНОВ

(Подпись)

Москва

29 января 1926 г.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 14.

ВЫПИСКА**из приказа по В.С.Н.Х. – С.С.С.Р -****№ 979.****от 3 -го Июля 1925 года.**

1. При сем объявляется для сведения и руководства положение национального отдела ГЭУ ВСНХ СССР.

2. Заведующим Национальным Отделом ГЭУ назначается секретарь председателя ВСНХ СССР С.Ф. РЕДЕНС /по совместительству/.

Приложение: Положение.

Предс. ВСНХ СССР:

– Ф.ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Начальник АФУ ВСНХ СССР

– РУСАНОВ.

«Утверждаю»
Пред. ВСНХ СССР – Держинский
2-го Июля 1925 г.

ПОЛОЖЕНИЕ
О НАЦИОНАЛЬНОМ ОТДЕЛЕ Г.Э.У. ВСНХ СССР.

1. Для выявления нужд промышленности, как союзных республик, так и входящих в них автономных республик и областей, в составе главного экономического управления ВСНХ С.С.С.Р. учреждается Национальный Отдел.

2. На национальный отдел ГЭУ возлагается проведения в аппарате ВСНХ СССР тех вопросов промышленности Республики областей, указанных в статье 1-ой настоящего положения, которые согласно действующих законоположений и подлежат разрешению в высших правительственных органах Союза С.С.Р. В.С.Н.Х. СССР .

3. Для осуществления возложенных на него заданий национальному отделу поручается:

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп.121. Д. 72. Л. 15.

а/собирать материалы по вопросам о положении и нуждах промышленности республик и областей, перечисленных в ст. 1-ой настоящего положения;

б/вноситься по вопросам своего ведения, в порядке действующих законоположений и приказов по В.С.Н.Х. СССР, с соответствующими органами союзных республик и национальных автономных республик и областей;

в/вноситься по вопросам своего ведения, в порядке, действующих законоположений и приказов по В.С.Н.Х. СССР, с наркоматами СССР и наркоматами союзных республик;

г/входить с представлениями по вопросам своего ведения, как непосредственно к председателю ВСНХ С.С.С.Р., так и Президиуму ВСНХ СССР.

4. Вся переписка главных и функциональных управлений ВСНХ С.С.С.Р. и их отделов по вопросам промышленности республик и областей, указанных в ст. 1-ой настоящего положения, должны иметь визу национального отдела.

5. Отдел состоит из заведующего отделом, намечаемого Президиумом ВСНХ, и уполномоченных ВСНХ СССР по промышленности республик и областей, перечисленных в статье 1 настоящего положения, на назначаемых их Президиумом ВСНХ СССР по согласованию СНХ, соответствующих республик.

6. Общее обслуживание отдела возлагается на соответствующие части ГЭУ ВСНХ СССР.

Верно: подпись

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 16.

ЦИРКУЛЯРНО**ВСЕМ ВСНХ И СНХ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И
ОБЛАСТЕЙ**

Дорогие товарищи.

Для выделения нужд промышленности и торговли, быстреего продвижение в жизнь вопросов национальной промышленности Союзных национальных Республик, а также входящих в них автономных национальных республик и областей, на основании приказа Председателя ВСНХ СССР товарища Дзержинского / опублик. в Торг. Пром. Газете №153 8/VII с.г./ организован Национальный отдел при Г.Э.У. ВСНХ С.С.С.Р.

На Национальный Отдел возлагается проведение в аппарате ВСНХ СССР всех вопросов промышленности Союзных и Автономных республик и областей подлежащих разрешению Высших Правительственных Органов Союза С.С.Р. и В.С.Н.Х., собиание материалов о положении и нуждах промышленности и т.д.

Для более успешного выполнения возложенной на отдел работы, необходимо установить тесную связь и согласованность в работе с местами

Для выполнения вышеизложенное задач и деятельности, а также всесторонней переработки каждого вопроса поднимаемого Вами, необходимо и желательно получение от Вас систематически следующие материалы:

1. Конъюнктурные своды всего хозяйства Вашего края.

2. Краткие обзоры по отдельным отраслям промышленности и торговли, а также о состоянии и Ваших перспективах о восстановлении основного капитала обрабатывающей и добывающей промышленности и т.д.

Вся корреспонденция направленная вами в адрес ВСНХ СССР, просим в виду организованного отдела направлять непосредственно в таковой.-

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ВСНХ СССР: /Долгов/

НАЧАЛЬНИК Национ. Отд. ГЭУ СНХ СССР /Редзис/

Секретарь:

Верно: /подпись/

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 17.

**ПРИМЕРНЫЙ ПРОСПЕКТ СОДЕРЖАНИЯ ОБЗОРА
ПО ОТДЕЛЬНЫМ НАЦИОНАЛЬНЫМ РЕСПУБЛИКАМ И ОБЛАСТЯМ,
СОСТАВЛЯЕМЫЕ
УПОЛНОМОЧЕННЫМИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛА**

I.Группа

Общие данные о территории,

1. Районы, кантоны, центры, количество десятин, годных под посевы, негодных под посевы, площадь занимаемая лесом, болотами и т. д.

2. Население: общее количество, национальность, количество мужчин, женщин, детей, примерный процент трудоспособных. Чем занимается, количество занятых в сельском хозяйстве, кустарным промыслом, на фабриках и заводах, отхожих промыслах и т.д.

3. Пути сообщения и связь: железные дороги, заселенность на один квадратный километр, дороги падающие на один квадрат километр территории – на сто душ населения и т. д. колесные дороги экономического значения, водные пути, грузооборот за последние годы по каждому виду дорог в отдельности по сравнению с довоенным и данными.

II. группа

Сельское хозяйство

Основные культуры, зерновые и технические и т. д. урожаи и последних лет, по каждой культуре в сравнении с довоенными данными. Количество хозяйств, количество скота, лошадей, крупного рогатого скота, средний тип хозяйств, его мощность, средний бюджет.

Национальный доход по сельскому хозяйству. Товарность сельского хозяйства, по отдельным культурам и скота.

Методы обработки земли, скотом и механическими. Сырьевые возможности сельско-хозяйственной продукции.

Сбор сырья последних лет по отдельным видам. Количество сырья идущее на переработку предприя-

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 18.

тия местных и кустарную промышленность. Количество сырья, вывозимое за пределы области -Республики.

Все цифры должны иметь сравнение с довоенными данными.

III. Группа.

Промышленность.

Сколько предприятий, перечислить по отраслям и по количеству, указать основной и оборотный капитал каждой в отдельности, амортизационный и другие фонды, количество рабочих, занятых в производстве квалифицированных и неквалифицированных. Общая сумма вырабатываемой продукции за последние годы в сравнении с довоенными данными.

Степень загрузки предприятия, причина недогрузки, если таковая есть. Количество продукции идущей на нужды области – Республики, количество вывозимого.

Общая сумма дотации, ссуды, полученные от Союзных органов за последние годы по каждому предприятию в отдельности.

Результаты работы /прибыль или убыток/. Промышленность в целом и по каждому предприятию в целом. Краткое описание каждого предприятия с экономической, местной или союзной точек зрения. Основные поставщики сырья; топлива для промышленности и их источники.

Вывести %% /место/ занимаемой данной отрасли област. Республики промышленности в Союзном масштабе.

IV группа.

Торговля.

Общий основной и оборотный капитал Госторговли, количество оборотов в год по оборотному капиталу /указать за последние несколько лет. Количество распределителей /лавок/ в городах и селах.

Кооперация, количество кооперированного насе-

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 19.

ния. Соотношения к общему числу населения, из рабочих и крестьян, количество капитала. Количество кооперативов, количество лавок, оборот кооперации.

Частная торговля. Примерное количество оборотов капитала, оборот последних лет. Количество лавок. Примерно указать какими товарами больше всего торгует Гос. торговля – кооперация и частная торговля.

V. группа.

Кустарная промышленность.

Общее количество кустарей, по отдельным отраслям. Примерная товарность их продукции, их организации: артели, кооперации, одиночки и т.д.

Краткое описание Положения о кустарной промышленности, средний бюджет, квалификации, качество выработанной продукции. Сбытовые возможности, источники сырья и т.д.

VI. группа.

Кредиты и Финансы.

Банки и кредитные учреждения, количество отпущенных кредитов, для сельского хозяйства, промышленности и кустарям. Общая денежная масса по месяцам и последних лет. Формы кредитования, кому: долгосрочные, краткосрочные, подтоварные и др.

Налоговые поступления местные и союзные, распределение поступающих местных налогов.

Примерный бюджет Области- Республики.

/РУДИНИ/

Верно: /подпись/

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 20.

В КУСТАРНЫЙ ОТДЕЛ ВСНХ Р.С.Ф.С.Р.

В автономных национальных областях Сев.-Кавказского края, имеются следующие отрасли кустарных промыслов: суконная, бурочная, сапоговаляльная, сапожная, дерево-обделочная, угле-выжигательная, бондарная, корзиночная, каменно-тесная, гончарная и извести-обжигательная.

Большая часть перечисленных промыслов, хотя и не является постоянным ремеслом населения, однако, с течением времени приучила его к определению техническим навыкам и опыту, правда в рамках примитивного кустарничества.

Насущной задачей момента является улучшение техники производства означенных кустарных промыслов применительно к возможностям технического прогресса, в интересах избавления кустаря от тяжелого непроизводительного труда и неэкономной траты времени и сил, а также в целях увеличения количества продукции улучшения её – качество, а равно и ознакомления кустарей с более совершенным техническим оборудованием.

Состояние Кустарной Промышленности в Нац.-х Автоном.-х Обл.-х Сев. Кавказского края, по сравнению с довоенным временем, рисуется в следующем виде:

Наименование промысла.	1913 год.		1925 год.	
	Код. Кустар.	Стоим. выруб.	Колич. кустар.	Стоим. выруб.
Суконная	825	115500	562	78680
Бурочная	350	42000	217	26040
Слес. кузнеч.	2535	380250	1315	27075
Сапожная	3380	101500	2643	79290
Кожевенная	1300	390000	908	272400

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 21.

Деревообделочная	840	336000	588	176400
Гончарная	320	118000	224	89000
Углеобжигат.	500	100000	318	63600
Бондарная	350	525000	214	32100
Сапоговаляльная	90	18100	118	23600

Корзиночная	340	51000	520	78000
Валяльно-войлочная	470	94000	383	76600
ВСЕГО	11300	2271350	8010	1023385

Таким образом, кустарных промыслов в Авт-х Нац-х Обл-х Сев. Кавказского Края, Балкарии и Чечни: бурочного – Кабарда; деревообделочного – Чечня, Кабарда и С. Осетия; гончарного – Чечня и Кабарда, углевыхжигательного – Чечня. С. Осетия, Ингушетия; бондарного – Чечня и Кабарда; корзиночного – Адыгея. Остальные виды промыслов являются общими для всех шести областей.

Если сравнить кустарную промышленность Нац-х Авт-х обл. Сев. Кавказского Края с Госпромышленностью этих областей, то по количеству рабочей силы первая превышает последнюю приблизительно в 5 раз (раб. сила в Госпромышленности сост. 1666 чел., а по стоимости продукции кустарная промышленность составляет менее 1/5 части Госпромышленности) (выработка госпромышленности равна 6488 тыс. руб.).

Культурная отсталость Нац-х Авт-х обл. Сев. Кавказского Края настолько велика, что вызывает настоятельную необходимость применения немедленных и решительных мер к повышению технических навыков и знаний кустарей.

Если слабость и недостаточность бюджета Нац-х Авт-х обл. Сев. Кавказского Края для покрытия самых неотложных нужд по управлению означенными областями не позволяют немедленно приступить к восстановлению и

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 22.

механизация кустарных промыслов в полном объеме, то, во всяком случае необходимы свыше срочные меры к тому, чтобы вывести эти промыслы из стадий их первоначального развития, перейти от примитивных методов работы кустарей к постепенной механизации промыслов, с целью увеличения производительности труда, снижения себестоимости и улучшения качества кустарных изделий.

Первым мероприятием, ведущим к указанной цели, должна быть организация и начальное оборудование показательно-производственных мастерских, служащих рассадниками технических знаний среди местного населения и способствующих, таким образом, подъёму кустарной промышленности и улучшению её продукции. При организации мастерских в качестве двигателей силы необходимо использовать электроэнергию воздвигаемых районных станций. Далее, при некоторых мастерских должно быть организовано производство усовершенствованного типа станков, орудие и инструментов для продажи их местному населению.

Типы показательно-производственных мастерских и схематическая смета на их оборудование.

1. Шерсте-прядельно-ткацкая мастерская должна быть оборудована таким образом, чтобы кустарь мог наглядно убедиться в целесообразности и выгоды новых орудий производства:

а/шерсте-мойная машина/ после сортировки/

б/трепальная /для разрыхления шерсти, очистки ее и получение равномерной смеси./

в/кардо-чесальная- для получения чист. разном. материала.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 23.

г/прядельные станки – для получения пряжи.

д /ткацкие станки – для получения ткани.

Первоначально предполагается устройство только шерсте-ткацких мастерских, для которых, в качестве сырья, должна служить получаемое со стороны готовая пряжа в мотках. На специальной мотальной машине означенная пряжа в виде ниток перематывается на катушки и шпульки. Мастерская предполагается на 5 ткацких станков, производительностью в среднем от 12 до 15 ар. в 8-ми час. раб. день /при ширине ткани до 1м/: количество пряжи в день на 5 станков приблизительно 2 пуда.

Смета на приобретение сырья и оборудования:

а/ пряжи 3-х мес. запас 2 п. х 24 дня х 3 мес. х 20р.= 2880 рубл.

б/ станков ткацких 5 шт. по 300 рубл. = 1500

в/ мотальная машина 1 шт. 50 рубл. = 50рубл.

г/ прочее оборудование инстр. и т.д. 70 рубл. = 70

ВСЕГО на 1 маст. 4500 рубл.

2. Бурочная и валяльная/ войлочная/ мастерская/.

Производство совершается почти целиком вручную и требует лишь помещения, где устанавливается котел для варки валяльной потравы и печь для просушивания готовых мытых изделий. Вспомогательным материалом при валянии является серная кислота крепостью не более 3% при температуре 40 - 50%, и, в последующих процессах, для её нейтрализации -сода. Шерсти требуется до ¼ пуда на бурку. Для окрашивания бурочного материала в черный цвет – котел с краской.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 24.

Смета на приобретение сырья и оборудования:

а/Шерсть 100 п. х 15 рубл. = 1500 рубл.

б./котел для варки валяльной потравы = 100 рубл.

в/ котел для окраски бурочной матер. = 50 рубл.

г/ Маш. для расчесывания буроч. войлока = 100 рубл.

ВСЕГО на 1 мастер. 1750рубл.

3. Гончарная мастерская.

Для выделки простой гончарной посуды нужно и мергельные глины с содержанием железа, получающие при обжиге красный или желтый цвет.

Необходимо содержание в глине углекислой извести от 25 до 40% и если количество последний недостаточно, то её перемешивают при отмучивания. Для лучшей связи глины с лазурью и для увеличения плавкости прибавляется мед: происходит на так называемом «круге», сушка на воздухе, обжиг в печи после чего следует отделка.

Смета на гончарную мастерскую:

а/ навес для заготовки массы.....	150 рубл.
б/ навес для просушивания	350 рубл.
в/ посуды для воды, чтобы с «кругами» для формовки на 4 челов.	100 рубл.
г/ горн. печь сист. Кассель для обжига емкостью на 400 шт. посуды ср. размера с кирпичной дымовой трубой	400 рубл.
д/ посуды для отмачивания масс и друг. мелких материал.....	100 рубл.
	-1100
е/ материалы: глина и песок на месте, глазурь, мел, углекислота на 200 шт, посуды.....	730р x 3 мес.-2190.
ж/ топливо: дрова для обжига 20 п. 12п.-170р	-170
	ВСЕГО на 1 мастерскую -3450руб.

4. Бондарная мастерская

а/ сырье, древесина – 300 руб.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 25.

б/Круглая лент., пила	– 200 рубл.
в/Продольн. строгальн. станок.....	– 300 руб.
г/ Инструмент разн. и проч.	500
	ВСЕГО на 1 мастер. 1.300 рубл.

5. Корзиночная мастерская

а/ Материал: корзиночные ивы, камыш на месте.

б/ спец. строг. станок д/удаления и прутьев избытка дерева вместе с древесиной 2 по 250 рубл.....	– 500р
в/ инструмент разный.....	-200р
г/ баки для воды.....	-50р
	ВСЕГО на 1 мастерск. – 750рубл.

Перечисленные показательно-производственные мастерские надлежит организовать в количестве и по отдельным областям согласно ниже след. таблицы:

Наименов.промысла	Чечня	Кабарда	Карачаев	С.Осет.	Адыгей.	всего
Шерсте-ткацк.	10	6	7	7	5	42
Бурочно-валяльн	10	5	10	6	4	41
Гончарный	7	2	5	3		25
Бондарный	10	5	6	5	2	36
Корзиночный	4	7	8	5	8	38
ИТОГО	41	32	25	36	26	182

Таким образом, суммы, потребные на приобретение сырья и оборудования для указанного количества показательно-производственных кустарных мастерских, по отдельным промыслам, представляются следующими итогами:

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 26.

Шерсте-ткацкие	42 по 4500 р. – руб.	189600
Бурочно-валяльн.	41 по 1750 р. – руб.	71750
Гончарные.....	35 по 3466 р. – руб.	36500
Бондарные.....	36 по 1300 р.- руб.	46800
Корзиночные.....	38 по 750 р. – руб.	28500
	ВСЕГО	-руб. 422.550

Кроме того, суммы, потребные на сооружение зданий для мастерских составляют:

Для шерсте-ткацких	42 по 2000 р. – руб.	84000
Бурочно-валяльн.	41 по 1000 р. – руб.	41000
Гончарных	25 по 2000 р. – руб.	50000
Бондарных	36 по 700 р – руб.	25200
	ВСЕГО	руб. -200.200

Итого расходы по организации мастерских составляет рублей 622.750 руб.

В виду того, что кустари, работающие в национальных областях Северо-Кавказского края в весьма слабой степени организованы в Союзы/ в значительной своей массе даже не объединены в первичной кооперативы/, кредиты на указанные выше мероприятия по восстановлению кустарной промышленности должны быть отпущены непосредственно в распоряжение и под ответственность Областных управлений местного хозяйства для

распределения и принадлежности, или же соответственным Областным ЦИКа́м для распределения среди кооперативных кустарей.

На основании изложенных соображений является настоятельно необходимым осуществление намеченного плана по организации 182 показательно-производственных мастерских в Национальных Автономных Областях Северо-Кавказского края в течение ближайших трех лет.

Таким путем мы достигаем постепенного подъема производительных сил кустарных промышленной промышленности в Национальных Автономных областях С. Кавказского края, учитывая крупную роль, какую означенное кустарная промышленность должна сыграть в экономике этих областей.

Уполномоченный по Сев. Кавказу: /Катханов/
4/ХІ- 25 г.

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 72. Л. 27.

ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДА О СОСТОЯНИИ КАБАРДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Мусульманское духовенство Кабарды, возглавляемое муллой КАТХАНОВЫМ, сплошь и рядом состояло членами РКП, а некоторые муллы были даже секретарями ячеек и только при чистке партии они исключены из нее. Сам КАТХАНОВ даже был членом РКП, но, теперь исключён. В настоящее время КАТХАНОВ зав. РКИ и ведёт агитацию против Председателя Исполкома Калмыкова, питая надежду занять его место. Нужно отметить, что КАТХАНОВ пользуется авторитетом в Кабарде. Во времена Гражданской войны он руководил отрядом против Деникина и остальные члены муллы Кабарды считает себя «революционными» и «советскими», т.к. они то же воевали с белыми, к чему, нужно заметить их понуждало скорее бывшее царское иго, чем та преданность к Соввласти, о которой они сейчас говорят.

Муллы Кабарды, считая себя революционными муллами настаивают на ввод их для работы в Исполком и одновременно с этим крепко защищают Ислам и свои адаты. Как, например, можно указать, когда Кабардинский съезд Советов стал осуждать вопрос об упразднении калыма, то мулла КАТХАНОВ немедленно покинул собрание.

Наблюдается вражда между Кабардой и Балкарией, вызываемая, главным образом, земельной нуждой. За отсутствием земли Балкария стремится с своей Нагорной части спуститься на плоскость в Кабарду. Но Предисполкома Калмыков и мулла КАТХАНОВ этому препятствуют, отчего, под влиянием агитации Кабарда враждует с Балкарией.

В этой вражде деятельное участие принимают муллы, что при тактическом и умелом подходе к делу можно хорошо использовать.

Что же касается мулл в Балкарии, то большинство из них за малым исключением, настроены против Советской власти и держат, якобы

ориентацию на Турцию, что нужно проверить. Так же нуждаются в проверке сведения, что будто бы в большинстве Советов Балкарии вошли лица, недавно вернувшиеся из Турции, которые и ведут сейчас агитацию за присоединение к Турции.

Н-к ГОРСКОГО ОТДЕЛА ГПУ

ЕМЕЛЬЯНОВ

Выписка верна

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537. Л. 4.

Новейшая история

УДК 93/94(470.64) 084.8

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-163-179

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ****А.И. ТЕТУЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alim-tetuev@mail.ru*

Аннотация. В данной статье на основе опубликованных материалов, архивных документов и других источников исследуется опыт центральных и местных органов власти, трудовых коллективов и всего населения Кабардино-Балкарии по восстановлению народного хозяйства в условиях военного времени. Проанализированы принятые нормативные документы по возрождению промышленности и сельского хозяйства республики. Раскрывается особенности процесса восстановления промышленного потенциала транспортной сети и связи республики. Особое внимание уделяется возрождению и развитию предприятий оборонного значения; таких как Нальчикский машиностроительный завод №4, Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, Баксанская гидроэлектростанция, Докшукинский ацетано-бутаноловый завод, Нальчикская кондитерская фабрика. Анализируется ход восстановления и развития аграрного сектора экономики. Подводятся итоги восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства. Отмечается, что благодаря помощи финансовыми средствами, оборудованием, техникой, специалистами Союзного государства, регионов и самоотверженному труду рабочих, колхозников, инженерно-технических работников Кабардино-Балкарии позволили возродить большинство промышленных предприятий, восстановить колхозы, совхозы, МТС и направить их продукцию на удовлетворение нужд фронта, республики, страны. Несмотря на определенные успехи в развитии народного хозяйства, достигнуть довоенного уровня промышленного и сельскохозяйственного производства в республике не удалось.

Ключевые слова: восстановление; промышленность; сельское хозяйство; Кабардино-Балкария; государственные и партийные органы; постановление; итоги.

**RESTORATION OF THE KABARDINO-BALKARIA ECONOMY UNDER
THE CONDITIONS OF WAR TIME: EXPERIENCE AND PROBLEMS****A.I. TETUEV**

*Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal
State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences»*

360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Abstract. This article, based on published materials, archival documents and other sources, examines the experience of central and local authorities, labor collectives and the entire population of Kabardino-Balkaria in restoring the national economy in wartime conditions. The adopted regulatory documents on the revival of industry and agriculture of the republic are analyzed. The features of the process of restoring the industrial potential of the transport network and communications of the republic are revealed. Particular attention is paid to the revival and development of defense enterprises: such as the Nalchik Machine-Building Plant No. 4, the Tyrnyauz Tungsten-Molybdenum Plant, the Baksan Hydroelectric Power Station, the Dokshukinsky Acetone-Butanol Plant, and the Nalchik Confectionery Factory. The course of restoration and development of the agricultural sector of the economy is analyzed. The results of the restoration of industrial and agricultural production are summarized. It is noted that thanks to the help of financial means, equipment, machinery, specialists of the Union State, regions and the dedicated work of workers, collective farmers, engineering and technical workers of Kabardino-Balkaria, they allowed to revive most industrial enterprises, restore collective farms, state farms, MTS and direct their products to meet the needs front, republic, country. Despite certain successes in the development of the national economy, it was not possible to achieve the pre-war level of industrial and agricultural production in the republic.

Keywords: restoration; industry; agriculture; Kabardino-Balkaria; state and party bodies; resolution; results.

Изучение исторического опыта восстановления народного хозяйства в экстремальных условиях в стране и в отдельных ее регионах является актуальной научной проблемой. Отдельные вопросы исследуемой темы раскрываются в монографиях Т.А. Жакомихова, Е.Т. Хакушева [Жакомихов 1967; Хакушев 1978], а также в коллективных трудах «История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших», «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» [История... 1967; Очерки истории... 1971].

При всей бесспорной ценности собранного фактического материала и его научной интерпретации следует признать, что в указанных исследованиях события и факты в определенной степени приукрашиваются, просматриваются также элементы тенденциозности, связанные, прежде всего, с подчинением истории политике. В целом, в послевоенные годы и до начала 90-х годов XX столетия развитие историографии исследуемой нами проблемы отмечены накоплением богатого фактического материала, который не был в достаточной степени осмыслен на основе современных методологических принципов (научность, историзм, объективность, системность).

В этом плане наибольший интерес представляет седьмой том книги «Экономика и оружие войны», фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны в 12 томах. В нем освещаются проблемы развития экономики на завершающем этапе войны, рассматривается процесс восстановления промышленности и сельского хозяйства на освобожденных территориях [Великая... 2013]. В коллективной работе «История многовекового сотрудничества: К 450-летию союза и единения народов

Кабардино-Балкарии и России» фрагментарно рассматриваются проблемы восстановления промышленности и сельского хозяйства Кабардинской АССР в 1944-1956 гг. [История... 2007].

Ценные сведения по исследуемой теме содержатся в сборниках документов «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Лики войны» [Кабардино-Балкария... 1975; Лики войны... 1996]. В них собраны интересные документы о работе государственных, партийных органов власти Кабардино-Балкарии и трудящихся по восстановлению народного хозяйства республики в условиях военного времени.

Анализ историографии проблемы позволяет сделать вывод о том, что исторический опыт деятельности государственных и партийных органов власти Кабардино-Балкарии не стал предметом комплексного исследования. В данной статье на основе опубликованных материалов, архивных документов и других источников исследуется опыт и проблемы центральных и местных органов власти, трудовых коллективов и всего населения Кабардино-Балкарии по восстановлению промышленности и сельского хозяйства республики.

Сразу же, после освобождения Нальчика от немецких оккупантов, 4 января 1943г. решением бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) были созданы республиканские, районные и сельские комиссии для установления ущерба, нанесенного народному хозяйству и гражданам Кабардино-Балкарской АССР [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 1, 2; Д. 138. Л. 1]. В материалах комиссий указано, что за период оккупации народному хозяйству и гражданам республики был причинен огромный ущерб. В городе Нальчике немцы сожгли и разрушили 117 самых крупных зданий, промышленных предприятий, общественных и государственных учреждений, школ, учебных заведений, библиотек, больниц, детских яслей, клубов, кинотеатров и жилых домов. Полностью были выведены из строя электроподстанции, водопровод, связь и радиовещание. Велики были людские потери. В республике оккупантами было расстреляно 1554 чел., в том числе в Прималкинском лагере для военнопленных красноармейцев 319 чел., в г. Нальчике 600 чел., по районам республики – 635 чел. Сельскому хозяйству также нанесен большой экономический ущерб. Из оставленного на оккупированной территории республики скота, большая часть уничтожена немцами: лошадей – 23 %, крупного рогатого скота – 61,8 %, овец и коз – 78,7 %, свиней – 93,5 %. Потери народного хозяйства республики составили сумму 2268 361 863 рублей [Лики войны...1996: 239, 240; Кабардино-Балкария... 1975: 216, 225-227, 239-248; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 114 об.].

Сходное положение было и в других регионах Северного Кавказа после их освобождения. В этой связи государственными и партийными органами страны были приняты меры по восстановлению народного хозяйства регионов. Так, распоряжением СНК СССР от 8 января 1943 г. для восстановления экономики Кабардино-Балкарской АССР были выделены материалы и оборудование: 2 вагона оконного стекла, 100 тонн цемента, 5 тонн гвоздей, 200 куб. м. лесоматериалов, 2 передвижные газогенераторные станции (мощностью по 50 квт.). В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 23 января 1943г.

указывалось: «Обязать Совнаркомы и обкомы ВКП (б) Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР приступить к восстановлению МТС и колхозов, перераспределив внутри республики тракторы и сельхозмашины. Обязать Наркомзем СССР выделить из своих фондов указанным республикам запасные части и материалы для ремонта и восстановления тракторов и сельхозмашин [Кабардино-Балкария... 1975: 499, 450, 511, 512, 513]. Для оказания практической помощи в проведении организационных мероприятий по восстановлению хозяйства городов и районов, освобожденных регионов от немецких оккупантов, постановлением СНК РСФСР был командированы уполномоченные Совнаркома РСФСР. В Кабардино-Балкарскую АССР был направлен заместитель народного комиссара коммунального хозяйства РСФСР т. Скрипкин А. А.

Во исполнение решений указанных документов XI пленум Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), состоявшийся 29 января 1943 года, обсудил вопрос «О мероприятиях по ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации» [Кабардино-Балкария... 1975: 516-521]. Пленум наметил практические мероприятия по ликвидации последствий гитлеровской оккупации. В частности, хозяйственным органам было рекомендовано, шире использовать местные ресурсы для строительных работ. Работникам торговли предписывалось развернуть оперативно торговлю и обеспечить население промтоварами и продовольствием. Большое внимание в решениях пленума было уделено вопросам восстановления общественно-колхозного хозяйства и успешное проведение весеннего сева. Одной из первоочередных задач было определено восстановление в ближайшее время таких предприятий, как Нальчикский машиностроительный завод №4, Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, Баксангэс, Котляревский спиртзавод. Для решения этих задач необходимо было в кратчайшие сроки осуществить подбор и расстановку руководящих партийных, советских кадров.

Незамедлительно, после изгнания врага с территории республики, возобновили свою деятельность местные Советы депутатов трудящихся, были восстановлены первичные партийные и комсомольские организации, осуществлялся отбор кадров руководящих работников. Подбор и их расстановка проходили в трудных условиях после оккупационного периода, когда около трети членов областной партийной организации находилось в рядах Советской Армии, когда часть ответственных работников стала жертвой фашистского террора. Несмотря на это, областному комитету партии в течение 1943 года удалось подобрать на 1562 должности партийных и советских работников, входивших в номенклатуру обкома ВКП (б), 1462 человека и на 154 должности номенклатуры ЦК ВКП (б) – 151 человека [Кабардино-Балкария... 1975: 626].

В числе приоритетных задач особое место заняло восстановление железных дорог и дорог союзно-республиканского значения. Это было жизненно важно для обеспечения военных перебросок, вывоза продовольствия, продукции военного назначения. Постановлением Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта от 6 января 1943 года на восстановление

железной дороги на участке Галюгаевский – Прохладная и далее на Армавир были переброшены воины 1-й гвардейской и 29-й железнодорожных бригад 20-го управления военно-восстановительных работ. Работы велись днем и ночью, большинство работающих перевыполняли нормы на 120–150%. В результате железная дорога на участке Прохладная – Моздок была восстановлена за 9 дней. 14 января 1943 г. станция Прохладная приняла первый железнодорожный состав, а 22 января было открыто движение на участке Прохладная – Минеральные Воды. К 10 апреля были восстановлены мосты через реки Черек и Урвань, что позволило открыть движение и на участке Котляревская – Нальчик [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 130. Л. 124].

Одновременно воины 64-й отдельной комсомольской инженерно-саперной бригады вели работы по разминированию территории республики, сбору боевой техники, военного имущества и снаряжения, брошенных немецко-фашистскими войсками при своем отступлении. Всего на июль 1943 года по Кабардино-Балкарской АССР было проверено и очищено от взрывоопасных предметов 284044 гектара, обнаружены и разминированы минные поля на площади 14025 гектаров, проверен и разминирован 131 населенный пункт. Командами осоавиахимовских организаций республики было собрано значительное число трофейной техники: танков – 40, самолетов – 4, бронемашин – 11, бронетранспортеров – 13, автомашин неисправных – 195, орудий разных систем – 43, тракторов и тягачей – 35. В приемные пункты было сдано обезврежено и подорвано 88844 взрывоопасные единицы [УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп.4. Д. 135. Л. 63].

23 апреля 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства Кабардино-Балкарской АССР». На строительно-восстановительные работы было ассигновано 11350 тыс. рублей. Всего Советское государство отпустило в 1943 году на проведение строительно-восстановительных работ в промышленных предприятиях республики 19 460 тысяч рублей [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 478. Лл. 4, 63; УЦДНИ АС КБР. Ф.1. Оп. 2. Д. 126. Л. 60]. Предприятия республики получали оборудование, материалы, сырье, в Кабардино-Балкарию из других регионов были посланы квалифицированные рабочие и инженерно-технические работники.

Особое внимание уделялось восстановлению предприятий пищевой промышленности, продукция которых шла на удовлетворение потребностей фронта. Одним из первых в республике был восстановлен Нальчикский мелькомбинат, к 23 февраля 1943 г. в Кабардино-Балкарии уже функционировали пять вновь построенных мельниц с суточной производительностью 95 тонн муки и 60 крупы. Была восстановлена довоенная мощность Нальчикского маслозавода № 1 с суточной переработкой 60 тонн подсолнуха и выработкой 15 тонн масла. При заводе работал мыловаренный цех с суточной производительностью 2 тонны. На 15% больше, чем до войны, стал выдавать продукции Прохладненский маслозавод № 2, пущенный в ход 25 октября 1943 года. В сутки завод перерабатывал 60 тонн подсолнуха, а вспомогательный цех выпускал ежесуточно около 3 тонн мыла, солидола и

колесной мази. Всего государственные маслозаводы Кабардино-Балкарии поставили фронту и стране в 1943 году 698 тонн масла [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 35; Д. 188. Л. 60].

Восстановление Нальчикской кондитерской фабрики было проведено сравнительно легко. Это было связано с тем, что немцы в период оккупации всячески хотели восстановить котельную фабрики, как важнейшую отрасль данного производства для чего требовалось всего лишь несколько дней, так как последняя после отхода частей Красной Армии осталась почти в полной исправности, за исключением того, что была взорвана насосная котельной. Однако благодаря Д.А. Пилипенко – директору Нальчикской кондитерской фабрики и И.К. Котову – начальнику котельной, которые рискуя своей жизнью, проделали громадную работу в части умышленного саботажа при восстановлении немцами данного предприятия [Кабардино-Балкария... 1975: 529, 530]. Поэтому удалось сохранить фабрику и часть готовой продукции. После изгнания немецких оккупантов, с получением сырья и реэвакуированного технологического оборудования, фабрика была восстановлена и заработала на полную мощность. Несмотря на недостаток сырья коллектив фабрики в 1943 г. дал фронту и стране более 657 тонн кондитерских изделий и большое количество пищевых концентратов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 35, 41].

Однако следует отметить, что план восстановления ведущих промышленных предприятий республики не был выполнен полностью. Так, например, из 20 вагонов оборудования, вывезенного Нальчикским мясокомбинатом перед оккупацией республики в Закавказье, комбинат смог реэвакуировать к концу 1943 г. только 9 вагонов. Подобное положение было и на Прохладненском мотороремонтном заводе, в результате чего завод не был восстановлен к 1 декабря 1943 года, как это предусматривалось в приказе по Наркомзему СССР от 14 августа 1943 года [Хакушев 1978: 166, 167].

Трудно, с отставанием от плана происходило восстановление промышленных предприятий республики оборонного значения, прежде всего, Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, который при отходе нашими частями был разрушен до основания. Это было связано с тем, что взрывники, не рассчитав, заложили большое количество взрывчатки [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 124]. После освобождения Кабардино-Балкарии от врага на комбинат стали возвращаться рабочие, техники, инженеры, их семьи. 17 апреля 1943 года заместитель председателя СНК СССР А.И. Микоян дал указание соответствующим организациям Министерства цветной металлургии представить ему проект восстановления комбината. Затем Государственный Комитет Обороны СССР 29 августа 1943 г. принял постановление о восстановлении первой очереди комбината, определив нормы суточной переработки руды и выдачи концентрата молибдена и шеелита. Срок ввода комбината в эксплуатацию был намечен на 1 декабря 1944 года [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 129. Л. 52; Д. 113. Л. 49]. В соответствии с указанным постановлением Совнарком КБАССР и бюро обкома ВКП (б) 5 октября 1943 г. утвердили план мероприятий по восстановлению Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, где устанавливалось: «Провести до 15 ноября 1943

г. мобилизацию трудоспособных людей из сельской местности, преимущественно кабардинцев и балкарцев, в количестве 200 чел., в том числе 30 чел. квалифицированных рабочих. Возвратить до 10 октября 1943 г. оборудование, материалы, имущество, скот, лошадей, ранее принадлежавшие Тырнаузскому комбинату. Открыть не позднее 15 октября 1943 г. в поселке Тырнауз детских яслей на 25 мест и к 1 декабря 1943 на 50 мест [Кабардино-Балкария... 1975: 597-600]. Всего на восстановительных работах было занято 1212 рабочих, 207 инженерно-технических работников, 306 чел. служащих. Коллектив Тырнаузского комбината в трудных условиях военного времени восстановил комбинат и 1 января 1945 г., были введены в эксплуатацию рудник «Молибден», канатная дорога и обогатительная фабрика. За время восстановления комбината возведено 100033 куб. метров промышленных зданий, восстановлено и пройдено 28 718 куб. метров горных выработок, введено в действие 83 километра линий электропередач, 320 километров линий связи и восстановлено 14 850 кв. м. жилой площади [Кабардино-Балкария... 1975: 669, 689].

Для восстановления промышленного потенциала республики большое значение имело возобновление работы Баксанской ГЭС. В целях оказания практической помощи восстановительным работам Бюро обкома ВКП (б) и Совнарком КБАССР приняли постановление от 5 апреля 1943 г. В нем указывалось: «с 10 апреля произвести мобилизацию населения городов и районов в количестве 500 человек. ... Просить ЦК ВКП (б): а) обязать Наркомат электростанций ССР немедленно приступить к восстановительным работам Баксанского энергокомбината с расчетом пуска первого агрегата 1 ноября 1943 г., обеспечить необходимыми транспортными средствами, а также строительными механизмами; обязать Совмин Армянской ССР передать один агрегат турбины Дзорагэс для установки в Баксанской гидроэлектростанции [Кабардино-Балкария... 1975: 537, 538]. Затем в целях скорейшего восстановления Баксанской ГЭС Государственный Комитет Оборона СССР принял постановление «О восстановлении электростанции и сетей Баксанского энергокомбината» от 19 мая 1943 года. Этим постановлением на строительно-восстановительные работы предусматривалось: мобилизовать по 1000 человек из Кабардино-Балкарской АССР и Ставропольского края; Наркомлесу СССР выделить Баксан ГЭС 9 тысяч кубометров круглого леса, а колхозам Кабардино-Балкарии и Северной Осетии по 50 лошадей [Кабардино-Балкария... 1975: 551, 552; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 479. Л. 17].

Вскоре на строительство Баксанской ГЭС из Москвы, Ленинграда, Харькова, Тбилиси прибыли рабочие и инженерно-технические работники. Армения отправила оборудование для электростанции. На восстановительных работах Баксанского энергокомбината самоотверженно трудились более 2000 человек. 25 декабря 1943 года была введена в эксплуатацию первая очередь Баксанской гидроэлектростанции, что имело большое значение для восстановления и дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства Кабардино-Балкарии и ряда районов Ставропольского края.

Восстановление Докшукинского ацетано-бутанолевого завода намечалось согласно постановлению Государственного Комитета Оборона СССР от 15 июня 1943 г. В нем предусматривалось обязать: Наркомпищепром СССР (т. Пронина) восстановить завод на его полную мощность к 1 июня 1944 г. и с вводом в эксплуатацию мощностью 1-й очереди в 3 тонны ацетона к 1 сентября 1943 г.; НКО СССР (т. Щаденко) направить на восстановительные работы на Докшукинский АБЗ 500 человек из числа непригодных к строевой службе на срок до 6 месяцев». Однако в ходе работ благодаря творческой инициативе рабочих и инженерно-технических работников, вернувшихся из эвакуации из Сибири и Урала, стало возможным значительно расширить мощность завода, доведя ее до 6 тонн ацетона и 10 тонн бутанола в сутки [Кабардино-Балкария... 1975: 538, 539, 626, 645, 670].

Нальчикский машиностроительный завод №4, начав восстановительную деятельность, одновременно помогал восстанавливать промышленность и хозяйство республики. На предприятии было занято 296 рабочих, 33 инженерно-технических работников и 44 служащих. Завод выполнял заказы по восстановлению Докшукинского ацетано-бутилового комбината, Тырныаузкого вольфрамо-молибденового комбината, Баксанской ГЭС. В конце 1943 г. завод полностью был восстановлен и начал выпускать насосы Смолкина, а также задвижки «Лудло» разных диаметров для нефтяной промышленности [Кабардино-Балкария... 1975: 669].

Кроме того, в первый же год после освобождения Кабардино-Балкарии от оккупации, были восстановлены 486 километров линий электросвязи, или 82% по сравнению с дооккупационным периодом, 2041 километр (63%) проводной линии, 15 телефонных станций в райцентрах, Нальчике и Тырныаузе, 7 телеграфных станций из 8, одна городская, 14 районных отделений и 31 сельское отделение связи, 32 агентства связи, 14 радиоузлов, обслуживавших 10 322 радио-точки по республике. Были телефонизированы все районные центры, 37,5% сельских Советов, 93,5% МТС, многие совхозы и колхозы республики [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 80; Оп. 5. Д. 126. Л. 22].

В целом, в 1943 году в Кабардино-Балкарии было восстановлено 100 промышленных предприятий из 160, функционировавших на территории республики до войны. Среди восстановленных было 15 предприятий союзного значения, 18 – союзно-республиканского и 67 предприятий подведомственных Совнаркому Кабардино-Балкарской АССР. На них работало 2639 рабочих. Кроме того, на территории республики функционировали 743 мелких промышленных предприятия, где работали 1630 рабочих. Крупная промышленность КБАССР в 1943 году дала валовой продукции (в ценах 1926/27 года) на сумму 12,8 миллиона рублей против 113,5 миллиона в 1940 году. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве республики составил в 1943 году 37% против 67% в 1940 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 5 Д. 125. Л. 60].

Период восстановления народного хозяйства в республике был отмечен высоким трудовым подъемом, широко развернулось социалистическое соревнование среди рабочих предприятий, совхозов и колхозников. Так, в

марте 1943 года связисты гор. Нальчика призвали всех работников связи Кабардино-Балкарии отдать свои силы и умение восстановлению средств связи, полнее удовлетворять потребности фронта и тыла. Это позволило в конце 1943 г. в основном завершить восстановление средств связи республики.

По инициативе коллектива Машиностроительного завода № 4 в 1943 году в республике развернулось предмайское социалистическое соревнование. В обращении ко всем трудящимся республики от 18 марта 1943 говорилось: «...Огромно желание помочь фронтовикам. Чтобы еще больше увеличить производительность труда, усилить помощь фронту, мы предлагаем организовать предмайское социалистическое соревнование предприятий. Пусть каждый процент перевыполнения производственного плана снарядом ляжет на головы фашистов, пусть усилия трудового фронта помогут бойцам километр за километром очищать от врага родную землю» [Социалистическая... 1943. 18 марта]. Первыми в республике почин коллектива завода № 4 поддержали рабочие кондитерской фабрики, а вслед за ними все трудящиеся республики.

За успешное выполнение заданий Правительства по восстановлению Баксанской гидроэлектростанции и Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината в условиях военного времени 37 чел. были награждены орденами и 45 чел. медалями СССР [Кабардино-Балкария... 1975: 684, 689-692].

Наряду с работой по восстановлению промышленных предприятий большое внимание уделялось возрождению сельского хозяйства республики. ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР приняли ряд постановлений от 23 января 1943 года: «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в освобожденных от гитлеровцев районах», «О подготовке тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС к полевым работам 1943 года», «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 год», а также «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности» от 13 апреля 1943 года [Директивы... 1957: 746-750, 763; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 17, 42-53]. В них ставились конкретные задачи по восстановлению сельского хозяйства страны, успешному проведению весенне-полевых работ. 26 апреля 1943 года Совнарком СССР принял специальное постановление «Мероприятия по восстановлению МТС, колхозов Кабардино-Балкарской АССР, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов». В целях скорейшего восстановления МТС и колхозов Кабардино-Балкарской АССР СНК СССР списал все недоимки прошлых лет по обязательным поставкам государству и натуроплате за работу МТС зерна, масличных культур, картофеля и овощей, а также недоимки по обязательным поставкам продуктов животноводства, числившиеся за колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих, служащих, кустарей по состоянию на 1 апреля 1943 года. СНК СССР обязал Сельскохозяйственный банк СССР открыть колхозам, колхозникам и рабочим МТС КБАССР долгосрочный кредит в сумме 4 миллионов рублей на восстановление общественного хозяйства и на жилищное строительство. Правительство обязало Наркомзем СССР отпустить МТС Кабардино-Балкарской АССР токарные и сверлильные станки, станки для расточки цилиндров, сортовое и листовое железо, авторезины 140 комплектов,

большое количество различных деталей и сельскохозяйственного инвентаря, выделить на восстановление Баксанской школы механизации 500 тысяч рублей. Совнарком Кабардино-Балкарской АССР было предложено принять меры к быстрейшему восстановлению МТС, колхозов и совхозов, обеспечить доброкачественный ремонт и бесперебойную работу машинно-тракторного парка, подобрать и подготовить механизаторские кадры, организовать надлежащий уход за посевами сельскохозяйственных культур и добиваться повышения их урожайности [Кабардино-Балкария... 1975: 543-545].

5 мая 1943 г. Совнарком КБАССР и бюро обкома ВКП (б) утвердил мероприятия по выполнению постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1943 г. «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности». В них был намечен государственный план развития животноводства и повышения продуктивности скота в колхозах на 1943 г. по районам, меры материального стимулирования, организация перегона эвакуированного в другие регионы скота [Кабардино-Балкария... 1975: 547, 548].

Большое значение для восстановления коневодства в республике имело постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 12 мая 1943 года «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах», по которому КБАССР для восстановления племенного рассадника лошадей кабардинской породы отпускались долгосрочные кредиты, приобретались жеребцы-производители, разрешался обратный перегон лошадей из районов временной передержки [Важнейшие решения... 1948: 532]. Выполняя указанные постановления государственных и партийных органов, колхозники и рабочие совхозов развернули социалистическое соревнование под лозунгами: полностью восстановить общественное хозяйство, ликвидировать последствия немецко-фашистской оккупации, образцово провести весеннюю посевную кампании. Понимая важность своевременного проведения весенне-полевых работ, колхозники сельхозартели им. Андреева сел. Кенже 9 февраля 1943 г. обратились ко всем работникам полей Кабардино-Балкарии с призывом организовать республиканское соревнование колхозов на лучшую подготовку и проведение весеннего сева [Кабардино-Балкария... 1975: 527, 528]. В результате умелого проведения подготовительной работы и самоотверженного труда колхозников и колхозниц план весеннего сева Кабардино-Балкария выполнила досрочно на 107%, опередив многие республики и области Советского Союза. Сверх плана в фонд обороны колхозы засеяли свыше 1000 гектаров. Первое место в социалистическом соревновании по итогам весеннего сева занял Зольский, второе место – Урванский и третье – Лескенский район [Социалистическая... 1943. 31 октября]. Затем, 19 мая 1943 г. колхозники сельхозартели им. Петровых Прохладненского района выступили с обращением ко всем колхозникам республики об организации социалистического соревнования на лучшую подготовку и проведение уборки и заготовки сельскохозяйственных продуктов в 1943 г. Бюро обкома ВКП (б), поддержав указанное обращение, предложил райкомам и горкомам ВКП (б) провести собрания колхозников, на которых обсудить обращение сельхозартели им.

Петровых и принять конкретные обязательства по участию в республиканском соревновании колхозников [Кабардино-Балкария... 1975: 559-562].

Следует отметить, что положение с рабочей силой в сельском хозяйстве страны, особенно во вновь освобожденных районах, по-прежнему оставалось трудным. Дефицит рабочей силы не восполнялся и поэтому все трудоемкие работы в сельском хозяйстве страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии в основном выполнялись женщинами, стариками и подростками. Учитывая эти обстоятельства 20 июня 1943 г. собрание стариков-колхозников Черекского района приняло обращение ко всем старикам-колхозникам с призывом развернуть социалистическое соревнование при проведении сельскохозяйственных работ. В обращении говорилось: «... И наша помощь требуется фронту, когда мало осталось мужчин в селениях и основные работы выполняют женщины и подростки. Много работают и наши старики, но хочется и нужно сделать еще больше... Чтобы скорее пришла победа, чтобы собрать урожай без потерь и дать Красной Армии много мяса и масла мы решили продолжить социалистическое соревнование на весь период проведения сельскохозяйственных работ, и принимаем на себя следующие обязательства:

1. Подготовить косарей – 250 девушек и 172 подростка.

2. Использовать в качестве точильщиков и заправщиков кос не менее 100 стариков.

3. Выделить на период сеноуборочных работ не менее 120 стариков в качестве косарей.

4. Для охраны урожая от потрав, хищения и пожара послать на поля не менее 25 стариков с тем, чтобы освободить от этой работы молодых колхозников.

5. Из стариков будут организованы звенья по заправке копен и закреплении их на зимний период.

7. Не менее 60 стариков-колхозников примут участие в строительных бригадах по ремонту помещений для зимовки, очистке силосных башен и траншей и др.» [Кабардино-Балкария... 1975: 580, 581]. Патриотический почин старейшин Черкского района был одобрен обкомом ВКП (б), обращение было опубликовано на страницах республиканских и районных газет. Активно поддержали инициативу колхозников-стариков Черекского района их ровесники и в других районах и внесли свой достойный вклад в развитие сельского хозяйства республики.

В результате большой организаторской работе партийных, советских и хозяйственных органов в 1943 году было восстановлено 120 колхозов, 8 совхозов и 15 МТС. Для работы в сельском хозяйстве подготовлено 928 механизаторов, 119 животноводов и 740 специалистов массовой квалификации. Одновременно с этим велась большая работа по подготовке низовых специалистов. Всего к весеннему севу было подготовлено 75 бригадиров тракторных бригад, 100 бригадиров полеводческих бригад и более 1000 звеньевых [Кабардино-Балкария... 1975: 640, 674; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 3 Д. 3. Л. 17, 18].

Все это позволило колхозникам своевременно завершить весенний сев, уборку урожая сельскохозяйственных культур (Таблица 1).

Таблица 1.

Итоги сельскохозяйственных работ 1943 г. (по состоянию на 15 декабря).

№№ пп.	Наименование	План (тонн)	Выполнение (тонн)	%
	Уборка урожая			
1.	Подсолнух	26994	26994	100
2.	Картофель	5310	5310	100
3.	Овощи	2191	2191	100
4.	Кукуруза	73041	71260	97,4
	Госпоставки:			
1.	Зерновые	36161	36161	100
2.	Подсолнух	10312	10413	100
3.	Картофель	6070	6341	105
4.	Сено	9203	11599	126
5.	Овощи	5119	4945	97
6.	Мясо	1108	3395	3 00
7.	Молоко	28788	28788	100
8.	Шерсть	82400	82400	100
9	Яйцо	2 253 380 шт.	2 293 851 шт.	100
10.	Кожсырье	85650 шт.	87230 шт.	102
	Госзакупки			
	Картофель	1000	1000	100
	Осенний сев			
		45000 га.	41459 га.	92,1
	Урожайность			
	Подсолнух	13 цент.	11,6	90

Источник: [Кабардино-Балкария... 1975: 624].

Анализ таблицы показывает, что в 1943 г. план производства зерновых, масличных культур и картофеля был выполнен, все 154 колхоза и 10 совхозов республики полностью рассчитались с государством по хлебопоставкам. Многие колхозы сдали зерно и мясо государству в счет поставок 1944 г.

Одновременно проводилась работа по восстановлению общественного животноводства. Принимались меры по строительству ферм, по обеспечению скотом колхозников. По состоянию на 1 декабря 1943 г. из 46 тысяч колхозных дворов не имели коров 6734 двора, или 14,6%. Для ликвидации бескоровности колхозникам в 1943 г. было выделено 3000 телок. Созданы необходимые условия для содержания скота в зимних условиях. Заготовлено грубых кормов 211,8 тыс. тонн, сочных – 41,2 тыс. тонн. Итоги развития общественного животноводства показаны в Таблице 2.

Таблица 2.

Итоги восстановления общественного животноводства в 1943 г.

№№ пп.	Наименование	Было до оккупации (голов)	План	Выполнение.	%
1.	Крупный рогатый скот	89188	24000	34699	144,5
2.	Овцы и козы	541196	65000	81981	126,1
3.	Контрактация телят	–	6000	20497	341,0
4.	Лошади	48993	17300	16764	97,0,
5.	Свиньи	16768	–	1140	–
Восстановлено ферм					
№№ пп.	Наименование ферм	Было до оккупации	На 01.12.1943 г.		В них поголовья
			Всего	В т. ч. племен.	
1.	Коневодческих	139	139	30	978
2.	Молочнотоварных	156	150	9	376
3.	Овцетоварных	155	145	–	–
4.	Свинотоварных	137	48	2	77
5.	Птицеферм	130	103	–	–
6.	Пчелоферм	147	84	–	–

Источник: [Кабардино-Балкария... 1975: 625].

Анализ таблицы показывает, что из 884 ферм, функционировавших до оккупации, удалось восстановить 669 (78%), численность по всем видам поголовья скота по сравнению с плановыми показателями увеличилась в 1,4 раза. За 1943 г. общественное поголовье выросло: крупный рогатый скот – на 14 тыс. голов (67%), овцы и козы – на 11 тыс. (16,8%).

В 1943 году валовая продукция сельского хозяйства республики составила (в ценах 1926/1927 года) 23,6 миллиона рублей против 49,7 миллиона рублей в довоенном 1940 году. Удельный вес сельского хозяйства в народном хозяйстве республики в результате огромных разрушений, причиненных захватчиками промышленности, значительно повысился с 29% в 1940 году до 56,1% в 1943 году [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 126. Л. 5].

За самоотверженный труд по восстановлению и развитию сельскохозяйственного производства были награждены орденами СССР 49 чел. и медалями 33 чел. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 118. Л. 248-253].

В 1943 и 1944 годах колхозы КБАССР были полностью освобождены от взимания подоходного налога. Все недоимки с колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов за 1942 год были полностью сняты. В 1943 году были освобождены от налогов все хозяйства и члены семей военнослужащих и партизан. Кроме того, были освобождены от налогов хозяйства, главы семей которых погибли во время немецко-фашистской оккупации, а также граждане, хозяйства которых были уничтожены гитлеровцами. Всего вместе с недоимками трудящимся Кабардино-Балкарии было предоставлено льгот на сумму 16 526 тысяч руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 192. Л. 85].

Большое внимание в первый год после освобождения территории республики от врага было уделено удовлетворению социально-бытовых нужд трудящихся, строительству новых и восстановлению разрушенных жилых домов. В соответствии с постановлением Совнарком СССР «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства Кабардино-Балкарской АССР» от 23 апреля 1943 г. на оказание единовременной помощи населению, пострадавшему от немецкой оккупации и военных действий государством было выделено 3,5 млн. руб., в том числе за счет союзного бюджета 1,5 млн. руб. Вместе с тем 419 тыс. руб. были выданы населению без учета нуждаемости [Кабардино-Балкария... 1975: 541; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 392. Л. 121, 164].

В 1944 г. государство вложило в сельское хозяйство республики 3173 тыс. руб. Общий план хлебозаготовок по Кабардино-Балкарии был определен в 64 312 тонн, а мясopоставок, после предоставления льгот семьям инвалидов войны и фронтовиков в 8037,07 центнера. План поставок сельскохозяйственной продукции был перевыполнен [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 192. Л. 85; Оп. 3. Д. 6. Л. 21; Оп. 4. Д. 109. Л. 83].

Народы Кабардино-Балкарии направляли все свои силы для восстановления народного хозяйства, сбора денежных средств в Фонд обороны страны, а также теплых вещей, подарков бойцам и командирам Красной армии. В то же в рядах Красной Армии сражались около 60 тыс. человек, призванных из республики.

Невзирая на это, по решению руководства СССР 8 марта 1944 г. было депортировано в Казахстан и Среднюю Азию все балкарское население республики (37 713 чел.). Помимо огромного ущерба для социального и культурного развития балкарского народа эта необоснованная и противоправная акция повлекла сокращение населения республики более чем на 1/8, ослабила возможности и темпы восстановления народного хозяйства, негативно повлияла на все ее социально-экономическое развитие [История... 2007: 401-403].

Но восстановление народного хозяйства все же было продолжено и к концу 1945 г. по сравнению с 1943 годом имелись значительные успехи. В конце 1945 г. в республике функционировали 18 промышленных предприятий союзного значения, 22 союзно-федеративного подчинения и 76 предприятий, подведомственных Совету Министров Кабардинской АССР, на которых было занято 14 494 рабочих и инженерно-технических работников [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д.192. Л. 65]. Объем промышленного производства в 1945 году составил 353,3% от уровня 1943 г., а сельского хозяйства – 124,5% [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 125. Л. 60]. Следует подчеркнуть, что несмотря на определенные успехи в развитии сельского хозяйства, животноводство отставало, и не достигло довоенного уровня ни по одному виду поголовья скота. Если в 1940 году (с учетом территориальных изменений) в колхозах республики насчитывалось 48,6 тысячи лошадей, то в 1945 году их было всего 10,8 тысячи, крупного рогатого скота соответственно – 65,5 и 38,2 мелкого рогатого скота 210,8 и 82,9, свиней 10,2 и 2,8 тысячи голов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 125. Л. 60]. В целом довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства не был достигнут.

Таким образом, деятельность государственных и партийных органов в страны и освобожденных регионов была направлена на восстановление народного хозяйства и оказания помощи фронту. Благодаря помощи финансовыми средствами, оборудованием, техникой, специалистами Союзного государства, регионов и самоотверженному труду рабочих, колхозников, инженерно-технических работников Кабардино-Балкарии позволили возродить большинство промышленных предприятий, восстановить колхозы, совхозы, МТС и направить их продукцию на удовлетворение нужд фронта, страны и республики. Но при сравнительно небольших масштабах экономики республики чрезвычайно велик был относительный масштаб разрушений и потерь в результате интенсивных военных действий, протекавших на ее небольшой территории летом-осенью 1942 г., и хозяйничанья немецко-фашистских оккупантов. Были крайне ограничены трудовые ресурсы, которые можно было мобилизовать для восстановления народного хозяйства. Большинство трудоспособного мужского населения находилось на фронте, а депортация балкарского народа нанесла невосполнимый урон трудовым ресурсам, занятым в сельскохозяйственной отрасли, прежде всего, животноводстве. Завершить восстановление народного хозяйства, достичь довоенного уровня промышленного и сельскохозяйственного производства в условиях военного времени оказалось невозможным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Важнейшие решения... 1948 – *Важнейшие решения* по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. – М.: Сельхозгиз, 1948. – 640 с.

Великая... 2013 – *Великая* Отечественная война 1941-1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.

Директивы... 1957 – *Директивы* КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг.: Сборник документов: в 4 т. Том 2: 1929-1945 годы. – М.: Госполитиздат, 1957. – 888 с.

Жакомихов 1967 – *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии: в 2 ч. / Под ред. М.А. Кульбаева; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965-1967. – Ч. 2. – 1967. – 390 с.

История... 1967 – *История* Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2: История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / ред. кол.: Г. Х. Берикетов (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1967. – 439 с.

История... 2007 – *История* многовекового сотрудничества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

Кабардино-Балкария... 1975 – *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Сборник документов и материалов). – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

Лики войны... 1996 – *Лики войны*: Сборник документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 504 с.

Очерки истории... 1971 – *Очерки истории* Кабардино-Балкарской организации КПСС / Ред. коллегия: ... В.К. Тлостанов (отв. ред.) и др. Кабардино-Балкарский научно-исслед. ин-т при Совете Министров КБАССР. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 394 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Социалистическая – *Социалистическая* Кабардино-Балкария – газета Кабардино-Балкарского обкома и Нальчикского горкома ВКП (б) и Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории архивной службы КБР.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 318 с.

REFERENCES

Direktivy KPSS i Sovetskogo Pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. 1917-1957 gg.: Sbornik dokumentov [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. 1917-1957: Collection of documents]: v 4 vols. Vol. 2: 1929-1945. – М.: Gospolitizdat, 1957. – 888 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: in 2 vols. Vol. 2: Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii do nashikh dnei [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: in 2 vols. Vol. 2: The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from the Great October Socialist Revolution to the present]. Ed by G.Kh. Beriketov. – М.: Nauka, 1967. – 439 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sotrudnichestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii [History of centuries-old cooperation: On the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 720 p. (In Russian)

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (Sbornik dokumentov i materialov) [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941-1945 (Collection of documents and materials)]. – Nalchik: El'brus, 1975. – 795 p. (In Russian)

КНАКУАШЕВ Е.Т. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945)* [Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941-1945)]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 318 p. (In Russian)

Liki voiny: Sbornik dokumentov i materialov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.) [Faces of war: Sat. documents and materials on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941-1945)]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 504 p. (In Russian)

Ocherki istorii Kabardino-Balkarskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Kabardino-Balkarian organization of the CPSU]. Ed by V.K. Tlostanov. Kabardino-Balkarskii nauchno-issled. in-t pri Sovete Ministrov KBASSR. – Nalchik: El'brus, 1971. – 394 p. (In Russian)

RGASPI – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History].

Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya – gazeta Kabardino-Balkarskogo obkoma i Nal'chikskogo gorkoma VKP (b) i Verkhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoi ASSR [Socialist Kabardino-Balkaria – newspaper of the Kabardino-Balkarian Regional Committee and the Nalchik City Committee of the CPSU (b) And the Supreme Council of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. (In Russian)

UTsDNI AS KBR – *Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii arkhivnoi sluzhby KBR* [Office of the Center for Documentation of Recent History of the CBD Archival Service].

Vazhneishie resheniya po sel'skomu khozyaistvu za 1938-1946 gg. [The most important decisions on agriculture for 1938-1946]. – M: Sel'khozgiz, 1948. – 640 p. (In Russian)

Velikaya Otechestvennaya voina 1941-1945 godov: in 12 vols. Vol. 7. Ekonomika i oruzhie voiny [The Great Patriotic War of 1941-1945: in 12 vols. Vol. 7. Economics and weapons of war]. – M.: Kuchkovo pole, 2013. – 864 p. (In Russian)

ЖАКОМИКHOV Т.А. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii: v 2 ch.* [The history of the national economy of Kabardino-Balkaria: in 2 parts]. Ed by M.A. Kul'baev; Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t. – Nalchik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1965-1967. – Part 2. – 1967. – 390 p. (In Russian)

Новейшая история

УДК 94(470.64) 329.7

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-180-206

**СТАНОВЛЕНИЕ БАЛКАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
(1985-1991)****И.А. ТАБАКСОЕВ**

*ФГБНУ "Федеральный научный центр
"Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук"
Центр социально-политических исследований
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tabaksoev1982@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена идейно-организационному становлению балкарского национального движения во взаимосвязи с динамикой общероссийского и республиканского общественно-политического развития в середине 1980-х – начале 1990-х гг. Политика перестройки и гласности сделала возможным открыто обсуждать исторические и актуальные проблемы балкарского народа, ранее находившиеся под запретом, в частности, «полная реабилитация» всех погранных прав сталинским режимом. На этой идейной основе происходит организационно-политическая консолидация балкарских общественных организации и депутатов всех уровней власти в единый представительский орган со своей программой. В политическом плане важно было то, что от имени народа теперь говорили не отдельные организации, а его представительный орган – съезд, подтвердивший комплекс национальных целей и требований. В правовом плане принципиальное значение имел Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. Ключевое положение балкарской национальной программы о восстановлении балкарских районов по состоянию на 1944 г. выступало как требование закона. Длительное затягивание со стороны органов государственной власти республики в отношении законных требований балкарского движения территориальной реабилитации к привело принятию 17 ноября 1991 г. съездом балкарского народа Декларации о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа; созданию Национального Совета Балкарского Народа (НСБН) как высшего органа власти; неучастие балкарского населения съезда в выборах Президента КБССР. Таким образом, при активном, а в некоторых отношениях – решающем участии балкарского национального движения к концу 1991 г. в Кабардино-Балкарии сложилась новая политическая реальность. Дальнейший ход политического развития обернулся постепенным отступлением от достигнутого рубежа и поворотом от консолидации к размежеванию в национальном движении. При взгляде с исторической дистанции принципиально важным здесь является то, что движение в обоих направлениях оставалось в мирных рамках.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика; балкарские общественные организации; балкарское национальное движение; период перестройки; история; политика; депортация; реабилитация.

THE MAKING OF THE BALKAR NATIONAL MOVEMENT (1985-1991)**I.A. TABAKSOEV**

*Federal state budget scientific institution "Federal scientific center for
"Kabardin-Balkar scientific center of the Russian Academy of Sciences"
Center for social and political studies
360051, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: tabaksoev1982@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the ideological and organizational formation of the Balkar national movement in conjunction with the dynamics of the all-Russian and republican socio-political development in the mid of 1980s – early 1990s. The policy of perestroika and glasnost made it possible to discuss openly the historical and current problems of the Balkarian people, which were banned previously, in particular, the "full rehabilitation" of all violated rights by the Stalin regime. On this ideological basis, there is an organizational and political consolidation of Balkarian public organizations and deputies of all levels of power into a single representative body with its own program. Politically, it was important that on behalf of the people now it was not individual organizations that spoke, but their representative body - the congress, which confirmed the set of national goals and requirements. In the legal plan, the Law of the RSFSR "On the Rehabilitation of Repressed Peoples" of April 26, 1991 was of fundamental importance. The key provision of the Balkar national program on the restoration of Balkar regions as of 1944 was the requirement of the law. The prolonged delay by the state authorities of the republic regarding the legal requirements of the Balkarian movement of territorial rehabilitation led to the adoption on November 17, 1991 by the congress of the Balkar people of the Declaration on the proclamation of the Republic of Balkaria and the national sovereignty of the Balkar people; the creation of the National Council of the Balkarian People (NCBP) as the supreme authority; non-participation of the Balkarian population of the congress in the election of the President of the KBSSR. Thus, with the active, and in some respects decisive participation of the Balkarian national movement, by the end of 1991 a new political reality had developed in Kabardino-Balkaria. The further course of political development turned into a gradual retreat from the achieved milestone and a turn from consolidation to demarcation in the national movement. When viewed from a historical distance, it is fundamentally important that the movement in both directions remained in a peaceful framework.

Keywords: Kabardin-Balkar Republic; Balkar public organizations; Balkar national movement; period of perestroika; history; politics; deportation; rehabilitation.

Постановка проблемы

Определяющей характеристикой хода общественных перемен в начале 1990-х гг. было то, что они развертывались в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. В этих условиях этничность, как сознание принадлежности к этнической группе, обнаружила себя на всем постсоветском пространстве в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой самоидентификации. На Северном Кавказе процесс актуализации этничности с неизбежностью стал весьма интенсивным. Этнический фактор наряду с иными – экономико-социальными и идейно-политическими факторами – существенно сказался и на конфигурации элитных расколов и на дизайне институтов новой политической

системы в республиках Северного Кавказа. Деятельность национальных движений, привнесших в политический процесс этнокультурную и этнополитическую проблематику, стала определять региональную специфику общественно-политической динамики, начиная с рубежа 1980-1990-х гг.

Все это относится и к «случаю» одного из северокавказских субъектов федерации – Кабардино-Балкарской Республики. Общественно-политическое развитие республики в 1990-е гг. происходило в контексте общероссийских трансформационных процессов, представляя собой реакцию и адаптацию местного полиэтничного социума к изменениям в окружающей социально-политической среде.

Не случайно, в историко-политологическом изучении постсоветских трансформаций в Кабардино-Балкарии, как и в целом на Северном Кавказе, приоритет отдавался этнополитической проблематике [Аккиева 1997; Аккиева 2002; Апажева 2018; Гугова 2002; Казенин 2009; Республики... 2012; Тетуев 2018; Шорова 2009а; Шорова 2009б; Шорова 2012; Шорова 2018]. Наряду с этим, появился ряд работ, по вопросам собственно политического развития республики, в которых институциональные трансформации рассматриваются, как правило, на фоне этнополитических коллизий [Боров и др. 1999; Гугова 2007; Литвинова 2011; Сабанчиев 2011; Шорова 2011а; Шорова 2011б; Шорова 2017]. Наиболее полное и системное видение соответствующих проблем содержится в работах С.И. Аккиевой, А.И. Тетуева, А.Х. Борова.

Однако зачастую присутствие этнических акторов в политическом процессе принимается как данность. В тени остается вопрос об их генезисе, о фундаментальных предпосылках этнизации политики и политизации этничности в регионе, которые не сводятся к полиэтничному составу населения. В частности, остается малоразработанной проблематика формирования балкарского национального движения и определения его роли в социально-политической ситуации, сложившейся в Кабардино-Балкарии в исследуемый период. Между тем, оно во многом формировало этнокультурную и этнополитическую повестку дня в республике на этапе перехода от советской к постсоветской государственности.

Цель настоящей статьи – проследить идейно-организационное становление и политическую активность балкарского национального движения во взаимосвязи с динамикой общероссийского и республиканского общественно-политического развития в середине 1980-х – начале 1990-х гг.

Становление балкарского национального движения

Актуализация этничности в общественном сознании и в общественной практике конца 1980-х гг. была обусловлена не только кризисом советской политической системы, но и фундаментальными факторами современного мирового развития. Глобализация модернизационных процессов и экспансия связанных с ними «культурных универсалий» обостряют проблему выживания исторически сложившихся цивилизационных и этнокультурных систем. Эти процессы усиливают потребность современного человека в обретении для себя той или иной формы коллективной культурной идентичности, которую

поддерживает чувство неразрывности следующих друг за другом поколений данного объединения людей, разделяемая память о прошлой истории, а также коллективная вера в общую судьбу данного целого и его культуры. Для малых национальных групп традиционная этническая культура превращается в культурный символ, в котором воплощается реальность и устойчивость данной этнической общности. Но призывы к сохранению или возрождению этнической культуры не могут пониматься и воплощаться в жизнь в буквальном смысле. Реально функционируют лишь фрагменты ее нормативных и ритуальных сторон, а также этнические стереотипы в психологии и поведении людей. В этих условиях историческая память превращается из функции и элемента этнокультурной системы в важнейший фактор ее удержания от эрозии и распада, а восстановление контакта между прошлыми и нынешними поколениями, посредничество в диалоге, становится социальной и культурной функцией гуманитарной интеллигенции [Боров, Пшемурзов 1997: 202-203].

Поэтому, в Кабардино-Балкарии, как и во всем СССР к моменту «перестройки» уже были неформальные общественные и культурные объединения, клубы, кружки и т. п., ориентированные на изучение и содействие пропаганде истории, культуры, традиций и обычаев народов. Возросший интерес народов Кабардино-Балкарии к своей истории аккумулировал энергию творческой части общества на выпуск многочисленных исторических, генеалогических работ и этнографических обзоров, проведение мероприятий, посвященных возрождению народных традиций, танцевального и музыкального искусства.

Формирование балкарского национального движения началось с создания, в середине 1980-х годов неформального кружка «Ныгыш». «Ныгыш» возник по инициативе молодой творческой интеллигенции 6 декабря 1984 года. Целью кружка являлось изучение и пропаганда истории, культуры, традиций и обычаев балкарского народа. «Ныгыш» собрал вокруг себя композиторов, певцов, музыкантов, научные кадры, которые и вызвали всплеск национального самосознания, особенно после воссоздания обрядового праздника «Голлу», а также цикла телепередач на местном телевидении. В дальнейшем в состав «Ныгыша» стало вступать все больше людей, и он перерос в одноименное общественное объединение. «Ныгыш» был зарегистрирован как любительское объединение при Дворце курортов «Нальчик» КБАССР.

«Ныгыш» принимал активное участие в создании первого балкарского танцевального ансамбля «Балкария» в 1988 г., а затем содействовал получению им статуса государственного фольклорно-этнографического ансамбля. Первый концерт «Балкарии» состоялся 4 июня 1990 года во Дворце культуры строителей. А в сентябре 1990 года в Абхазии проводился конкурс профессиональных ансамблей народного танца. Молодой коллектив фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария» был удостоен главного приза Первого фестиваля горских народов – «Золотой шлем» [Жабелова 2009: 211-212].

С 1987 г. происходят кардинальные изменения в общей идейно-политической атмосфере страны. Во-первых, политика гласности приводит к широкому обсуждению проблем истории советского периода и на первый план выдвигается критика сталинизма, его репрессивной практики, частью которой было поголовное принудительное выселение балкарцев в Среднюю Азию в 1944 г. Во-вторых, в ряде регионов СССР резко обостряются межнациональные отношения и вспыхивают открытые конфликты. Обнаруживается, что государство неспособно контролировать и регулировать эту сферу общественной жизни. В-третьих, провозглашенная в 1988 г. политическая реформа предусматривает повышение роли представительных органов власти – советов в политической системе и демократизацию процедур их формирования.

Деятельность национальной интеллигенции в этих условиях уже не могла замыкаться в узкие рамки сугубо этнокультурной ориентации, а построение политической программы, обеспечивающей национальное существование и развитие в новых условиях, предполагало решение таких задач как идеологическая легитимация национальной политической субъектности, определение собственного места в национально-территориальной организации государства в стране и республике, нахождение институциональных форм, гарантирующих достойное представительство на всех уровнях властной системы. Основу для решения всех этих задач деятели национального движения находили в самой истории балкарского народа в XX в.

Поскольку балкарское население было репрессировано в 1944 г. именно как национальная группа, как народ, балкарское население Кабардино-Балкарии конца 1980-х гг. имело право на реабилитацию именно как народ. Это представление о коллективных национальных правах, которые были попраны и которые должны быть восстановлены в полном объеме, стало формой морально-политической и правовой легитимации целей балкарского национального движения. Разумеется, еще во второй половине 1950-х гг. были приняты политико-правовые акты, предусматривавшие восстановление политического статуса (национальной автономии), возвращение к местам проживания, полное равенство с другими народами в гражданских правах, создание необходимых условий для дальнейшего развития национальной культуры. Все это в совокупности означало реабилитацию репрессированного балкарского народа в тех пределах и формах, которые были возможны в рамках советской идеологической и политической системы. Но если «реальное» наполнение «первой реабилитации» было выражено весомо, то ее символически значимые аспекты с самого начала были затушеваны, а впоследствии оказались под негласным запретом. В целом «первая реабилитация» оказалась преимущественно «социальной», а не «национальной». Вместе с углублением кризиса советского социализма в середине 1970-х – середине 1980-х гг. и бурным ростом слоя балкарской гуманитарной интеллигенции удовлетворенность ее социальными результатами снижалась, а неудовлетворенность национальной «инертностью» росла [Боров и др. 2019].

Депортация означала, прежде всего, что народ был оторван от своей земли. Поэтому первым шагом национальной реабилитации должно было стать восстановление территориальной базы национального существования. На момент депортации в 1944 г. существовали балкарские административно-территориальные единицы – районы с четко очерченными границами, соответствующими границам Балкарского округа, установленным после объединения Кабарды и Балкарии в единую Кабардино-Балкарскую автономную область в 1922 г.

Наконец, постановка вопроса об институционализации должного представительства в реформируемой советской системе конца 1980-х гг. прямо отсылала к условиям объединения Кабарды и Балкарии в единую автономную область в 1922 г. Они предусматривали паритетное представительство основных национальных групп населения в высшем органе советской власти КБАО – областном исполнительном комитете. Постановление коллегии наркомата по делам национальностей РСФСР от 9 января 1922 г. признало «целесообразным выделение из состава Горской республики территории, занимаемой балкарцами и образования из нее вместе с Кабардой объединенной Кабардино-Балкарской автономной области», а «во главе объединенной Кабардино-Балкарской автономной области иметь общий областной исполком, на паритетных началах» из представителей национальных исполкомов Кабарды и Балкарии. В Положении об объединении Кабарды и Балкарии, принятом 17 августа 1922 г. было зафиксировано, что пленум облисполкома КБАО состоит из 15 человек (5 русских, 5 кабардинцев, 5 балкарцев), а большой президиум – из 7 человек (2 русских, 2 кабардинца, 2 балкарца и 1 секретарь обкома РКП) [Документы... 1983: 705, 721].

Все это следует воспринимать на фоне подготовки и проведения Пленума ЦК КПСС 19-20 сентября 1989 г., на котором рассматривался, в частности, вопрос о национальной политике партии в современных условиях. Доклад М.С. Горбачева по этому вопросу начинался словами: «Логика перестройки, сама жизнь подвели нас к выводу, что и в национальных отношениях назрела потребность во всеохватывающих глубоких преобразованиях» [Материалы... 1989: 14]. Вслед за этим в конце сентября состоялся Пленум Кабардино-Балкарского обкома КПСС по национальному вопросу.

В его преддверии «Ныгъыш», формально имевший статус любительского объединения при дворце курортов, принял обращение с комплексом вопросов политической, юридической и экономической реабилитации балкарского народа. В том числе «для полного осуществления юридической реабилитации» предлагалось:

«1. Восстановить паритет во всех областях управления экономикой и культурой республики согласно Декрету ВЦИК от 16.01.1922 г. «Об образовании Кабардино-Балкарской автономной области» и «Положению по объединению Кабарды и Балкарии» от 17 августа 1922 г.

2. Восстановить административно-территориальные районы Балкарии с возвратом земельного фонда, имеющегося до 1944 г.» [Боров и др. 1999: 104].

Но принятая Пленумом обкома «Долгосрочная программа мер по совершенствованию межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания населения Кабардино-Балкарской АССР» была сформулирована крайне осторожно и далеко не отвечала ожиданиям активистов балкарского национального движения.

Следующий шаг в формировании идеологической базы балкарского национального движения связан с Декларацией Верховного совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными всех репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В ней не только была безоговорочно осуждена практика насильственного переселения целых народов «как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя», но и было заявлено о необходимости «принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям»¹. Здесь важно то, что морально-политическое осуждение прошлых преступлений соединялось с провозглашением особого правового статуса репрессированных народов и ставилась практическая цель безусловного восстановления их прав.

Уже в конце 1989 г. «Ныгъыш» обратился с заявлением в Генеральному прокурору СССР и председателю КБР СССР с просьбой провести тщательное расследование обстоятельств и причин расстрела сотен ни в чем не повинных мирных жителей в конце 1942г. в Черекском ущелье КБ АССР [Заявление генеральному прокурору СССР... 1989]. Кабардино-Балкарский обком КПСС создал специальную комиссию по дополнительному изучению материалов «Черекской трагедии». Впоследствии в июле 1990 г. Президиумом Верховного Совета КБР была организована комиссия по расследованию насильственных действий, совершенных в ноябре 1942 года в Черекском ущелье. Комиссией были выявлены более семисот документов, записаны воспоминания очевидцев. Затем этот значительный труд вылился в книгу «Черекская трагедия». Так, впервые стала достоянием общественности и получила оценку кровавая расправа над мирным населением горных аулов Балкарии, которую по масштабам и жестокости можно именовать «балкарской Хатынью» [Черекская... 1994].

Одновременно с идеологической легитимацией по формуле восстановления прав репрессированного народа и национально-территориальной самоидентификацией по формуле восстановления административно-территориальных районов Балкарии в практически-политическую плоскость встал вопрос о гарантиях национального представительства в органах власти страны и республики. Уже с осени 1989 г.

¹ Декларация Верховного совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными всех репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16017.htm (дата обращения: 20.08. 2019).

развертывается подготовка к намеченным на март 1990 г. выборам на Съезд народных депутатов РСФСР и в Верховный Совет КБАССР.

По мнению большинства авторов, первые в КБАССР альтернативные выборы в марте 1990 г. обнажили основные политические противоречия, которые определили дальнейшее развитие общественно-политических процессов в Кабардино-Балкарии. Основная борьба велась между 36 конкурентами за 8 мандатов на Съезд народных депутатов РСФСР. За 160 депутатских мандатов в Верховный Совет КБАССР боролись 288 кандидатов. «По окончании 2 тура выборов, ни один из депутатов балкарской национальности не прошел в Верховный Совет РСФСР, а в Верховный Совет КБАССР прошли только 18 депутатов, что по количеству было меньше, чем в предыдущем Верховном Совете республики» [Шорова 2009: 143; Тетуев 2018: 97; Аккиева 2002: 271-273].

Как считают и эксперты, главной причиной данного факта является непродуманная система образования избирательных округов со стороны партийного руководства и властей республики, где численность избирателей балкарской национальности составляла абсолютное меньшинство при значительном перевесе избирателей кабардинской национальности. В данном случае проявился этнический фактор, когда избиратели предпочитали голосовать за кандидата своей национальности. Это показало, что этнический фактор имеет важное значение в этнополитической жизни Кабардино-Балкарии.

Оценив ситуацию и выражая глубокую озабоченность, руководство республики (бюро обкома партии) обратилось ко всем коллективам, общественным организациям, расположенным в Урванском национально-территориальном округе №99 (где выборы должны были состояться повторно), с призывом «сделать так, чтобы при выдвижении кандидатов и повторных выборах по данному округу за депутатский мандат боролись бы на альтернативной основе представители балкарского народа» для обеспечения представительства от балкарского населения на Съезде народных депутатов РСФСР [Боров и др. 1999: 107]. В конечном итоге в этом округе депутатом Верховного Совета РСФСР был избран балкарец А.Н. Ахметов. Но предполагаемого социально-психологического и политического эффекта искусственное выдвижение не дало.

Результаты первых альтернативных выборов показали, что в рамках существующей политической и избирательной системы отсутствуют гарантии должного национального представительства балкарского населения Кабардино-Балкарии. Это вызвало весьма глубокий политический сдвиг, имевший необратимые последствия в дальнейшем. Начался процесс консолидации и целенаправленной политической активности балкарского национального движения.

25 марта 1990 г. прошла конференция избирателей – представителей балкарского населения республики, в которой приняло участие 740 делегатов [Тетуев 2018: 97]. Конференция пришла к выводу, что в ходе выборов «не были

реализованы правовые гарантии национально-государственного образования балкарского народа» [Аккиева 2002: 172].

На форуме было принято несколько важных положений вопроса о государственном суверенитете КБАССР:

1. республика изначально была образована двумя национально-территориальными субъектами – Кабардой и Балкарией;

2. носителями суверенитета должны быть народы Кабарды и Балкарии;

3. однако, ныне сложился деформированный тип государственного устройства, где субъекты, образующие республику, существуют лишь номинально;

4. следовательно, без преобразования существующего национально-государственного устройства КБАССР с решением вопроса о суверенитете как Кабарды, так и Балкарии рассмотрение вопроса о государственном суверенитете КБАССР в целом неприемлемо.

Решить вопрос об образовании суверенных национально-государственных единиц – Кабарды и Балкарии – предлагалось до 1 ноября 1990 года. Было принято также постановление о проведении до 1 октября съезда балкарского народа [Гугова 2002: 75].

Фактически же здесь выдвигалась идея фундаментальной перестройки конституционно-правовой системы и территориально-политической структуры республики. Второй аспект заключался в практической рекомендации конференции, среди которых ключевое значение имели поручение народным депутатам ВС КБАССР балкарской национальности «внести законодательную инициативу об организации двухпалатного Верховного Совета КБАССР при условии формирования одной из палат на паритетной основе...», и обращение к объединению «Ныгыш» с просьбой сформировать оргкомитет по созыву I съезда балкарского народа для рассмотрения национальных проблем» [Боров и др. 1999: 108].

Конференция стала значимым событием для формировавшегося на тот момент балкарского национального движения. Это объясняется тем, что прежде общественные движения имели, в основном, сугубо «интеллектуально-народный» состав. Важным результатом конференции можно считать определенную политическую консолидацию на общей платформе всех элитных групп балкарского населения – устоявшейся партийно-государственной и хозяйственно-управленческой элиты, с одной стороны, и национально-ориентированной интеллектуальной элиты, впервые выходящей на арену публичной политики – с другой. Во многом этому способствовал высокий эмоциональный накал, неизбежный «максимализм», характерный для публичных и массовых обсуждений национальных проблем. В газетном отчете о работе конференции обращалось внимание на то, что «авторитетные люди, лидеры балкарского народа, не то, чтобы своей позицией не влияли на настроение и позиции зала, наоборот, они как бы... корректировали свои взгляды под настрой собравшихся» [Умаров 1990: 2].

На 1-й сессии Верховного Совета КБАССР XII созыва 30 марта 1990 г. Председателем Верховного Совета КБАССР был избран В.М. Коков,

Председателем Правительства КБАССР – М.Ш. Мамхегов. На этом заседании депутаты балкарской национальности заявили о том, что при наличии данной избирательной системы невозможно добиться пропорционального национального представительства в структурах органов власти, поскольку существует большая разница в численности населения «титульных» этносов (в 1989 г. балкарцы составляли 9,4% от общей численности населения, в то время как кабардинцы – 48,2%, русские – 32,0%, иные национальности – 10,4%). Для достижения справедливого представительства балкарского народа в органах государственной власти депутатами балкарской национальности были высказаны предложения: о реформе Верховного Совета и разделении его на две палаты – Совет Республики и Совет Национальностей, одна из которых должна была комплектоваться на строго паритетной основе; о гарантированном закреплении за представителями балкарского народа возможности занимать должность одного из высших руководителей республики [Тетуев 2018: 98].

Таким образом, сама жизнь требовала организационной перестройки и консолидации балкарского национального движения. Любительские объединения, на тот момент исчерпавшие свои формальные возможности не могли оказать политического влияния на широкие массы населения. Чтобы полностью легализоваться как политическая сила, они должны были изменить свой юридический статус.

11 апреля 1990 г. на Учредительном собрании была создана общественная организации балкарского народа «Бирлик» как самодеятельное формирование. Своё присутствие в качестве участников собрания зарегистрировали 272 человека, в том числе приглашенные 18 членов любительского объединения «Ныгъыш». На собрании члены инициативной группы сообщили о необходимости создания массовой общественной организации балкарского народа для содействия реализации в КБАССР принципов правового государства, гарантирующего на законодательной основе и через соответствующие государственные механизмы, фактическое равноправие народов во всех сферах жизни общества, обеспечивающего балкарскому народу, на этих принципах, условия для самосохранения и развития на своей этнической территории. В качестве основных задач в уставе «БИРЛИК» выдвигалось: установление подлинного народовластия в КБАССР; обеспечение равноправия народов повышением статуса автономной республики до статуса союзной; развитие экономики КБАССР; сохранение и развитие исторической территории балкарского народа и т. д. [УЦГА АС КБР. Ф. Р 717. Оп. 4. Л. 804].

22 апреля 1990 г. на открытом собрании любительского объединения «Ныгъыш» единогласным решением 265 присутствовавших членов постановили «назначить проведение учредительной конференции «Малкъар Тёре». Балкарское культурно-национальное любительское объединение «Ныгъыш» и самодеятельное формирование «Бирлик» путем слияния двух организаций создавали одну консолидированную народную общественную организацию «Тёре» (Балкарский форум). Это произошло 20 мая 1990 г. на учредительной конференции. Также было избрано 26 человек, членов правления организации. «Тёре» состоял, в основном из балкарской

интеллекции, живущей в Нальчике. Создавалась и определенная «сетевая структура» в районах с балкарским населением. Постановление о регистрации было подписано Президиумом Верховного Совета КБАССР 11 июля 1990 года [УЦГА АС КБР. Ф. Р 717. Оп. 5 (доп). Д. 16 (248 л) Л. 94].

Получив юридическое оформление, «Тёре», как правопреемник объединений «Ныгыш» и «Бирлик», продолжил работу над комплексом вопросов полной реабилитации балкарского народа, которые были синтезированы в его программных документах. Целью «Тёре» было содействие реализации в КБАССР принципов правового государства, гарантирующего на законодательной основе через соответствующие механизмы фактическое равноправие народов для их самосохранения и развития, а также содействие процессам перестройки [УЦГА АС КБР. Ф. Р 717. Оп. 5 (доп). Д. 16 (248 л) Л. 94].

В качестве основных задач в Уставе и Программе «Тёре» выдвигалась полная политическая и экономическая реабилитация балкарского народа, содействовать «фактическому восстановлению и развитию Балкарии как суверенной национально-территориальной единицы, субъекта, образующего объединенную Кабардино-Балкарскую АССР, имея ввиду восстановление исконных административно-территориальных районов Балкарии, политического и экономического паритета» [УЦГА АС КБР. Ф. Р 717. Оп. 5 (доп). Д. 16 (248 л) Л. 94]. Таким образом, документы «Тёре» содержали комплексную программу глубокого переустройства этнополитической структуры власти в Кабардино-Балкарской АССР. Была учреждена газета народной общественно-политической организации «Тёре» (Балкарский форум) с одноименным названием, которая начала выходить с ноября 1990 г. Таким образом, балкарское движение заявило о себе как достаточно организованная структура.

Балкарское национальное движение в процессе государственно-политического переустройства Кабардино-Балкарии

Качественно новый этап общесоюзного, российского и республиканского политического процесса открыла Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая 12 июня 1990 г. В 1 пункте Декларации сказано, что Российская Федерация – это Федерация исторически объединившихся в нем народов, т. е. не Федерация территорий. В 4 пункте Декларации говорится «Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах»¹. Как видно из данной Декларации, любой народ страны имел право на суверенитет и самоопределение.

¹ Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Гарант-Сервис». URL: <https://constitution.garant.ru/act/base/10200087/> (дата обращения: 14.08.2019).

Данный документ положил начало двоевластию в СССР и его необратимому развалу, по сути, образованию Российской Федерации как демократического государства. С середины 1990 г. по август 1991 г властные противоречия оставались запутанными, а борьба за власть обретала всё более острые формы. Данное обстоятельство способствовало инициированию аналогичных процессов и в республиках Северного Кавказа. Практически все автономные республики начали подготовку своих деклараций о суверенитете, в том числе КБАССР.

19 августа 1990 г. во Дворце культуры г. Нальчика состоялась конференция депутатов-балкарцев, избранных в сельские, поселковые, районные советы народных депутатов, Верховные Советы КБАССР, РСФСР и СССР. Участники конференции обсудили вопрос о государственном суверенитете КБАССР, а также вопрос о созыве съезда представителей балкарского народа.

Конференция приняла резолюцию, в которой говорилось, что появилась возможность для народов Кабарды и Балкарии решить вопрос о самоопределении в той форме, какую они сочтут для себя наиболее приемлемой. При этом осознавалась сложность реализации суверенитета КБАССР в связи с тем, что республика была образована двумя «национально-территориальными субъектами» – Кабардой и Балкарией – и носителями суверенитета должны быть их народы. Таким образом, «без преобразования существующего национально-государственного устройства КБАССР с решением вопроса о суверенитете как Кабарды, так и Балкарии – рассмотрение вопроса о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской АССР в целом, – заявлялось в резолюции, – неприемлемо». В этой связи Верховному Совету КБАССР, Верховному Совету РСФСР до рассмотрения вопроса о государственном суверенитете КБАССР предлагалось к 1 ноября 1990 г. решить вопросы связанные с образованием суверенных национально-государственных единиц – Кабарды и Балкарии. Предлагалось преобразовать КБАССР в суверенное федеративное государство в составе РСФСР и СССР, на условии подписания договора между двумя национально-государственными образованиями – Кабардой и Балкарией, самостоятельными и равноправными субъектами республики, за каждым из которых сохранялось право на самоопределение. Кроме того, конференция постановила провести съезд представителей балкарского народа до 1 октября 1990 г. [Шорова 2009: 4].

На внеочередной сессии Верховного Совета КБАССР 27-30 августа 1990 г. на повестке дня стоял комплекс проблем, связанных с суверенизацией, а также с экономическими и политическими реформами как в стране в целом, так и в республике. В.М. Коков освободил должность партийного руководителя республики, сохранив пост Председателя Верховного Совета. Первым секретарем рескома КП РСФСР стал Б. М. Зумакулов. В действительности, как утверждают эксперты, данная рокировка не могла оказать положительного эффекта на этнополитические процессы в республике и бурно развивающиеся национальные движения. Более значимый этнический аспект несли теперь другие решения, а именно: Постановление «О Декларации ВС СССР о

признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» и Постановление об образовании комиссии по подготовке предложений о восстановлении районов Балкарии в границах, существовавших на 1 января 1944 г. Комиссия должна была внести соответствующие предложения в срок до 1 октября 1990 г. [Боров и др. 1999: 115].

27 августа 1990 г. высший законодательный орган Кабардино-Балкарии принял постановление «О проекте Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики». Соответствующий документ должен был быть вынесен на всенародное обсуждение до 1 октября, а представленные общественными организациями альтернативные проекты должны были быть опубликованы в республиканских газетах.

Это привело к активизации национальных движений по выработке своих проектов Декларации, изучение которых имеет важное значение для понимания их национально-политических предпочтений на этапе «суверенизации» российских автономий и более глубокого анализа этнополитических процессов в Кабардино-Балкарии.

В результате на рассмотрение общественности было предложено несколько проектов Декларации, представленных различными общественно-политическими организациями, в частности, кабардинской – «Адыгэ Хасэ» и балкарской – «Тёре».

В тексте проекта Декларации, опубликованном от имени совета «Адыгэ Хасэ», словосочетание «народ Кабардино-Балкарии» употреблялось только в единственном числе, а Кабарда, Балкария, кабардинский и балкарский народы не упоминались ни разу. КБССР выступала в Декларации как унитарное либерально-демократическое государство, представляющее единую гражданскую нацию – народ Кабардино-Балкарии. При этом основной акцент делался на провозглашение именно «полного» государственного суверенитета, а не автономии в составе РСФСР и СССР [Декларация... 1990а].

Проект Декларации, представленный «Тёре», был почти полной противоположностью описанному выше проекту, представленной «Адыгэ Хасэ», и назывался «Декларация о государственном суверенитете Федеративной Республики Кабарды и Балкарии». В Декларации прочитывается приоритетность принципов этнонационального самоопределения. В статье 1 проекта сказано: «Федеративная Республика Кабарды и Балкарии есть суверенное государство, утвердившееся в результате самоопределения Кабарды и Балкарии как суверенных государств и действующее на основе федеративного договора.

Республика гарантирует народам Кабарды и Балкарии их неотъемлемое право на самоопределение вплоть до выхода из республики одного из субъектов, ее образующих.

Кабарда и Балкария являются одновременно субъектами Федеративной Республики Кабарды и Балкарии и других союзов суверенных государств в пределах Российской Федерации...»

Любые прерогативы «суверенной» Федеративной Республики Кабарды и Балкарии упоминались в тексте только со ссылкой на полномочия, «переданные ей субъектами, ее образующими». В проекте специально оговаривалась процедура реализации Декларации, которая предусматривала предварительное «образование субъектов Федеративной Республики Кабарды и Балкарии и заключение между ними федеративного договора» [Декларация... 1990b]. Столь сложная «субъектно-договорная» структура превращала Федеративную Кабардино-Балкарию в малореальное, «фантомное» образование [Боров и др. 1999: 116].

Проект комиссии Верховного Совета носил промежуточный, компромиссный характер, учитывающий основные принципы представленных выше проектов. 30 января 1991 г. Верховный Совет республики принял Декларацию о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики. В окончательном тексте Декларации зафиксирован конкретный политический компромисс, учитывавший позицию балкарской части населения республики, выраженную как балкарским национальным движением, так и его полномочными представителями – депутатами Советов всех уровней. Это нашло отражение в трех положениях. Во-первых, о том, что «Кабардино-Балкарская ССР создает условия для обеспечения (в проекте – «обеспечивает») необходимого представительства кабардинского, балкарского и русского народов, а также компактно проживающих на территории республики национальных групп в выборных органах...». Во-вторых, о том, что «Верховный Совет КБССР строит свою работу на основе функционирования двух равноправных палат – палаты республики и палаты национальностей, которая формируется на паритетной основе». В-третьих, заявлялось: «Придавая важное политическое значение полному восстановлению прав (в проекте – «суверенных прав») балкарского народа, Верховный Совет республики считает необходимым решение вопросов о восстановлении административных районов Кабардино-Балкарии (в проекте – «районов Балкарии»), существовавших к марту 1944 г., с учетом сложившихся социально-экономических, демографических и других условий» (в проекте – без оговорки) [Этнополитическая... 1994а: 61-62].

В целом Декларация могла стать основой приемлемого и упорядоченного процесса государственно-политических преобразований, но заложенный компромисс не удовлетворил лидеров ни кабардинского, ни балкарского национальных движений.

30 марта 1991 г. состоялся первый этап 1-го съезда балкарского народа, который был санкционирован Верховным Советом КБАССР 22 сентября 1990 г [Этнополитическая... 1994а: 57]. С точки зрения массового политического сознания это выглядело не формальным «разрешением» на конкретную политическую акцию, а признанием легитимности съезда как высшего форума одного из субъектообразующих народов. В документах первого этапа 1-го съезда балкарского народа было выделено несколько проблем, решение которых является необходимым условием для социально-экономического и

политического развития Кабардино-Балкарии и гарантией сохранения стабильности в межнациональных отношениях:

I. Считать необходимым решение следующих вопросов:

1. восстановление районов Балкарии в пределах землепользования на момент выселения балкарского народа в марте 1944г.;

2. определения Балкарии как равноправного субъекта Кабардино-Балкарской ССР и конституционное закрепление данного положения;

3. законодательное закрепление механизмов участия Балкарии в подписании Союзного и Федеративного договора в качестве равноправного субъекта этих договоров;

4. конституционное закрепление положения о формировании Верховного Совета республики на основе функционирования двух равноправных палат – палаты республики и палаты национальностей, которые формируются на паритетной основе;

5. создание механизмов конституционного обеспечения обязательного избрания или назначения представителя народа Балкарии на одно из высших государственных должностей, включая ротацию высшего государственного должностного лица, а также обеспечения паритетного представительства субъекта КБССР в высших органах власти и управления КБССР.

II. Обратиться к Верховному Совету КБССР, Верховному Совету РСФСР, Верховному Совету ССР с предложением до подписания Союзного и Федеративного договора законодательно решить вышеназванные вопросы.

III. До законодательного решения вышеназванных вопросов, на основании положений Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской ССР, констатирующих равноправие и суверенность балкарского народа как одного из субъектов, образующих республику, Съезд отзывает полномочия, делегированные балкарским народом Верховному Совету РСФСР и Верховному Совету КБССР по подписанию Федеративного (РСФСР) договора.

IV. В случае подписания РСФСР и КБССР Союзного договора и КБССР Федеративного (РСФСР) договора до выполнения настоящего представления, балкарский народ как субъект республики считает себя не связанным с этим договором.

V. Съезд выражает надежду, что его решения встретят понимание и поддержку со стороны всех граждан КБССР. Они продиктованы исключительно стремлением восстановить поправные права балкарского народа, заботой о сохранении мира и согласия, обеспечения равных условий, гарантирующих стабильное развитие экономики и культуры всех народов Кабардино-Балкарии [Этнополитическая... 1994b: 175-177].

Основные положения (за исключением пунктов, относящихся к подписанию Федеративного договора) этого документа получили правовой подкрепление с принятием 26 апреля 1991 г. Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Он представлял собой целую программу

территориальной, политической, социальной, культурной реабилитации и возмещения ущерба, причиненного государством¹.

Лидеры балкарского национального движения связывали с реализацией российского закона «О реабилитации репрессированных народов» решение ключевых задач этнополитического самоопределения. Шаг в этом направлении, казалось был сделан, когда в мае 1991 г. четвертая сессия Верховного Совета КБССР приняла постановление «О законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»». Была образована комиссия по внесению в Верховный Совет КБССР предложений по обеспечению этого Закона (в частности, о восстановлении административно-территориального деления республики в границах 1 января 1944 г.).

Однако острый политический кризис в стране и республике летом 1991 г. вновь отодвинул их на второй план. После неудачного выступления ГКЧП рациональные и политические силы различной ориентации объединились в борьбе против руководства Верховного Совета и Правительства республики, обвиняя их в поддержке путчистов. В состав движения «Демократическая Кабардино-Балкария» вошли общественно-политические организации кабардинского народа «Адыгэ Хасэ», балкарского народа «Тере», Демократическая партия Кабардино-Балкарии, народные депутаты КБССР, входящие в группу «Радикальная реформа». Организованный движением 24 августа митинг потребовал самороспуска ВС КБССР, отставки Председателя ВС КБССР, его заместителей, а также Председателя Совета Министров КБССР [Резолюция... 1991].

Председатель Верховного Совета КБССР В.М. Коков, один из его заместителей Ю.В. Чепурков и председатель Совета министров М.Ш. Мамхегов подали в отставку, но система власти в целом, возглавляемая Верховным Советом, устояла. Доминировавшая в ней номенклатурная часть элиты испытывала давление и со стороны российского «демократического» руководства, возглавляемого избранным в июне 1991 г. Президентом Б.Н. Ельциным и со стороны «демократической» и национальной оппозиции в ВС КБССР. Судя по всему она видела одно из средств стабилизации власти и собственного положения в учреждении поста Президента Кабардино-Балкарии.

Такая перспектива противоречила установке балкарского национального движения на опережающую реализацию требований Закона о реабилитации репрессированных народов и, в целом, своей программы суверенизации Балкарии и федерализации Кабардино-Балкарии. Поскольку отсутствовали гарантии, что представители балкарской части населения будут иметь реальную возможность занимать пост президента республики, следовало либо не допустить его учреждения, либо до этого добиться восстановления балкарских районов и суверенизации Балкарии. Однако оно не располагало рычагами, чтобы в рамках существующей расстановки сил в Верховном совете достигнуть

¹ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» [Электронный ресурс] // Портал ГАРАНТ.РУ URL: <http://base.garant.ru/10200365/#ixzz30d8P2Wuf> (дата обращения: 03.05.2014).

этих целей. На V сессии ВС КБССР 25-27 сентября 1991 г. были приняты законы об учреждении поста Президента КБССР, о внесении соответствующих изменений в конституцию и о выборах Президента КБССР, которые были назначены на 24 ноября 1991 г. Альтернатива, вставшая в этих условиях перед балкарским национальным движением состояла либо в «замораживании» собственной программы на неопределенный срок и с неопределенными перспективами ее последующей реализации, либо в попытке осуществить ее явочным порядком. Видимо в это время началась подготовка второго этапа съезда балкарского народа и соответствующих документов.

На внеочередной сессии Верховного Совета КБССР 16 ноября 1991 г. балкарская депутатская группа в дополнение к вопросу о ходе подготовки к президентским выборам 24 ноября внесла вопрос о восстановлении административно-территориальных районов Кабардино-Балкарии по состоянию на 1 января 1944 г. Причем оба эти вопроса оказались в политическом смысле тесно переплетенными, т. к. от их решения зависела дальнейшая этнополитическая ситуация в республике. Если по первому вопросу сессия подтвердила проведение выборов Президента в назначенный срок, то по второму вопросу не приняла никакого решения, вновь отложив его на 26 ноября на очередную сессию ВС.

Конечно же, большинству депутатов было известно, что на следующий день намечен съезд балкарского народа. Вся дискуссия на сессии протекала под знаком вопроса: как ее результаты могут повлиять на решения съезда. Депутаты, предлагавшие принять решение о восстановлении районов, выражали надежду, что это позитивно скажется на решениях съезда и предотвратит бойкот президентских выборов балкарским населением. Депутаты балкарской национальности указывали на рост радикальных настроений среди балкарского населения, намеренного бойкотировать выборы до решения вопросов территориальной и политической (двухпалатный парламент с паритетным представительством) реабилитации. Но сами они высказывались за отсрочку выборов, и не давали никаких гарантий по поводу возможных решений предстоящего съезда.

С точки зрения балкарского национального движения, восстановление «балкарских районов» выглядело как простой акт восстановления исторической справедливости, получивший уже более чем достаточное политико-правовое обоснование в декларациях, постановлениях и законах, принятых на государственном (СССР и РСФСР) уровне в 1989-1991 гг. Но в то же время, затягивание выполнений этих решений воспринималась как результат нежелания республиканских властей (и, прежде всего, Верховного Совета, в котором доминировала «кабардинская» часть) решать их [Боров и др. 1999: 135]. Эта затягивание длилось с 1989 г. Принимались одно за другим решения и постановления по восстановлению балкарских районов. И на этом заседании ВС КБССР балкарская часть депутатов в знак протеста покинула зал заседания Верховного Совета.

В свою очередь, органы государственной власти республики в ситуации «беспорядка в стране» и «пробужденного национального самосознания» крайне

нерешительно подходили к осуществлению конкретных мероприятий по территориальной реабилитации. И естественно, видя происходящее затягивание законного требования балкарского движения, лидеры формальных и неформальных балкарских организаций пришли к твердому убеждению, что проблемы территориальной реабилитации необходимо решать самим. Таким образом, к концу года накопился значительный потенциал нетерпения, с одной стороны, и недоверия – с другой. Именно эта смесь нетерпения и недоверия определяла всю атмосферу обсуждения вопроса на внеочередной сессии Верховного Совета КБССР 16 ноября 1991 г.

17 ноября 1991 г. второй этап 1 съезда балкарского народа принял Декларацию о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа в составе РСФСР. Провозглашение Республики Балкария вытекало из логики событий происходивших, начиная с весны 1990 г. На основании Декларации о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа съезд постановил образовать Национальный Совет Балкарского Народа (НСБН) как высший орган власти балкарского народа с соответствующими полномочиями в период между сессиями. Съезд также принял постановление, согласно которому выборы Президента КБССР в балкарских населенных пунктах проводиться не будут [Декларация... 1991; Этнополитическая... 1994b: 183-187].

19 ноября 1991 г. чрезвычайная сессия Верховного Совета КБССР оценив ситуацию, приняла решение о переносе выборов Президента КБССР на 22 декабря 1992 г. Рассмотрев обращение I съезда балкарского народа к Верховному Совету, сессия приняла соответствующее постановление, содержащее следующие положения:

«1. Поддержать решение 1-го съезда балкарского народа о провозглашении Республики Балкарии в составе РСФСР и национального суверенитета балкарского народа. Оказать содействие в реализации данного решения;

2. Поручить Президиуму ВС КБССР образовать комиссию по выработке механизмов реализации положений, вытекающих из Декларации о провозглашении Республики Балкарии и национального суверенитета балкарского народа;

3. До законодательного закрепления образования Республики Балкария, на всей территории КБССР продолжают действовать Конституция КБССР, Законы КБССР и законно избранные органы государственной власти и управления» [Этнополитическая... 1994b: 99-100].

Большинство депутатов высказалось за то, что балкарский народ реализовал свое право на самоопределение, изъявив желание выйти из состава КБССР и самостоятельно решать вопросы экономического и культурного развития. Но в тоже время подчеркивалось, что реальный выход Балкарии из состава республики и создание ею своей государственности займет длительный период. Ибо это не единовременный акт, а самый сложный юридический и политический процесс, требующий тщательного и объективного анализа истории взаимоотношений кабардинского и балкарского народов, выяснения

существовавших территорий и границ, их воссоздания и определения новых. Необходимо подготовить и рассмотреть целый ряд законов и других нормативных актов по вопросам разделения государственной власти, материальных и культурных ценностей, накопленных в силу совместного проживания и т.д. Поэтому до решения всех этих вопросов нельзя говорить о политическом признании Республики Балкария. Представители кабардинских общественных организаций, присутствовавших на сессии, также одобрили волеизъявление балкарского народа. На этой же сессии было принято решение о переносе выборов Президента с 24 ноября на 22 декабря в связи с провозглашением Республики Балкария и обострением общественно-политической ситуации¹.

Следует отметить, что некоторые представители балкарской элиты не были сторонниками отделения Балкарии от КБССР. 21 ноября они выступили с заявлением по местному телевидению с соответствующим обращением. Они, в частности говорили о поспешности провозглашения республики Балкария, о возможности межнациональных конфликтов, как в некоторых республиках СССР.

НСБН в свою очередь также опубликовала в газете «Тёре» (Балкарский форум) комментарии, где говорится, что народы, которые жили бок о бок по соседству веками в мире и согласии не могут и не должны воспринимать данное событие как агрессивный акт. Также говорилось, что кабардинцы и балкарцы, живущие в мире вместе, в единой республике, могут также жить в мире в разделённых республиках. И, что каждый гражданин вправе жить в той республике, в которой он хочет жить сам. В этой же статье авторы утверждали, что те, кому не нравится разделение республики – это чиновники, которые боятся потерять свои обжитые и теплые кресла.

И все же, видимо ощущая необходимость в более прочной легитимации принятых решений Национальный совет балкарского народа обратился в Президиум ВС КБССР с запросом о проведении референдума среди балкарского населения республики. Однако Президиум ВС принял 13 декабря постановление «О проведении референдума КБССР по вопросу о сохранении единства КБССР» и принял решение о внесении данного вопроса на рассмотрение ВС КБССР [Этнополитическая... 1994b: 198-199]. 14 декабря 1991 г. состоялся съезд народов Кабардино-Балкарии, лейтмотивом которого была необходимость сохранения единства республики и опасность раскола.

В связи с этим, на основании Декларации о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа, в соответствии с частью 5 статьи 9 Закона КБССР «О всенародном голосовании (референдуме) КБССР» НСБН 21 декабря 1991 г. постановил назначить референдум балкарского народа со следующей формулировкой вопроса референдума:

¹ Из выступлений народных депутатов и приглашенных на чрезвычайной сессии Верховного Совета КБССР (двенадцатый созыв) 19 ноября 1991 г., посвященных провозглашению суверенитета Республики Балкарии [Электронный ресурс] // Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусойд». URL: <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum117/topic8331/> (дата обращения: 23.08.2019).

«Поддерживаете ли Вы провозглашение национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкария как субъекта, образующего РСФСР?» [Этнополитическая... 1994b: 198-199].

На следующий день 22 декабря 1991 г. балкарское национальное движение и НСБН во исполнение решения второго этапа 1-го съезда балкарского народа, бойкотировали первый тур выборов Президента Кабардино-Балкарии – ни один из 39 избирательных участков, находящихся преимущественно в балкарских населенных пунктах не открылся (по официальным данным избиркома). Как бы предупреждая, что ни бойкот выборов Президента КБССР, ни назначенный «референдум балкарского народа» не будут иметь политико-правовых последствий Президиум ВС КБССР 26 декабря 1991 г. принял два постановления, признававшие неконституционными те пункты постановления I съезда балкарского народа, где НСБН наделялся властными полномочиями, противоречащими Конституции КБССР [УЦГА АС КБР Ф. Р717. Оп. 5 (доп). Д. 26 (109 стр). Л. 36].

Тем не менее, руководством НСБН и образованной им Центральной комиссией, местными Советами народных депутатов 25 населенных пунктов были приняты решения о проведении референдума и были проведены соответствующие мероприятия. Опрос был проведен 29 декабря 1991 г.

На заседании Центральной комиссии референдума балкарского народа 2 января 1992 г. были подведены окончательные итоги референдума. По их результатам было объявлено, что в референдуме приняло участие 84,9 % от общего числа внесенных в списки 45 219 граждан и 94,8 % ответили «да» на вопрос: «Поддерживаете ли Вы провозглашение национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкарии как субъекта, образующего РСФСР?» Тем самым народ поддержал решение 2 этапа 1-го съезда балкарского народа о провозглашении национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкарии как субъекта, образующего РСФСР и подтвердил свое волеизъявление [Этнополитическая... 1994b: 206-207].

При объективном анализе политических событий конца 1991-го г., можно констатировать, что споры по поводу законности или незаконности референдума, признания или непризнания его результатов, то «власть» скорее юридически была права, поскольку изначально в постановлении ВС КБССР от 19 ноября 1991 г. «Об обращении 1-го съезда балкарского народа к Верховному Совету КБССР» оговаривалось, что до законодательного закрепления образования Республики Балкария, на всей территории КБССР продолжают действовать Конституция КБССР, Законы КБССР и законно избранные органы государственной власти и управления [Этнополитическая... 1994a: 99-100]. Но волеизъявление народа является серьезным политическим фактором, и в политическом смысле референдум укреплял позиции НСБН и всех сторонников суверенизации Балкарии.

Как представляется, это была кульминационная точка в развитии балкарского национального движения и предельный пункт продвижения к его программным целям. При его активном, а в некоторых отношениях, решающем

участии к концу 1991 г. в Кабардино-Балкарии сложилась новая политическая реальность. Ее окончательная институционализация зависела не только от балкарского национального движения, но и от других субъектов политического развития республики. Дальнейший ход этого развития оказался постепенным отступлением от достигнутого рубежа и поворотом от консолидации к размежеванию в национальном движении. С исторической дистанции принципиально важным здесь является то, что движение в обоих направлениях оставалось в мирных рамках.

Заключение

Проблемы сохранения этнокультурной идентичности актуализируются, прежде всего, для малочисленных народов под воздействием фундаментальных факторов – глобализации и модернизации. Осознание этих проблем и попытки противодействия процессам деэтнизации становятся делом гуманитарной интеллигенции. И это обстоятельство четко прослеживается на опыте народов Кабардино-Балкарии в 1980-е гг. У балкарцев организованный и перманентный характер культурно-возрожденческая активность приобрела в связи с деятельностью объединения «Ныгъыш» с конца 1984 г.

Однако условия периода глубоких общественных преобразований в СССР второй половины 1980-х гг. потребовали от зарождавшегося национального движения выхода на политический уровень. Политика перестройки и гласности сделала возможным для него открыто обсуждать исторические и актуальные проблемы, ранее находившиеся под запретом; политическая реформа 1988-1989 гг. поставила его перед вопросом как будет обеспечено представительство балкарского народа в системе органов власти; провозглашение на высшем уровне всеохватывающих глубоких преобразований в национальных отношениях подводило к необходимости брать национальную судьбу в собственные руки.

Под влиянием и в ответ на эти условия балкарское национальное движение претерпевает в 1989-1990 гг. глубокую идейно-организационную перестройку. Оформляются идеологическая легитимация его программы по формуле восстановления прав репрессированного народа и ее основные элементы – восстановление административных районов Балкарии по состоянию на 1944 г.; восстановление паритетного представительства в высших органах властной системы республики на основе принципов объединения Кабарды и Балкарии в единую автономию в 1922 г.; суверенизация Балкарии, чтобы она могла самостоятельно на договорной основе строить свои отношения и с Кабардой и с Российской Федерацией.

На этой идейной основе происходит организационно-политическая консолидация балкарского национального движения. Наряду с «Ныгъыш» весной 1990 г. создается организация «Бирлик» и вскоре они объединяются в единую организацию «Тёре». Если «Ныгъыш» первоначально представляло собой культурно-национальное любительское объединение, то «Бирлик» и «Тёре» выступают как организации, представляющие весь балкарский народ.

Название консолидированной народной общественной организации «Тёре» раскрывается как «Балкарский форум».

С лета 1990 г. начинается процесс реальной трансформации государственно-политического статуса и этнополитической структуры Кабардино-Балкарии. Первым шагом в этом направлении стало обсуждение проектов и последующее принятие Декларации о государственном суверенитете КБССР. Балкарское национальное движение участвовало в этом процессе консолидировано и со своей программой. Это проявилось в резолюции, одобренной 19 августа 1990 г. на конференции депутатов-балкарцев, избранных в сельские, поселковые, районные советы народных депутатов, Верховные Советы КБАССР, РСФСР и СССР и в проекте Декларации, представленном «Тёре».

Окончательный текст Декларации, принятый Верховным Советом республики 30 января 1991 г., содержал компромиссные формулы о восстановлении районов и о формировании одной из палат парламента на паритетной основе. Но Балкарская национальная программа не была принята в полном объеме и борьба за ее реализацию продолжилась, набирая размах. В политическом плане важно было то, что от имени народа теперь говорили не отдельные организации, а его представительный орган – съезд. 30 марта 1991 г. состоялся съезд балкарского народа, подтвердивший комплекс национальных целей и требований. В правовом плане принципиальное значение имел Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. Теперь ключевое положение балкарской национальной программы о восстановлении балкарских районов по состоянию на 1944 г. выступало как требование закона.

В свою очередь, органы государственной власти республики в ситуации общего ослабления государственной власти крайне нерешительно подходили к осуществлению конкретных мероприятий по территориальной реабилитации. Длительное затягивание законного требования балкарского движения, видимо, привело лидеров формальных и неформальных балкарских организаций к твердому убеждению, что проблемы территориальной реабилитации необходимо решать самим.

Кульминационным пунктом в развитии балкарского национального движения стали: принятие 17 ноября 1991 г. съездом балкарского народа Декларации о провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского; создание Национального Совета Балкарского Народа (НСБН) как высшего органа власти; поддержка Верховным Советом КБССР решений съезда балкарского народа; неучастие балкарского населения съезда в выборах Президента КБССР; санкционированный НСБН опрос среди балкарского населения по вопросу о поддержке провозглашения национального суверенитета и 94,8 % ответивших «да».

Таким образом, при активном, а в некоторых отношениях – решающем участии балкарского национального движения к концу 1991 г. в Кабардино-Балкарии сложилась новая политическая реальность. Однако получит она окончательное институциональное закрепление – или нет, зависело не только

от балкарского национального движения, но и от других субъектов политического процесса. Дальнейший ход политического развития обернулся постепенным отступлением от достигнутого рубежа и поворотом от консолидации к размежеванию в национальном движении. При взгляде с исторической дистанции принципиально важным здесь является то, что движение в обоих направлениях оставалось в мирных рамках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аккиева 1997 – Аккиева С.И. Лозунг национального самоопределения и политическая борьба в Кабардино-Балкарии. 1989-1996 [Электронный ресурс] // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»: сайт. URL: <http://old.memo.ru/hr/referats/selfdet/chapter13.htm> (дата обращения: 10.08.2019).

Аккиева 2002 – Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). – М.: ИЭА РАН, 2002. – 448 с.

Апажева 2018 – Апажева Е.Х. Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе 1985–2000 гг. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 200 с.

Боров и др. 1999 – Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 184 с.

Боров и др. 2019 – Боров А.Х., Апажева Е.Х., Азикова Ю.М. Историко-политические факторы постсоветской социальной ситуации в Кабардино-Балкарской республике: опыт 1990-2000-х годов // Известия СОИГСИ. 2019. № 32 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-politicheskie-factory-postsovetskoy-sotsialnoy-situatsii-v-kabardino-balkarskoy-respublike-opyt-1990-2000-h-godov> (дата обращения: 20.09.2019).

Боров, Пшемурзов 1997 – Боров А.Х., Пшемурзов В.Х. Историческая память и этническая культура // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). – М. – Нальчик: «Логос», 1997. – С. 202–210.

Генеральному... 1989 – Генеральному прокурору СССР и Председателю КГБ СССР. 28.11.1989. Копия Заявления // Личный архив И.А.Табакоева.

Гугова 2002 – Гугова М.Х. Общественно-политические движения Кабардино-Балкарской Республики (II половина 80 – середина 90-х гг. XX века): дисс... канд. ист. наук. – Нальчик, 2002. – 158 с.

Гугова 2007 – Гугова М.Х. Политический плюрализм и формирование политических структур в Кабардино-Балкарии в последней четверти XX века // Исторический вестник. V выпуск. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – С. 108-121.

Декларация... 1990а – Декларация о государственном суверенитете КБССР (Проект) // Кабардино-Балкарская правда. – 11 сентября. – 1990. – №174. – С. 3

Декларация... 1990b – Декларация о государственном суверенитете Федеративной Республики Кабарды и Балкарии (Проект) // Кабардино-Балкарская правда. – 11 сентября. – 1990. – № 174. – С. 3

Декларация... 1991 – Декларация о провозглашении Республики Балкария // «Тёре» (Балкарский форум). – Декабрь – 1991. – № 10.

Документы... 1983 – Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). – Нальчик: «Эльбрус». – 1983. – 800 с.

Жабелова 2009 – Жабелова Л.Л. Он подарил нам радость. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 272 с.

Казенин 2009 – Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

Литвинова 2011 – *Литвинова Т.Н.* Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 292 с.

Материалы... 1989 – *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. – М.: Политиздат, 1989. – 255 с.

Резолюция... 1991 – *Резолюция* митинга граждан Кабардино-Балкарии от 24 августа 1991 г. // «Тёре» (Балкарский форум). – Август. – 1991. – № 8.

Республики... 2012 – *Республики* Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 504 с.

Сабанчиев 2011 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Государственность Кабардино-Балкарии в условиях реформирования системы федеративных отношений (1993-2011 гг.) (К 90-летию государственности КБР) // *Известия КБНЦ РАН.* – 2011. – №3(41). – С. 182-189.

Тетуев 2018 – *Тетуев А.И.* Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции. – Нальчик: Издательство «Принт Центр», 2018. – 239 с.

Умаров 1990 – *Умаров С.* Бойкот. А что дальше? // Газета «Советская молодежь». – 30 март. – 1990. – № 37-39. – С. 2.

УЦГА АС КБР – *Управление Центрального Государственного архива Архивная служба Кабардино-Балкарской Республики.*

Черекская... 1994 – *Черекская* трагедия: Сборник статей и воспоминаний / Сост. А.И. Тетуев. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – 196 с.

Шорова 2009а – *Шорова М.Б.* Этническая мобилизация и национальные движения в КБР на рубеже 1980-1990-х гг. // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* – 2009. – № 10-2. – С. 137-140.

Шорова 2009б – *Шорова М.Б.* Национальные проблемы в Кабардино-Балкарии на этапе «суверенизации» российских автономий // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* – 2009. – № 12-2. – С. 141-148.

Шорова 2011а – *Шорова М.Б.* Сложности введения института президентства в Кабардино-Балкарской республике // *Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. «Перспектива – 2011».* Т. I. – Нальчик: КБГУ, 2011. – С. 98-101.

Шорова 2011б – *Шорова М.Б.* Национальные проекты государственно-политического переустройства Кабардино-Балкарии в начале 1990-х гг. // *Материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Наука и устойчивое развитие».* – Нальчик: КБГУ, 2011. – С. 129-131.

Шорова 2012 – *Шорова М.Б.* Факторы и механизмы этнополитического раскола в Кабардино-Балкарии // *Научная мысль Кавказа.* – 2012. – № 2. – С. 104-109.

Шорова 2017 – *Шорова М.Б.* Национальные интересы и декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарии // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* – 2017. – Выпуск 3(38). – С. 47-54.

Шорова 2018 – *Шорова М.Б.* Актуализация национального вопроса в СССР в условиях государственно-политических преобразований второй половины 1980-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. История.* – 2018. – № 55. – С. 62-66.

Этнополитическая... 1994а – *Этнополитическая* ситуация в Кабардино-Балкарии. Сост. и ответственный ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 1. – 243 с.

Этнополитическая... 1994б – *Этнополитическая* ситуация в Кабардино-Балкарии. Сост. и ответственный ред. И.Л. Бабич. – М.: УОП ИЭИА РАН, 1994. – Т. 2. – 313 с.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Lozung natsional'nogo samoopredeleniya i politicheskaya bor'ba v Kabardino-Balkarii. 1989-1996* [The slogan of national self-determination and political struggle in Kabardino-Balkaria. 1989-1996] [Online resource]. IN: International historical and educational,

charitable and human rights society "Memorial": site. URL: <http://old.memo.ru/hr/referats/selfdet/chapter13.htm> (data of access: 10.08.2019). (In Russian)

AKKIEVA S.I. *Razvitie etnopoliticheskoi situatsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike (postsovetskii period)* [Development of ethno-political situation in Kabardino-Balkar Republic (post-Soviet period)]. – M.: IEA RAN, 2002. – 448 p. (In Russian)

APAZHEVA E.Kh. *Natsional'nyi vopros i mezhnatsional'nye otnosheniya na Severnom Kavkaze 1985-2000 gg.* [The National Question and Interethnic Relations in the North Caucasus 1985–2000] – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 200 p. (In Russian)

BOROV A.Kh., APAZHEVA E.Kh., AZIKOVA Yu.M. *Istoriko-politicheskie faktory postsovetskoi sotsial'noi situatsii v Kabardino-Balkarskoi Respublike: opyt 1990-2000-kh godov* [Historical and political factors of the post-Soviet social situation in the Kabardino-Balkar Republic: the experience of the 1990s-2000s]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. 2019. No 32 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-politicheskie-factory-postsovetskoy-sotsialnoy-situatsii-v-kabardino-balkarskoy-respublike-opyt-1990-2000-h-godov> (data of access: 20.09.2019). (In Russian)

BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy.* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, ways of formation, problems]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 184 p. (In Russian)

BOROV A.Kh., PSHEMURZOV V.Kh. *Istoricheskaya pamyat' i etnicheskaya kul'tura* [Historical memory and ethnic culture]. IN: *Etnicheskaya kul'tura: problema samosokhraneniya v sovremennom kontekste (kul'turologicheskie ocherki)*. – M.-Nalchik: «Logos», 1997. – P. 202–210. (In Russian)

Cherekskaya tragediya: Sbornik statei i vospominanii / Sost. A.I. Tetuev [Cherek tragedy: Collection of articles and memoirs. compiled by A.I. Tetuev]. – Nalchik: «El'brus», 1994. – 196 p. (In Russian)

Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Federativnoi Respubliki Kabardy i Balkarii (Proekt) [Declaration of state sovereignty of the Federal Republic of Kabarda and Balkaria (Draft)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – September 11. – 1990. – No 174. – P. 3. (In Russian)

Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete KBSSR (Proekt) [Declaration of state sovereignty of the Federal Republic of Kabarda and Balkaria (Draft)]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – September 11. – 1990. – No 174. – P. 3. (In Russian)

Deklaratsiya o provozglashenii Respubliki Balkariya (Proekt) [Declaration on the proclamation of the Republic of Balkaria]. IN: «Tere» (Balkarskii forum). – December. – 1991. – No 10. – P. 1. (In Russian)

Dokumenty po istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917-1922 gg.) [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917-1922)]. – Nalchik: «El'brus», – 1983. – 800 p. (In Russian)

Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii [Ethno-political situation in Kabardino-Balkaria]. Ed. by I.L. Babich. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 1. – 243 p. (In Russian)

Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii [Ethno-political situation in Kabardino-Balkaria]. Ed. by I.L. Babich. – M.: UOP IEIA RAN, 1994. – Vol. 2. – 313 p. (In Russian)

General'nomu prokuroru SSSR i Predsedatelyu KGB SSSR. 28.11.1989. Kopiya Zayavleniya [The Prosecutor General of the USSR and the Chairman of the KGB of the USSR. 11.28.1989. Copy of the Application]. Lichnyi arkhiv I.A.Tabaksoeva. (In Russian)

GUGOVA M.Kh. *Obshchestvenno-politicheskie dvizheniya Kabardino-Balkarskoi Respubliki (II polovina 80 – seredina 90-kh gg. XX veka): diss... kand. ist. nauk* [Socio-political movements of the Kabardino-Balkarian Republic (II half of the 80th – mid-90s of the 20th century). The dissertation for the Candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2002. – 158 p. (In Russian)

GUGOVA M.Kh. *Politicheskii plyuralizm i formirovanie politicheskikh struktur v Kabardino-Balkarii v poslednei chetverti XX veka* [Political pluralism and the formation of political

structures in Kabardino-Balkaria in the last quarter of the 20th century]. IN: Istoricheskii vestnik. Iss. V. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.» Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – P. 108-121. (In Russian)

KAZENIN K. «Tikhie» konflikty na Severnom Kavkaze: Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya ["Quiet" conflicts in the North Caucasus: Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia]. – M.: REGNUM, 2009. – 180 p. (In Russian)

LITVINOVA T.N. *Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Political institutions in the North Caucasus in the context of the development of Russian statehood]. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 292 p. (In Russian)

Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 19-20 sentyabrya 1989 g. [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, September 19-20, 1989] – M.: Politizdat, 1989. – 255 p. (In Russian)

Respubliki Severnogo Kavkaza: etnopoliticheskaya situatsiya i otnosheniya s federal'nym tsentrom [Republics of the North Caucasus: Ethnopolitical Situation and Relations with the Federal Center]. – M.: MAKS Press, 2012. – 504 p. (In Russian)

Rezolyutsiya mitinga grazhdan Kabardino-Balkarii ot 24 avgusta 1991 g. [RESOLUTION of the meeting of citizens of Kabardino-Balkaria of August 24, 1991]. IN: «Tere» (Balkarskii forum). – August. – 1991. – No 8. (In Russian)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii v usloviyakh reformirovaniya sistemy federativnykh otnoshenii (1993-2011 gg.) (K 90-letiyu gosudarstvennosti KBR)* [Statehood of Kabardino-Balkaria in the context of reforming the system of federal relations (1993-2011) (To the 90th anniversary of the statehood of the KBR)]. IN: Izvestiya KBNTs RAN. – 2011. – No 3(41). – P. 182-189. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Aktualizatsiya natsional'nogo voprosa v SSSR v usloviyakh gosudarstvenno-politicheskikh preobrazovaniy vtoroi poloviny 1980-kh gg.* [Actualization of the national question in the USSR in the conditions of state-political transformations of the second half of the 1980s.]. IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika. – 2018. – No 55. – P. 62-66. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Etnicheskaya mobilizatsiya i natsional'nye dvizheniya v KBR na rubezhe 1980-1990-kh gg.* [Ethnic mobilization and national movements in the KBR at the turn of the 1980-1990s.]. IN: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. – 2009. – No 10-2. – P. 137-140. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Faktory i mekhanizmy etnopoliticheskogo raskola v Kabardino-Balkarii* [Factors and mechanisms of ethnopolitical split in Kabardino-Balkaria]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2012. – No 2. – P. 104-109. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Natsional'nye interesy i deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Kabardino-Balkarii* [National interests and the declaration of state sovereignty of Kabardino-Balkaria]. IN: Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. – 2017. – Iss. 3 (38). – P. 47-54. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Natsional'nye problemy v Kabardino-Balkarii na etape «suverenizatsii» rossiiskikh avtonomii* [National problems in Kabardino-Balkaria at the stage of "sovereignization" of Russian autonomies]. IN: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. – 2009. – No 12-2. – P. 141-148. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Natsional'nye proekty gosudarstvenno-politicheskogo pereustroistva Kabardino-Balkarii v nachale 1990-kh gg.* [National projects of state-political reconstruction of Kabardino-Balkaria in the early 1990s]. IN: *Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh «Nauka i ustoichivoe razvitiye»* [Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists "Science and Sustainable Development"]. – Nalchik: KBSU, 2011. – P. 129-131. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Slozhnosti vvedeniya instituta prezidentstva v Kabardino-Balkarskoi respublike* [The difficulties of establishing the institution of presidency in the Kabardino-Balkarian

Republic]. IN: *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. «Perspektiva – 2011»* [Materials of the international scientific conference of students, graduate students and young scientists. "Perspective 2011"]. Vol. I. – Nalchik: KBGU, 2011. – P. 98-101. (In Russian)

TETUEV A.I. *Etnopoliticheskie protsessy v Kabardino-Balkarii v period sistemnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva: osobennosti i osnovnye tendentsii* [Ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria during the period of systemic transformation of Russian society: features and main trends]. – Nalchik: Izdatel'stvo «Print Tsentr», 2018. – 239 p. (In Russian)

UMAROV S. *Boikot. A chto dal'she?* [Boycott. What's next?]. IN: *Gazeta «Sovetskaya molodezh'»*. – 30 mart. – 1990. – No 37-39. – P. 2. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnaya sluzhba Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic]. (In Russian)

ZHABELOVA L.L. *On podaril nam radost'* [He gave us joy]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 272 p. (In Russian)

Этнография, этнология, антропология

УДК 93/94-479

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-207-221

**ПОВСЕДНЕВНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЧЕРКЕСОВ В УСЛОВИЯХ
ВОЕННОГО КОНФЛИКТА: ЭТНОГРАФИЯ СМЕРТИ¹****М.А. ТЕКУЕВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

Е.А. НАЛЬЧИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

А.А. КОНОВАЛОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru*

М.Х. ГУГОВА

*Институт гуманитарных исследований
Филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Аннотация. Целью настоящего исследования стало изучение ментальных установок в культуре черкесов в отношении смерти и их проявление в повседневной практике. Выбор Кавказской войны (1763-1864) как хронологического периода для анализа предмета исследования обусловлен драматизмом исторических событий, мобилизовавших знаковые элементы обыденного уклада, которые характеризовали культурную самобытность народа. Статья опирается на источники нарративного, фольклорного и этнографического характера. Были применены современные научные методы и подходы истории повседневности, гендерной истории, истории ментальности. Применение их инструментария позволило раскрыть мотивацию поведения перед лицом смерти и ее восприятие черкесами в условиях затяжной войны: чувство страха, проявление бесстрашия или тревоги, ментальные изменения. Черкесы предстают не как абстрактная сторона конфликта, а как исторический субъект. Кавказская война состояла не только из битв, побед и поражений, ее наполняли конкретные судьбы, истории подвига и предательства, женские плачи и песни памяти.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа».

Война, с одной стороны превращает смерть в ежедневную реальность, с другой – возвышает частные скорбные переживания до значения национальной трагедии. В процессе изучения поставленной проблемы отмечены две разнонаправленные тенденции в развитии традиционных ритуальных практик: их культивация в условиях длительного военного противостояния и эрозия ментальных оснований традиционной культуры в результате колонизации края. В статье рассматривается отношение женщин к военным потерям (переживания, жертвы, стойкость, ритуальные функции) и их роль в формировании духа сопротивления у мужчин (механизмы психологического воздействия), а также отношение черкесов к погибшим на поле боя. Изучение этнографии смерти приводит авторов к выводу о значении ритуально-обрядовой культуры, как составной части идеологии борьбы за независимость, и семантического текста, транслирующего потомкам самобытные культурные ценности.

Ключевые слова: Кавказская война; черкесы; героическая смерть; забота о телах; ментальность; скорбные переживания; женская траурная риторика.

DAILY LIVES OF CIRCASSIANS IN CONFLICT-AFFECTED SITUATIONS: ETHNOGRAPHY OF DEATH

M.A. TEKUEVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

E.A. NALCHIKOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

A.A. KONOVALOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: homunculus2@yandex.ru*

M.Kh. GUGOVA

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Abstract. The current paper studies mental relations among Circassians towards death and their manifestations in day-to-day routines. The Caucasian war (1763-1864) constitutes the historical background for the research as a chronological milestone saturated with dramatic historical events and cultural landmarks representing ethnic distinctiveness. The paper is based on narrative, folklore, and ethnographical sources. The research methodology involves modern scholar approaches, i.e. everyday history (Alltagsgeschichte), gender history, and history of mentality. Implementation of these toolkits reveals behavioral drives in the face of death, perception of death amongst a conflict: sense of alarm, fearlessness, mental changes. Circassians within this framework do not merely portray an abstract party to a conflict, but historic subject. Not only battles, victories and defeats the

Caucasian war embodies, but also it incorporated fortunes, feats and betrayals, laments and memorial song. On the one hand, a war transforms death into the routine, on the other hand, it elevates personal experiences up to the national tragedies. Authors emphasized two contrasting tendencies in the development of traditional ritual patterns: their cultivation amidst tedious military confrontation and erosion of traditional culture as a result of colonization of the North Caucasus. The article considers women's attitudes towards wartime losses (distress, sacrifice, perseverance, ritual execution) and their role in forming men's spirit of resistance (mechanisms of psychological exposure), and attitudes among Circassians towards their died fellows on the battlefield. Ethnography of death and its study conclude into recognition of the value of ritual culture and semantic text that translated indigenous cultural values to descendants.

Keywords: Caucasian war; Circassians; heroic death; remains care; mentality; laments; women's mourning discourse.

Кавказская война – это болезненный рубеж, разделивший историю адыгов на две огромные эпохи До и После: традиционную «патриархальную старину» и новое существование в рамках имперского государства. Кавказская война, начинавшаяся исподволь в Кабарде и распространившаяся за сто лет по всему Кавказу, стала временем не только исторических перемен, но и трансформации таких состояний, как этническая ментальность, национальное сознание. Для определения характера и степени этих перемен, их влияния на дальнейшие судьбы народов Кавказа в данной статье будет рассмотрен один из аспектов изменений в ментальных поведенческих практиках и повседневном быту адыгов, выразившийся в их отношении к самым трагическим последствиям войны – гибели на войне и заботе о телах и душах ушедших. Мы выбрали именно этот аспект проблемы в виду его драматической остроты и консервативности обрядово-ритуальной стороны, что придает большую показательность ментальным установкам и их трансформациям под воздействием внешних факторов.

Под гибелью на войне мы понимаем не только смерть на поле боя, но и другие военные трагедии: насилие над женщинами, голод, детские жертвы и пр. Поэтому наш анализ будет носить не социально-политический характер, а историко-культурный, с акцентом на повседневных деталях, этнографических фактах, частных переживаниях и эмоциях.

Одной из магистральных тенденций современной исторической науки является перенос фокуса внимания с внешних сторон изучаемой реальности к внутренним, попытка реконструкции внутреннего мира человека прошлого и его восприятия мира, в котором он жил. Такая исследовательская перспектива позволит лучше разобраться в сложной системе отношений и смыслов «человек на войне», изнутри увидеть специфический опыт черкесов в условиях сопротивления и понять как мотивацию их поведения, так и их восприятие войны в целом.

Исследовательский инструментарий истории повседневности позволил изучить сферу человеческой обыденности в контексте военного противостояния, представить черкесов не столько как абстрактную сторону конфликта, но как творцов смыслов, активно создающих реалии прошлого. В настоящей статье, в соответствии указанным подходом, применялась интерпретация исторического

источника путем проникновения в его внутренние слои, ставилась задача восполнить лакуны нарратива: недоговоренности, недосказанности, что позволило выяснить мотивацию действий индивидов и приблизиться к их пониманию.

Война ставит человека в пограничную ситуацию, что актуализирует переживание смерти как одной из корневых категорий человеческого существования. Применение подходов, разработанных историей ментальности, позволило проследить реализацию в поведенческих практиках и сознании черкесов концепта гибели на войне, отношения к врагам и человеческому телу. Это оказалось возможным при осознании форм бытования в черкесском обществе ценностей жизни, следования долгу, образа мужчины-воина и его верной жены. Вычленение данных категорий сознания позволило изучить постоянные социально-психологические черты, типичные для поведения в ситуации военного противостояния.

Источниковая база нашего исследования основывается на трех видах источников: фольклорном материале, литературных (нарративных) свидетельствах участников событий Кавказской войны и произведениях местных бытописателей. Первый вид включает в себя песни и предания о Кавказской войне: историко-героические и плачевные, многие из которых опубликованы в нескольких сборниках [Народные песни 1986; Адыгские песни... 2005; Кабардинский... 1936]. Свидетельства очевидцев, мемуары и записки российских офицеров и иностранных авторов, объединены в сборниках [АБКИЕА 1974; Из истории... 1991] или вышли отдельными изданиями [Пирогов 1952; Потто 1994а; Потто 1994b; Дубровин 1871; Эсадзе 1993]. Литературные и этнографические труды адыгских просветителей XIX века составляют третий блок источников, наиболее достоверный с точки зрения аутентичности материала [Хан-Гирей 1992; Хан-Гирей 1989; Кешев 1988; Ногмов 1994].

В обширном историографическом материале Кавказской войны нам видится целесообразным выделение историографии отдельной интересующей нас проблемы, а именно трагической повседневности и личных переживаний участников и жертв войны, которые выпали из поля зрения кавказоведов как менее существенные и недостаточно «научные». Поворот к повседневной истории, к историко-антропологическому изучению классического предмета исторического исследования – войны произошел только в постсоветской историографии.

Однако отдельные элементы эмоционального переживания последствий Кавказской войны, связанные с массовым выселением коренного населения Кавказа в Османскую империю, получили освещение еще в научных изысканиях советского исследователя Дзидзария [Дзидзария 1982]. Он затронул прежде замалчивавшиеся аспекты национально-освободительного движения горцев. Время перестройки легитимизировало обращение к забытым архивам и источникам, к острым темам: стало возможным задаваться вопросами о характере войны и последующем изгнании кавказцев на чужбину, о реальном количестве жертв и колониальной политике царского правительства [Кушхабиев 1993; Дзамихов 2000; Кишмахов 2012; Алоев 2014; Кожев 2014].

Эти работы позволяют расширить эмпирическую и теоретическую базу нашего исследования.

Историко-культурным проблемам русско-кавказской драмы, истории противостояния и притяжения двух миров: русской цивилизации и «мощного древнего мира Кавказа» посвящена монография Якова Гордина [Гордин 2008]. Тема трагического стала основной в его анализе ментального кавказского кризиса.

В кавказоведении последних двух десятилетий в круг изучаемых вопросов были включены новые темы: конструирование мужского характера и поведения, соответствующих социальных институтов [Карпов 1996], мир женских и мужских переживаний [Текуева 2014], воспитание воина, формирование кодекса чести [Марзей 2004], «вписывание военной культуры кабардинцев в общероссийский военно-культурный контекст» [Прасолов 2015: 317], исследование повседневного пространства смерти, ментальных представлений о достойном уходе из жизни, высокой ноте трагизма в событии смерти [Нальчикова 2007].

Данная статья обобщает коллективные разработки ее авторами комплекса вопросов, встающих перед исследователями военной повседневности. Смерть во время Кавказской войны, героическая трагедия и обыденный страх потери, переживания и сопротивление, сопутствующие истории войны, дополняют наши представления о прошлом. Что такое «героика смерти»? Как привычный ритуал и традиционное сознание помогали переживанию смерти близких? Какое место в военных событиях занимали женщины? Как мотивировали мужчин на героическую смерть женские ожидания? Как военное командование использовало ментальное отношение горцев к телам погибших для разрушения духа сопротивления?

Таким образом, исследование нацелено на изучение трансформации патриархальной идеологии кавказских народов в ходе их колонизации, а также степени сохранности/разрушения ментальных установок.

Героика Кавказской войны стала общим местом в национальной историографии. Смело вступающие в сражение черкесские отряды, особенная стратегия ведения боя, личная отвага каждого и абсолютная готовность к смерти на войне – все эти сюжеты лежат на поверхности исторических хроник, народных песен и литературных романов.

Однако доблестная смерть имеет и другие лики. Женские эмоциональные поступки и реакции, порой демонстративные, порой – импульсивные, не менее значимы для понимания особенностей этнического облика и культуры народа, проживающего военную трагедию и использующего комплекс выработанных коллективным сознанием и закреплённых традицией методов для переживания своего горя и облегчения доли умершего.

Кавказская война известна нам только по тому, как проявили себя в ней мужчины и как потом мужчины же написали ее историю. Женщины в этой исторической драме представляли некую молчаливую массу, и можно только догадываться, сколько в стенах домашнего женского пространства пережито чувств: ожидания, терпения, страха, гордости, боли, потерь. Эти нематериальные и незадокументированные аспекты истории являются несчитываемой

эмоциональной составляющей частной женской истории. Женский голос практически не слышен в исторических документах, женские имена затерялись в трагедии Кавказской войны.

Тем дороже нам те редкие свидетельства женского участия в событиях военных лет, которые можно найти в фольклорных источниках. И тут оказывается, почти в каждой песне содержатся сведения о реальных женщинах. Почти всегда это *гъыбзэ* – песни-плачи по погибшим мужьям, братьям, сыновьям. Эти народные поэтические сочинения имеют самостоятельное значение для написания «женской истории», так как содержат важную информацию о системе ценностей женской культуры адыгов: нравственные основы жизни, нюансы семейных взаимоотношений, обостренные войной чувства и любовные переживания, комплекс качеств достойного мужчины, представления о счастье и т.д. При этом женщины, не являясь главными героями *гъыбзэ*, занимают скромное место «за кадром», вне хроники событий.

Однако в ряде фольклорных произведений упоминаются реальные женские имена для усиления эффекта от описываемых событий: «мертвой среди трупов красуется красавица, дочь Бабуковых» [Адыгские песни... 2005: 590], или в завязке сюжета, для обозначения повода для сражения: «Ажаговых Фардаус-красавицу донские казаки увозили» [Адыгские песни... 2005: 519], или для иллюстрации трагического финала: «Кому мир этот тесен из-за горя, – это Кумпылхан-красавице» [Адыгские песни... 2005: 529].

В поиске информации об участии женщин в событиях Кавказской войны обращаемся к сборнику устного народного творчества «Кабардинский фольклор», изданному в 1936 г., и находим потрясающее по драматическому накалу произведение «Разорение селения» [Кабардинский... 1936: 364-368]. Речь в песне идет о нападении имперских войск на аул князя Али Карамурзина предположительно в 1765 г. Она исполняется от имени женщин, многолюдна по количеству действующих лиц, и практически все они – женщины: это княгини Эльмесхан и Хани Карамурзины, униженные пленением; это Гошехурей Шогенова, бросившаяся на вражеские штыки в отчаянном порыве сохранить девственность засватанной невесты; это русоволосая худенькая Ханио, «шелковые косы которой – поводья для проклятых гяуров»; это мать двух маленьких девочек красавица Гура, потерявшая сознание в борьбе за свою честь и проклиная бежавшего в горы мужа; это пожилая княгиня Шырыхона, бесстрашно вступившая в бой с врагами.

Текст одиннадцати куплетов дает представление об особенностях «женского письма» – расстановке акцентов в значимости событий, их последовательности, достоверности в деталях (в противовес абстрактности «мужских» текстов, затрудняющей реконструкцию реального сюжета). Так, изначально очевиден исход нападения – захват неприятелем женщин, и именно это – главная беда войны, семантически объединяющая такие понятия как потеря независимости, оскорбление чести, народное горе. Поэтические приемы не умаляют жесткого документализма несчастья: «Глянешь на один конец селения – светит яркое солнце. Взглянешь на другой конец селения – трупы детей лежат как коряги».

Женские голоса отчетливо повествуют о героизме мужчин, вставших на их защиту («храбрый Жабаги Таов», «золотой наш Хаджи Нартыжев», «старший Шумахо Шогенов», «меньшой Тутука Бараков»). Особо отмечается доблесть Исмаила Атлескирова, который «не опуская простреленных рук, крутясь со своей острой пашкой, отбил свою жену из плена». В отличие от «мужских» песен здесь на фоне масштабной трагедии просматриваются частные элементы женских переживаний. Антропологические детали дополняют объективное представление о периоде войны, ярко высвечивая реальные предметы, ситуации, чувства, давая полное представление о самом событии и о предыстории «мирного счастья». Женские голоса свидетельствуют о жестоком характере нападения на мирное селение, сопровождавшееся насилием против женщин: «Сафьяновые коншибы (кожаные девичьи корсеты, навсегда снимавшиеся женихом в первую брачную ночь – Авт.) на груди у нас рвут штыками. Снимать бы их юным уоркам урочной ночью брачной»; «Шелк моего бешмета в ошметки порвали штыками»; «Наши шапочки златотканые на глаза нам сзади надвигают, а шелковые шаровары разрывают носком сапога».

Подобные женские сетования повторяются во многих подобных песнях, как в плаче Чужкуапы: «Кисейные мои груди белые / Ружейным прикладом заставляют чернеть, / Из кожи черной наш корсет с нас снимают. / Чтобы любимые их сняли с нас мечтали мы, / Но до вечернего срока дожить нам не дают» [Адыгские песни... 2005: 350].

И этот рефрен является доказательством типичности ситуации и связанных с нею переживаний. Описываемые истории не всегда повествуют о физической гибели. Потеря девичьей невинности или женской чести воспринималась ими и сочинителями песен как символизация смерти.

Ценный этнографический материал содержится в каждой фразе этой песни: в описании деталей одежды и внешности, в кратких оговорках о семейных связях и бытовых обычаях. Особое место занимают любовные откровения: «Как взгляну в стеклянные окна, всё чудится мне пши (князь – Авт.) молодой, а подойду к белой постели, вижу лохматого зверя»; «С красавцами золотоусыми тешились мы на постелях. А теперь солдатский начальник у печки тешится с нами». Занимающая женщин любовь к мужьям, к детям, к жизни и есть то, во имя чего стоит воевать. Но лишь в женских фольклорных текстах это очевидно, мужские – традиционно сдержаны, а потому и менее информативны.

Предельно правдиво содержание песни в историческом плане. Определяя главного врага – солдат агрессора, женщины указывают и на предателей, своих соплеменников, записывая их имена в историю. И не только их. Страшна месть женщины трусливому мужу: называя его полное имя и фамилию – Али Коншаов, она и через 250 лет презирает его за предательство: «Кто был мне как крепость,/ Укрылся в горах Андруга:/ Это младший Али Коншаов./Двух девочек-малолеток / От груди моей оторвали./ Лучше б мужу моему сгинуть /В тот день, как меня раздели!/<...> когда нас брали гяуры, /В бою его не было видно./ Вернешься, трус рыжеусый, /Не вернешь ты красавицу Гуру!/<...>/ Если

б я не упала без памяти, / Живой бы меня ты не видел» [Адыгские песни... 2005: 367].

Очевидно, что женщины владели инструментами психологического воздействия на мужчин – непосредственных участников боевых действий. Эффективность этого воздействия была предельно высока, так как лирические образы повышали восприятие и понимание трагического смысла гибели жен, сестер, матерей и детей.

Это особенно важно для понимания изменения характера войны. На ее начальном этапе, когда столкновения воюющих сторон носили еще рыцарский характер и была надежда на переговоры, компромиссы и прежние союзнические связи, в отношении к неприятелю присутствует элемент спортивной соревновательности, уважение к достойному и равному противнику. Ненависть к врагу формируется не столько на поле боя, сколько в тылу, где губят сады и посевы, жгут родные аулы, страдают женщины и дети. Понятие «героика войны» расширятся за счет «тихий» героев. Не только храброе участие в кровопролитном бою достойно песни, но и умение постоять за свою честь, за жизнь детей и стариков тех, кто прежде не брал в руки оружия, так как оно представляло собой предмет гендерно-маркированный.

Постоянно повторяющийся в фольклорных источниках эмоциональный акцент на гибели близких должен читаться как одно из свидетельств особого – традиционно патриархального – отношения к сородичам. Современники Кавказской войны видели следствие этого чувства коллективной родственной солидарности в ответственности за погибшего: вынос его с поля боя, достойное предание земле, ритуальное оформление его ухода: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-нибудь из соотечественников пал в бою, множество черкесов несутся к тому месту за тем, чтобы вынести его тело...» [Лонгвордт 1974: 569]. Количественное изобилие описаний подобного поведения при часто однообразном содержании свидетельств фиксирует обыденность и нормативность указанной программы действий. В. Потто в «Кавказской войне» неоднократно описывал сходные ситуации: «Десятка три горцев в свою очередь бросились к телу, и над простертым трупом завязалась отчаянная схватка... тело переходило из рук в руки...» [Потто 1994b: 289-290]. Адыгский автор Хан-Гирей пишет, что даже в случае погони «тела убитых товарищей с удивительною решительностью уносят с собою... защищая тело убитого товарища, целые партии погибают» [Хан-Гирей 1992: 288]. Теофил Лапинский, поддерживавший освободительное движение горцев, замечал, что «ни один труп, ни один раненый, ни одно ружье не оставались в руках русских...» [Лапинский 1995: 376]. Соображения собственной безопасности в расчет не брались. Генерал царской армии Раевский, хорошо знавший психологию соперников, писал следующее: «Идя на бой, горец дает своему брату по оружию клятву умереть вместе или вынести тело павшего товарища; неисполнение обета несет за собою посрамление, и клятвопреступник обязан содержать все семейство убитого» [Эсадзе 1993: 54].

Черкесы подбирали «всех своих убитых, рискуя при этом подходить даже под выстрелы» [Из истории... 1991: 175], для того чтобы отдать последний долг своему соотечественнику. Борьба за тела убитых и раненых, сопровождавшаяся новыми жертвами, удивляла участников кавказской кампании «нерациональностью», нелогичностью. Многочисленность подобных примеров, которыми изобилуют разные, независимые друг от друга источники, свидетельствует о том, что это не проходной сюжет, а глубинная, корневая психическая установка. Ее этнокультурная специфика обращала на себя внимание иностранных авторов.

Дж.А. Лонгворд приводит слова черкесского повстанца в отношении убитого однополчанина: «С ним покончено... Передайте его труп девушкам из его селения, пусть они достойно похоронят бедного юношу, как подобает. Будет кому поплакать над его могилой» [Лонгвордт 1974: 569]. Слезы – это яркое свидетельство горя, это эмоциональное переживание трагедии, которая, несмотря на военную повседневность, не стала привычной, стертой, приглушенной обыденностью. Слезы, даже ритуальные, трогали очевидцев: «Крики бедной женщины, которую безуспешно пытались утешить по поводу столь печальной утраты (гибели трех братьев при защите своего села – Авт.) искренне брали за душу» [Лонгвордт 1974: 569]. Женские слезы служили мощным стимулом национального сопротивления: «Кундетов, смотри, – призывает народ своего князя, – ваш мрачный дом рухнет под плач старух!» [Адыгские песни... 2005: 161].

Привычная для учебника истории картинка, иллюстрирующая трагедию, сопровождающую любое сражение: поле боя с оставленными телами погибших, над которыми кружат вороны, – нехарактерна для кавказских представлений о достойном конце воина. Конец наступает тогда, когда убитый в сражении возвращен в родной дом, где его искренне оплачут, достойно подготовят к погребению, «правильно» предадут земле.

К числу необходимых условий «правильного» погребения относят также сохранение тела в его целостности. Пример этому приводит Хан-Гирей: «Когда его тело (бжедугского дворянина Бияркаха – Авт.) приволокли казаки к кордону... то хищная сойка бросилась на тело и острым клювом вырвала один глаз; черкесы – очевидцы этого случая – поклялись не щадить этой кровожадной птицы, и в течение зимы несколько сотен сорок пали, пронзенные пулями» [Хан-Гирей 1989: 254].

Не только лицо, как наиболее выразительная часть тела, но и все остальные его составляющие («*Іэплькь пщыкІутІыр зэхуэду*», т.е. «все двенадцать частей тела») должны быть сохранены для погребения, все части, соединенные с телом суставами: кисти рук и ступни ног, голени, бедра, плечи и предплечья. Это обеспечивает уверенность в благополучном посмертном будущем. Основоположник русской военно-полевой хирургии Н.И. Пирогов отмечал особенность лечения кавказскими хирургами и костоправами: «...азиатские врачи на Кавказе излечивали совершенно такие наружные повреждения (преимущественно следствия огнестрельных ран), которые, по мнению наших врачей, требовали отнятия членов, это факт, подтверждаемый многими

наблюдениями; известно и то, что отнятие членов, вырезывание раздробленных костей никогда не предпринимаются азиатскими врачами; из кровавых операций, производимых ими для лечения наружных повреждений, известны только вырезывание пуль» [Пирогов 1952: 69].

Случалось, что тела оставались в руках противника, и в подобной ситуации возможным выходом оказывался их выкуп или обмен. «Тела погибших на войне выкупаются. Этим занимаются посланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы» [Монпере 1974: 452]. Генерал Раевский вспоминал, как «по прекращении натисков неприятеля, но еще во время сильной перестрелки», к нему явились «горские старшины, прося о выкупе своих убитых, оставшихся в наших руках» [Эсадзе 1993: 54].

Уважительное отношение к телам погибших в бою, то значение, которое придавалось черкесами останкам соплеменников, использовались некоторыми царскими генералами для деморализации противника. Известна кощунственная шутка командующего войсками Кавказской линии генерала Вельяминова по поводу тел убитых черкесов, которые «...каждый день привешиваются перед воротами станицы. Сей последний способ весьма недурен: пускай спеют, как балыки, в ожидании выкупа». Понимая, насколько оскорбительны и провокационны подобные действия для горцев, в 1834 г. приказом по Кавказскому Линейному войску наказной атаман генерал Верзилин запретил надругательство над телами убитых черкесов, отрубленные головы которых казаки привозили в станицы в качестве трофеев.

Невозможность захоронения и оплакивания, раскачивающиеся на ветру убитые воины, торг телами, отрезанные головы – все эти факты военной действительности оказывали на местное население ужасное впечатление, наносили удар по религиозным убеждениям, разрушали вековые ментальные установки. Эмоционально это выражалось в растерянности, унынии и страхе перед подобным исходом. Самое острое впечатление на очевидцев оказывали репрессивные методы генерала Г.Х. Засса, использовавшего ментальное оскорбление в отношении мертвых для деморализации противника. Декабрист Н.И. Лорер, которому в 1837 году смягчили каторгу ссылкой в Кавказский пехотный полк, свидетельствовал в своих мемуарах: «В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру» [Лорер 1988: 518]. Полковник Генерального штаба Ф. Торнау, автор мемуаров «Воспоминания кавказского офицера» узнал по одной из голов, насаженных на колу возле Прочного Окопа, непокорного князя Аслан-Гирея Бесланова (Бесленуко Аслана). По народным преданиям, когда Аслан Бесленуко, известный по многочисленным набегам на русские крепости, умер, Г.Х. Засс приказал выкопать его тело из земли и разорвать его на части» [Хавжоко 1994: 176], изуродовать тело своего врага из мести за неоднократные победы Бесленуко Аслана на поле боя.

Затяжной характер Кавказской войны, растянувшийся на сто лет, создал новую повседневность, допускающую отклонение от вечных традиций. На

начальном этапе освободительного движения горцы могли отказаться от выполнения общей боевой задачи и подменяли ее многочисленными кровавыми стычками за трупы, которых становилось все больше. И позже, как например, при сражении за укрепление Гостагаевское в 1853 г. адыгам не удалось им овладеть именно в виду утраты эффекта внезапности, поскольку после первого залпа «всяк поспешил поднять раненого или убитого соаульника» [Адыгская... 2006: 107].

Сознавая то, что нравственные установки прежних «рыцарских» сражений снижают эффективность военных операций, вожди черкесского сопротивления на завершающем этапе войны зачастую принимали решения атаковать, «не убирая ни убитых, ни раненых».

К концу Кавказской войны многие очевидцы и участники событий с сожалением замечают, что «обычай – лечь подле убитого товарища, но не покидать его трупа на произвол врага, был забыт совершенно» [Кешев 1988: 116]. В песне об Айтеке Канокове, сочиненной его матерью-кормилицей, фиксируется страшный день, когда «у бесленеевцев в обычай вошло покидать убитых» [Кабардинский... 1936: 383]. Трагедия гибели героя умножается от того, что тело его брошено на поле боя, и женщины оплакивают и его, и тех, кто в нарушение обычая «оставили тело во мху», и раз не мужчины, то «Езуговых сноха переходит реку [тело забрать]» [Народные песни 1986: 77]. Герой другой плачевой песни, Увжуко, был ранен в ногу при набеге на Линию. «Не подобранный никем», он умер, и «тело его разложилось под кустом» [Народные песни 1986: 381], отчего горе его невесты безысходно. Женщины последовательно отстаивают правила, позволяющие им создать преемственность ценностей и воспитать поколения, имеющие точку опоры.

Трансформация традиционного отношения черкесов к мертвым отмечается и сторонними наблюдателями. В. Потто пишет: «Неприятель бежал с поля битвы с такой поспешностью, что не захватил даже двух тел с поля битвы», «в числе убитых кабардинцев был и один из известных владельцев, князь Кагока Татарханов, и тело его осталось на поле сражения» [Потто 1994а: 361].

Подобная посмертная судьба воспринималась как позорная и страшная, поэтому перед поединками герои иногда заранее и самостоятельно проявляли заботу о своих останках – «прошу вас об одном: не оставьте мой труп в степи» [Народные песни 1986: 412]. Очевидно, народная эсхатология выражалась в убеждении, что продолжают посмертную жизнь только те, кто был удостоен подобающего и не потревоженного впоследствии погребения. Эта проблема особенно остро стала перед адыгами не только во время проведения боевых действий в ходе Кавказской войны, но и впоследствии, во время вынужденного переселения горцев. Драматический характер известной песни мухаджиров, оплакивающих разлуку с родиной, гиперболизируется частными трагедиями. Черкесы отказывались бросать в море тела умерших во время плавания по пути в эмиграцию: «Наши доски с мертвецами, к спинам привязанные,/ Отобрать [и выбросить в море] грозя, нас страшат» [Адыгские песни... 2005: 354]. Чтобы их не выбросили насильно, некоторые привязывали тело к себе на спину. А в крайнем случае, укрепляли на доске, чтобы тело не утонуло, и спускали на воду, надеясь, что когда-нибудь его прибудет к берегу и кто-нибудь похоронит его в

земле. В данных обстоятельствах это был единственно возможное проявление традиционной заботы о покойниках.

Яростная и целеустремленная борьба за тела убитых, ответственность живых за сохранение их целостности, уверенность каждого воина в достойном захоронении, горестном оплакивании, искреннем трауре, изустном сохранении памяти о нем в поколениях – все эти особенности кавказской традиции отношения к павшим рассматриваются нами как проявление преодоления страха перед смертью, преодоление собственно смерти, создание пространства памяти, в первую очередь эмоциональной.

Самостоятельное значение женщин в риторике скорби по погибшим, их самоотверженное служение родовым ценностям, определенные ожидания в отношении мужского поступка формировали человеческий субъективный фактор, определяющий нравственный фон повседневного военного существования. Безусловная готовность воина рисковать жизнью, демонстрировать чудеса храбрости и выносливости обеспечивалась гарантией «правильного» оформления его ухода.

Обряд и ритуал, как культурные тексты, выполняют функцию трансляции этнических ценностей и опыта поколений. Память, состоящая из известного места погребения рядом с сородичами и политая обильными слезами женщин, увековеченная в семейных преданиях или даже в народных песнях, становилась свидетельством незыблемости существующего «испокон веков» порядка вещей, придавала смысл пожертвованной за правое дело жизни, стимулировала на подвиг и поступок.

Поэтому именно этот аспект коллективного сознания, этнической ментальности постепенно превратился из сильной характеристики горцев в их слабое место. Посмертное показательное надругательство над их останками стало средством психологического воздействия на местное население, вызывавшего сильный эмоциональный надлом и многократно умножающего трагедию каждого отдельного человека и всего народа в целом.

Традиционная культура предполагает существование временной спирали, по которой поколения людей повторяют поэтапно пути своих предшественников. Сознание носителей такой культуры уравнивает экстремальность военного существования последовательностью выработанных веками действий. Таким образом реализуется компенсаторная функция культуры. При этом эмоциональный уровень переживания трагедии прямо пропорционален силе родовых, социальных и этнических связей. Кавказская война начала необратимый процесс разрушения ментальных основ традиционного горского уклада.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АБКНЕСА 1974 – *Адыгы, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.* / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Адыгская... 2006 – *Адыгская (черкесская) энциклопедия* / Гл. ред. М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Адыгские песни... 2005 – *Адыгские песни* времен Кавказской войны / Под ред. В.Х. Кажарова. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 436 с.

Алоев 2014 – *Алоев Т.Х.* Рефлексии о некоторых сходствах и различиях в осмыслении геноцида армян и черкесов // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 56-69.

Гордин 2008 – *Гордин Я.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. – СПб.: Журнал «Звезда», 2008. – 288 с.

Дзамихов 2000 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум: Алашара, 1982. – 532 с.

Дубровин 1871 – *Дубровин Н.Ф.* История войн и владычества русских на Кавказе. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1871-1888. Т. 1-6.

Из истории... 1991 – *Из истории* русско-кавказской войны (Документы и материалы) / Сост. А.М. Эльмесов. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 1991. – 264 с.

Кабардинский... 1936 – *Кабардинский* фольклор / Общ. ред. Г. И. Бройдо. – М.-Л.: Academia, 1936. – 652 с.

Карпов 1996 – *Карпов Ю.Ю.* Джигит и Волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. – СПб.: Кунсткамера, 1996. – 312 с.

Кишмахов 2012 – *Кишмахов М.Х.-Б.* Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум: АБИГИ АН Абхазии-Карачаевск: КЧГУ, 2012. – 828 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 170 с.

Кешев 1988 – *Кешев А.-Г.* Записки черкеса. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 272 с.

Кожев 2014 – *Кожев З.А.* Кавказская война: закономерности промежуточных результатов, перспективы осмысления // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 15-32.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 456 с.

Лонгворт 1974 – *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 531-584.

Лорер 1988 – *Лорер Н.И.* Записки моего времени // Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – С. 412-571.

Марзей 2004 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «ЗекIуэ». – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 305 с.

Монпере 1974 – *Монпере Ф.Д.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435-457.

Нальчикова 2007 – *Нальчикова Е.А.* Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. – 2007. – № 8. – С. 71-73.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 231 с.

Народные песни... 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 4-х т. Т. 3. Ч. 2: Героические величальные и плачевые песни / Под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1986. – 487 с.

Пирогов 1994 – *Пирогов Н.И.* Отчет о путешествии по Кавказу. – М.: Медгиз, 1952. – 358 с.

Потто 1994а – *Потто В.* Кавказская война. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т.2. – 694 с.

Потто 1994б – *Потто В.* Кавказская война. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т.5. – 400 с.

Прасолов 2015 – *Прасолов Д.Н.* Военная культура кабардинцев после Кавказской войны // Лавровский сборник Материалы XXXVIII и XXXIX Средне-азиатско-кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 315-319.

Текуева 2014 – *Текуева М.А. Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь? // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса.* – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 173-180.

Хавжого Шаукат Муфти 1994 – *Хавжого Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории.* – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 320 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей. Записки о Черкесии.* – Нальчик: Эль-Фа, 1992. – 362 с.

Хан-Гирей 1989 – *Хан-Гирей. Черкесские предания.* – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 286 с.

Эсадзе 1993 – *Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны.* – Майкоп: Меоты, 1993. – 120 с.

REFERENCES

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (ABKIEA) [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – 635 p. (In Russian)

Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. Edited by M.A. Kumahov. – Moscow: Fond im. B.H. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russian)

Adygskie pesni vremen Kavkazskoi voiny [Adygian songs of the Caucasian War]. Edited by V.H. Kazharov. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2014. – 656 p. (In Russian)

ALOEVA T.H. *Refleksii o nekotorykh skhodstvakh i razlichiyakh v osmyslenii genotsida armenian i cherkesov* [Reflections on some similarities and differences in understanding the genocide of Armenians and Circassians]. IN: *Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse: Collection scientific articles]. – Nalchik, 2014. – P. 56-69. (In Russian)

DUBROVIN N.F. *Istoriya voyn i vladychestva russkikh na Kavkaze* [The history of wars and Russian dominion in the Caucasus]. – St. Petersburg: Tipografiya Departamenta udelov, 1871–1888. T. 1-6. (In Russian)

DZAMIHOV K.F. *Adygi i Rossiya* [Circassians and Russia]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 816 p. (In Russian)

DZIDZARIYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Mahajirism and problems of the history of Abkhazia of the XIX century]. – Suhum: Alashara, 1982. – 532 p. (In Russian)

ESADZE S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny* [The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War]. – Maikop: Meoty, 1993. – 120 p. (In Russian)

GORDIN Ya. *Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'* [Why did Russia need the Caucasus? Illusions and Reality]. – St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2008. – 288 p. (In Russian)

Iz istorii russko-kavkazskoi voiny (Dokumenty i materialy) [From the history of the Russian-Caucasian war (Documents and materials)]. Edited by A.M. El'mesov. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 goda, 1991. – 264 p. (In Russian)

Kabardinskii fol'klor [Kabardian folklore]. Edited by G.I. Broydo. – Moscow-Leningrad: Academia, 1936. – 652 p. (In Russian)

KARPOV Yu.Yu. *Dzhigit i Volk. Muzhskie soyuzy v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf. Men's unions in the sociocultural tradition of the highlanders of the Caucasus]. – St. Petersburg: Kunstkamera, 1996. – 312 p. (In Russian)

KESHEV A.-G. *Zapiski cherkesa* [Notes of the Circassian]. – Nalchik: Elbrus, 1988. – 272 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Cherkesskie predaniya* [Circassian legends]. – Nalchik: El'brus, 1989. – 286 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: El'-Fa, 1992. – 362 p. (In Russian)

KHAVZHOKO SHAUKAT MUFTI. *Geroi i imperatory v cherkesskoi istorii* [Heroes and emperors in Circassian history.]. – Nalchik: El'-Fa, 1994. – 320 p. (In Russian)

KISHMAKHOV M.Kh.-B. *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury ubykhov* [Problems of ethnic history and Ubykh culture]. – Suhum: AbIGI AN Abhazii-Karachaevsk: KCHGU, 2012. – 828 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Kavkazskaya voina: zakonomernosti promezhutochnykh rezul'tatov, perspektivy osmysleniya* [The Caucasian war: laws of intermediate results, perspectives of comprehension]. IN: *Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse: Collection scientific articles]. – Nalchik, 2014. – P. 15-32. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. – Nalchik: El'-Fa, 1993. – 170 p. (In Russian)

LAPINSKII T. *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. – Nalchik: El'-Fa, 1995. – 456 p. (In Russian)

LONGVORT Dzh. A. *God sredi cherkesov* [Year among the Circassians]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* (ABKIEA) [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 458-530. (In Russian)

LORER N.I. *Zapiski moego vremeni* [Notes of my time]. IN: *Memuary dekabristov* [Memoirs of the Decembrists]. – Moscow: Pravda, 1988. – P. 412-571. (In Russian)

MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «Zeklue»* [Circassian equestrianism – "Zekue"]. – Nalchik: El'-Fa, 2004. – 305p. (In Russian)

MONPERE F.D. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhaztsam, v Kolkhidu, Gruziiyu, Armeniyu i v Krym* [Journey through the Caucasus, to Circassians and Abkhazians, to Colchis, Georgia, Armenia and the Crimea]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv.* (ABKIEA) [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries]. Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 435-457. (In Russian)

NAL'CHIKOVA E.A. *Genezis fenomena «dobrovol'noi smerti»: mif i traditsiya* [Genesis of the phenomenon of “voluntary death”: myth and tradition]. IN: *Vlast'* [Power]. – 2007. – No 8. – P. 71-73. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov: v 4-kh t. T. 3. Ch. 2: Geroicheskie velichal'nye i plachevye pesni / Pod red. E.V. Gippiusa [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians: in 4 vols. Vol. 3. Part 2: Heroic songs of praise and crying songs. Edited by E.V. Gippius]. – M.: Sovetskij kompozitor, 1986. – Vol. 3. – No 2. – 264p. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykeiskogo naroda* [The history of the Adyghean people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 231 p. (In Russian)

PIROGOV N.I. *Otchet o puteshestvii po Kavkazu* [Report on a trip to the Caucasus]. – Moscow: Medgiz, 1952. – 358p. (In Russian)

POTTO V. *Kavkazskaya voina* [The Caucasian War]. – Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. – Vol. 2. – 694 p. (In Russian)

POTTO V. *Kavkazskaya voina* [The Caucasian War]. – Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. – Vol. 5. – 400 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Voennaya kul'tura kabardintsev posle Kavkazskoi voiny* [Kabardin military culture after the Caucasian war]. IN: *Lavrovskii sbornik Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-kavkazskikh chteniio 2014-2015 gg. Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya.* [Lavrovsky collection. Materials XXXVIII and XXXIX of the Central Asia-Caucasus Readings. 2014-2015. Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies]. – St. Peterburg: MAE RAN, 2015. – P. 315-319. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Zhenshchiny v Kavkazskoi voine: skorb' i slezy ili podvig i chest'?* [Women in the Caucasian War: grief and tears or feat and honor?]. IN: *Kavkazskaya voina: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse: Collection scientific articles]. – Nalchik, 2014. – P. 173-180. (In Russian)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.1

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-222-239

**ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС НА ЮГЕ РОССИИ:
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹****Д.И. УЗНАРОДОВ**

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Лаборатория казачества отдела гуманитарных исследований
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых аспектов черкесского вопроса на Юге России. Рассматриваются как исторические предпосылки становления черкесского ирредентизма, так и его актуальное состояние. Выделяются три основных аспекта черкесского вопроса на Юге России в XXI веке: требования черкесских национальных движений признания Россией событий периода Кавказской войны геноцидом черкесов (адыгов); призывы черкесских общественных организаций к российским властям о необходимости проведения политики репатриации адыгов (черкесов) на историческую родину; попытка актуализации в политическом дискурсе черкесскими общественными организациями идеи создания единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что при рассмотрении этих проблем в плоскости практической политики, в качестве задач, подлежащих безотлагательному решению, они приобретают дополнительную сложность и являются практически нереализуемыми. Также делается вывод о том, что, несмотря на определенный спад черкесского вопроса после 2014 года, говорить о его окончательном снятии с этнополитической повестки дня Юга России в настоящее время довольно преждевременно, поскольку комплекс образующих его идейных единиц представляет собой символическое выражение реальной специфики и проблем современного «черкесского мира», где различные группы черкесского населения, находящиеся в отличных друг от друга политических и социально-культурных условиях, сохраняют общую идентичность, важной составляющей которой является ряд трагических для черкесского этноса событий прошлого. В связи с тем, что ряд запросов черкесского национального движения в сфере практической политики не может быть реализован, важное значение приобретает поиск позитивных ответов на них в рамках символической политики.

Ключевые слова: черкесы; Северный Кавказ; ирредентизм; национальное движение; этнополитический процесс; государство.

**CIRCASSIAN ISSUE IN THE SOUTH OF RUSSIA: ETHNOPOLITICAL
OUTCOMES AND PROSPECTS****D.I. UZNARODOV**

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г., № государственной регистрации проекта 01201354248.

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Department of humanitarian studies; Laboratory of studying of Cossacks
344006, Rostov-on-Don, 41 Chekhov Ave.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes key aspects of the Circassian issue in the South of Russia. The article deals with both the historical background of Circassian irredentism and its current state. There are three main aspects of the Circassian question in the South of Russia in the XXI century: requirements of Circassian national movements of Russia's recognition of events of the Caucasian war as genocide of Circassians; calls of Circassian public organizations to Russian authorities on the need for a policy of repatriation of Circassians to their historical homeland; an attempt to actualize in the political discourse by Circassian public organizations the idea of creating a single Circassian administrative subject in the territory of Russian Federation. The author comes to the conclusion that during considering these problems in the plane of practical policy, as tasks that must be urgently addressed, they acquire additional complexity and are practically unrealizable. It is also concluded that, despite a certain decline of the Circassian question after 2014, it is rather premature to talk about its final removal from the ethnopolitical agenda of the South of Russia at the present time, because the complex of ideological units, forming it, is a symbolic expression of the real specifics and problems of the modern "Circassian world", where different groups of the Circassian population, located in different political and socio-cultural conditions, retain a common identity, an important component of which is a number of tragic events of the past of the Circassian ethnos. Due to the fact that a number of requests of the Circassian national movement in the sphere of practical policy cannot be implemented, it is important to find positive answers to them within the framework of symbolic policy.

Keywords: Circassians; North Caucasus; irredentism; national movement; ethnopolitical process; state.

Введение. В настоящее время одной из актуальных этнополитических проблем, характерных для северокавказского региона, является проблема разделенных народов. Ее истоки восходят к 20-м годам XX века, когда в России формировалась система национально-территориальных автономий. Важным элементом национальной политики тогда стал «принцип попарного сдерживания национализма» [Узнародов 2017: 110]. На территории Северного Кавказа были созданы новые административно-территориальные единицы, основу которых составил этнический принцип устройства: Карачаево-Черкесская автономная область (12 января 1922 г.), Кабардино-Балкарская автономная область (16 января 1922 г.), Черкесская (Адыгейская) автономная область (27 июля 1922 г.), Чеченская автономная область (30 ноября 1922 г.), Северо-Осетинская автономная область (7 июля 1924 г.), Ингушская автономная область (7 ноября 1924 г.). Практическим воплощением принципа «попарного сдерживания национализма» было создание административных субъектов, которые можно назвать «этнодуальными» – Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей, что автоматически приводило к формированию искусственных границ между ареалами проживания определенных народов [Узнародов 2018: 193]. В частности, речь идет о народах адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (кабардинцах, черкесах, адыгейцах и шапсугах), которые после проведенной реформы оказались

разделены административными границами сразу трех субъектов, а также народах половецко-кыпчакской подгруппы тюркской языковой семьи (карачаевцах и балкарцах), разделенных между двумя административно-территориальными субъектами. В период распада СССР и сопровождавшего его так называемого «парада суверенитетов» принцип «попарного сдерживания национализма» не только не способствовал сдерживанию центробежных тенденций в стране, а в определенных аспектах даже обострил их. Резко стали давать о себе знать проблемы так называемого «внутреннего ирредентизма»¹, который в постсоветской России превратился в один из наиболее существенных факторов социально-политической нестабильности [Узнародов 2017: 110]. К административно-территориальным субъектам Юга России, обладающим в настоящее время в той или иной степени ирредентистским потенциалом, относятся: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика (черкесский ирредентизм; карачаево-балкарский ирредентизм); Ставропольский край, Республика Дагестан (ногайский ирредентизм). В данной статье будет проведен анализ современного черкесского ирредентизма, который принял в современной этнополитике Юга России форму «черкесского вопроса».

Цель статьи – рассмотреть ключевые аспекты черкесского вопроса на Юге России в XXI веке, особенности их влияния на этнополитические процессы в регионе, связанные с особой значимостью в его идейном обосновании фактора исторической памяти и наличием его международного измерения.

Актуализация черкесского вопроса. Общественные трансформации 1990-х гг. развертывались в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. На всем постсоветском пространстве в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой самоидентификации обнаружила себя этничность. На Северном Кавказе этот процесс актуализации этничности с неизбежностью стал весьма интенсивным, затронув практически все национальные группы населения региона. Общие характеристики «мобилизованной этничности» с различной степенью интенсивности и с различными последствиями проявили себя в различных этнических ареалах и в отдельных республиках. Особый случай представляет собой, в частности, ареалы компактного проживания черкесского (адыгского) населения в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Краснодарском крае (шапсуги).

В нем в той или иной форме реализовались явления суверенизации российских автономий. 5 октября 1990 года на внеочередной сессии Адыгейского областного Совета народных депутатов принято решение о повышении государственно-правового статуса Адыгейской автономной

¹ Ирредентизм – национально-политическое движение, реализуемое политическими организациями с целью интеграции этнических групп, разделенных внутрирегиональными, либо государственными границами (*определение термина – Узнародов Д.И.*)

области до уровня республики и провозглашена Адыгейская автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. 30 ноября 1990 года Совет народных депутатов Карачаево-Черкесской автономной области принял решение о выходе из состава Ставропольского края и преобразовании в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику (КЧССР) в составе РСФСР. Эти акты были утверждены Верховным Советом РСФСР в законе РСФСР от 3 июля 1991 года № 15371. 30 января 1991 г. Верховный Совет Кабардино-Балкарии принял Декларацию, в которой провозгласила «государственный суверенитет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики как верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти Республики в пределах ее территории».

Но указанные акты в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии принимались в условиях уже запущенных процессов «этно-суверенизации» отдельных национальных групп, что поставило республики на грань распада. В Карачаево-Черкесии в 1990-1991 гг. были последовательно провозглашены Карачаевская (18 ноября 1990 г.), Баталпашинская и Зеленчукско-Урупская казачьи республики (19 августа 1991 г.), Республика Черкесия (27 октября 1991 г.) и Абазинская Республика (ноябрь 1991 г.). Верховный Совет Карачаево-Черкесской ССР 3 декабря 1991 года принял официальное обращение к федеральным властям о признании отдельных республик. Президентом России в январе 1992 года на рассмотрение в Верховный Совет был внесен проект закона «О восстановлении Карачаевской автономной области и Черкесской автономной области в составе Российской Федерации». Также в Верховном Совете была сформирована комиссия по созданию трех автономных областей – Баталпашинской, Карачаевской и Черкесской. 28 марта 1992 года в Карачаево-Черкесии прошел референдум, по итогам которого большинство граждан высказались против разделения республики [Тетуев 2016: 94].

Похожие процессы можно было наблюдать в тот период и в Кабардино-Балкарии. Съезд балкарского народа 17 ноября 1991 г. принял Декларацию, в которой провозгласил «Республику Балкария и национальный суверенитет балкарского народа как самостоятельность власти народа во всех вопросах, затрагивающих его жизненные интересы и его историческую судьбу». Затем на съезде Кабардинского народа 10 января 1992 года принимается решение «Восстановить суверенную Кабардинскую Республику в пределах исторической территории кабардинского народа». [Этнополитическая ситуация... 1994: 13]. Подобные акты были «поддержаны» в постановлениях Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР от 19 ноября 1991 и 6 февраля 1992 года. Впоследствии комиссии Президиума Верховного Совета КБССР не удалось принять решение по фиксации этнических территорий новых субъектов вследствие отсутствия консенсуса по данному вопросу между экспертными группами Конгресса кабардинского народа и Национального Совета балкарского народа. В июле 1994 года вышеназванные постановления

Верховного Совета КБССР были признаны парламентом Республики Кабардино-Балкария «утратившими силу»¹.

Таким образом, можно говорить о том, что инициативы по созданию отдельных черкесских административно-территориальных субъектов в начале 1990-х годов имели место, но они носили локальный характер, ограничиваясь границами отдельно взятых административных субъектов, и, фактически, находились в характерном для того периода «федералистском тренде». Говорить о каком-либо едином черкесском административно-территориальном проекте (который бы затрагивал одновременно границы сразу нескольких субъектов) в тот период вряд ли представляется возможным.

Повторное обострение черкесского вопроса на Юге России произошло в 2007 году, когда город Сочи был объявлен столицей Зимних Олимпийских игр 2014 года. Главная причина недовольства адыгского населения была связана, прежде всего, с тем, что строительство спортивных объектов проходило на исторически значимых для данного этноса территориях – Сочи и Красной поляне, где черкесы проживали в течение многих столетий. Именно на Красной поляне 21 мая 1864 г. состоялся парад царских войск в ознаменование завершения Кавказской войны, которое в исторической памяти черкесов ассоциируется с их массовым изгнанием из мест своего проживания и вынужденным переселением в пределы Османской империи. Главная причина недовольства черкесского населения состояла в том, что, фактически, российская сторона полностью проигнорировала исторический фон и статус черкесов как коренного народа Восточного Причерноморья. Кроме того, в июле 2007 года в Гватемале во время презентации программы Олимпийских игр-2014 президент России Владимир Путин при перечислении народов, в разное время населявших территорию Сочи, ни разу не упомянул черкесов [Боров 2012: 31-33]. Впоследствии российские власти никак не отразили черкесскую культурную составляющую и в церемонии открытия Олимпиады-2014.

Следует отметить, что не все адыгское население России осуждало в тот период факт проведения Олимпиады в Сочи. Активно поднимать данный вопрос начали некоторые адыгские общественные организации, в частности, против проведения Олимпийских игр в Сочи выступало общественное движение «Черкесский конгресс». Менее радикальную позицию заняло тогда движение «Адыгэ Хасэ» Республики Адыгея, которое выступило за «содействие в отражении наследия коренного населения Причерноморья – черкесов (адыгов) в культурной программе Зимней Олимпиады Сочи-2014»², а также за присвоение черкесам-шапсугам, проживающим в местах проведения Олимпийских игр, статуса коренного народа в уставе Краснодарского края. Руководители адыгских (черкесских) общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики выступили со специальным меморандумом, в котором

¹ Постановление Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 21.07.1994 г. № 31-П-П // Электронное периодическое издание ИПС «Законодательство России». 30 нояб. 2003.

² Кучеров Н. Наш народ военный. Россия так и не стала центром «черкесского мира». 2013 // Интернет-газета «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/17/circassian/> (дата обращения: 24.08.2019).

заявили: «Мы считаем неконструктивными попытки увязать XXII зимние Олимпийские игры в Сочи с трагическими событиями адыгской истории XIX века»¹. За рубежом наиболее активно против проведения Олимпийских игр в Сочи выступал специально созданный комитет «Нет Сочи 2014», объединивший 30 черкесских движений и организаций в различных странах мира [Матишов и др. 2012: 81]. Приходится констатировать, что, к сожалению, на сегодняшний день история черкесского народа зачастую становится предметом спекуляций определенных политических сил, стоящих на позициях этнического национализма и преследующих свои конкретные цели.

Кроме так называемого «фактора Олимпиады» имели место и другие факторы, способствующие актуализации черкесского вопроса в середине 2000-х гг. В частности, к ним следует отнести попытку запустить процесс реинтеграции Республики Адыгея в состав Краснодарского края с соответствующим понижением ее статуса как субъекта Федерации в 2005–2006 гг., а также конфликты в процессе распределения властных ресурсов в Карачаево-Черкесии между карачаевцами и черкесами в 2008 году и в процессе распределения земель между муниципальными образованияами в Кабардино-Балкарии в 2008-2009 гг. в соответствии с Федеральным законом № 131 [Боров 2012: 35].

После 2014 года актуализация черкесского вопроса в России значительно снижается. Если в середине 90-х гг. постепенный уход черкесского вопроса на вторые и третьи роли в российском общественно-политическом дискурсе был обусловлен отсутствием идейного и организационного динамизма у наиболее влиятельных черкесских организаций («Международная черкесская ассоциация» и «Адыгэ Хасэ» в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) [Боров 2012: 29], а также актуализацией ряда других, более важных для этнополитической ситуации вопросов, в частности, проблемы Чечни [Боров 2012: 27], то в последние годы спад черкесского вопроса объясняется, главным образом, как завершением событий, приуроченных к Олимпиаде 2014 года, проведение которой вызывало отрицательный резонанс среди некоторых черкесских общественных организаций, так и наличием определенного кризиса черкесского национального движения. В частности, практически сошло с политической арены движение «Черкесский конгресс», которое с середины 2000-х годов заявляло о себе как о наиболее крупном черкесском национальном движении, приобретшим характер межреспубликанской и даже международной сетевой организации [Боров 2012: 30].

В настоящее время в рамках проблемного комплекса, именуемого «черкесский вопрос», в российском научно-академическом дискурсе принято выделять следующие ключевые проблемы: проблема признания Россией событий периода Кавказской войны геноцидом черкесов (адыгов); вопросы

¹ Меморандум адыгских (черкесских) общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики // Познавательльно-новостной портал «Северо-Кавказские новости». URL: <https://sk-news.ru/news/ekologiya/11494/> (дата обращения: 12.08.2019).

содействия российских властей репатриации зарубежных черкесов (потомков мухаджиров XIX в.) на историческую родину; проблема создания единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации [Суший 2012], [Кушхабиев 2011: 247], [Патракова, Черноус 2011: 8-16], [Матишов и др. 2011: 140-141].

Отголоски Кавказской войны в контексте современного черкесского вопроса. События Кавказской войны являются одними из наиболее сложных страниц в истории российского государства, что подтверждается, в том числе, наличием самых различных и часто противоречивых оценок и мнений относительно того периода среди отечественных ученых. Для черкесского народа события 1763-1864 гг. имеют свой особый трагический оттенок. Военное противостояние российской армии и адыгского населения датируется еще концом XVIII в., когда происходило строительство властями Российской Империи крепости Моздок в Малой Кабарде, зачастую сопровождавшееся отбором земель у местного населения, а также подавлением периодически возникающих восстаний [Емельянова 1999]. По Адрианопольскому договору 1829 г. Турция признала, что «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно пребудут в вечном владении Российской империи». С точки зрения российских правящих кругов они обрели международно-правовое основание для установления своего суверенитета над «закубанскими» черкесами. Но черкесы не желали признавать над собой власти Российского императора, как не признавали ранее власти Турецкого султана, и вступили на путь вооруженного сопротивления [Сивер 2014: 144-145].

Итогом длительного противоборства стало то, что на Северо-Западном Кавказе осталось не более 8% черкесского населения при самых консервативных оценках его прежней численности (571 тыс. в 1834 г. и 44,4 тыс. в 1867 г.) [Кабузан 1996: 145]. Основная же масса была выселена в пределы Османской империи, причем этот процесс был сопряжен с невероятными страданиями и массовой гибелью переселенцев. Вопрос о причинах и «ответственности» за эти трагические события получал и получает в исторической науке амбивалентные и, зачастую, прямо противоположные трактовки. Уже в имперской историографии XIX в. массовое выселение черкесов в Османскую империю 1858-1865 гг. трактовалось как результат выбора самих черкесов, но при этом в ней довольно подробно описаны планы действия царских властей, направленные на силовое вытеснение черкесов с гор, их депортацию и заселение их земель казаками [Кушхабиев 2014: 137-138]. Эта концептуальная коллизия в современных условиях приняла форму противостояния представителей российской государственнической и национально-региональной (адыгской) академических школ.

Первые акцентируют два аспекта так называемого «мухаджирства» как сложного явления. Во-первых, нараставшее влияние среди самого адыгского населения идеи о переселении на территорию Османской Империи, выразившей готовность оказать всю необходимую поддержку для этого. В этой трактовке черкесы были недовольны сложившимся положением, в том числе,

из-за нежелания переселяться на выделенные российскими властями земли на Кубани, а также из-за невозможности вести полноценную торговлю с Османской Империей и Европой.

Во-вторых, указывают на стремление российских властей придать более или менее организованный характер и облегчить для адыгов процесс переселения. В 1860 году происходит учреждение Верховной комиссии по переселению при министерстве торговли Османской Империи, которая должна была заниматься вопросами расселения адыгов и оказания им материальной помощи. В Российской Империи также происходило формирование особых ведомств, отвечающих за процесс переселения черкесского населения. 10 мая 1862 года Кавказский комитет при Комитете министров Российской Империи, занимавшийся разрешением вопросов, касающихся включения кавказского региона в состав государства, издал постановление «О переселении горцев». Также была сформирована комиссия по делу о переселении горских народов в Османскую Империю [Берже 1882: 298], в компетенцию которой входили вопросы выплат денежных пособий переселенцам и обеспечения необходимыми транспортными судами для их перевозки.

Вместе с тем признается, что наиболее серьезные потери среди черкесского населения были вызваны именно процессом переселения, который не был организован на должном уровне, преимущественно, вследствие недооценки его масштабов со стороны властей как Российской, так и Османской Империй. Желавших покинуть занятую российской армией территорию оказалось гораздо больше, чем ожидалось изначально, поэтому, как правило, переселенцы в большом количестве были вынуждены проводить целые месяцы в ожидании на черноморском побережье, вдали от населенных пунктов, что сопровождалось голодом и эпидемиями. Значительное число российских судовладельцев, из-за большого количества зараженных переселенцев, любыми способами отказывались от перевозок, а представители Османской Империи, наоборот, часто проявляли определенную беспринципность, не учитывая никакие санитарные нормы, набирая корабли сверх допустимой вместимости, что также провоцировало быстрый рост смертности у эмигрантов в процессе переселения. В свою очередь, карантинные лагеря, созданные на малоазиатском побережье Османской Империи, абсолютно не соответствовали необходимым условиям для нормального пребывания. Процентное соотношение черкесского населения, решившего переселиться на Кубань и принять подданство Российской Империи, к количеству населения, решившего переселиться на территорию Османской Империи, оценивается примерно как 25 к 75 [Ковалевский 1867: 99]. По различным данным, в тот период в Османскую Империю выехало от 400 до 900 тыс. жителей Западного Кавказа [Ковалевский 1867: 84; Матишов и др. 2012: 84].

В национально-региональной историографии на первый план вступают другие причины «мухаджирства»: целенаправленная политика российских военных властей по «очищению» Северо-Западного Кавказа от «враждебного населения», принятие соответствующей стратегии ведения военных действий и

ее беспощадная реализация без оглядки на масштаб вызываемых этим бедствий для горцев.

Уже на исходе войны на Северо-Восточном Кавказе оформляется новая стратегия Кавказской войны, предусматривавшая планомерные непрерывные военные действия, которые сопровождались бы взаимосвязанными мерами – выселением автохтонного населения края и казачьей колонизацией его земель. Число беженцев с охваченных военными действиями территорий между Кубанью и Лабой и бассейна реки Адагум резко возрастает с 1858-1859 гг. Часть их видела для себя спасение в переселении в Турцию под видом паломничества в Мекку. В 1860 г. военное командование пришло к выводу о государственной пользе безусловного разрешения мусульманским племенам Кавказа переселяться навсегда в Турцию и необходимости достичь соответствующего соглашения с османским правительством. 3 октября 1860 г. был окончательно утвержден предложенный генералом Н.И. Евдокимовым план завоевания Северо-Западного Кавказа, состоявший в том, чтобы «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины позади казачьих станиц, или уходить в Турцию» [Озова 2011: 35]. В работах адыгских историков приводятся многочисленные свидетельства жестокого характера действий царских войск, осуществлявших «этническую чистку». Часто цитируется фрагмент из записок участника событий М.И. Венюкова: «Я приехал на Кавказ в конце 1861 года, т.е. в самый разгар той войны, которая, три года спустя, решила окончательно участь этой страны. ...Война шла с неумолимою, беспощадною суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, но прежде, чем деревья одевались зеленью (в феврале и марте); посеы вытраивались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию. ...Таков был характер войны» [Кудаева 2007: 163]. Как свидетельство понимания российским военным командованием катастрофических последствий для черкесского населения создаваемых таким образом условий и его нежелания сделать что-либо для их облегчения приводят слова генерала Н.И. Евдокимова: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь [*наместник Кавказа с 1862 г. Михаил Николаевич – автор*] и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отвратить это бедствие?» [Трахо 1992: 51].

Таким образом, вопрос признания Россией геноцида черкесов является довольно неоднозначным и заслуживает дополнительного обсуждения. Безусловно, официальный факт признания геноцида способен снизить имеющееся напряжение в отношениях с рядом черкесских общественных организаций, способных оказывать влияние на рост радикальных настроений среди черкесского социума и в целом управлять настроениями внутри него, что

может снизить уровень этнополитической напряженности на центральном и западном Кавказе. С другой стороны, следует учитывать, что наиболее болезненные потери среди черкесского населения произошли в период переселения в Османскую Империю, что, в свою очередь, по мнению противников признания геноцида, входит вразрез с самим понятием «геноцид», основой которого является фактор преднамеренного физического уничтожения определенной этнической группы (согласно «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г., под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»)¹. В настоящее время из государств-членов ООН геноцид черкесов признала только Грузия².

Репатриация черкесского населения и ее перспективы. Одним из результатов Кавказской войны стало возникновение северокавказской диаспоры в ряде стран, входивших ранее в состав Османской империи. Впоследствии значительные группы черкесов расселились оттуда и в другие регионы. В настоящее время черкесская (адыгская) диаспора представлена более чем в 50 странах мира. Примерная численность черкесов в Турции, по данным Международной черкесской ассоциации (МЧА), составляет около 3 млн человек. В Сирии проживает около 100 тыс., в Иордании – 90 тыс., в Ливии – 30 тыс., в Израиле – более 3,5 тысяч. Из западных стран черкесская (адыгская) диаспора наиболее многочисленна в Германии – 40 тыс. и в США – 15 тыс. [Аккиева, Дзамихов 2017: 189].

Ведущие исследователи истории и современного положения зарубежных черкесских диаспор отмечают, что к 1980-м гг. для них особую актуальность приобрела проблема репатриации. Это было обусловлено усилением процессов ассимиляции, которые стали развиваться в среде зарубежных черкесских диаспор вследствие сокращения черкесских моноэтнических компактных населённых пунктов, урбанизации и изменения традиционного жизненного уклада – его модернизации и унификации, а также дальнейшего рассредоточения зарубежных черкесов по странам мира [Кушхабиев 2013: 75]. С 1990-х гг. программы черкесских общественных организаций России вошло положение о необходимости начала проведения российскими властями активной политики по репатриации черкесов. Но препятствия к ее реализации существуют не только со стороны российских властей, усматривающих в беспрепятственной репатриации групп населения из исламских стран определенные риски и финансово-экономические проблемы, но и в самой диаспоре. А.В. Кушхабиев указывает, что к решению данной проблемы разные

¹ Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 22.08.2019).

² Грузия признала геноцид черкесов в царской России. 2011. 20 мая // Интернет-газета «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/news/2011/05/20/cherkesy/> (дата обращения: 12.09.2019).

возрастные группы и социальные слои зарубежных черкесских общин подходят неодинаково. Наряду с молодыми черкесами в Турции, которые именно в репатриации видят необходимое условие сохранения и развития этнической культуры, есть и сторонники переселения в страны Западной Европы и США. Представители старшего и среднего поколения склоняются к проектам развития культурной автономии, как средства сохранения языка и культуры. Стремление к репатриации охлаждается и нестабильной ситуацией на Северном Кавказе. В Иордании к возвращению на родину стремится не более 5% черкесов, что объясняется их относительно обеспеченным положением и нежеланием подвергаться риску. Вместе с тем, тяга к репатриации широко распространена среди черкесов Сирии [Кушхабиев 2013: 75-77, 153-168]. Таким образом, при обсуждении вопроса о репатриации черкесского этноса на территорию Российской Федерации необходимо учитывать, что основная часть черкесов, проживающих в настоящее время за пределами России (например, в Турции, Иордании, Сирии, Ираке, Ливии), к сожалению, утратила родной язык и культуру и не стремится переселиться в Российскую Федерацию, являясь полностью интегрированной в социум других государств, что, в свою очередь, вряд ли может способствовать эффективной репатриационной политике.

Будет ли это обстоятельство использоваться как аргумент против самой постановке вопроса о содействии репатриации зарубежных черкесов зависит от готовности видеть в черкесах диаспоры соотечественников, как на том настаивают черкесские организации России. В отсутствие такой готовности перспектива приема неопределенного, пусть даже и не очень большого количества черкесского населения, не владеющего русским языком и не очень хорошо понимающего специфику российского социума и государства вызывает опасения у части населения и в экспертных кругах. Эффективное проведение репатриационной политики потребовало бы создания в стране особых социальных и культурных программ по интеграции. На это накладываются представления о репатриантах, как о беженцах, которых надо будет содержать, обучать, трудоустраивать, что ляжет дополнительной нагрузкой на бюджет. Сложно сказать, готов ли в настоящее время российский бюджет, учитывая регулярные проблемы, которые сопровождают российскую экономику после 2014 года, взять ее на себя. Указывают также, что существует ряд нерешенных на данный момент приоритетных для российской экономики задач, в том числе, по экономической модернизации почти двухмиллионного Крымского полуострова.

Но именно исключение проблем черкесов зарубежья, желающих вернуться на родину, из числа приоритетов российской политики и демонстративно разное отношение к беженцам с Юго-Востока Украины и черкесским беженцам из Сирии вызывает возмущение черкесских активистов. Что касается экономического аспекта, то уже накоплен и проанализирован значительный позитивный опыт репатриации и адаптации черкесов зарубежья к российским условиям. Черкесы-репатрианты в Кабардино-Балкарии и Адыгее не получают финансовую поддержку из российского бюджета. Они полностью обеспечивают себя сами. Более того, многие из них открыли частные

предприятия в российских регионах и предоставили рабочие места местному населению [Кушхабиев 2013: 185-207].

Черкесская республика – иллюзия или реальный политический проект? По этническому составу адыги (черкесы) составляют большинство населения одного административно-территориального субъекта – Кабардино-Балкарии (кабардинцы составляют 57,2% от общей численности населения; русские и балкарцы – 22,5% и 12,7% соответственно¹. Что касается Карачаево-Черкесии и Республики Адыгея, то в данных субъектах адыги (черкесы) являются меньшинством от общей численности населения (11,9 % и 25,8 % соответственно)². Одновременно с этим, самоназвание народов адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (за исключением шапсугов) присутствует в наименованиях сразу трех административно-территориальных образований Российской Федерации (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика).

Поэтому еще одна тема, периодически возникающая в рамках обсуждения черкесского вопроса, – это идея создания единого «черкесского» субъекта федерации. В ее основе лежат определенные посылки и этнополитические факторы. Во-первых, представление о республиках в составе РФ как формах «национальной государственности» тех или иных народов. Отсюда следует, что при наличии республик с черкесским (адыгским) компонентом Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, черкесы (адыги) как этнос/народ не имеют своего национального административно-территориального образования. Во-вторых, надежда, что в рамках этнически «унифицированного» субъекта федерации будет больше возможностей для обеспечения воспроизводства этнокультурных основ национального существования и национальной идентичности. В-третьих, стремление избавиться от постоянного давления со стороны этнополитических конкурентов внутри существующих республик, представляют ли они большинство (Адыгея, Карачаево-Черкесия) или меньшинство населения. Так, лозунг об объединении черкесов Кавказа в единую республику был озвучен от имени черкесской молодежи на чрезвычайном съезде черкесского народа, созванный в ноябре 2008 г. именно в связи с внутренними этнополитическими коллизиями в Карачаево-Черкесии. Съезд формально принял решение создать комитет для подготовки соответствующего обращения к федеральным властям, но в дальнейшем стало очевидно отсутствие единодушия среди деятелей национального движения по этому вопросу, и он не получил дальнейшего развития [Боров 2012: 35, 38]. В целом, складывается впечатление, что отношение в черкесской среде к идее создания единого субъекта федерации аналогично тому, что А.В. Кушхабиев подметил в отношении старшего и

¹ Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.xlsx (дата обращения: 12.09.2019).

² Там же.

среднего поколения турецких черкесов к идее репатриации: ее «воспринимают в целом как благую идею и мечту, но не видят реальной возможности ее практического осуществления» [Кушхабиев 2013: 75].

Дело в том, что ареалы компактного проживания адыгского этноса в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Республике Адыгея в настоящее время не граничат между собой, имея единые границы только в рамках отдельно взятых административных субъектов. Например, в Карачаево-Черкесской республике территории с компактным проживанием черкесского этноса находятся в северо-восточной части республики (Адыге-Хабльский и Хабезский районы), а в Кабардино-Балкарской республике – в северной, центральной и восточной частях. Таким образом, ареал компактного проживания адыгского (черкесского) этноса на территориях Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии оказывается разделенным районами с компактным проживанием народов половецко-кыпчакской подгруппы тюркской языковой семьи – карачаевцев и балкарцев.

Что касается Республики Адыгея, то территории с наиболее компактным расселением адыгского этноса (65 % и более) находятся в разных частях данного административного субъекта: в северо-западной части республики, на севере Тахтамукайского и Теучежского районов; в северо-восточной части республики (центр и юг Шовгеновского района республики, а также восточная часть Кошехабльского района); юг Кошехабльского района, на границе с Мостовским районом Краснодарского края. Получается, что восточная и западная часть республики, компактно населенная адыгским этносом, отделена друг от друга районами с компактным проживанием русского этноса (Майкопский, Гиагинский и Красногвардейский районы).

Учитывая вышеназванные особенности расселения адыгского (черкесского) этноса в настоящее время, говорить о создании единого черкесского субъекта в составе Российской Федерации вряд ли представляется возможным. Вследствие отсутствия общих границ между ареалами проживания четырех этнических групп адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов) эффективно провести административно-территориальную реформу с целью образования единой черкесской республики крайне затруднительно. Помимо этого, даже если предположить, что формально сама реформа и может быть реализована, то в дальнейшем в системе управления административно-территориальным субъектом, несколько частей которого существуют обособленно друг от друга, не имея общих границ, так или иначе будут возникать проблемы бюрократического и иного свойства, способные оказать негативный эффект на работу многих институциональных структур внутри субъекта, что может усложнить сам процесс контроля за деятельностью властных структур на уровне районов и других муниципальных образований.

Выводы

Итак, переходя к выводам, следует отметить, что черкесский вопрос как определенный комплекс социально-политических проблем подразделяется в российском научно-академическом дискурсе на следующие основные составляющие: проблема признания Россией событий периода Кавказской войны геноцидом черкесов (адыгов); вопросы содействия российских властей репатриации зарубежных черкесов (потомков мухаджиров XIX в.) на историческую родину; проблема создания единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации.

Если рассматривать эти проблемы в плоскости практической политики, как задачи, предлагаемые безотлагательному решению, то они представляются крайне сложными или практически нереализуемыми.

Так, факт официального признания Россией геноцида черкесов возможно мог бы уменьшить имеющееся напряжение в отношениях с некоторыми из черкесских общественных организаций, что, в свою очередь, может привести к снижению уровня этнополитической напряженности на центральном и западном Кавказе. Однако, поскольку наиболее болезненные потери среди черкесского населения произошли непосредственно в период переселения в Османскую Империю, то в связи с этим по-прежнему остается дискуссионным вопрос – насколько эти события попадают под само понятие «геноцид», зафиксированное в Конвенции ООН от 9 декабря 1948 года, в которой под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»? Пока что здесь больше вопросов, чем ответов.

Что касается двух других аспектов черкесского вопроса, таких, как вопрос содействия российских властей проведению политики по репатриации адыгов (черкесов) на историческую родину, а также формирование единого черкесского субъекта на территории Российской Федерации, то в настоящее время они не могут быть реализованы. В первом случае – вследствие произошедшей почти за полтора столетия культурной ассимиляции черкесов, проживающих в других государствах (Турции, Иордании, Сирии, Ираке, Ливии, Саудовской Аравии) и их интегрированности в культуру социумов этих государств, а во втором – вследствие специфики современного ареала расселения адыгского этноса, проявляющегося в отсутствии общих границ между территориями проживания четырех этнических групп адыгской подгруппы адыго-абхазской языковой семьи (адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов), что существенно осложняет сам процесс создания единого черкесского административно-территориального субъекта и, соответственно, в том числе процесс управления муниципальными образованиями подобного субъекта.

Если поставить вопрос, какой вклад в настоящее время вносит черкесский вопрос в сохраняющиеся на Центральном и Северо-Западном Кавказе проявления этнополитической напряженности, то следует признать его крайне незначительным. В целом, несмотря на определенный «ренессанс» черкесского

вопроса в период с 2007 по 2014 гг., в настоящее время он явно сошел на спад. Главным образом, это обусловлено завершением событий, приуроченных к Олимпиаде 2014 года, проведение которой вызывало отрицательный резонанс среди некоторых черкесских общественных организаций. Но активность и влияние этих организаций на Юге России практически сошло на нет. В частности, уже ряд лет никак не проявляется движение «Черкесский конгресс», которое с середины 2000-х годов заявляло о себе как о наиболее радикальном черкесском национальном движении, приобретшем характер межреспубликанской и даже международной сетевой организации. В организованном черкесском движении безусловно доминирует политическая лояльность Российскому государству.

Но из этого не следует, что сам черкесский вопрос окончательно снят с этнополитической повестки дня Юга России. Дело в том, что комплекс образующих его идейных единиц является символическим выражением реальной специфики и проблем современного «черкесского мира», в котором находящиеся в различных политических и социально-культурных условиях группы черкесского населения сохраняют общую идентичность, в значительной степени «замешанную» на исторической травме. Отклоняя те или иные запросы черкесского национального сознания и национального движения в сфере практической политики, необходимо искать и находить позитивные ответы на них в сфере символической политики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аккиева, Дзамихов 2017 – *Аккиева С., Дзамихов К.* Наследие мухаджиров как политический актив. Черкесская (адыгская) диаспора: история и современные проблемы // Россия в глобальной политике. Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. – 2017. – Сентябрь. – С. 186-202.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – 1882. – Т. 36.

Боров 2012 – *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен / отв. ред. П.М. Иванов / Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН (№ 1). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2012. – 57 с.

Емельянова 1999 – *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. – М.: Граница, 1999. – 140 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 223 с.

Ковалевский 1867 – *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. – 1867. – Т. III. – С. 75-140.

Кудаева 2007 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик: ГП КБР РПК, Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 304 с.

Кушхабиев 2011 – *Кушхабиев А.В.* Деятельность черкесских (адыгских) общественных организаций по решению «черкесской проблемы» в начале XXI века // Известия КБНЦ РАН. – 2011. – № 6 (44). – С. 247–254.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2013. – 224 с.

Кушхабиев 2014 – *Кушхабиев А.В.* Проблема массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858-1865 гг.) в работах российских историков // Известия КБНЦ РАН. – 2014. – № 1 (57). – С. 137–143.

Матишов и др. 2011 – *Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.

Матишов и др. 2012 – *Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П.* «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. – 2012. – № 1 (8). – С. 80-89.

Озова 2011 – *Озова Ф.А.* План генерала Евдокимова в свете военного права XIX века // Вестник Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований при правительстве КБР и КБНЦ РАН. Вып. 18. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – С. 19-44.

Патракова, Черноус 2011 – *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Историография, историческая память адыгов о Кавказской войне XIX в. и современные политические провокаторы // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. – Вып. 69. – М.–Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 202 с.

Сивер 2014 – *Сивер А.В.* Кавказская война и черноморские шапсуги: к вопросу о причинах и факторах участия // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – № 1 (57). – С. 144-150.

Суций 2012 – *Суций С.Я.* Черкесский вопрос – основные проблемные зоны и их конфликтогенный потенциал (I). 2012. 6 янв. // Научное общество кавказоведов. Официальный сайт. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/01/06/cherkesskij-vopros-problemnye-zony-konfliktogennyj-potencial-i.html> (дата обращения: 23.09.2019).

Тернон 1996 – *Тернон И.* Размышления о геноциде // Российский бюллетень по правам человека. – 1996. – Вып. 8. – С. 102-144.

Тетуев 2016 – *Тетуев А.И.* Особенности этнополитических процессов на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества (на материалах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Том 23. – № 1. – С. 90-98. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-90-98>

Трахо 1992 – *Трахо Р.* Черкесы: (Черкесы Сев. Кавказа). – Нальчик: Б. и., 1992. – 158 с.

Узнародов 2017 – *Узнародов Д.И.* Лезгинский ирредентизм как геополитический фактор на Северном Кавказе // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 2. – С. 110-118. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-110-118>

Узнародов 2018 – *Узнародов Д.И.* Ногайский вопрос в постсоветской России: актуальное состояние и исторические предпосылки // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 192-203. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-192-203>

Этнополитическая ситуация... 1994 – *Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии* / сост. И.Л. Бабич. – М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. – Т. 2. – 313 с.

Этнополитическая ситуация... 2014 – *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году.* Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2014. – 643 с.

REFERENCES

AKKIEVA S., DZAMIKHOV K. *Nasledie mukhadzhirov kak politicheskiy aktiv. Cherkesskaya (adygskaya) diaspora: istoriya i sovremennye problemy* [The legacy of mohajirs as a political asset. Circassian (Adyghe) Diaspora: history and modern problems]. IN: *Rossiya v*

global'noy politike. Spetsvypusk: Atlas obshchestvennoy diplomatii. – 2017. – Sep. – P. 186-202. (In Russian)

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of mountaineers from the Caucasus]. IN: *Russkaya starina.* – 1882. – Vol. 36. (In Russian)

BOROV A.Kh. «*Cherkesskiy vopros*» *kak istoriko-politicheskiy fenomen* [«Circassian question» as a historical and political phenomenon]. Ed. in chief P.M. Ivanov. Scientific reports of the center of social and political studies of Kabardino-Balkarian scientific center of RAS (No 1). – Nalchik: Kabardino-Balkarian scientific center of RAS Publishing, 2012. – 57 p. (In Russian)

EMEL'YANOVA N.M. *Musul'mane Kabardy* [Muslims of Kabarda]. – M.: Granitsa, 1999. – 140 p. (In Russian)

Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Edited by I.L. Babich. – M.: Institute of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences, 1994. – Vol. 2. – 313 p. (In Russian)

Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2013. Annual report of the ethnological monitoring and conflict early warning Network]. Edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov. – M.: Institute of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences, 2014. – 643 p. (In Russian)

KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX-XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie* [The Population of the Northern Caucasus Region from the 18th to the 20th centuries. Ethnostatistical Study]. – St. Petersburg: “Russian Baltic Information Center BLITZ” Publishing House, 1996. – 223 p. (In Russian)

KOVALEVSKIY E.P. *Ocherki etnografii Kavkaza* [Essays on ethnography of the Caucasus]. IN: *Vestnik Evropy.* – 1867. – Vol. III. – P. 75-140. (In Russian)

KUDAEVA S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX v.: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskego obshchestva* [Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus in the XIX century: processes of transformation and differentiation of Adyghe society]. – Nalchik: Publishing House «El-Fa», 2007. – 304 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Deyatel'nost' cherkesskikh (adygskikh) obshchestvennykh organizatsiy po resheniyu «cherkesskoy problemy» v nachale XXI veka* [Activities of Circassian (Adyghe) public organizations to address the «Circassian problem» in the early XXI century]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2011. – No 6 (44). – P. 247-254. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Problema massovogo vyseleniya cherkesov (adygov) v Osmanskuyu imperiyu (1858-1865 gg.) v rabotakh rossiyskikh istorikov* [Problem of mass eviction of Circassians (Adyghes) to the Ottoman empire (1858-1865) in the works of Russian historians]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No 1 (57). – P. 137-143. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian scientific center of RAS Publishing, 2013. – 224 p. (In Russian)

MATISHOV G.G., BATIEV L.V., PASHCHENKO I.V., ROMANOV I.V. *Atlas sotsial'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Yuga Rossii. T. V. Severnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya. Spetsial'nyy vypusk* [Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia. Vol. V. North Caucasus: problems and prospects of development. Special issue]. – Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing, 2011. – 160 p. (In Russian)

MATISHOV G.G., KLYCHNIKOV YU.YU., KHLYNINA T.P. «*Cherkesskiy vopros*»: *istoriya, politika i sovremennoe mifotvorchestvo* [«Circassian question»: history, politics and modern myth-making]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2012. – No 1 (8). – P. 80-89. (In Russian)

OZOVA F.A. *Plan generala Evdokimova v svete voennogo prava XIX veka* [General Evdokimov's plan in the light of the 19th century military law]. IN: *Vestnik Kabardino-balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy pri pravitel'stve KBR i KBNTs RAN. Iss. 18.* – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – P. 19-44. (In Russian)

PATRAKOVA V.F., CHERNOUS V.V. *Istoriografiya, istoricheskaya pamyat' adygov o Kavkazskoy voyne XIX v. i sovremennye politicheskie provokatory* [Historiography, historical memory of Adygs about the Caucasian war of the XIX century and modern political provocateurs]. IN: *Yuzhnorossiyskoe obozrenie Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovaniy i prognozirovaniya IPPK YuFU i ISPI RAN.* – 2011. – Iss. 69. – Moscow-Rostov-on-Don: Social and humanitarian knowledge, 2011. – 202 p. (In Russian)

SIVER A.V. *Kavkazskaya vojna i chernomorskie shapsugi: k voprosu o prichinakh i faktorakh uchastiya* [Caucasian war and Black-Sea Shapsugs: to the problem of reasons and factors of participation]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN.* – 2014. – No 1 (57). – P. 144-150. (In Russian)

SUSHCHIY S.Ya. *Cherkesskiy vopros – osnovnye problemnye zony i ikh konfliktogennyy potentsial (I)* [Circassian question-the main problem areas and their conflict potential] 2012. 6 Jan. IN: *Nauchnoe obshchestvo kavkazovedov:* Official site. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/01/06/cherkesskiy-vopros-problemnye-zony-konfliktogennyj-potencial-i.html> (date of access: 23.09.2019). (In Russian)

TERNON I. *Razmyshleniya o genotside* [Reflections on genocide]. IN: *Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka.* – 1996. – Iss. 8. – P. 102-144. (In Russian)

TETUEV A.I. *Osobennosti etnopoliticheskikh protsessov na Severnom Kavkaze v period sistemnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva (na materialakh Kabardino-Balkarii i Karachaevo-Cherkessii)* [Features of ethnopolitical processes in the North Caucasus during the systemic transformation of Russian society (by the materials of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia)]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN.* – 2016. – No 1. – P. 90-98. (In Russian)

TRAKHO R. *Cherkesy: (Cherkesy Sev. Kavkaza)* [Circassians: (The Circassians of North Caucasus)]. – Nalchik, 1992. – 158 p. (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Lezginskiy irredentizm kak geopoliticheskiy faktor na Severnom Kavkaze* [Lezgin irredentism as a geopolitical factor in North Caucasus]. IN: *Kavkazologiya.* – 2017. – No 2. – P. 110-118. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-110-118> (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Nogayskiy vopros v postsovetskoy Rossii: aktual'noe sostoyanie i istoricheskie predposylki* [Nogai question in post-Soviet Russia: current status and historical background]. IN: *Kavkazologiya.* – 2018. – No 4. – P. 192-203. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-192-203> (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 398.2+398.8

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-240-249

**ЭВОЛЮЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В АДЫГСКОМ
ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ****А.М. ГУТОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: adam.gut@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема эволюции архетипической структуры, перешедшей из мифа в архаический эпос и сохраняющейся вследствие адаптации к изменениям социокультурного и мировоззренческого характера. С опорой на сюжеты историко-героических сказаний, возникших на относительно поздней стадии продуктивной жизни народного эпоса, исследуются этапы эволюции мотива чудесного рождения героя. Обращается внимание на поступательные изменения в общественном сознании, которыми обусловлен переход мифологического нарратива в область художественного творчества, анализируются различные формы воплощения архаической модели повествования, непосредственно в связи со стадийными изменениями в области мировосприятия и характера отражения действительности. Устанавливается, что и рассматриваемый мотив, и некоторые другие, зародившиеся как способы межпоколенной трансмиссии верований, могут иметь связь с ритуалом инициального характера. Секуляризация мифологического нарратива не отрывает мотив от исходной системы мировосприятия. Поэтому в раннем типе эпоса мотив может оставаться по форме предельно близким к мифу. Но она же усиливает в повествовании эстетическую функцию, благодаря чему в поздних эпических циклах структура обретает новое оформление, соотносясь с эволюционными процессами в области восприятия.

Ключевые слова: эволюция; нарратив; Андемиркан; народный эпос; миф; секуляризация.

**THE EVOLUTION OF ARCHETYPAL STRUCTURE IN ADYGHE
HISTORICAL-HEROIC EPIC****A.M. GUTOV**

*Institute of humanitarian researches – branch of FSBSE «Federal Scientific Center «Kabardino-
Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: adam.gut@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of the evolution of the archetypal structure, which passed from myth to archaic epic and preserved due to the ability to adapt to changes in socio-cultural and ideological character. Based on the plots of historical and heroic tales that arose at a relatively late stage of the productive life of the folk epic, the main stages of the evolution of the motive of the miraculous birth of the hero are investigated. Attention is drawn to the progressive changes in public consciousness, which caused the transition of mythological narrative in the field of artistic creativity, then analyzes the various forms of implementation of the archaic model of the narrative, directly in connection with the stadium changes in the perception of the world and the nature of the reflection of reality in the genres of folklore. It is established that both the motive in question and some others, which originated as methods of intergenerational transmission of beliefs, must have been originally included in the ritual of an initial character. The secularization of the mythological narrative does not separate the motive from the original system of perception of the world. Therefore, in the early type of epic, the motif may remain in form extremely close to the myth. But it still enhances the aesthetic function of the narrative, so that in the later epic cycles, the initial structure acquires a new design, in accordance with the evolutionary processes in the field of perception.

Keywords: evolution; narrative; Andemyrcan; folk epos; myth; secularization.

Сюжетное многообразие в фольклоре образуется, как правило, вследствие совокупности обстоятельств. Пожалуй, первое из них – это появление в устном обиходе новых мотивов и сюжетов, что порождается эволюционными изменениями в области общественного сознания. Но рядом с ним стоит использование мотивов и сюжетов, которые возникли ранее, но с изменениями цивилизационного характера не исчезли, а лишь подверглись своеобразной адаптации к новым условиям функционирования. Хорошо известно, что многие мотивы, рожденные в русле мифологического мышления на ранней стадии эволюции и освоенные архаическим эпосом из системы языческих верований, с успехом аккумулируются и более поздним типом восприятия, а в результате этнокультурных трансформаций инфильтруются в младший эпос и другие жанры фольклора. Этим в немалой степени обеспечивается преемственная связь между разностадиальными типами эпоса как жанра или же, как в обиходе принято обозначать для удобства, между архаическим эпосом, опирающимся на мифы как мировоззренческую систему, и эпосом историко-героическим, основным источником событийной основы которого является уже не мифологический нарратив, а реальная действительность. Архетипические структуры, однажды возникшие в лоне мифологического сознания, однако, не всегда исчезают вместе с породившей их системой, а нередко продолжают свое существование, приспособившись к изменившимся обстоятельствам.

Задача настоящей работы в том, чтобы установить основные опорные моменты эволюции на примере анализа одного из сквозных мотивов, проявляющих способность сохраняться на разных стадиальных уровнях общей системы мировосприятия.

Таков, например, мотив чудесного рождения, один из самых популярных в мировой мифологии и фольклоре и при этом один из самых устойчивых и способных к адаптации. В архаических эпосах он часто бывает объективирован близко к форме, характерной для системы древнейших мифологических

представлений. В этом плане представляет интерес эволюция этого мотива в адыгском фольклоре. Одна из самых стадиально ранних версий его известна по сказанию о рождении нарта Сосруко из камня: герой зарождается в камне и по истечении положенного времени рождается из него. Мифологический нарратив в его исходной форме не сохранился, все известные варианты характеризуются секулярным характером повествования. Несмотря на это, она осталась по стилю изложения довольно близкой к языку и стилю мифа и отличается более всего тем, что доминантой в повествовании является не приобщение неофитов к сакральной тайне, не передача освященного традицией знания, а такие факторы как идеализация героя, красота и занимательность изложения.

По мере эволюции самого общества изменяются и некоторые мировоззренческие принципы. Как можно полагать и как отмечено в исследованиях, с накоплением положительных практических знаний начинает колебаться и вера в вероятность необычного, чудесного рождения [Гутов 2009: 26-29]. Когда изменения в данной области достигают определенной «критической массы», в новых обстоятельствах и на новом уровне мировосприятия сюжет о чудесном рождении также претерпевает трансформации. Для адыгского фольклора характерно, что уже в пределах функционирования системы условностей нартского эпоса налицо первые признаки переосмысления. Так, удельный вес чудесного значительно поколеблен еще в пределах художественной системы архаического эпоса: в сказании о рождении нарта Бадиноко / Шабатыныко (персонажа из числа центральных героев «мифологического» нартского эпоса, но, по многим признакам типологически более позднего, чем «камнерожденный» нарт Сосруко). Герой рождается не классическим для древнего эпоса чудесным образом, т. е. не из камня, как нарт Сосруко, не от выпитой воды или проникшего в помещение солнечного луча и т.п., а от земных родителей, как подобное может происходить в реальной жизни [Нарты... 1974: 80-85, 229-234].

Но все-таки рождение – это настолько ключевой компонент в идеализации эпического героя, что оно непременно должно чем-то отличаться от того, как и от каких родителей появляется на свет обычный человек. Поэтому в сказании о появлении на свет нарта Бадиноко и его отец, и мать столь славного героя тоже представляются как богатыри: отец по целому году бывает в разъездах, а в его отсутствие мать, переодетая в мужские доспехи, побивает целое вражеское войско. Кроме того, рождению нарта Бадиноко непременно предшествуют чудесные явления: еще до появления на свет этого героя его плач раздается из материнской утробы [Нарты... 1974: 82, 232].

Несколько иного рода трансформация мотива чудесности отмечается в цикле другого нарта, Шауея: его отец – «обыкновенный» представитель племени нартов, то есть он как бы один из многих, Зато мать – мифическое существо, отвратительная на вид и дикая нравом великанша-каннибал [Нарты... 1974: 156, 310]. Шауей – это, бесспорно, персонаж архаического эпоса, хотя его образ, так же, как и образ Бадиноко, сформировался на поздней стадии продуктивной жизни этого жанра, как можно признать, под менее сильным влиянием мифа в сравнении с образами нартов Сосруко, Батраза или

Озырмеса. По основной версии, он родился не чудесным образом, что более подобало бы типичному герою эпоса архаического типа, а от отца с матерью, как и обычные люди. Таким образом, налицо важный шаг в сторону приближения к реальности. Однако статус эпического героя-богатыря требует, чтобы отличия его от «не героев» были не благоприобретенными, а заложенными изначально. Поэтому сюжет о его рождении также не обходится без элемента необычного: вместо рождения чудесным образом народная фантазия вводит чудеса, которыми сопровождается естественное появление героя на свет. Благодаря этому в области эволюции эпического мировосприятия уже в нартских сказаниях, возникших на поздней стадии продуктивной жизни жанра, подготовлена благодатная почва для плавного перехода к последующей стадии художественного отражения, раскрывающегося во всей полноте уже в эпосе историко-героическом.

На этом фоне, относительно новом для жанра героического эпоса, логике эволюции эпического сознания вполне соответствует то, что Андемиркан, герой эпоса младшего, историко-героического, согласно множеству записанных вариантов, родился от земных отца и матери. Примечательно, однако, что, фольклорная традиция связывает этот факт с каким-либо отклонением от общепринятых стандартов. Так, по некоторым версиям, появление героя на свет происходит не в Кабарде, где локализуются основные действия в цикле, а согласно одной из бытующих версий, на безымянном морском острове [Андемыркъан... 2002: 81, 92, 116 и др.] или же на корабле во время плавания [Фольклор адыгов... 1979: 137]. В Кабарду его приносит гигантский орел, похитив в самый момент рождения [Андемыркъан... 2002: 111, 116, 156, 268, 181 и др.].

Согласно еще одной версии, Андемиркан найден наездниками во время похода, при этом нередко тайна его происхождения или совсем не раскрывается, или проявляется в контексте повествования о приобретении героем богатырского коня [Андемыркъан... 2002: 65, 156, 199, 201, 233 и др.]. Есть также версия, согласно которой его отец – редкий знаток лошадей, оклеветанный перед султаном и несправедливо наказанный ослеплением [Фольклор адыгов... 1979: 136]. Она, по всей видимости, является результатом редкого в героическом эпосе явления – взаимодействия с широко известным в тюркском мире эпосом о Кер-оглы, имя которого, согласно вариантам сказания, также порою толкуется как «сын слепца» [Каррыев 1958]. В адыгском сказании родители героя поспешно покидают двор жестокого правителя, и младенец рождается на корабле в открытом море. Далее следует универсальный и многообразный в формах конкретной объективации фольклорно-мифологический мотив, известный еще по «эдипову комплексу», – удаление младенца вместо его умерщвления: поскольку, согласно поверью, рождение ребенка во время плавания считалось дурным знаком для всего корабля, мать разрешилась от бремени тайно, затем она уложила новорожденного в сундук и спустила на воду, тем самым вручая жизнь младенца воле рока. Это очередной шаг в сторону дальнейшей «рационализации», а наряду с этим и оригинальная

интерпретация древнейшего мотива удаления младенца, оказывающая влияние на ход всего дальнейшего повествования.

В ряде вариантов сказания о рождении Андемиркана налицо тенденция к еще большей рационализации мотива, попытка приблизить его к такому толкованию, которое позволило бы аудитории, воспринимающей повествование, признать его вероятным в сознании людей эпохи продуктивного функционирования цикла, т. е. в системе стихийно-реалистических представлений определенного времени. В этом мы видим одну из важных, если не основную, причину того, что в младшем эпосе чудесное рождение сменяется версией, будто бы более правдоподобной, но все же непременно выделяющей героя из общей среды: он оказывается сыном или неведомого полумифического богатыря, или чудесного знатока лошадей, или же внебрачным сыном князя, лица, традиционно сакрально почитаемого, а значит – человеком относительно высокого социального ранга [Андемыркъан... 2002: 42, 74, 88, 90, 94, 100 и др.]. Видимо, до окончательного перехода от язычества к монотеистической религии рождение внебрачных детей не считалось таким тяжким грехом, каким оно становится во времена более поздние, хотя, казалось бы, и тогда чести это никому не должно было делать.

Таким образом, мифо-фантастический сюжет поступательно трансформировался по характеру отношения к действительности в «фольклорно-реалистический», в результате чего за героем, который появляется на свет естественным образом, сохраняется некая тайна рождения, призванная непременно выделить его из среды обычных людей. С одной стороны, этот прием напоминает мотив чудесного рождения, но не в прежнем его проявлении, а в форме, адаптированной к обстоятельствам. С другой же он сохраняет наиболее важную функцию версии появления на свет – выделение героя из среды обычных людей, его идеализация не только посредством описания подвигов, но и самой его необычной природой. Это очень близко к типично средневековому приему идеализации правящей элиты общества: известно, насколько было популярно, чтобы короли, цари, великие князья самых разных частей земли стремились возводить свои родословные истоки непременно к какой-либо иной среде, желательно — сакральной, никак не довольствуясь тем, чтобы их родовые корни восходили к тем же, к которым принадлежат их подвластные. Тем самым строится водораздел между массой «обычных людей» и личностью или элитой.

В сказках и героических сказаниях разных народов мира герой, совершающий подвиги, оказывается высокородным по крови, но, как правило, это должно раскрываться в самом конце повествования. В этом тоже можно видеть еще одну тенденцию к модификации архетипического мотива: замену чудесного или необычного рождения тайной происхождения. Она оказывается столь же эффективным способом идеализации персонажа, как и божественное или чудесное.

Итак, каким бы ни был путь появления героя на свет, оно непременно сопровождается или чудесными явлениями, или хотя бы каким-либо таинством. Это с очевидностью воспринимается как реминисценции исходного

архаического по природе мотива чудесного или хотя бы в чем-то необычного происхождения. В историко-героических песнях и преданиях основная функция вхождения мотива о рождении в цикл, т. е. идеализация героя, его выделение из среды обычных людей, устойчиво сохраняется. Но, разумеется, происходит это не всегда одинаково в неизменном виде, а непременно адаптируясь к новым условиям.

В адыгском фольклоре упомянутая нами версия внебрачного рождения, связанная с Андемирканом, проявляется и в других жанрах, хотя она и менее популярна, чем вышеназванные. Подобное толкование все же знаменует еще один, очередной, шаг в сторону «компромиссного» приближения архетипической структуры к реальности или же представляет своеобразную уступку «рациональному сознанию».

Тот же элемент таинственности фигурирует как один из центральных в сказании о происхождении другого фольклорного персонажа, стадиально гораздо более позднего, следовательно, по логике здравого смысла более приближенного к реальности. Подлинный Жабаги Казанок – документально подтвержденная историческая личность, мыслитель и выдающийся общественный деятель конца XVII — первой половины XVIII вв. [Жабаги... 1987], а его фольклорное воплощение – герой целого большого цикла сказаний [Сказания... 2001]. Согласно фольклорным материалам, он часто представлен как подкидыш: по самой распространенной версии, младенцем он был обнаружен чабанами, в вариантах – балкарскими или карачаевскими, завернутым в овечью шерсть и уложенным в казан, откуда, согласно народной этимологии, происходит его имя (в тюркских языках *казан* – котел, *жабаги* – шерсть весеннего настрига), хотя оба имени традиционно характерны для адыгской антропоники. Мотив необычного рождения в его модифицированном виде устойчиво присутствует во множестве записей, несмотря на очевидное для современников происхождение героя из среды потомственных дворян-уорков [Жабаги... 1987: 7-22, 50-66; Сказания... 2000: 43-55 и др.]. Как совершенно очевидно, сюжет о внебрачном рождении здесь явно фольклорный, он появился уже впоследствии, когда реальное лицо стало прототипом персонажа преданий. Это – результат сравнительно длительного процесса эволюции образа и связанных с ним мотивов. Реальная личность, вошедшая персонажем в фольклорную номенклатуру, была призвана подчиниться стереотипам жанра, один из канонов которого, как очевидно, обязательное выделение героя из общей среды обычных, «маленьких людей» и его возвышение над массой не только простонародья, но даже аристократии. Тогда-то и была использована версия внебрачного рождения – вначале тайна (что само по себе уже выделяет личность фактом неопределенности), затем при ее раскрытии – возведение происхождения к высокородному и даже высшему лицу на социально-иерархической лестнице. В данном случае рождение вне брака призвано, с одной стороны, объяснить причину «тайны», с другой – сохранить интригу, и это уже задача художественного плана. Влияния на высоту статуса героя в глазах массы носителей фольклора это обстоятельство фактически уже не оказывает.

Однако чтобы обеспечить герою статус лица, возвышающегося над другими, одной необычности или таинственности происхождения, как надо полагать, может быть недостаточно. Следует, чтобы положительный потенциал этой необычности непременно подчеркивал высокое достоинство личности. В связи с этим может вызвать недоумение то, что внебрачное происхождение (будто бы нечистое, низкое) парадоксальным для современного сознания образом становится способом идеализации героя и его возвышения над рядовыми членами общества. Однако дело здесь в том, что, согласно представлениям рыцарско-феодального периода, даже внебрачный отпрыск лица из высшего сословия наследует благородную отцовскую кровь, и это снимает двусмысленность ситуации, поскольку в рыцарскую эпоху княжеская кровь почитается сакральной, что отражено в ряде уложений обычного права. В этой связи примечательно замечание безымянного автора XIX в. о правовом статусе «тума» в сословной иерархии у адыгов: «...Рожденный от князя и женщины не княжеского происхождения не считается князем. Детей от подобного брака <...> называют тумами, которые в сословном порядке хотя и выше тлекотлешей, но полных княжеских прав не имеют. Для приобретения этих прав необходимо тумам *быть признанными настоящими князьями своей фамилии за равных* (здесь и далее в цитате курсив – наш. А.Г.) <...> и *совершением каких-либо подвигов приобрести себе народное уважение*. Поэтому-то в прежние времена все тумы отличались наездничеством, щедростью, отвагой в набегах...» [Правовые нормы... 1997: 285-286].

В свете изложенного «низкое» происхождение по материнской линии это потенциальная и очень удобная причина возникновения художественного конфликта. Неудивительно, что оно преподносится в фольклорном произведении как стимулирующий фактор для противопоставления героя полноправным членам высшего сообщества. Данное обстоятельство стало своеобразным приемом выделения героя, что очевидно на примере образов таких разных по своим амплу героев как мыслитель и общественный деятель Жабаги Казанок и типичный рыцарь-наездник Андемиркан.

Примечательно, что до настоящего времени в живом кабардинском языке функционирует устойчивое словосочетание *зинэкIэ кьальхуа – внебрачно рожденный*. В отличие от автологического значения слов, входящих в него, оно содержит не только негативную оценку, но может иметь следующие оценочные значения: *предприимчивый, находчивый, упорный, ни перед чем для достижения цели не отступающий*. Такие качества должны были быть свойственны, прежде всего, внебрачному отпрыску знатного лица, поскольку перед ним, как явствует из приведенной цитаты, особенно актуальна была задача доказывать свою полную состоятельность и отстаивать свой высокий статус, компенсируя низкое происхождение по материнской линии личными достоинствами.

Наконец, логическую цепь эволюции мотива завершает следующая версия: в цикле еще об одном герое, князе Лежероко, акцент делается уже не на чем-то чудесном или необычном, даже не на таинственном. Напротив, подчеркивается *безупречная чистота происхождения*, а дополнительным

условием пригодности для успешного выполнения важной задачи выдвигается еще и *целомудрие* [Фоновидеотека ИГИ].

Таким образом, эволюция мотива совершает восхождение на один полный виток по спирали и несколько неожиданно возвращается к исходному значению – идеализация героя. Она образует со всей определенностью следующую логически связную цепочку: *чудесное рождение* (в нартском эпосе это зарождение в камне и выход из него, причем при косвенной причастности женщины – нарт Сосруко; рождение богатыря из спины отца – нарт Батраз) – *чудесное знамение*, предшествующее «естественному» появлению на свет (нарт Бадинок) – *появление на свет «естественным образом»*, но обязательно с элементами чудесного, необычайного (тот же мотив чудесного рождения, но его признаки значительно приглушены, неявно выражены – нарт Шауей) – *рождение от смертных земных родителей* – высокородного отца и простого происхождения матери, *но вне брака* (трансформация исходного мотива чудесное рождение с сохранением безотцовства как древнейшего атрибута или своего рода тайны как одного из неперменных признаков эпического героя – Андемиркан, Жабаги Казанок) – *безупречная чистота происхождения* (князь Лежероко).

Каждая ступень представленной типологической цепи по-своему переключается с основной функцией – концентрация внимания на исключительности героя. Каждая новая форма «рационализации», последовательно прослеживаемая на разных ступенях эволюции, отразила адаптацию общественного сознания к вере в необычность появления на свет незаурядного человека неестественным или же, позднее, не вполне «легитимным» образом. Это побуждает сказителей неосознанно перетолковывать мифологический мотив. Однако в фольклорном сознании и в функциональной сфере неизменной остается потребность выделения героя из общей массы обычных людей, т. е. сохранения оппозиции *герои – негерои*. Уместно будет в связи с этим заметить, что в адыгском языке до настоящего времени функционирует устойчивое выражение *цIыху цIыкIу* – *маленький человек / маленькие люди или простолюдин / простой народ*. Им обозначается масса обычных, ничем не примечательных людей, и это составляет оппозицию понятиям *герой, нарт-богатырь, знатный человек*. Выражение весьма употребительно как в эпическом контексте, так и в обиходной речи для обозначения обычных, ничем не выдающихся людей или просто массы народа. Это способствовало сохранению в качестве показателя исключительности неких архетипических форм, которые не исчезли вместе с породившей их эпохой, а, модифицируясь, в результате эволюции коллективного сознания естественным образом уступили место чистоте происхождения. Как рождение из камня, воды, от съеденного яблока, от солнечного луча, от семечка или чего-либо иного из того же ряда, так и безупречно чистое родословие функционально в равной мере призваны свидетельствовать не столько о необычности героя, сколько о его исключительности, его личностных характеристиках и даже о некоем избранничестве.

В системе фольклорных художественных явлений секулярного плана это характеризует того самого эпического героя, отличающегося яркими воинско-рыцарскими достоинствами. Когда мотив и сам персонаж оказываются не в описываемой нами сфере условностей народного эпоса, а в контексте клерикальной культуры, роль эпического богатыря замещает посланник, мессия, пророк, призванный совершить – и, согласно Учению, воистину совершающий – духовные подвиги во имя утверждения трансцендентной веры. Поэтому в религиозных учениях обычно с охотой используются различные сюжеты о необычном рождении (например, партеногенез) или иных чудесах, сопровождающих появление на свет как важных на определенном этапе земной жизни языческих божеств, так и великих пророков или самих богов монотеистической религии.

Полагаем, что это явление еще предстоит более основательно изучить, но сделанные нами наблюдения дают основание признать, что феномен живучести некоторых мотивов и сюжетных блоков, которые преодолевают разные социокультурные формации и из системы верований способны утвердиться в системе эстетических ценностей, отнюдь не случаен и имеет свои вполне объяснимые основания в истории самого общества и эволюции его художественного сознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андемыркъан... 2002 – *Андемыркъан. Адыгэ лыхъужь эпос. Зыгъэхъэзырар КъардэнгъушI З.* – Налшык: Эльбрус, 2002. – 372 н. (Андемиркан. Адыгский героический эпос / Составитель З. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 372 с.) (На кабард. яз.)

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. – Нальчик: КБИГИ, 2009. – 228 с.

Жабаги... 1987 – *Жабаги* Казаноко – 300 лет. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 142 с.

Каррыев 1958 – *Каррыев Б.А.* Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. – М.: Наука, 1958. – 256 с.

Нарты... 1974 – *Нарты.* Адыгский героический эпос. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. – 416 с.

Правовые нормы... 1997 – *Правовые нормы* адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. – Майкоп: Меоты, 1997. – 296 с.

Сказания... 2001 – *Сказания* о Жабаги Казаноко. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 332 с.

Фольклор адыгов... 1979 – *Фольклор адыгов* в записях и публикациях XIX – начала XX вв. / Сост. и вводная статья А.И. Алиевой, общая редакция А.М. Гутова. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 404 с.

Фоновидеотека ИГИ – *Фоновидеотека ИГИ* КБНЦ РАН, магн. л. № 146/40, 147/14.

REFERENCES

Andemyrk'an. Adyge l'yxh'uzh' epos. Zyg'ekh'ezyrar K'ardeng'ushchI Z. [Andemirkan. Adyghe heroic epic. Compiler Z. Kardangushev]. – Nalchik: El'brus, 2002. – 372 p.) (In Circassian)

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX vv. / Sost. i vvodnaya stat'ya A.I. Alievoi, obshchaya redaktsiya A.M. Gutova [Adyghe folklore in the records and publications of the 19th – early 20th centuries. Comp. and introductory article by A.I. Alieva, general edition of A.M. Gutov]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 404 p. (In Russian and Circassian)

Fonovideoteka IGI KBNTs RAN, magn. l. № 146/40, 147/14 [Phonovideo library of IHR KBSC RAS, magnetic tape No 146/40, 147/14]. (In Russian and Circassian)

GUTOV A.M. *Narodnyi epos: traditsiya i sovremennost'* [Folk epic: tradition and modernity]. – Nalchik: KBIGI, 2009. – 228 p. (In Russian)

KARRYEV B.A. *Epicheskie skazaniya o Ker-ogly u tyurkoyazychnykh narodov* [Epic legends about Kor-oglu among Turkic-speaking peoples]. – M.: Nauka, 1958. – 256 p. (In Russian)

Narty. Adygskaa geroicheskaa epos [Narts. Adyghe heroic epic]. – M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1974. – 416 p. (In Russian and Circassian)

Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV-XIX vv. [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the XV-XIX centuries]. – Maikop: Meoty, 1997. – 296 p. (In Russian)

Skazaniya o Zhabagi Kazanoko [Tales about Zhabagi Kazanoko]. – Nalchik: El'-Fa, 2001. – 332 p. (In Russian and Circassian)

Zhabagi Kazanoko – 300 let [Zhabagi Kazanoko – 300 years]. – Nalchik: El'brus, 1987. – 142 p. (In Russian)

УДК 821.31

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-250-262

СЕМАНТИКА АРХАИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Аннотация. Анализ северокавказской прозы с точки зрения специфичности употребления архаической образности мыслится перспективной линией современного литературоведения. В данной статье предполагается рассмотрение знаковых форм воспроизведения этнической картины мира через мифологическое сознание, фиксированные представления человека о структуре привычного жизненного пространства, механизмы осуществления самоидентификации этноса. Символы, мифологемы и архетипы как прямые трансляторы подобной информации, становятся предметом данного исследования, объектом литературоведческого анализа является материал региональной литературы. В качестве иллюстративного материала в работе представлены характерные примеры эпических произведений, в которых обнаруживаются различные формы адаптации мифа, устойчивой символики, канонических сюжетов и фольклорных стилизаций, т.е. весь арсенал изобразительно-выразительных средств, подразумевающих привнесение в художественный текст условно-метафорического содержания. При анализе обозначенной проблематики мы руководствовались следующими критериями: стремлением в сопоставительном ключе рассмотреть художественные образцы, демонстрирующие специфику этнического мировоззрения; исследовать тексты эпических произведений в плане совпадения трактовки знаковых образов и ценностных установок. Материал исследования довольно обширен и разнороден, ввиду чего мы сочли необходимым сосредоточиться на узловых моментах межнациональных взаимосвязей, с тем, чтобы выявить типологические черты и национально обусловленные различия в интерпретации архетипической образности.

Ключевые слова: архетип; символ; знаковый образ; мифологема; северокавказская проза; национальные литературы; этническая ментальность.

SEMANTICS OF ARCHAIC IMAGERY IN NORTH CAUCASIAN LITERATURE

A.D. BOLATOVA (ATABIEVA)

*Institute of humanitarian researches – branch of the Federal state budgetary scientific institute
«Kabardino-Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin str., 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Abstract. The analysis of the North Caucasian prose from the point of view of the specificity of the use of archaic imagery is thought to be a promising line of modern literary criticism. This article is supposed to consider the symbolic forms of reproduction of the ethnic picture of the world through mythological consciousness, fixed ideas of a person about the structure of the habitual living space, mechanisms of self-identification of the ethnic group. Symbols, mythologem and archetypes as direct translators of such information become the subject of this study, the object of literary analysis is the material of regional literature. As illustrative material the paper presents characteristic examples of epic poems, which found different forms of adaptation of the myth, sustainable symbols, canonical stories and folk stylization, i.e. the whole Arsenal of expressive means, which implies the introduction in a literary text, conditional-metaphorical content. In analyzing these issues, we were guided by the following criteria: the desire to consider in a comparative way the artistic samples that demonstrate the specificity of the ethnic worldview; to explore the texts of epic works in terms of the coincidence of interpretations of iconic images and values. The material of the study is quite extensive and heterogeneous, which is why we found it necessary to focus on the key points of interethnic relationships in order to identify typological features and nationally determined differences in the interpretation of archetypal imagery.

Keywords: archetype; symbol; symbolic image; mythologem; North Caucasian prose; national literatures; ethnic mentality.

Национальные литературы региона, имея единый исторический путь развития, придерживаются схожих эстетических принципов и иллюстрируют множество пересечений, объясняющихся вектором культурного взаимодействия. Комментируя своеобразие в интерпретации фольклорных сюжетов и устойчивых знаковых образов, необходимо указать, что в историческом и духовном опыте этих этносов закреплены взаимопроникающие ассоциативные поля, сходные эстетические предпочтения. Литературы региона имеют «Немало общих признаков и традиций, прежде всего связанных с историей и культурой народов Северного Кавказа» [Мурнаева 2017: 12].

Важным моментом является не только общность среды, но и совпадения в средствах художественного выражения философской концепции и смыслов, вкладываемых в тот или иной типический образ. Этноспецифика становится определяющей в выявлении преемственности этнокультурных представлений. «Национальные литературы объединяются в зональную общность на этническом, географическом, языковом уровнях» [Тхагазитов 2006: 177], что объясняется единством исторических судеб, сопричастностью к поликультурному пространству Кавказа. Объединяющим фактором явился и героический эпос «Нарты» как культурное наследие, общее для всех народов Северного Кавказа, который получает новые прочтения в художественных произведениях.

Расшифровке национальной общности, выявлению характерных черт менталитета того или иного народа, рассмотрению индивидуально-авторского мировосприятия посвящено множество научных работ в современном литературоведении. В оценке исследователей «национальная картина мира» определяется как совокупность знаний человека о мире, система жизненных ориентиров, этических ценностей, систематизированных и интегрированных в некое целое. В данной статье мы сосредоточены главным образом на выявлении сходств, нежели различий в трактовке архаической символики.

При сравнительном рассмотрении северокавказской многонациональной литературы можно обнаружить значительные соответствия в интерпретации фольклорных образов и мифологических сюжетов на различных уровнях национального бытия. Знания о мире, запечатленные в устном народном творчестве, в мифологии и в языке, естественным образом отражают представления наших предков об окружающем мире. Литература, а в более широком контексте культура, отфильтровывает подобные знания с целью сохранения национальной идентичности.

Развертывание образной системы в произведениях национальных писателей происходит в русле заимствования и последующей импровизации на основе узнаваемых (знаковых) символов и мифологем. Для северокавказских народов такими «этноокрашенными объектами» являются *гора, камень, дерево, вода, огонь, земля, очаг, дорога*. Пространственные ориентиры и ландшафтные особенности, окружающие горца, формируют специфику его ассоциативного мышления.

Интересно будет в сравнительном аспекте выявить «архетипическое ядро» в образных системах литератур народов Северного Кавказа, для которых традиционно оперирование архетипами и архаическими сюжетами. Отбирая их в соответствии с идейным замыслом, писатели трансформируют устойчивый ряд этносимволов в нечто новое. Художественная литература региона отражает специфику мировосприятия всех народов, населяющих его территорию, именно поэтому их следует рассматривать «в интегративной связке» (Ф. Узденова) и «интеграции различий» (К. Султанов).

В ходе осмысления исследуемого вопроса, при выделении структурообразующих мотивов и образов, реализованных в многонациональной художественной прозе, следует выделить понятия «Мировой горы» и «Мирового дерева», существующие в сакральном пространстве этнического сознания. В иерархии символических образов и мифологем они занимают главенствующую позицию, являясь средоточием вселенской гармонии. Эти архетипические образы олицетворяют собой незыблемость жизни, взаимосвязь природы и человека.

В книге «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики» Кучукова З. проясняет значимость архетипических категорий «*вертикали*» (гора, дерево) и «*горизонталей*» (река, дорога) в конструкции «мифомира». Благодатный материал по данной теме представлен и в работе Ф. Урусбиевой «Метафизика колеса». Мировое дерево позиционируется как модель мироздания тюркской цивилизации, воплощением которого выступает *Голубая сосна*. Своеобразную картину мира обозначил в своем фундаментальном исследовании Ю. Тхагазитов [Тхагазитов 2006: 19], подчеркивая троичность «модели мира» (верхний, срединный, нижний), в которой взаимодействуют стержневые архетипы. В их числе выделяются: Мировая гора – «символически традиционный сакральный центр пространства» [Тхагазитов 2006: 118], воплощением которой выступает Ошхамахо (Минги Тау – Эльбрус), обеспечивая «целостность мироздания» [Тхагазитов 2006: 133], его называют Седло Горы Счастья – обитель богов; следующей в этом ряду отмечена «богиня

мудрости Жиг-Гуаша» как олицетворение Дерева-Матери. Ученый определяет специфику этнического мировоззрения через «вегетативный» и антропоморфный коды. Справедливы выводы исследователя о том, что мифопоэтическая образность «служит зачастую вектором ценностных ориентаций родового человека, ядром художественного текста» [Тхагазитов 2006: 122].

Этнически окрашенными «константами» мифологического мышления карачаево-балкарцев выступают *Жангыз Терек* (Одинокое дерево – аналог священного дерева *Раубазы*) или *Тейри Терек* (дерево Тейри), почитаемые в качестве священных в языческую пору. В художественной литературе эти образы преподносятся в качестве проекции человеческих судеб. Примером подобной трактовки служит концептуальное содержание романа З. Толгурова «Голубой типчак», рассказа М. Батчаева «По закону жизни». Своеобразное воплощение образ *дерева* получает и в прозе Б. Берберова («Крик камня»).

Архетип *дерева* – один из устойчиво доминирующих образов в символике северокавказской прозы. Показательны в этом отношении тексты произведений кабардинских авторов А. Кешокова «Чудесное мгновение», А.А. Шогенцукова «Под старой грушей». В том, что касается поэтики архетипа и широкого применения мифологем, их творчество вполне соотносимо. В отмеченном аспекте наиболее ярким примером из балкарской прозы может служить роман «Мост Сират» А. Теппеева. Финальная сцена, в которой герой рубит Могучую сосну (архетип Мирового дерева) становится кульминацией философских размышлений писателя и усиливает трагическую тональность повествования.

Архетипическая природа *камня* и *дерева*, почерпнутая из фольклорной поэтики, четко определяется и в осетинской прозе. Исследователь устнопоэтического наследия Т.К. Самбиев рассматривает гору Тбау-хох как ось мира осетинской космологии. *Гора* выступает связующим звеном между небом и землей. В северокавказских литературах архетип *камня* характеризуется большей интенсивностью обращения и используется в качестве символического обобщения. Так, в романе М. Эльберда упоминается *панцирь* (языческий аналог священного черного камня Каабы – святыни мусульманской религии), на котором в древности принято было оставлять подношения. Этот мотив нашел отражение и в романе Х. Бештокова «Каменный век», его содержание основано на архаическом фольклорном сюжете. Произведение начинено множеством кодированных образов. В тексте романа получил реализацию привычный для мировосприятия горца тотемизм (через образы *коня* и *быка*). Символ *дерева* и мотив сна также играют структурообразующую роль в эпическом сюжете. В балкарской прозе подобная ориентированность обнаруживается в творчестве А. Теппеева последних десятилетий («Баязир», «Ас-Тах», «Золотой Хардар»).

Образы *горы* и *камня* трактуются как неотъемлемый атрибут национальной бытийной сферы, выступают средоточием национальной духовности, воспринимаются символами «вечных ценностей». Функционирование в литературе концептов «камень», «гора» подтверждает их знаковую роль. Они получают метафорическую интерпретацию в творчестве

балкарского писателя А. Теппеева. В романах «Воля» и «Тяжелые жернова» определяются мифологизированные, одушевляемые образы *горы Сырбыт*, и *Желтой скалы*, у подножия которой находился алтарь языческого божества Байрым. В повести Б. Берберова «Крик камня» в отмеченном ракурсе представлены *камни-надгробия*. *Надгробные плиты*, *obelisks* актуализируют мотив исторической памяти в произведении А. Теппеева «Баязир». *Камни-надгробья* выполняют функцию символического образа в цикле рассказов Ю. Шидова (параллель *человек-камень*). В фольклоре осетин камень-святилище Авзандаг окутан мистическим ореолом, по народному преданию человек когда-то превратился в этот камень.

Каменный ландшафт окружает горца с рождения до самой смерти. Национальные писатели довольно часто обращаются к этому рефренному символу. Эти «праобразы» нашли воплощение в творчестве карачаевской писательницы Х. Байрамуковой («Утренняя звезда»), кабардинца А. Шортанова («Горцы») и многих других авторов.

В мировоззрении кавказских народов *гора* напрямую увязана с культом камня. «В динамическом инварианте адыгской культуры особое место занимает семантика гор. Сакрализация горного пространства имеет глубокую и неоднозначную основу» [Тхагазитов 2006: 14]. Анализ произведений Н. Куека («Черная гора»), М. Эльберда («Страшен путь на Ошхамахо»), Х. Бештокова («Каменный век») дает исследователям основание полагать, что на всех уровнях структурной организации подобных текстов используются мифологические элементы и «амбивалентные» символы (*дерево, гора, река, камень*), закономерные для всего северокавказского ареала.

Многочисленные символы, заимствованные из мира природы, способствуют выражению антиномичных категорий бытия. По такому принципу выстраивается эпическое повествование романа А. Теппеева «Баязир», где описываемые события идентифицируются с языческим прошлым народа. На это указывает наличие узнаваемой фольклорной атрибутики – традиционная обрядность, характерный политеизм, бытование определенных культов и ритуалов.

В структуре хронотопа, обозначенного в повести М. Емкужа «Всемирный потоп», во всей композиции произведения вырисовывается символический *круг*. Своеобразная реализация мифологемы *круга* наблюдается и в повести «Элия» М. Батчаева (*алый круг крови на белом снегу*).

В северокавказской художественной традиции в роли устойчивого архетипа с ярко выраженным философским подтекстом выступает образ *дороги (пути)*, олицетворяющий развитие и движение, в нем заключена информация об историческом пути народа. В типологически сходной интерпретации он подается в произведениях К. Дзесова «Покровитель путников», Н. Джусойты «Возвращение Урузмага», А. Теппеева «Тяжкий путь», «Девять дней пути», Т. Керашева «Дорога к счастью», М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо», Н. Куека «Вино мертвых» (дорога без начала и конца). «В системе «первообразов», «питающих» мифы и верования, он (образ пути – примеч. А.Б.) олицетворяет метафору человеческого существования – от рождения до

смерти» [Мамиева 2007: 158]. Архетипический символ становится действенным средством усиления чувственной составляющей в восприятии идейного смысла художественного произведения и, безусловно, отражает особенности национального мифоэпического сознания. Через символику *пути* выражаются архаические представления этноса о структуре мироздания и специфике мироустройства. Для поэтики северокавказского романа характерно разделение мира по вертикали и горизонтали. Символическим обозначением вертикали выступают *гора, очажная цепь, дерево*, с горизонтальным движением ассоциируются *река, дорога*.

В цикле повестей Н. Джусойты «Реки вспять не текут», «Возвращение Урузмага» *дорога* и *дом* взаимосвязаны, писателем преподносится мысль о важности возвращения к национальным корням, к нравственно-этическим ценностям предков. Этой идее подчинены внутренние монологи, философские размышления героев о жизни. При исследовании структурно-содержательных особенностей произведений национальной эпической прозы («Покровитель путников» К. Дзесова, «Возвращение Урузмага» Н. Джусойты, «Длинная осенняя дорога» Г. Агнаева), Мамиевой И.В. подчеркивается двуплановость их сюжета, наличие прямых выходов в мифологию. Таков, к примеру, эпизод, в котором «...одинокая фигура женщины на крыше сакли с горящей лучиной в руке, рассеивающей кромешный мрак ночи... Естественно, мы соотносим ее (по законам ассоциативной связи) с образом древней хранительницы очага, скифской богини Табиты (Тапати)» [Мамиева 2007: 159].

Показательным образцом использования мифа, примером многомерности художественной реальности в эпическом повествовании может служить произведение осетинского прозаика К. Дзесова «Покровитель путников», где процесс социализации героя представлен в своеобразной фольклорной манере. В сюжет повествования внедряется мифологический персонаж – божество Уастырджи – весьма почитаемый в национальной мифологии. Он соотносится с образом главного героя повести – Дзаххо. В содержании данного произведения отчетливо выражена традиция почитания гостя.

В прозе карачаевского писателя М. Батчаева в роли *путника* (Идущего) выступает читатель (новелла «Самое главное»). Образы *дороги, пути, тропинки* в качестве условных обозначений реализованы и в творчестве Х. Байрамуковой (рассказ «Гырджын», роман «Четырнадцать лет»).

С архетипом *пути* непосредственно связаны мотивы полета, путешествия, странствия, преодоления препятствий, перемещения в параллельные реальности, характерные для нартского эпоса. «Метафизическая цель предполагает активное вовлечение в повествование концепта пути, дороги. Дорога – метафора жизненного пути человека, это постижение самого себя через познание мира» [Хакуашева 2017: 214]. Эти образы определяются в содержании романов А. Теппеева «Ас-Тух» (переход Аркеса в верхний мир), «Баязир» (путешествие души, вернее, переключение сознания Хыйсы в прошлое, где проходило его прежнее существование в ином воплощении). Распространенным архетипическим сюжетом является также мистическая ситуация, когда герой художественного произведения оказывается в могиле,

склепе, в «мире по ту сторону» бытия. Примерами, иллюстрирующими сказанное, могут служить роман балкарского прозаика А. Теппеева «Баязир» (переход в новое состояние через внезапное озарение), а также роман Н. Куека «Вино мертвых» (образец углубления «внутри себя»).

Средством «трансфизического» перемещения героя в иные пространственно-временные поля, в ирреальную плоскость, в мифологическое время становится сон, который преподносится как «промежуточное состояние» между реальностью (явью), смертью и миром вымышленным. Неосознанный перенос увиденного во сне в обыденную жизнь характеризует психологическое состояние героев А. Теппеева (Нансиль – «Ас-Тах»), (Хыйсы – «Баязир»).

Символика образа *пути* как зримого воплощения самой жизни в индивидуальном преломлении подается в повести Г. Агнаева «Длинная осенняя дорога». Писатель проповедует идею постоянного самосовершенствования, стремления к очищению души от греховных побуждений. Эсхатологическая направленность содержания обусловила обращение писателя к образу Сатаны (Иблиса). Примечателен в произведении традиционный антропоморфизм, прием одушевления природных объектов.

Не менее актуален в национальном сознании архетип *воды* и производные от нее образы *реки, родника, дождя*. Человеку издревле известны очищающие свойства этой субстанции, способность воды считывать и сохранять в себе информацию («память воды»). *Водный поток* несет символическую нагрузку в романах З. Толгурова «Большая медведица», А. Кешокова «Вершины не спят». Издревле считается, что *вода* наделена очищающей силой, олицетворяя собой обновление. В ней заключена идея о «горизонтальном строении мира». В указанных произведениях (наравне с обрисовкой водной стихии и стихии огня) в качестве универсальных категорий преподносятся символы *земли, горы, солнца*. В мифопоэтическом понимании *вода* есть не что иное, как первооснова жизни, организующая весь миропорядок. Живительная, очищающая сила воды специфически обрисована в прозе Ч. Айтматова (*река* в повести «Белое облако Чингизхана»), (*ливень* в романах «Плаха», «Буранный полустанок»). В ряду современных карачаево-балкарских авторов, тяготеющих к изображению водной стихии, следует выделить Р. Бегиеву-Кучмезову (книга прозы «Мгновений кольца, времени круги»), в творчестве которой символика воды становится доминантной, формируя специфический «*акваязык*» (З. Кучукова).

Наряду с отмеченными функциональными особенностями *вода* в композиции эпического повествования нередко ассоциируется с разрушением. Исследователь Кучукова З. анализирует представления о *воде* как о деструктивной стихии, концентрируя внимание на «негативно заряженных» значениях мифообраза «вода» [Кучукова 2005: 207]. С водным потоком сопряжены апокалиптические мотивы в литературе. Примерно в таком ракурсе следует рассматривать содержание повести М. Емжуа «Всемирный потоп». Уже в самом названии содержится прямое указание на библейский сюжет о конце света, наличие сакрального плана уподобляет эпическое повествование ветхозаветному сказанию о всеобщем катаклизме. Потоп воспринимается не

просто как стихийное проявление природы, а как возможность очистить землю от пресыщенного грехом человечества. В данном произведении писателем воплощена мифологема *реки* как параллель с жизнью народа.

Образ *родника* в романе «Мост Сират» А. Теппеева трактуется в символическом ключе. Герои произведения – старец Хамзат и его внук Музафар иллюстрируют преемственность духовно-нравственных традиций и жизненного опыта. Дед учит мальчика быть внимательным к родной земле, заботиться о природе, очищать «глаза» родников от камней, открывать им дорогу к свету (символическая параллель с судьбой народа).

В некоторых художественных текстах *водный поток* интерпретируется как разделяющая грань между старым и новым миром. *Два берега реки* в увязке с историческими событиями прошлого наводят на мысль о выборе верного жизненного пути («Мост горбатого Геуза» А. Теппеева, «Большая медведица» З. Толгурова и др.). Своеобразная интерпретация образа *воды* содержится и в произведении карачаевского писателя А. Суюнчева «Звон караванного колокольчика». С водой может быть связан и обряд «инициации». В этом плане интересно художественное решение образа в романе А. Теппеева «Ас-Тах» (Амазонки – в интерпретации автора «эммечле» и главный герой Аркес, попадающий в их мир, купаются в священном озере).

Символом надежды и духовного очищения, олицетворением живительной влаги выступает образ *дождя* в творчестве Б. Берберова («Один глоток воды», «Деревянные сани»), Р. Бегиевой-Кучмезовой (сборник «Мгновений кольца, времени круги»).

Знаковые образы *воды, огня, земли, дерева, горы, камня, очага, дороги*, характерные для эпоса кавказских народов, получают новаторское воплощение в творчестве Д. Кошубаева «Абраг», М.Н. Цагараева «Последняя ночь», А. Кешокова «Вершины не спят», М. Емкужа «Всемирный потоп», Х. Байрамуковой «Утренняя звезда», З. Толгурова «Большая медведица», «Белое платье», А. Теппеева «Тяжелые жернова», «Мост Сират», Э. Гуртуева «Крепость Шамсудина», И. Гадиева «Гнездовье Нартов», Х. Бештокова «Каменный век», М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо». В них отражен комплекс духовных и мифологических универсалий, реализованных через нравственно-этическую проблематику архаического эпоса.

Типический образ *звезды* интерпретируется как символ недостижимой мечты, олицетворение надежды и веры в лучшее, понимается как ориентир, указывающий герою путь к счастью. В этом русле развивается художественная идея «Большой медведицы» З. Толгурова, произведения Х. Байрамуковой «Утренняя звезда», романа А. Кешокова «Вершины не спят». В мировосприятии горцев особое место отведено солярным мифам, образам *Солнца* и *Луны*. В полярном изображении этих светил со всей очевидностью проступает мифологическое сознание. Они трактуются как воплощения мужского и женского начал, олицетворения антиномии дня и ночи. Подобная интерпретация роднит прозу М. Батчаева («Солнце светит всем», «Элия») и Б. Берберова («Один глоток воды», «Деревянные сани»).

Небезынтересно символическое прочтение образов *огня* и *очага* – символа жизни, тепла, света, домашнего уюта и благополучия семьи, который, помимо прочего содержательного наполнения, олицетворяет собой очищение и духовное обновление. Этот символ находит частое отражение в произведениях региональных авторов (М. Батчаев «Волки», Б. Берберов «Крик камня»). В нартском эпосе и в мифологиях древних цивилизаций известен мотив добывания огня (ее даруют людям Прометей, Сосурук). *Огонь* часто понимается как «аккумулированная энергия солнца», принадлежащая божественным сущностям. Он озаряет тьму, становится ориентиром для путника, убежищем и защитой. *Огонь* всегда ассоциируется с домом, жилищем, олицетворяет родство и единение.

Система архаических представлений северокавказских народов неизменно согласуется с нравственно-этическим кодексом и идеалом горца, о чем свидетельствуют образы *этического героя*, *мудрого старца*, *воина*, *всадника* (типичные для региональных литератур). В сопряжении с ними подается привычный образ *коня*. Можно проследить их трансформацию на материале эпической прозы А. Шортанова («Горцы») и Т. Керашева («Одинокий всадник»). «Наличие образа коня, проводника души» [Хакуашева 2017: 37], образ «одинокого всадника, вписанного в вечность» [Хакуашева 2017: 132] обозначены в романе Н. Куека «Черная гора». В карачаево-балкарской литературе подобную эмблематику продолжает творчество М. Батчаева («Элия»), Х. Байрамуковой («Вечные всадники»), З. Толгурова («Голубой типчак»). В произведениях указанных авторов лошадь изображается в сопряжении с человеческой судьбой.

В пантеоне архетипических образов, нашедших отражение региональных литературах, нельзя обойти вниманием персонаж *мудрого старца*. Историзм мышления, психологический контраст в обрисовке национального характера – доминирующие черты творчества Э. Гуртуева («Крепость Шамсудина» – Заурбек), А. Туаршева («Испытание мужества» – Мурадин), М. Батчаева («Солнце светит всем» – Харун, «Аул Кумыш» – Айдамбул), А. Тепеева («Воля», «Тяжелые жернова» – Харун, «Мост Сират» – Хамзат), З. Толгурова («Алые травы» – Каспот), Б. Берберова («Крик камня» – Хажи).

Обычно пейзаж предваряет события, описываемые в произведении. Роль природного символа полифункциональна в тексте произведений карачаевского писателя М. Батчаева. Вплетенные в структуру эпического повествования приметы родной природы, способствуют подлинному выражению душевного состояния героя, отчетливо преобразуя его эмоции в зримую картину. Природа родной земли и судьба народа в переломные моменты истории образуют нерасторжимое духовное единство в повести З. Толгурова «Алые травы» (образ Поляны), в романе А. Тепеева «Мост Сират» (образ Родниковой долины).

Зооперсонификация, почитание животных и растений, выраженный тотемизм, тяготение к одушевлению неживого, поклонение природе в целом – традиционны для северокавказского поликультурного пространства. Вполне закономерно, что это повлияло на формирование образной системы региональных литератур. Указанное качество характерно для творчества

С. Панеш, О. Хубиева, Х. Ашинова, З. Толгурова, А. Теппеева, М. Цагараева, А.А. Шогенцукова, Ч. Амирэджби и др. Перечисляя схожие черты символистской поэтики в региональных литературах, необходимо указать на выраженное пристрастие национальных писателей к выстраиванию параллелей между человеческим обществом и животным миром. В подтверждение сказанному можно привести повесть М. Батчаева «Волки» и рассказ «По закону жизни». У Ч. Айтматова в романе «Плаха» имеют место описания волчьего семейства (волка Акбар и волчицы Ташчайнар), похожий сюжет внедряется в композицию романа А. Теппеева «Тяжелые жернова» (волк Желаякь и волчица Кёкбел). В балкарской прозе прием зооперсонификации в большей степени характерен для творчества Х. Шаваева (роман «Собачья свора»), З. Толгурова (роман «Голубой типчак»). Наиболее ярко отмеченное качество проявляется в образах *жеребца* Алакёза и *волчицы* Гажай в произведении З. Толгурова. Одна из основных сюжетных линий строится на их противостоянии. В несколько ином ракурсе представлена аналогия судеб Шабазы и Курты в повести «Игра в альчики» того же автора. Прием проекции позволяет писателю высветить внутренний конфликт Шабазы. Пес Курты в произведении играет роль катализатора чувств и мыслей, выразителя концептуального содержания повести. Столкновение эмблематичных по смыслу пространственно-временных реалий прошлой и настоящей жизни героя (приметы города и патриархальный уклад села) воспринимается как прямая оппозиция исконно национального и нового, «урбанистического» миров. Ту же проблематику продолжает развивать М. Батчаев в повести «Аул Кумыш».

В обрисовке символических образов животных, в примерах вкрапления в текст сюжетобразующих элементов героического эпоса показательное творчество кабардинского писателя А. Кешокова («Сломанная подкова», «Сабля для Эмира»). Типичным для его художественного стиля является символ *черной птицы (ворона)*. В романе «Вершины не спят» запоминается также образ *журавля*. Прием уподобления применим и в прозе М. Батчаева. *Журавль со сломанным крылом*, отставший от стаи и погибающий вдали от сородичей, становится олицетворением народа-изгнанника (повесть «Солнце светит всем»). Символическое прочтение образов *голубя* и *райской птицы* обнаруживаются в романе З. Толгурова «Белое платье», повести М. Батчаева «Аул Кумыш» (в русской литературе подобное качество свойственно Чеховской художественной манере). В романе А. Теппеева «Мост Сират» в *голубей* воплощаются души умерших на чужбине выселенцев. В идеологическом преломлении образ *орла (грифа)* находит отражение в рассказах С. Хочуева («В горящем огне»), романе З. Толгурова «Большая медведица» (эпизод, описывающий поведение *орла*, две парящие в небе птицы).

Обращение к мифологии, использование ресурсов мифопоэтики сближает творчество некоторых писателей. В этом плане явственны параллели между повестями Ч. Айтматова «Белый пароход», А. Абу-Бакара «Белый сайгак» и З. Толгурова «Алые травы». Их сходство улавливается не только в художественной стилизации известного фольклорного сюжета, но в обращении к мифологическому образу *белой маралихи* (оленихи), в обрисовке главных

персонажей – людей, отошедших от традиций предков и противопоставивших себя природе. Образ *лани*, выхваченный из мифологического культурного пласта, по-своему интерпретируется и в романе А. Теппеева «Ас-Тах». Мифологема Богини-матери заключена в зооморфных образах *оленихи*, *волчицы*, которые воспринимаются своеобразными «маркерами» мифологического сознания этноса.

Эволюцию мифопоэтической традиции в типологически схожих художественных системах можно проследить в сфере литературного мифотворчества и формах трансформации национального мышления. Так, например, типологические схождения карачаево-балкарской и адыгской прозы отнюдь неслучайны, поскольку они являются результатом их многовекового сосуществования и взаимодействия.

Психологическое и символическое значение в северокавказской прозе приобретают и детали костюма (*косынка*, *платье*, *шаль*, *шапка*, *бурка*). Данное свойство типично для творчества Х. Байрамуковой («Черное платье», «Вечные всадники»), З. Толгурова («Белая шаль», «Белое платье»), А. Теппеева («Мост Сират»). Сказанное наиболее четко отражено в антропоморфном образе *шапки*, обрисованной в повести «Алые травы». В этом символе содержится прямая аналогия с судьбой героя.

В региональной прозе прослеживается процесс усложнения мифологизма и метафоризации системы традиционных образов. Большинство универсальных предметных образов мифологизировано. В зависимости от способа отражения мира (реалистического, символического, неомифологического или постмодернистского) архетип-символ подается в творческом преломлении. Однако «парадигмальная целостность архетипа» (Узденова Ф.Т.) сохраняется.

Из приведенных художественных примеров становится очевидным тот факт, что сакральная сфера мировосприятия горца всегда была наполнена множеством знаков, иносказательных образов. Типологический экскурс иллюстрирует приверженность национальных писателей к мифоэпической традиции. Заметна также идентичность в подборе образной системы. Следует также указать на формы мифологических заимствований и ассимиляций фольклорных элементов на примере ярких художественных образцов из национальных литератур. Рассматриваемый материал творчества региональных прозаиков выявляет механизм внедрения в художественный текст мифологической традиции.

В многовековом опыте каждого этноса выкристаллизована своя устойчивая система образов, составляющих основу национального менталитета. В различных субкультурах один и тот же символ бытует инвариантно. Степень повторяемости и функциональная заданность образа зависит от специфичности идеи, воплощению которой он подчинен. Высказанные умозаключения подтверждаются разноплановым материалом северокавказской эпической прозы. В свете вышесказанного теоретическое осмысление трактовки этнических символов-архетипов приобретает мультикультурную значимость. Рассмотрение литературных традиций в контексте взаимовлияния культур – задача достаточно сложная. Вместить этот

колоссальный объем материала в рамки отдельной статьи не представляется возможным. Основной целью было проследить процесс трансформации архетипических образов в национальных литературах. Сравнительно-типологический анализ позволил установить многие «контактно-генетические» связи северокавказских народов в сфере усвоения и применения принципа условного отражения действительности через знаковые образы.

В процессе изучения данного вопроса мы приходим к закономерному выводу о том, что совокупность воззрений, выработанных веками в недрах этнического сознания, в значительной мере обуславливает самобытность образной системы. Интерес к истокам – прямое следствие стремления северокавказских авторов сохранить национальную идентичность, высветить насущные проблемы современности. В эпоху стирания даже слабого намека на самобытность и своеобразие, привычные нравственно-этические ориентиры постепенно обесцениваются, теряют свое влияние. Региональные писатели акцентируют внимание на фольклоре и мифологии, поскольку именно в них сконцентрированы столь необходимые сейчас примеры стойкости, мужества, мудрой сдержанности, любви к родной земле – всех тех составляющих, из которых складывается облик горца, само представление об этнической ментальности. «Апелляция к глубинным структурам этносознания (в том числе, когда речь идет о своеобразии, национальном колорите, национальном духе) невозможна без учета ментальных особенностей» [Узденова 2016: 17].

Реализуя в индивидуальном творчестве общечеловеческие гуманистические идеи вкупе с национально-художественными традициями, на основе знаковых образов северокавказские писатели по-новому осмысливают духовно-нравственные основы бытия. Итогом развития региональной прозы явилась богатейшая система традиционных этнических символов, легко узнаваемых в соотнесении со спецификой менталитета и культурой народа. Типологический анализ показывает, что этнообусловленная образная система, обозначившаяся в поликультурном пространстве северокавказских литератур, сводится к базовым архетипам. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в карачаево-балкарской мифоэпической модели к автохтоннокавказской составляющей этнического сознания примешивается влияние тюркской культурной традиции, обуславливающей характер интерпретации исходных знаков и символов.

Коллективный опыт познания мира диктует народам данного региона определенный характер восприятия действительности и специфическое отношение к природе. Все они используют универсальную систему символов для интерпретации архаической реальности, осмысления и передачи информации следующим поколениям. Общий путь культурно-исторического развития и особенности национального характера определяют круг нравственно-эстетических ценностей, обозначенных в фольклоре и литературе. Художественный текст является емким выразителем философской концепции мира и личности, он имеет гносеологическую ценность, как источник знаний о национальном культурном наследии, о ментальной составляющей в самоидентификации этноса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.

Мамиева 2007 – *Мамиева И.В.* Архетип дороги в современной осетинской повести // Вестник Академии Наук Абхазии. – 2007. – № 2. – С. 158-163.

Мурнаева 2017 – *Мурнаева Л.И.* Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной литературе: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Махачкала, 2017. – 24 с.

Тхагазитов 2006 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 278 с.

Узденова 2016 – *Узденова Ф. Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. – Нальчик: Принт Центр, 2016. – 212 с.

Хакуашева 2017 – *Хакуашева М.А.* Современная адыгская русскоязычная литература: некоторые аспекты художественной эволюции. – Нальчик: Принт Центр, 2017. – 411 с.

REFERENCES

KHAKUASHEVA M.A. *Sovremennaya adygsкая russkoyazychnaya literatura: nekotorye aspekty khudozhestvennoy evolyutsii* [The modern Adyg Russian-speaking literature: some aspects of artistic development]. – Nalchik: Print Tsentr, 2017. – 411 p. (In Russian)

KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki: karachaevo-balkarskaya mental'nost' v zerkale poezii* [Ontological metacode as the core of ethno-poetics: Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005. – 312 p. (In Russian)

MAMIEVA I.V. *Arkhetip dorogi v sovremennoy osetinskoy povesti* [The archetype of the road in the modern Ossetian story]. IN: *Vestnik Akademii Nauk Abkhazii*. – 2007. – No 2. – P. 158-163. (In Russian)

MURNAEVA L.I. *Intertekstual'nost' v sovremennoy severokavkazskoy russkoyazychnoy literature: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Intertextuality in modern North Caucasian Russian literature. Abstract of the thesis for a Candidate of philological sciences degree]. – Mahachkala, 2017. – 24 p. (In Russian)

TKHAGAZITOV Yu.M. *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov (opyt teoreticheskoy istorii: epos, literatura, roman)* [Evolution of artistic consciousness of Adygs (experience of theoretical history: epic, literature, novel)]. – Nalchik: El'brus, 2006. – 278 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Khudozhestvennoe prostranstvo karachaevo-balkarskoy poezii: etnokul'turnyy kontekst* [Artistic space of Karachay-Balkarian poetry: ethno-cultural context]. – Nalchik: Print Tsentr, 2016. – 212 p. (In Russian)

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-263-273

**БЕТАЛ МАЧРАИЛОВИЧ ПШУНОКОВ.
МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. В статье изложены факты творческой биографии известного деятеля культуры Кабардино-Балкарии Бетала Мачраиловича Пшунокова. Его литературные опыты пока не становились объектом внимания исследователей. Актуальность подобной работы определяется тем, что без внимания к литературному наследию Бетала Пшунокова картина творчества известного в республике композитора-мелодиста останется неполной, а в истории кабардинской литературы будет пробел. Для истории кабардинской литературы он интересен еще и тем, что во многом продолжает творческие начинания своего отца, Мачраила Тликешевича Пшунокова, представителя национальной интеллигенции 1930-х годов, одного из тех, кто стоял у истоков кабардинской советской литературы. В настоящей работе представлен краткий обзор литературного творчества Бетала Пшунокова. Охарактеризованы его лирические произведения, песенная поэзия, драматургия и публицистика. Особое внимание уделено его рукописному наследию, в особенности воспоминаниям. Фрагменты воспоминаний публикуются впервые.

Ключевые слова: Бетал Пшуноков; биография; творчество; политические репрессии; Мачраил Пшуноков; память.

**BETAL MACHRAILOVICH PSHUNOKOV.
MATERIALS FOR CREATIVE BIOGRAPHY****I.A. KAZHAROVA**

*Institute of Humanitarian Researches – filial of the Federal State Budgetary Scientific
Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. The article presents the facts of the creative biography of the famous worker of culture of the Kabardino-Balkar Republic Pshunokov Betal Machrailovich. Literary works Pshunokov Betal has not yet become the object of attention of researchers. The relevance of such work is justified by the fact that without attention to his literary heritage, the picture of the work of the well-known composer in the Republic will be incomplete, and another gap may form in the history of Kabardian literature. Image Pshunokov Betal interesting for the history of Kabardian literature that to some extent continues the creative endeavors of his father, a well-known figure of the 1930-ies Machrail Tlikeshevich Pshunokov, educator, standing at the foundations of Soviet Kabardian literature, and

the innocent victim in the years of political repression. Our work presents a brief overview of literary creativity Pshunokov Betal. His lyrical works, song poetry, drama and journalism are briefly characterized. Special attention is paid to his manuscript heritage, especially his memoirs. Fragments of memories are published for the first time.

Keywords: Betal Pshunokov; biography; creation; political repression; Machrail Pshunokov; memory.

Так сложилось, что любая цитата из художественного текста обязывает знать имя ее автора, но когда дело касается песенной поэзии, вопрос авторства отчасти утрачивает свою щепетильность. Возможно, в этом кроется один из парадоксов массового искусства: тексты популярных песен могут запоминаться целиком и надолго, однако привлечь внимание не столько к автору, сколько к исполнителю. Возможно также, дело в пограничном статусе такой поэзии. Ведь стихи, которые создавались специально для песенного исполнения, и стихи декламационной поэзии, которые лишь впоследствии могли оказаться положенными на музыку, означены в культуре по-разному: в первом случае нет особого расчета на бытие в книжной культуре, а ведь именно ее авторство всегда наглядно. Таким образом, творческая личность поэта-песенника скромно пребывает за кадром, в то время как его произведения могут быть популярны настолько, что легко узнаются даже по отдельным строчкам. Подобное наблюдается и в отношении Бетала Мачраиловича Пшунокова (1930-2008).

Известный в основном как композитор-мелодист, Бетал Пшуноков создал песенные тексты, настолько органичные своей национальной среде, что возникают ассоциации с фольклором адыгов. В 1978 году незначительное количество его произведений вышло отдельным сборником «Песни» («Уэрэдхэр»). Редакторский отбор predetermined очень скромный объем сборника, а большее, хоть и воплотилось в популярных песнях, так и осталось неопубликованным. Но кроме песенной поэзии были другие линии творчества – юморески, басни, драматургические произведения (пьесы, комедии), публицистические статьи. В данной работе мы представим обзор его литературных опытов, без внимания к которым картина творчества известного в республике композитора-мелодиста останется неполной, а в истории кабардинской литературы будет очередной пробел. Личность Бетала Пшунокова интересна еще и тем, что в определенной мере продолжает творческие начинания отца, известного деятеля национальной культуры 1930-х годов Мачраила Тликешевича Пшунокова. Мачраил Пшуноков – одного из тех, кто стоял у основ кабардинской советской литературы.

Ценный комментарий к пониманию творческой судьбы Бетала Пшунокова дает его личный архив. Он включает многочисленные рукописи, документы, и в настоящее время находится в распоряжении его сына, Артура Пшунокова. Некоторые материалы из этого архива использованы в данной работе.

Литературные способности Бетала Пшунокова были очевидны с юных лет. Еще школьником он активно участвовал в различных кружках самодеятельности, демонстрируя искусство владения художественным словом.

Способного и деятельного юношу часто приглашали на семинары республиканского Союза писателей. С самого начала настроение и жанровая направленность его сочинений несли на себе отсвет творческих поисков его отца.

Поэт, собиратель фольклора, один из тех, чьими силами создавалась писательская организация Кабардино-Балкарии. В согласии с ожиданиями времени Мачраил Пшуноков проявлял себя в разных областях общественной и политической работы, но главным для него было литературное и культурно-просветительное творчество. Последним местом его работы оказался им же организованный Дом культуры в селении Чегем I. Арестованный в феврале 1937 года по обвинению в антисоветской агитации Мачраил Пшуноков в июне того же года был приговорен к высшей мере наказания. Реабилитировать его имя удалось в мае 1957. «Организатор народного просвещения и культурно-просветительной работы» - так характеризует Бетал Пшуноков главное в разносторонней деятельности своего отца. [Пшуноков: Личный архив]. В общем-то, не будет натяжкой сказать, что именно культурно-просветительное направление окажется наиболее близким и для самого Бетала.

Произведения собственного сочинения, с которыми Бетал Пшуноков выходил к публике открывая концертные программы, удачно сочетали в себе меткость, свойственную поэтическим миниатюрам адыгских джегуако, и талант традиционного хатяко, в новых условиях приблизившегося по функции к конференсье. Это были стихи и юморески. Но важно понимать, что образ отца проясняет культурно-просветительные склонности Бетала Пшунокова и дополняет его путь светлыми тонами лишь в ретроспекции, на самом деле значительный отрезок этого пути проходит через годы, когда имя Мачраила Пшунокова было под запретом. И, разумеется, это обстоятельство имело свои проявления.

В 1953 году в Нальчик прибывает комиссия для набора студентов в кабардинскую студию при ГИТИСе. На тот момент Бетал Пшуноков учится на историко-филологическом факультете Кабардинского Педагогического института и параллельно работает в начальной школе селения Шалушка. Разумеется, решение поступить в ГИТИС не было для него случайным. Вот как он сам об этом рассказывает в документе, датированном этим же годом: «Мечтая о театре, об искусстве, с малых лет я начал работать над собой по развитию сценических навыков, принимал активное участие в художественной самодеятельности в школе, в районном Доме культуры, выступал неоднократно в районных конкурсах художественной самодеятельности, в республиканских конкурсах. Имею ряд благодарностей за активное участие в художественной самодеятельности, а две грамоты за художественное чтение на республиканском конкурсе 1952 года и за постановку одноактных пьес в 1953 году» [Пшуноков: Личный архив].

Экзамены для поступления на отделение режиссуры Бетал Пшуноков сдает блестяще. Его успехи комиссия отмечает особо. Сомнений нет, вскоре ему предстоит учеба в столице. Пшунокова назначают старостой набранной группы, он забирает документы из Пединститута, однако, вопреки ожиданиям,

не находит своей фамилии в списке зачисленных. Он сын репрессированного, и это обосновывает случившееся. Надеясь на поддержку, Пшуноков обегает все инстанции, обращается в Обком партии, к Первому секретарю Обкома КПСС, в Президиум Верховного Совета КАССР, в Министерство культуры... Обо всем этом подробно сказано в письме, которое замкнет цепочку этих обращений – «Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Ворошилову К. Е». Прошло немало времени, прежде чем вопрос был решен положительно. За этот период изменились многие обстоятельства, служебные и семейные. От мечты об учебе в ГИТИСе пришлось отказаться.

В 1954 он устраивается художественным руководителем Чегемского районного Дома культуры. Тогда же принимает участие в закрытом поэтическом конкурсе на лучший песенный текст. Он занимает второе призовое место. (Любопытно, что первое остается свободным). Конкурсное стихотворение, положенное на музыку его же собственного сочинения, вскоре становится широко известным как песня «Та, что меня вдохновляет».

Щалэм я гурылъу, лъэр схуэзыгъэпсынщІэ,
ЩыкІафэу щыІэм уофІэкІыж,
Жаныгъэр зи бащэу тхъэІухуд си плъапІэ,
Пащэщ нэ фІыщІитІыр, узокІуж.

Уэтэртес жэмьшхэм щапхъэр зытырахыу,
Уэрэдыр си гум къыхэзыш,
Я нэхъ сыщешами къару къысхэзыльхъэ,
Си анэр уэ къохъуапсэ нысэу, уей!

Та, что грезится парням в мечтах, та, что меня вдохновляет,
Манерою ты превосходишь всех,
Полна проворства дивная красавица моей мечты,
Черноглаза ты и стройна.

Доярки, что трудятся на (вашем) стане, с тебя берут пример,
В моей душе ты пробуждаешь песню,
В минуты усталости мне силы возвращаешь,
Моя мама мечтает увидеть тебя своей невесткой!

(Перевод подстрочный. – И. К.)

Молодость и труд – воодушевляющий лейтмотив целой эпохи, и на разных ее отрезках он звучит по-разному. В поэзии послевоенных десятилетий, например, акцент заметно смещается на молодость.

Уже в раннем произведении Б.М. Пшунокова просматривается интерпретация этого лейтмотива, которая станет характерной для его творчества: труд, просвеченный через лиризм; лиризм, просвеченный через юмор.

Он начинает публиковаться в середине 50-х. Так, в 1955 его лирическое стихотворение «Стало ясно без слов» («Псальэншэу гурылуэгъуэ хъуащ») появляется на страницах литературно-художественного альманаха «Кабарда». Характерность, о которой мы только что говорили, делает заметными переключки с конкурсным стихотворением:

Уадэ хьэлъэр башу псынщӀэ сщощӀыр,
 Сыдж зу макъыр уэрэд хуэдэу мӀу:
 Уэ пщыхьэщхьэ сыпхуэзэнуц, сощӀэр –
 Си къарум ІэнатӀэр хуримыкъу.
 Жэщым уафэ бзыгъэм и сурэтыр,
 Щиху псылуфэм Іутым и гуапагъ,
 Фи куэбжэшхуэр дахэу зэрыщытыр
 Пщтыр пхуэхъуа си гущӀэм сегъэлыагъу
 [Пшуноков 1955: 139].

(В твоей власти я, и) Тяжкий молот кажется мне легче палки
 Наковальни звон мне слышится как песнь:
 Знаю, что с тобою вечером я встречусь –
 Труд ничтожен для моих (возросших) сил.
 Ночью небосвод прозрачен,
 Тополь нежный у реки,
 Ваши большие ворота смотрятся красиво
 Жар сердца, устремленного к тебе, такими их рисует мне.
 (Перевод подстрочный. – И. К.)

В дальнейшем на страницах периодических изданий республики будут появляться его новые поэтические сочинения, а также басни, юмористические миниатюры.

Он постоянно будет пробовать свои силы в различных творческих состязаниях, к слову, спустя некоторое время после поэтического конкурса станет лауреатом Всероссийского конкурса театрализованных фольклорных постановок.

В 1956 Бетала Пшунокова приглашают в Госфилармонию КАССР артистом разговорного жанра. В этот период он руководит фольклорной группой, вместе с которой гастролирует по всему Северному Кавказу. Короткий период времени он сотрудничает в отделе культуры по клубной работе Чегемского райисполкома, затем вновь принимает художественное руководство в Чегемском Доме культуры. И все это параллельно с педагогической работой – с 1954 по 1962 год он ведет уроки музыки в средней школе селения Чегем I.

В 1959 Бетал Пшуноков решает поступить на дирижерское отделение Нальчикского музыкального училища. В начале 60-х он вовлечен в культурно-массовую работу самодеятельных клубов Нальчика, сотрудничает

уполномоченным по организации концертов. Стремясь к совершенствованию своего мастерства, он много и упорно работает над собой.

Произведения Бетала Пшунокова будут уже широко популярны в республике, когда он станет студентом-заочником филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета (1970 – 1976). Основной исследовательский интерес и накопленный к тому времени опыт определяют тему его дипломного сочинения: «Некоторые вопросы организации фольклорной работы в Кабардино-Балкарии» (1976).

Научный руководитель И.И. Тресков в своем отзыве посчитает необходимым сказать об авторе работы, что «его личный вклад в наше национальное искусство выше всяких оценок, которые можно вывести в документе об образовании. Тем более отраднo, что помимо этого вклада композитор, поэт и исполнитель написал исследование на актуальную, почти никем не затронутую тему» [Пшуноков: Личный архив].

В 1978 выходит сборник «Песни». Единственное отдельное издание его произведений. Тексты и ноты. Всего пятнадцать песен, тексты одиннадцати из которых принадлежат перу Бетала Пшунокова. Книгу он посвятил памяти отца.

Сюжеты песенных текстов Пшунокова отражают разные грани его времени и разные типы людей, творящих это время. Его «Праздничная песня», «Свадебный танец», «Социализм достигнул звезд» и многие другие произведения вобрали в себя настроение и дух времени. Представленная здесь поэзия позволяет судить о том, что в равной мере виртуозно он владел средствами передачи комизма («Песня Каншао», «Песня Махмуда» и др.) и средствами передачи лирического переживания («Весна моего сердца», «Вглядись в мое лицо» и др.). Можно даже сказать, что это два основных плана «Песен»: лирический и комический. В том и другом случае преобладает незамысловатый, доходчивый слог и ритм, легко ложающийся на музыку. И эти характеристики относятся не только к текстам, которые представлены в сборнике. Как замечает во введении к изданию композитор Джабраил Хаупа, «Самое притягательное в произведениях Бетала – их коренная связь с народными песнями адыгов. Наверно поэтому они мгновенно становятся популярными» [Пшуноков 1978: 3]. Разнообразные по сюжету, они соединяются в целостную картину, в которой определенно преобладают радостные тона.

Принадлежность к определенной профессии – частый атрибут его героев. Так, лихой всадник, о котором поется в знаменитой песне «Хасанш», трудится табунщиком; Каншао, который «освещает всю округу» («Песня Каншао»), – монтер; над сданным в починку инструментом углубленно философствует настройщик гармони («Упреки настройщика гармони»). И в этом атрибуте, конечно, не только жизнерадостная пропаганда своего ремесла представителями различных профессий. Его герои обаятельны тем, что, как правило, наделены самоиронией и чувством юмора. Возможно поэтому его песни, нередко уже в новой обработке, остаются популярными и сегодня. И в характере героев песенных текстов, и в коротких юморесках Бетала Пшунокова вступает в свои права древняя стихия мироощущения адыгского джегуако.

Отдельный пласт творчества Бетала Пшунокова представляют драматургические сочинения. Он плодотворно сотрудничал с адыгскими драматургами, создавая песни для их постановок, сочинял также и собственные пьесы. Так, он автор песен к пьесам Хаути Дударова «Иныж и Куйцук», «Тайная свадьба». О собственных возможностях Пшунокова в жанре драматургии свидетельствуют трехактная драма «Не ищи чужую родинку», пьесы «Невестка, идущая по воду впервые», «Душечка», фарс «Пшинатль Сатаней».

Фарс «Пшинатль Сатаней» («Сэтэней и пшынальэ») убедительно продемонстрировал способность автора к оригинальной творческой обработке застывшего сюжета.

Все действие выстраивается вокруг хорошо известного эпизода нартского эпоса. Бетал Пшуноков остроумно выводит на поверхность конфликт (художественный и нравственный), который засвидетельствован в эпосе адыгов – это довольно странная с позиции житейской логики история появления на свет сына Сатаней, Сосруко.

Для разрешения конфликта и установления истины проводится судебное заседание с участием всех героев, причастных к этой загадочной истории – самой Сатаней, пастуха Соса, кузнеца Тлепша, Сосруко. Инициатива исходит от Сатаней, которая «будучи матерью-одиночкой, не имеющей никакой материальной помощи», оказалась вынуждена подать иск о взыскании алиментов с нартского пастуха Соса. Привлеченный к ответу Сос настаивает на том, что не имеет никакого отношения к этой истории, поскольку Сосруко, как всем известно, появился из камня: «...я никогда не встречался с Сатаней-Гуашей. Да могу ли я оставлять стадо без присмотра? Днем я пастух, ночью – что труп. Я видел Сатаней лишь раз, да и то занятую стиркой на противоположном берегу реки. Какие еще алименты?» (Перевод с кабардинского. – И.К.) [Пшуноков 2001: 141].

Великий кузнец нартов Тлепш, проходящий свидетелем, выполнил за свою жизнь «столько работ, что всего и не упомнишь», поэтому не может с уверенностью утверждать, что извлечение Сосруко из камня – дело его рук. Таким образом, повинувшись законам фарса, на стыке внешне непротиворечивой истории и истинного положения дел обнажаются характеры и ситуации, вызывающие искренний смех.

На долгие годы профессиональная деятельность Бетала Пшунокова свяжет его с Республиканским Домом народного творчества (позднее преобразованного в отдел народного творчества Министерства культуры КБАССР). Начав с работы старшего методиста, в последующем он станет заведовать отделом народного творчества в научно-методическом центре (1965 – 2008). Труд Бетала Пшунокова будет отмечен званием «Заслуженный работник культуры КБАССР».

На разных этапах творческой биографии можно обнаружить его выступления в периодической печати с размышлениями о проблемах развития и сохранения национального искусства. Судьба национальной культуры, ее нынешний облик, становятся главной темой его публицистических

размышлений. В их числе статья «То, что осталось незамеченным» («Гулъытэншэу къэна Гуэхугъуэ»). Бетал Пшуноков останавливается на нюансах развития национальной культуры, которые определяют ее имманентные основы и ее жизнеспособность. Он говорит о потерях, которые незаметно для себя несет культура, не сумевшая выработать простейшие способы самосохранения. Касаясь репертуара современного национального искусства, он показывает «болевые точки» сценического танца (как взрослого, так и детского), танцевальных мелодий, культуры ношения национального костюма. Лейтмотивом этой и других его статей проходит мысль о том, что все линии культуры тесно взаимодействуют, и при исчезновении одной невозможно полноценное сохранение другой. Верным индикатором и показателем культурной целостности выступает язык: «Национальная лексика сохраняется и развивается в ремеслах, в тех культурных явлениях, которые она обслуживает» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков 1996: 143]. В подобных работах, равно как и в его художественном наследии, неизменно проявляется глубокая осведомленность Бетала Пшунокова в истории развития адыгской культуры, знание ее народных истоков.

Но проблема культурной памяти имеет и другой аспект – морально-нравственный. Не случайно на склоне лет он берется за написание своих воспоминаний. Эта работа осталась не завершенной, но и в таком виде она проясняет многое в его биографии, событиях его времени, а главное, удерживает бесценные обрывки сведений об отце, которого он лишился еще в семилетнем возрасте. Приведем некоторые выдержки из его воспоминаний.

Эпизод, в котором проявляется характер Мачраила Пшунокова, его открытое неприятие фарисейской риторики живописует фрагмент, озаглавленный «То, о чем мне рассказал Оришев Хамел»:

«После взаимных приветствий какое-то время он глядел на меня молча, затем произнес: «Он был немного выше ростом, а так, ты очень похож на бедного Мачраила».

Мы вместе учились в Ленинском учебном городке. Туда часто навещался Бетал Калмыков со своей супругой Антониной Михайловной. Бетал собирал нас, курсантов, и начинал беседу:

- Будущее и надежда Кабардино-Балкарии – это вы. Учитесь, овладевайте знаниями, а как придет время создавать семью, не связывайте жизнь с выходцами из враждебного нам класса. Парни и девушки, если желаете себе счастья, выбирайте себе таких же как и вы, из карахалка.

Бетал окончил речь, а когда разрешили обратиться к нему с вопросами, поднялся Мачраил. Участник гражданской войны, он был отважен и умен. В отличие от нас он при поступлении знал грамоту, был комиссаром селения.

- Бетал, вот ты сейчас сказал не связываться с теми, кто не принадлежит к карахалку, а я не могу понять, почему же ты сам развеялся с женщиной из карахалка и женился на невестке эмигрировавших Куденетовых, которую те оставили присматривать за своим именем. Еще до поступления в учебный городок я, будучи комиссаром селения, по распоряжению сверху национализировал это имя и организовал в нем для молодежи

сельскохозяйственное училище. А теперь та, у кого я именем советской власти экспроприировал это имение, стала твоей женой. По этому поводу в последнее время мне все чаще задают вопрос: «Мачраил, а ты не боишься?». Беталу не хватило терпения, чтобы не перебить твоего отца.

- И что же ты им отвечаешь?!

- Говорю правду: я – не из трусливых. Когда я воевал на гражданской, смерть не раз заглядывала мне в лицо. Таков мой сказ», – ответил Мачраил и сел.

Бетал сделал вид, будто слова Мачраила взволновали его не более чем вопросы других курсантов. Сказал, что сам принимает свои решения, и с кем бы ни связывался, со своей дороги уж точно не свернет. Да только любой, кто присутствовал при этом разговоре, прекрасно понимал одно – Бетал Калмыков смахивает на одного эфенди-недоучку, который заявлял: «делайте то, что говорю я, не делайте того, что делаю я».

Но верно и другое, нам стало страшно от высказываний Мачраила, не было сомнений, что рано или поздно тот ему отомстит» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков: Личный архив].

Осмысливая трагедию поколения, к которому принадлежал Мачраил Пшуноков, нельзя упускать из виду и тот отлаженный механизм сокрытия правды, который на протяжении двадцати лет оставлял близких в мучительном неведении: «Я тогда впервые услышал о пенсии «по потере кормильца» <...> Мы не знали, жив наш отец, или нет. Больше склонялись к тому, что жив. Было в этой вере немало от желаемого, но было и то, что давало ей основание. В последний раз, когда мама отправилась в домзак, передачу для отца не приняли, сказав, что его осудили на семь лет и перевезли в другое место. После этого никаких вестей не было. Мы, будучи уже взрослыми, понимали, что такие справки выдает КГБ. Понимали и другое: если выдадут справку – значит его нет в живых, а если не выдадут – жив. О Аллах, пусть не выдадут, – повторяли мы.

Отправиться в КГБ решила старшая из нас – Таужан. Пошла, и получила злосчастную справку. Справка представляла собой специальный бланк, в котором по пунктам была изложена информация: год смерти, месяц, день, причина. Не указано (прочерк) только одно – местность, где его не стало.

<...> в 1957 году вышло распоряжение Н.С. Хрущева о реабилитации жертв политических репрессий. Составить письмо-обращение в Военную коллегия Верховного суда СССР мне помогла только что прошедшая через все это супруга М.Е. Талпы, арестованного в том же 1937.

Ответ на письмо я получил всего лишь несколько дней спустя, оканчивалось оно так: ввиду отсутствия вины Пшунокова Мачраила дело прекращено.

После этого наиболее сердобольные из наших писателей подсказали мне, что необходимо найти трех свидетелей, которые письменно подтвердят, что мой папа состоял в Союзе писателей, затем, приложив свое заявление, передать все председателю Союза писателей. Документы необходимо было отправить в

Москву, чтобы там рассмотрели, и восстановили членство в Союзе» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков: Личный архив].

Очередным шагом в деле восстановления справедливости мог бы стать сборник работ Мачраила Пшунокова. Идею его издания предложил знавший Мачраила близко и в свое время часто обращавшийся к нему за творческим советом ученый Аскерби Шортанов. Он же подсказал Беталу обратиться с просьбой об ознакомлении с трудами, изъятыми при аресте, к заместителю начальника КГБ. Труды предоставить не смогли, а объяснение, полученное в личной беседе с начальником КГБ, оказалось неутешительным: «В то время из конфискованных при аресте трудов могли сохранить лишь то, что способствовало обвинению. Все остальное сжигали» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков: Личный архив].

Несложно понять, с какой методичностью в первой половине минувшего столетия уничтожалась культурная плеяда Кабардино-Балкарии, а затем стирались следы их деятельности. Вытекающее отсюда, судя по всему, должно было привести к полному забвению имен, принадлежащих этой плеяде:

«Человечность призывает устанавливать в память об усопших надгробные камни, памятники. <...> Мы не говорим о чем-то затратном, подобном памятнику их современника, писателя, которому посчастливилось чуть больше, или же о находящемся поблизости памятнике убийце. Да и ценность, достойная большой группы деятелей, безвинно лишенных жизни, вряд ли определима.

Думаю, не лишне будет описать одну из возможностей.

Во-первых, необходимо переместить останки несчастных с места их захоронения (если это можно так назвать) на определенную территорию, предать их земле согласно обычаям, с молитвой. А чтобы эта местность была наглядна в любое время и для каждого, надо обязательно установить надгробие.

Надгробие можно создать без затрат. В нашей республике немало каменных карьеров. Привезти большой валун. Придавать ему геометрическую форму надобности нет. Поставить его у края могилы – вот и надгробие. Остается лишь отшлифовать одну сторону и сделать соответствующую надпись. У тех, кто должен быть там захоронен, немало родных, близких. Придет мусульманин – прочтает молитву, придет христианин – положит цветы. Не связанные родством тоже придут склонить головы, ведь не станут же обходить это место оттого, что не было на него больших затрат» (Перевод с кабардинского. – *И. К.*) [Бетал Пшуноков. Личный архив].

К сожалению, то положение дел, которое мы наблюдаем сегодня, заставляет признать, что рассекречивание места захоронения и возможность перезахоронения пока остаются под сомнением, однако идея памятника вполне могла бы воплотиться, и уже это было бы важным знаком противостояния забвению.

Внимание к личности и творчеству Бетала Пшунокова безусловно способно углубить контекст понимания событий XX века, его культурных и исторических событий. Но пока что это внимание ограничивается лишь одной газетной публикацией [Истепанова, 2010]. Между тем его литературное

творчество, в том числе и рукописное наследие, ждет своего вдумчивого исследователя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Истепанова 2010 – *Истепанова З.* Нравится, не нравится – хлопать разрешается. К 80-летию Пшунокова Бетала Мачраиловича (На кабардинском) // Адыгское слово. – 2010. – 29 июня. – С. 3.

Личный архив Б.М. Пшунокова.

Пшуноков 1955 – *Пшуноков Б. М.* Стало ясно без слов. (На кабардинском) // Кабарда. – 1955. – № 9. – С. 139.

Пшуноков 1978 – *Пшуноков Б. М.* Песни. (На кабардинском). – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 46 с.

Пшуноков 1996 – *Пшуноков Б. М.* То, что осталось незамеченным. (На кабардинском) // Ошхамахо. – 1996. – № 1. С. 142-143.

Пшуноков 2001 – *Пшуноков Б. М.* Пшинатль Сатаней. Фарс. (На кабардинском) // Ошхамахо. – 2001. – № 1. – С. 141-145.

REFERENCES

ISTEPANOVA Z. *Nravitsya, ne nravitsya – khlopat' razreshaetsya. K 80-letiyu Pshunokova Betala Machrailovicha* [Like, not like – clapping is allowed. On the 80th anniversary of Betal Machrailovich Pshunokov] IN: *Adygskoe slovo*. – 2010. – June 29. – P. 3. (In Kabardian)

Lichnyi arkhiv B.M. Pshunokova [Personal archive of B.M. Pshunokov]. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *Pesni* [Songs] – Nalchik: Elbrus. – 1978. – 46 p. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *Pshinatl' Satanei. Fars* [Psinatl Satan. Farce]. IN: *Oshkhamakho*. – 2001. – No 1. – P. 141-145. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *Stalo yasno bez slov* [It became clear without words]. IN: *Kabarda*. – 1955. – No 9. – P. 139. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *To, chto ostalos' nezamechennym* [What went unnoticed]. IN: *Oshkhamakho*. – 1996. – No 1. – P. 142-143. (In Kabardian)

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – д-р истор. наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alex_abazov@list.ru

Бгажноков Барасби Хачимович – д-р истор. наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: bbarasbi@yandex.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: gugowa@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович – д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: adam.gut@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: barsello@rambler.ru

Коновалов Андрей Анатольевич – к.и.н., доцент кафедры истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: homunculus2@yandex.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – д-р. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: mamsirhb@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: lena_gm@mail.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна – канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: elenalchik@yandex.ru

Осташинский Сергей Матвеевич – научный сотрудник Государственного Эрмитажа

E-mail: osm@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Саблин Михаил Валерьевич – канд. биолог. наук, старший научный сотрудник Зоологического института РАН

E-mail: msablin@yandex.ru

Табаксоев Ибрагим Ахматович – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: tabaksoev1982@list.ru

Текуева Мадина Анатольевна – д-р истор. наук, доцент, заведующая кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: tekuevamadina@gmail.com

Тегуев Алим Инзрелович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Узнародов Дмитрий Игоревич – канд. полит. наук, научный сотрудник лаборатории казачества отдела гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук»

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Хаширов Аскер Владиславович – магистрант 2 г.о. направления «История» Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: ask_ofi@mail.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2019

DOI: 10.31143/2542-212X-2019-3